

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**РОССІЯ
И ИСЛАМСКІЙ
МИР**

**ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ [158]
МАРТ 2015**

ISSN 2411-1511

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

РОССІЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ [158]

Под общей редакцией Д.Р. Жантиева

МОСКВА, 2015

Библиотека "Руниверс"

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Ф.Г. Тараторкин	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефко	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятков	доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Д.Р. Жантиев	кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
С.М. Исааков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.

Подписано к печати 25.02.2015 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 27,3.

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2015

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Журнал «Исторический вестник» издается
при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».
ISSN 2411-1511

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы предлагаем читателю очередной номер «Исторического вестника» и одновременно приносим свои извинения за его поздний выход в свет. Но тому есть объяснение и причина. Фактически редакция подготовила к сегодняшнему дню два номера журнала. Первым в этом году должен был появиться том, посвященный испанскому законодательству эпохи Альфонсо X Мудрого. Конечно, история, равно как и течение времени как таковое, не подвержена конъюнктуре и мы хорошо помним эту старую истину. Но порой события, происходящие в мире, начинают требовать не просто пристального к себе внимания, но и резко актуализируют тот или иной исторический контекст. Вот и сейчас многочисленные политические и экономические вызовы, связанные с появлением и действиями так называемого «исламского государства», определили выбор темы и очередность выхода номеров журнала. Этот год мы решили открыть томом под общим названием «Россия и исламский мир». Тема была выбрана редакцией еще два года назад и ее лейтмотивом стала проблема конструктивного взаимодействия между цивилизациями. Также мы хотели осветить историю поисков компромиссов между ними и одновременного взаимного обогащения культур. В этом смысле Россия обладает уникальным историческим опытом и не менее ценной традицией долгого религиозного мира.

Номер открывает концептуальная статья М.С. Мейера, раскрывающая взаимоотношения России и исламского мира во всем их многообразии на протяжении целых эпох — от первых торговых контактов жителей средневековой Руси с арабами и персами до стратегически важных русско-турецких отношений в XX в. Достоверные сведения о «ядре» исламского мира — Ближнем Востоке — вплоть до конца XVIII в. появлялись в России в основном благодаря «хождениям» русских паломников в Святую землю. Данная тематика отражена в статье С.А. Кирилиной, посвященной малоизвестному, но весьма ценному источнику — «Путешествию во Иерусалим» иеромонаха Мелетия. Однако наиболее многочисленной группой российских подданных, оказавшихся в османских владениях в XVI—XVIII вв., являлись русские невольники, некоторым из которых удалось сделать военную карьеру в рядах египетских мамлюков. Этой весьма интересной и до сих пор малоисследованной теме посвящена статья Т.Ю. Кобищанова.

В XIX в., в эпоху обострения «Восточного вопроса», сфера военно-политических интересов России расширяется в направлении Восточного Средиземноморья и особенно османской Сирии. Причем, как показано в статье Д.Р. Жантиева,

Россия могла выступать в «Большой игре» не только в качестве противника, но и в качестве союзника османских султанов. Статья В.В. Орлова, посвященная российско-марокканским дипломатическим контактам, показывает, что рост внешнеполитической активности и престижа Российской империи на мировой арене в XIX в. побуждал к установлению отношений с ней даже тех мусульманских правителей, чьи владения были весьма далеки от ее границ. В то же время отношения с таким близким соседом, как Иран, были для России одним из традиционных направлений внешней политики еще с XVI в. Правда, их динамика постепенно менялась по мере усиления России и ослабления державы Сефевидов. Эта сложная и многогранная тема наглядно раскрывается в исследованиях Т.К. Кораева и И.В. Курукина. Статья А.Д. Васильева переносит читателя еще дальше на восток — в Восточный Туркестан, где во второй половине XIX в. разыгрывался один из малоизвестных эпизодов русско-британского соперничества, традиционно именуемого «Большой игрой». Автору также принадлежит заслуга публикации редкого османского источника, приоткрывающего завесу над попытками англичан использовать авторитет османского султана в своих интригах в Средней Азии.

Историографический раздел номера открывается работой С.А. Кириллиной и М.С. Мейера, в которой дается обстоятельный очерк отечественного корановедения как неотъемлемой части арабистики и исламоведения. Далее следует развернутая рецензия Д.Р. Жантиева на сборник статей, посвященный столь актуальной теме, как взаимодействие традиционных и новых принципов и стратегий идентичности в регионе Большого Кавказа. Проблематика формирования отечественных исторических школ продолжает оставаться одним из приоритетов «Исторического вестника». В силу этого раздел, а вместе с ним и номер завершаются статьей Г.Н. Ланского, в которой автор подвергает критическому осмыслению историографическое наследие известного российского ученого М.Н. Покровского.

Редакция надеется, что очередной номер «Исторического вестника» внесет свой достойный вклад в изучение столь важной и актуальной темы.

А.Э. Титков
главный редактор журнала
«Исторический вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Д.Р. Жангиев. Вместо предисловия	6
М.С. Мейер. Россия и исламский мир	12
С.А. Кириллина. «Приде мнѣ неотступное желаніе видѣть градъ Иерусалимъ и поклонитися тамо Святѣмъ мѣстамъ»: Иеромонах-россиянин во владениях османского султана	38
Т.Ю. Кобищанов. Чужбина или новое отечество: уроженцы России на Османском Ближнем Востоке в XVII—XVIII вв.	78
Д.Р. Жангиев. Османская Сирия и политика России в отношении конфликта между Портой и Мухаммадом Али-пашой (1831–1841 гг.) ...	108
В.В. Орлов. Россия и Марокко в конце XVIII — начале XX в.: от обмена посланиями к обмену посольствами	128
Т.К. Кораев. Московская Русь и Сафавидский Иран в Прикаспии XVI—XVII вв.: соседство, соперничество, сосуществование ...	154
И.В. Курукин. Печальная история «персидского гостя»: посол Измаил-бек и заключение петербургского договора с Ираном в 1723 г.	200
А.Д. Васильев. Османская империя и «Большая игра» в Кашгаре (1865–1878)	224

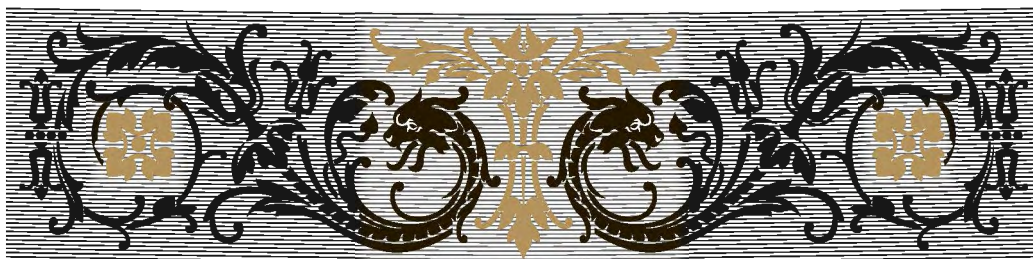
ИСТОЧНИКИ

А.Д. Васильев. Турецкий султан и пленные англичане в Бухаре. Османский документ из переписки об освобождении арестованных в Бухаре британских агентов Чарлза Стоддарта и Артура Конолли	250
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

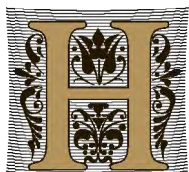
С.А. Кириллина, М.С. Мейер. Священная книга мусульман: Коран в трудах отечественных исламоведов	256
Д.Р. Жангиев. Рецензия на книгу: Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики идентичности / Сборник статей; предисл., сост., подг. текста и коммент. Г. Ч. Гусейнов. — М., Новое литературное обозрение, 2014.	292
Г.Н. Ланской. Историографическое наследие М.Н. Покровского и проблемы становления его «школы»	296

Д.Р. Жангиев

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

а протяжении последних четырнадцати веков ислам распространялся и укоренялся на обширных пространствах трех континентов — Азии, Африки и, частично, Европы. Та историческая реальность, которую мы сегодня вполне привычно именуем исламским миром, веками оказывала столь значимое воздействие на другие цивилизации, что рассмотрение их истории в отрыве от нее едва ли возможно. Что же касается России, то для нее ислам объективно не может считаться чем-то внешним и чуждым. Около 20 миллионов представителей коренных народов России исповедуют ислам, а предки многих из них приняли ислам еще задолго до времени крещения Руси. В России и других странах, образовавшихся на месте бывшего СССР, в общей сложности проживает более 60 больших и малых народов, традиционно исповедующих ислам. О них можно говорить в историческом контексте как о мусульманских народах «бывшей Российской империи и Советского Союза». Не вызывает сомнений и тот факт, что история целого ряда мусульманских государств (с правившими в них династиями) является неотъемлемой частью отечественной российской истории. Это относится не только к Золотой Орде и ханствам, образовавшимся в результате ее распада, но и к самому халифату эпохи Омейядов и Аббасидов, в числе мно-

гочисленных владений которого на протяжении нескольких веков были территории Дагестана, Закавказья и Центральной Азии. Исторические судьбы мусульманских государств, существовавших на территории России как в ее современных границах, так и в границах бывшей Российской империи, в свою очередь, невозможно рассматривать и понять в отрыве от истории исламского мира и его цивилизации в целом. В этой связи можно привести такой пример: к настоящему времени в Дагестане сохранилось больше средневековых арабских рукописей (несколько десятков тысяч), чем в некоторых арабских странах. И подавляющее большинство этого рукописного наследия было создано в самом Дагестане на протяжении веков местными исламскими учеными и переписчиками, многие из которых получали образование в Багдаде, Дамаске и Каире.

Россия и исламский мир исторически связаны между собой множеством зримых и незримых «нитей». Мусульманские мотивы и сюжеты нашли свое отражение во многих гранях российской культуры: от увековеченного А.С. Пушкиным фольклорного образа доброго и справедливого «царя Салтана» (то есть турецкого султана) до «Хаджи Мурата» Л. Н. Толстого и историко-философских сочинений В. С. Соловьева. Причем, в отличие от культурно-исторического опыта стран Западной Европы, в русской культуре о мире ислама изначально складывалось преимущественно позитивное и даже несколько романтизированное представление. Необходимо констатировать и тот факт, что Россия, в отличие от других европейских держав, уже во второй половине XVIII в. обладала уникальным историческим цивилизационным опытом мирного добрососедства и сотрудничества христиан и мусульман в рамках одного государства и общества, — причем практически на всех «этажах» социальной «пирамиды». В XIX в. в Российской империи мусульмане были достаточно широко представлены среди всех привилегированных сословий и не испытывали дискриминации. В отличие от других европейских стран, в России мусульмане на равных с христианами входили в состав дворянства и высшей аристократии. Особенно явно это проявлялось в военной сфере. Офицеры-мусульмане командовали полками и дивизиями, служили в Генеральном штабе и Собственном Его Императорского Величества Конвое. Данная ситуация воспринималась российским обществом как нечто само собой разумеющееся, естественное: российское общество было сословным, но в рамках одного сословия дворянин-православный, например, воспринимал дворянина-мусульманина как равного себе. Эти и множество других аналогичных примеров подтверждают важный цивилизационный тезис русского философа Николая Бердяева, согласно которому «Россия не может определять себя как Восток и проти-

вопоставлять себя Западу. Россия должна сознавать себя (...) Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем»¹.

В эпоху зарождения и складывания на Западе мировой капиталистической системы, первым проявлением которой стало создание европейцами в XVI–XVII вв. мировой системы морских торговых коммуникаций, как Россия, так и ее крупные южные соседи из числа мусульманских держав сохраняли характерные черты «континентальных империй». Сложные взаимодействия между ними невозможно свести к территориальному соперничеству и изменению границ в ходе усиления России в XVI–XVIII вв. и череды связанных с этим войн. Наряду с военно-дипломатическим контекстом, важную роль играли торговые связи, а периоды мирного соседства России с Османской империей и Ираном в целом оказывались более продолжительными, чем военные действия, что уже само по себе опровергает ряд стереотипов. Особенно важно отметить тот факт, что военные конфликты Российского государства с его мусульманскими соседями не были актом религиозной войны между христианством и исламом (в отличие от католических Крестовых походов), а представляли собой проявление имперской территориальной политики, определявшейся стремлением приобрести новые территории и новых подданных. Включая в состав своего государства территории с преимущественно мусульманским населением, российские монархи не стремились изменить вероисповедание новых подданных. Аналогичным образом, османские султаны, расширяя свои владения на Балканах, интегрировали в состав имперского социума многочисленное христианское население и проявляли к нему веротерпимость. Смена религии зачастую становилась условием для продвижения по государственной служебной лестнице, но не была условием безопасности личности и собственности подданных.

Примечательно, что мусульманские правители и, в целом, правящие элиты их государств столкнулись в Новое время с теми же вызовами, что и российские самодержцы: перед ними также встали задачи модернизации путем выборочного заимствования опыта стран Западной Европы и проблемы, связанные с адаптацией этого опыта применительно к традиционным государственным и общественным институтам. Соседство с доминирующей (с начала XVIII в.) в военном отношении Россией в этой ситуации становилось и для Османской империи, и для Ирана, и для мусульманских правителей Центральной Азии неоднозначным фактором. С одной стороны, продвижение границ Российской империи на юг на про-

¹ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 28.

тяжении XVIII—XIX вв. было очевидным процессом. Но, с другой стороны, в ряде случаев Россия выступала и в качестве союзника и защитника своих мусульманских соседей, противодействуя как внутренним центробежным процессам, так и вмешательству других европейских держав (в первую очередь Великобритании).

При этом, в отличие от западноевропейских стран, российское общество находилось по отношению к исламскому миру в столь тесном и длительном соседстве, что привычно воспринимало мусульман не только как иностранцев, но и в качестве своих соотечественников. На протяжении XVI—XIX вв. численность и доля мусульман в российском обществе неуклонно увеличивалась, и в то же время в пределах владений Османской империи и Ирана сохранялись крупные христианские общины, рассматривавшие Россию как единоверную христианскую державу. Святые места Палестины, находившиеся под властью османских султанов, притягивали русских православных богомольцев в то самое время, как две главные святыни ислама — Мекка и Медина (также в составе Османской империи) — оставались центрами духовного притяжения для миллионов российских мусульман. Человеческое измерение соседства и взаимодействия России и мусульманских стран в Новое время представляется в этой связи не менее значимым, чем межгосударственные отношения. Проблемы сочетания подданства и конфессиональной принадлежности, сакрального авторитета власти и внешнеполитической ориентации, формировавшиеся в те века, во многом не утратили своей актуальности и сегодня. Это относится и к давно сформировавшемуся в исторической памяти мусульманских обществ образу России как позитивной альтернативы западной экспансии. Напрашивающиеся обобщения, разумеется, могут быть предметом дальнейшей дискуссии. Но не вызывает сомнения тот факт, что постановка означенных и множества других связанных с ними проблем способствовала и продолжает способствовать плодотворному развитию российского научного востоковедения. Без преувеличения можно сказать, что, познавая исламский мир благодаря научным поискам и трудам отечественных востоковедов, — в первую очередь арабистов, тюркологов и иранистов, — Россия продолжает познавать также и саму себя.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи МИД РФ

ВУА — Военно-учетный архив

ДАН-В — Доклады Академии наук СССР. Востоковедение

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества

ИВ АН УзССР — Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР

ИВ РАН — Институт востоковедения российской академии наук

ИРГО — Императорское русское географическое общество

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

СПбГА — Санкт-Петербургский Главный архив

ЦГА РУз. — Центральный государственный архив Республики Узбекистан

AN — Archives nationales

А. МКТ. МНМ — Sadaret Mektubi Kalemi Mühimme Evrakı (Фонд заведующего отделением срочных и особо важных дел при делопроизводстве заведующего канцелярией великого визиря)

ВОА — Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Османский архив Кабинета премьер-министра)

САЖ — Central Asiatic Journal (Центрально-азиатский журнал)

d. — dosya (досье)

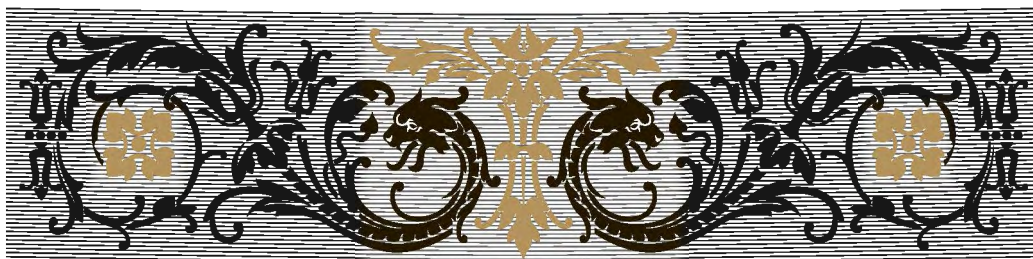
g. — gömlek (файл, папка)

İ.HR. (İrade Hariciye) — Фонд «Распоряжения и указы по Министерству иностранных дел Османской империи»

PRO — Public Record Office

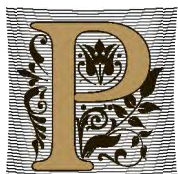
Y.EE — Yıldız Esas Evrakı (Фонд «Основное делопроизводство дворца “Йил-дыз”»)

М.С. Мейер

РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР

Рассматривая взаимоотношения России и исламского мира, взятые в исторической ретроспекции русско-турецких связей, можно увидеть, как складывались и менялись контакты нашей страны с исламским миром. Прежде всего следует отметить, что за исключением начальных контактов ру-

сичей с представителями исламского мира — арабами и персами эпохи Аббасидов и тюркоязычными жителями Волжской Булгарии, когда они носили еще эпизодический характер, все последующее время отмечено устойчивыми и тесными связями русского мира с мусульманским. Более того, со временем эти две цивилизационные общности превратились в некое подобие сообщающихся сосудов в силу растущей численности мусульман в российском обществе.

Первоначально связи определялись преимущественно торговыми интересами. Самые ранние контакты зафиксированы в 70-х гг. IX в., когда в географическом трактате «Книга путей и стран» арабского ученого Ибн Хордадбега (820–912) мы находим упоминание о «купцах ар-Рус». По его мнению, они представляли одну из разновидностей славян (*джинс*), что торгуют пушниной и мечами, которые привозят из отдаленных окраин к Румийскому (Черному) морю и к морю Джурджан

(Каспию)¹. Примерно полвека спустя в знаменитом сочинении, которое ныне известно как «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу», его автор также описывает «русов, прибывающих по реке Итиль по своим торговым делам»². Через два столетия другой арабский географ и путешественник Мухаммад ибн Мухаммад ал-Идриси (1100–1165) отмечал, что для закупки пушнины и металлов (очевидно свинца?) мусульманские купцы из Армении доходят до Куйаби (Киева)³. Еврейский путешественник Бенъямин из Туделы в том же веке встречал русских купцов в Константинополе и египетской Александрии⁴. Авторы XIII в. отмечали процветание тех городов Причерноморья, которые служили центрами торговли между Русью и Востоком. Среди них они особо выделяли Сугдею (Солдайю, русское название Сурож). В 1253 г. Рубрук, посол папы Иннокентия IV, оказавшийся в этом крымском городе, сообщал, что туда прибывают «как купцы, едушие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едушие из Руси и северных стран и желающие перебраться в Туркию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха, другие — ткани их хлопчатой бумаги — бумазею, шелковые ткани и душистые коренья»⁵.

Официальное введение христианства и замена языческих культов новой религией содействовали повышению международного значения Древней Руси, дали мощный толчок развитию русской культуры, ощутившей сильное влияние византийской и (опосредованно, через Византию) античных культурных традиций. Поскольку русские князья из соперников Царьграда (Константинополя) превратились в его союзников, у них сложились устойчивые связи со светскими и духовными правителями Византии. Такая ситуация способствовала более широкому знакомству русских людей со странами и народами Ближнего Востока и Балканского полуострова, входившими в зону распространения восточного (православного) христианства. К началу XI в. сложилась практика паломничества по «святым ме-

¹ *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер., коммент., исс. Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 24.

² Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана посла халифа аль-Мактадира к царю сакалиба // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 40.

³ Цит. по: *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Новосельцев А.П., Пакуто В.Т., Черетин А.Т., Шушарин В.П., Щанов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 413.

⁴ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3. М., 1960. С. 42.

⁵ *Джiovани дель Плано Карпини*. История монголов; *Гильом Рубрук*. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 88.

стам» в Византию, Палестину, в православные монастыри Афона и Синая. На основе путевых заметок паломников начал складываться и особый жанр древнерусской литературы — «хождения».

Первый дошедший до нас письменный памятник о паломничестве на Восток — «Хожение» игумена Даниила относится к началу XII в. Он показывает нам очень любознательного человека, живо интересовавшегося не только «чудесами» и библейскими легендами, но и жизнью в тех местах, которые он посетил⁶. Не чурался он и контактов с «сарацинами» (мусульманами). Вместе с тем уже в «Хожении Даниила» отчетливо прослеживается воздействие того мировидения, которое было свойственно христианам и которое предполагало отчужденное отношение к людям другой веры, в частности к мусульманам. Это восприятие арабского и тюркского населения ближневосточных стран как «поганых» (в смысле «неверных»), «нехристей» (некрещеных), «бессермен» (мусульман и иноверцев вообще), «агарян» и «исмаильтян» (т.е. происходящих от библейской Агари и ее сына Исмаила) было явно навеяно византийскими религиозными трактатами и не отражает в полной мере реального отношения самих паломников к мусульманам, с которыми они общались. В свою очередь, мусульмане хотя и признавали христиан «людьми Книги», но видели в них не просто «заблудших», но представителей иного цивилизационного мира, противостоящего исламскому, что вполне понятно, если вспомнить о Крестовых походах XI—XIII вв.

Дальнейшее развитие связей Руси с Ближним Востоком было нарушено монгольским нашествием XIII в. На этом событии хотелось бы остановиться особо. Традиционно завоевания, предпринятые Чингиз-ханом и его преемниками, воспринимаются на основе свидетельств людей того времени, как тяжелый удар по хозяйственной и политической жизни завоеванных стран. Однако в средневековой истории Старого Света, который ныне историками воспринимается как некое общее евразийское пространство, объединявшее различные локальные цивилизации, такие нашествия составляли типичное выражение регулярных перемещений значительных масс населения (как кочевых племен и народностей, так и части оседлого населения) между восточными и западными частями Евразии⁷. Не отрицая негативных последствий таких массовых выбросов человеческой энергии,

⁶ Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV вв. / Сост., подгот. текста, пер., вступ. ст. и коммент. Н.И. Прокофьева. М., 1984, текст — с. 56, 70; перевод — с. 232, 246; Творогов О.В. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 34—35.

⁷ Мейер М.С. Значение Евразии в мировой истории // Евразийство. Истоки-концепция-реальность. М., 2014. С. 32—46.

Страница
средневековой рукописи
«Путешествие»
Ибн Фадлана

нельзя не видеть, что они играли важную роль в развитии цивилизационных связей, выражая объективно тенденцию к лучшему пониманию «другого» во имя использования накопленного им опыта и знаний.

Другим следствием монгольских завоеваний для Руси стало перемещение ее хозяйственных и политических интересов к своим восточным границам, где в Золотой Орде при хане Берке (1257–1266) утверждается власть сторонников мусульманской религии и начинается массовый переход местного тюркоязычного населения в ислам. Этот процесс занял довольно значительное время, поскольку официальное провозглашение ислама в качестве государственной религии произошло при хане Узбеке (1313–1341), на время правления которого пришелся пик монгольского (по существу золотоордынского) владычества над русскими землями («Русским улусом», как именовались они в ханских ярлыках). При нем было казнено больше русских князей, чем за время всех его предшественников. Однако тогда же Иван Калита начал собирание Московского княжества, православное духовенство смогло восстановить свои прежние права и привилегии. Во второй половине XIV в. оживают и торговые связи с мусульманским миром, а русские «гости» — сурожане становятся одной из активно действующих торговых общин Причерноморья. Их поддержкой пользовались русские духовные и светские деятели, направлявшиеся в Константинополь⁸.

Вполне вероятно, что именно в это время на Руси впервые узнали о тюркских эмиратах (*бейликах*) в Малой Азии и о политике их правителей.

⁸ Об этом подробно рассказано в «Повести о Митяе», написанной не позднее 1382–1383 гг. См.: Прохоров Г.М. Повесть о Митяе (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978. Приложение II.

Во всяком случае в Воскресенской летописи мы встречаем такую запись: «В лето 6864 (1345/6) перевезлись измаильтяне на сю сторону в греческую землю. В лето 6865 (1356/7) взяли у греков Калиполь»⁹. Правда, сама Воскресенская летопись составлена в конце XV в., в ее текст включена информация, отсутствовавшая в более древних русских летописях. Вероятно, наиболее ранним упоминанием о турках следует считать фрагмент из Троицкой летописи от 6874 (1365/6) г. Сообщая о политическом кризисе в Восточном Средиземноморье (Леванте), вызванном нападением кипрского короля Пьера Лусиньяна на египетский порт и крупнейший центр левантйской торговли Александрию, летописец отметил, что «князь кипрский... изби вся ту живушая срацини и бессермены, насавиты и армяне, и турки, и фрязи и черкесы, и жиды». В ответ египетский султан Насир-ад-Дин П (1363–1376) начал гонения на христиан и, «собрав воя многи», организовал поход на Антиохию и Иерусалим¹⁰. Приведенная запись в Троицкой летописи позволяет полагать, что к концу XIV в., когда пришли в соприкосновение интересы Московской Руси и Османского государства, русская сторона подошла с некоторым багажом знаний о ситуации на Ближнем Востоке и о турках-османах и их политике.

Труднее установить «уровень готовности» другой стороны. Имеющиеся источники не дают возможности выявить обстоятельства ее первых контактов с Московским и другими княжествами. Поскольку ранние османские хроники не содержат сведений о «московитах», можно предположить, что до определенного времени подобные связи не привлекали серьезного внимания османской правящей верхушки, занятой другими проблемами. Что же касается взаимного узнавания «другого» на уровне простых подданных, то в это время на первом месте оказалась такая форма контактов, как торговля. Османское государство с XV в. превратилось в основного торгового партнера Московии. При изучении исков московского правительства относительно потерь торговых караванов бросается в глаза широкое участие в торговых операциях не только москвичей, но и гостей из Твери, Ярославля, Новгорода, Коломны, Вязьмы, Можайска. Разыскания в османских архивах турецкого ученого Х. Инаджика показывают, что среди товаров русских купцов значились меха, седла, сбруя и прочая упряжь, кожи, масло, мед, воск, соленая рыба, икра, русский лен и другие ткани, в том числе «чух-и Трски» (тверское сукно)¹¹.

⁹ Полное собрание русских летописей (ПСРА). Т. XI. СПб., 1897. С. 97.

¹⁰ Прицелков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.–Л., 1950. С. 382.

¹¹ Inalcik H. Notes on N. Beldiceanu's Translation of the Kanunname, fond turk ancient 39, Bibliotheque Natonal, Paris // Der Islam. B., 1967, Bd. 436 Hf. 1–2, h. 147.

Султан Мехмед II
Завоеватель.
Портрет работы
Д. Беллини, 1480 г.

Ситуация существенно изменилась в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. Важнейшим событием этого времени стало завоевание в 1453 г. Константинополя войсками османского султана Мехмеда II, вошедшего в историю как «Фатих» (Завоеватель). На Руси, как и в других христианских странах, это событие было воспринято как своеобразный поворотный момент в международных отношениях. В тени этого события остался распад единого мусульманского пространства на восточных рубежах Московии на целый ряд отдельных политических образований (Большой Орды, Сибирской, Ногайской, Крымского, Казанского, Астраханского, Касимовского ханств), что в исторической перспективе открывал путь для расширения Московского государства на восток. Реализации этой возможности способствовало то обстоятельство, что к концу XV в. Великое княжество Московское благодаря политике Ивана III превратилось в обширное государство всяя Руси, чьи правители в начале XVI в. обрели царский статус. Сложность существовавших связей определялась и существованием к западу и юго-востоку от Московского государства еще трех центров политической силы — Польско-Литовского государства, Османской державы и Сефевидского Ирана. С этим обстоятельством связаны неустойчивость политической ориентации, частая смена союзников и противников и как итог, наряду с посольским обменом — набеги, угон в плен тысяч невольников, разорение городов и деревень. Отсюда усиление негативного восприятия людей другой веры.

В сложившихся условиях известие о падении Царьграда отозвалось усилением «византийского» влияния в Москве, отмеченное браком Ивана III с Софьей Палеолог в 1472 г. Процедура сватовства, начавшаяся в 1468 г., стала

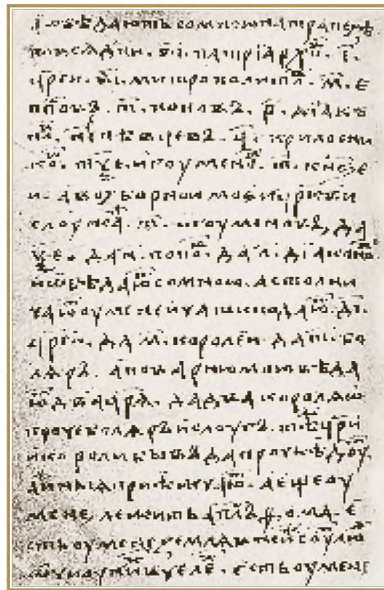
удобным предлогом для начала политического диалога представителей великого князя с попечителями Софьи — римским папой Павлом II и кардиналом Виссарионом Никейским. В центре бесед оказался вопрос о возможном участии Московии в крестовом походе против турок-османов, планы которого деятельно обсуждались в 1468–1471 гг.¹² Рассказы о бедственном положении православной церкви и ее иерархов под властью «агарян» находили сочувственный отклик и в верхах и в низах русского общества, что нашло свое выражение в посланиях Ивану III ростовского архиепископа Вассиана Рыло, в написанной под влиянием его проповедей «Повести о стоянии на Угре». Ее автор напоминал о судьбе тех народов, которые не смогли противостоять османским завоеваниям: «Да не узрят ваши очи пленения и разграбления святых церквей и домов ваших, и убиения детей ваших, и поругания над женами и детьми вашими, как пострадали иные великие и славные земли от турок. Назову их: болгары, и сербы, и греки, и Трапезунд, и Морья, и албанцы, и хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и другие многие земли, которые не обрели мужества и погибли, отечество загубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам воистину несчастные и бездомные»¹³. Наиболее законченным выражением антитурецких, а по существу антиисламских настроений в Москве тех лет стала «Повесть о Дракуле», авторство которой приписывается известному русскому дипломату Ф. Курицыну¹⁴. В ее основе рассказ о валашском правителе Владе (1456–1462, 1477), получившем за свою жесткость прозвища Цепеш (Сажатель на кол) и Дракула (Дракон). В отличие от других современников, с ужасом описывавших злодеяния валашского государя, русский автор перенес ударение на безжалостность расправы Влада Цепеша со своими главными противниками — турками.

Такая непримиримость вряд ли была характерна для всего русского общества, тем более для такого «великого макиавеллиста», каким был, по мнению К. Маркса, правитель Московского государства Иван III. В своей деятельности он отдавал приоритет государственным интересам перед другими. Поэтому Османская держава рассматривалась им как важная часть исламского мира и составной элемент международной обстановки, которые следует учитывать при решении основной задачи — упрочения Рус-

¹² *Базилевич К.В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 72–88; *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. 2. Philadelphia, 1978. P. 318–320.

¹³ ПСРА. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 151. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 518–522.

¹⁴ Повесть о Дракуле / Исслед. и подгот. текста Я.С. Лурье. М.–Л., 1964. Об авторе см.: *Лурье Я.С., Григоренко А.Ю.* Курицын Ф.В. // Словарь книжников ... Вып. 2. Ч. 1. С. 504–510.

Повесть о Дракуле.
Страница
рукописи XV в.

ского государства и объединения под его эгидой всех русских земель. Видимо, и в Стамбуле понимали, что становление официальных отношений с Московией способно принести как политические, так и экономические выгоды. Избрав подобный курс, османские власти могли рассчитывать и на уменьшение роли византийского фактора в отношениях двух государств.

Материалы, которыми сегодня располагают историки, не позволяют в равной степени подробно характеризовать цели действий московских правителей в отношении «Туркского салтана» и намерения султанского двора касательно «московского бая». Однако уже сейчас с большой долей уверенности можно говорить, что в основе «турецкой» или, шире говоря, «восточной» политики Москвы в XVI в. лежали принципы, выработанные при Иване III и последовательно развиваемые его преемниками. «Русская» политика Порты изучалась не столь интенсивно, поэтому взгляды исследователей по данному вопросу резко расходятся. Одни авторы подчеркивают агрессивный и экспансионистский характер султанских акций в Восточной Европе, другие настаивают на отсутствии в них каких-либо враждебных намерений, третьи же сетуют на полное отсутствие интереса или же недостаточное внимание османских государственных деятелей к действиям московитов.

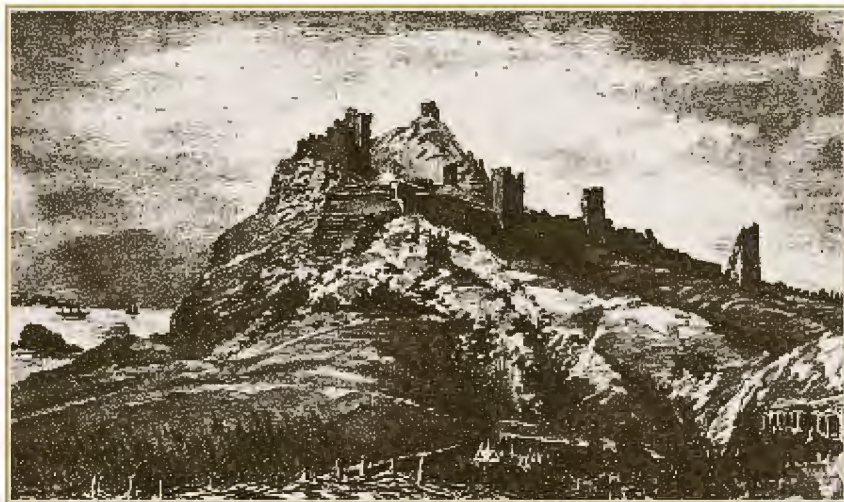
Анализ шагов по установлению дипломатических отношений между Стамбулом и Москвой и результатов посольского обмена в 1514–1516 и 1522–1524 гг. дает основание для вывода о существовании определенного «русского» курса Стамбула, кардинально не менявшегося до конца 1560-х гг. Его длительность определялась тем, что оба государства, появившиеся на политической карте в XIV в., были разделены еще обширными простран-

ствами малообжитой степи и морем, другими политическими образованиями, не говоря уже о разной религии и несхожем образе жизни. В XVI в. Османская империя, претендовавшая, наряду с Сефевидским Ираном и государством Великих Моголов в Индии, на лидерство в традиционном исламском мире, не могла относить Московское государство к числу своих потенциальных союзников. Однако, считая своими основными противниками на международной арене папство и Габсбургов в Европе, Сефевидов и португальцев в Азии, османские правители, вероятно, полагали целесообразным поддерживать мирные отношения с «московским беем». Вместе с тем Порта была явно заинтересована в том, чтобы подогреть и продлевать противоборство Москвы и Польско-Литовского государства, из-за которого обе стороны нуждались в сохранении мира с Османской империей. Поддерживать у московитов убежденности в дружеских намерениях султанского правительства должны были меры по обеспечению нормального торгового обмена между странами и продолжению паломнических хождений¹⁵.

Ситуация в русско-турецких отношениях изменилась с присоединением к Московскому государству Казанского (1552) и Астраханского ханств (1556), а также после вступления в его состав жителей Кабарды. Особенно остро отреагировали в Стамбуле на взятие русскими войсками Астрахани, поскольку султанские власти рассчитывали не только обосноваться в устье Волги, но и обеспечить возможность сотрудничества с мусульманскими правителями Средней Азии в борьбе против «вероотступника» — иранского шаха. Идея османской военной экспедиции на Астрахань была выдвинута еще в 1563 г., но реализовать ее попытались лишь в 1569 г. Расчеты на легкую победу не оправдались. Вместо ожидаемой помощи турки встретили враждебное отношение населения Поволжья и Северного Кавказа, что помогло русским отстоять Астрахань. Неудачу экспедиции в Стамбуле отнесли за счет крымского хана Девлет-Гирея, который действительно был против ее проведения, ибо взятие Астрахани турками означало крах его планов восстановления власти Чингизидов в Поволжье. Стремясь оправдаться перед Портой, хан в 1571 г. организовал поход на Москву и сжег большую часть города, заслужив почетный титул «Тахт-и Алган» (Завоевателя Москвы)¹⁶. Хотя некоторые историки пытались представить столкновение России и Османской империи

¹⁵ См. подробнее: *Мейер М.С.* Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г. Становление общих границ двух государств // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003. С. 91–116.

¹⁶ *Bennigsen A., Boratov P.N., Desai D., Lemerrier-Quellejaye Ch.* Le Khanate de Crimée dans les Archives du Musée du Palais Topkapu (Documents concernant l'Empire Ottoman et l'Europe orientale). Paris, 1978. P. 9.

Развалины Содайи. Литография XIX в.

как войну¹⁷, сами участники конфликта не придавали ему такого значения. Началу экспедиции не предшествовала официальная церемония сбора войска в окрестностях Стамбула и завершилась она без соответствующих мирных переговоров двух государств. Нет упоминания войны и в документах Порты, издававшихся в порядке подготовки к походу. Московское правительство, занятое войной в Ливонии, также не имело намерения усугублять конфликт. Однако важны его последствия. Он обозначил рубеж, за которым относительная стабильность мирного сосуществования Московского государства и Османской державы сменялась нестабильностью межгосударственных контактов, сокращением торговых связей, долгими паузами в общении.

В основе этих нестроений — развитие острого кризиса, который по-разному сказался на всем Старом Свете и в основе которого лежали последствия Великих географических открытий XV—XVII вв. Начавшись с попыток найти новые морские пути в Индию, они привели не только к переводу основных торговых путей на океанские просторы, но и к складыванию совершенно иных представлений о земном пространстве, что, в свою очередь, подтолкнуло к начавшемуся объединению в рамках единой мировой системы взаимосвязей разных локальных цивилизаций, в том числе и тех, которые были ранее отделены от Старого Света водами Атлантического и Тихого океанов. В подобных условиях существенно понизилась значимость прежних связей внутри Евразии. Более того, на смену тенденции к конвергенции пришло усиление разной направленности социальных процессов в ее западных и восточ-

¹⁷ *Gökbülgin T. L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 11. 1970. N.1. P. 118–123.*

ных регионах. Если в Западной Европе, где господствовали частнособственные отношения, ускорился процесс раскрепощения человеческой личности и реализации ее интеллектуальных потенций, то в Азии устойчивость традиций сельской общины и племенных устоев у кочевников по-прежнему способствовала постоянному воспроизводству коллективных начал в общественной жизни и командно-распределительных порядков в экономике. В конечном итоге подобные процессы обеспечили Западной Европе необходимый перевес экономических и политических возможностей для того, чтобы сломить сопротивление традиционных порядков и утвердить свою новую систему, в которой ей отводилась роль центра, а сохранявшим свои прежние устои странам Востока была уготована участь «варварской» периферии.

На рубеже XVI—XVII вв. как русский, так и исламский миры испытали воздействие названных перемен, вызвавших мощную волну социальных конфликтов и политического неустройства. Их итогом были резкое ухудшение хозяйственной жизни, массовые народные волнения и почти полный развал государственного механизма. Долгий, занявший почти весь XVII в. процесс восстановления общественной жизни означал замедление темпов социально-экономического, политического и культурного развития как России, так и ведущих стран исламского мира, что ясно обозначилось на фоне быстрого прогресса раннекапиталистической Европы.

Россия первых Романовых гораздо раньше Османской империи и других мусульманских держав ощутила свое отставание от своих западных соседей и стала предпринимать меры для его преодоления, широко открыв двери для иностранцев, выделенных в особый «чин» русского общества и имевших как важные привилегии в налогообложении и торговых пошлинах, так и ограничения в правах. С их помощью уже в 30-х гг. XVII в. стали формироваться полки «иноземного» строя, которые вооружались и обучались по западным образцам¹⁸.

В отличие от других позднесредневековых империй мусульманского Востока — Сефевидской и Могольской, не выдержавших подобных испытаний, Османская империя продемонстрировала относительную устойчивость государственных и общественных порядков, что позволило ей стать бесспорным лидером в исламском мире. Однако именно это обстоятельство — все большая вовлеченность в проблемы других мусульманских стран — существенно ограничивало ее адаптивные возможности во взаимоотношениях с европейскими странами. Об этом свидетельствовала целая серия войн, которые вела

---

¹⁸ Кошелева О.Е., Опарина Т.А. Россия от Смутного времени до Петровских реформ // Всемирная история. Т.3. Мир в раннее Новое время. М., 2013. С. 638.

Подписание Карловицкого договора. Гравюра 1699 г.

Порты во второй половине XVII в. против христианских государств (Польши, России, держав «Священной лиги»), в конечном итоге завершившихся ее тяжелым поражением. Согласно положениям Карловицкого договора 1699 г. Порты отдавала Австрии почти всю Венгрию, Трансильванию, Славонию, Польша вернула себе Правобережную Украину и Подолию, Венеция приобрела Морею и ряд островов в Архипелаге. Мирный договор с Россией был заключен годом позже (1700 г.) в Константинополе. Несмотря на явное противодействие своих бывших союзников по коалиции, Россия закрепила за собой Азов и прекратила выплату дани крымским ханам¹⁹.

Война с государствами «Священной лиги» показала превосходство европейских армий, которые опережали турецкую как с точки зрения вооружения, так и в вопросах тактики. Поэтому одной из отличительных черт жизни османского общества в XVIII в. стал устойчивый интерес многих деятелей Порты к военному опыту европейских держав, к их политической и культурной жизни. В правящей верхушке появились и сторонники преобразований в Османском государстве по европейским образцам. Однако первые попытки реализовать такие идеи на практике в годы «Аяле деври» (Эпоха тюльпанов — 1718–1740 гг.) не удалось. Неудачи определялись не только производственными причинами, но и тем, что необходимость таких преобразований не осознавалась османским обществом²⁰. Другим новым явлением стало складывание фактически нового режима власти. От прежних по-

¹⁹ Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. МГУ, 1992. С. 179.

²⁰ Об этом подробнее см.: Мейер М.С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 174–190.

рядков были унаследованы лишь имперская организация и деспотическая (хотя в ослабленном виде) форма правления. К числу новых черт следует отнести формирование более сложного и дифференцированного государственного механизма, открывшего возможности для образования обширного бюрократического аппарата. Еще одна отличительная черта состояла в появлении элементов обратной связи, что позволило периферии в лице местной землевладельческой элиты оказывать влияние на решения центра.

Реформаторские усилия Петра I и продолжателей его дела обеспечили России место среди великих держав. Во многом этому способствовали успешные кампании, осуществленные российскими войсками во второй половине XVIII в., особенно в ходе двух войн с Османской империей в 1768–1774 и 1789–1792 гг. Кючук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший первую из них, имел очень важное значение для обоих участников конфликта. Он предоставил России право торгового судоходства по Черному морю и торговые льготы русским купцам. Порта впервые была вынуждена уступить территорию, населенную мусульманами: Крым был объявлен независимым от Стамбула, а спустя несколько лет включен в состав российских владений²¹. Впервые в военных действиях принял участие российский флот в составе пяти эскадр. Его усилиями в Чесменской бухте был уничтожен турецкий флот (1770 г.) и установлен контроль над Архипелагом. С того времени начались контакты со странами Северной Африки: с шерифским Марокко, османскими эялетами (провинциями) Тунисом и Алжиром²². Военная слабость турок оказалась столь явственной, что был поставлен вопрос о полном изгнании их с европейской территории и разделе «османского наследства». Инициатором этих планов выступила российская императрица Екатерина II. Англия, Франция и другие европейские державы, обеспокоенные быстрым ростом могущества России, выступили против планов Екатерины, в защиту «целостности и неприкосновенности» Османской державы. Таким образом дальнейшие судьбы империи оказались в руках европейцев. Борьба за раздел отходивших от нее территорий и составила суть так называемого «восточного вопроса», который приобрел столь важное значение в XIX в.²³

²¹ *Орешикова С.Ф.* Османская империя в XVIII в. // История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М., 1999. С. 387.

²² *Дьяков Н.Н.* Россия и страны Арабского Магриба (Алжир, Тунис, Марокко) // Россия и Восток: Учеб. пособие. СПбГУ, 2000. С. 48–74.

²³ См. подробнее: Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.). М., 1978. Иная интерпретация той же проблемы см.: *Жуков К.А.* Отношения России и османской Турции в конце XV — начале XX в. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб., 2011. С. 117–136.

Чесменский бой. Гравюра конца XVIII в.

Важными сдвигами при Екатерине отмечен курс российских властей в отношении мусульманских подданных России. Со времен вхождения мусульманских народов и других инородцев в состав Московии считалось, что лучшее средство укрепления их верности — крещение. Иван Грозный придавал особое значение обращению в православие татарской знати, ради этого он был готов открыть им путь к «службе государевой», утверждая крестившихся мурз в достоинстве и правах русских бояр, дворян. Политика всемерного побуждения мусульман к переходу в христианство сохранялась и при Петре I. Однако Екатерина пошла на коренное изменение социально-правового статуса российских мусульман, признав за ними право на известную автономию религиозной жизни. Наиболее полное выражение этого права содержал указ 1784 г. «О позволении князьям и мурзам пользоваться всеми преимуществами российского дворянства». Согласно «Жалованной грамоте городам» (1785 г.) мусульман стали допускать в «градское общество», которое включало в себя купцов разных гильдий, «именитых граждан» (крупных предпринимателей, банкиров, оптовых торговцев, а также ученых), а также ремесленников и прочее посадское население. Свидетельством государственной поддержки ислама стало учреждение Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), как высшей инстанции духовного суда с распорядительными и контролирующими функциями. С его помощью предполагалось использовать официальные исламские институты при осуществлении российской политики среди мусульманского населения внутри империи и за ее пределами (в Средней Азии и Казахстане)²⁴.

²⁴ Барковская Е.Ю. Ислам и опыт государственного строительства в Российской империи // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М., 2010. С. 409–414.

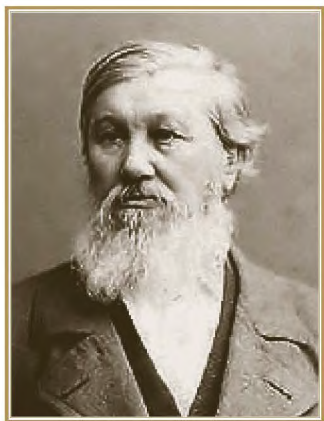
Новые порядки, заведенные при Екатерине, сохранялись и при ее наследниках, хотя их отношение к мусульманскому миру определялось другими факторами и прежде всего стремлением ведущих западных держав помешать дальнейшему расширению пределов Российской империи как на Кавказе, так и в Средней Азии. В результате утверждение российской власти в Закавказье, а затем присоединение владений среднеазиатских правителей было сопряжено с проведением многочисленных военных операций, занявших значительную часть XIX в. и серьезно осложнивших отношения со всем исламским сообществом.

Вместе с тем российский опыт реформирования государственных институтов оказал значительное воздействие на мусульманских правителей, прежде всего османских и иранских, пытавшихся на протяжении XIX в. повторить его. Так, османская лестница чинов того времени полностью копировала российскую Табель о рангах, даже новое турецкое военное и статское платье шилось по покрою русских военных мундиров и чиновничьих сюртуков²⁵. Хотя осуществление преобразований в султанской Турции и каджарском Иране шло медленно и непоследовательно, все же, как и в России, модернизаторские усилия местной политической элиты дали свои результаты. Они способствовали развитию общества, ускорили темпы перемен в хозяйственной жизни, содействовали складыванию форм гражданского управления и вызреванию новых социальных сил, с которыми связано появление новых идей²⁶.

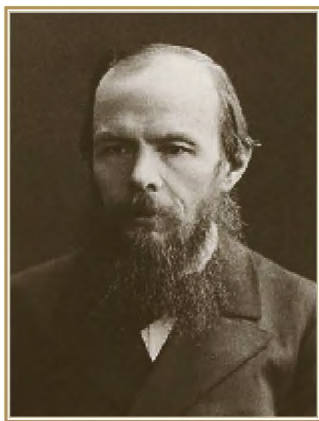
Осмыслению тех перемен, что происходили в мусульманском мире, способствовало развитие научного востоковедения в России. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в XVIII в., но с началом следующего века оно стало быстро развиваться: появились проекты об учреждении в России «Азиатских академий», предпринимались усилия для изучения восточковедных предметов в высших учебных заведениях Казани и Петербурга. Эти усилия предполагали как содействие развитию связей с восточными государствами, так и познанию особенностей духовного мира мусульман. Важной предпосылкой тому стало формирование частных и государственных коллекций восточных рукописей. Уже в 1818 г. был создан Азиатский музей, ставший со временем обладателем одним из лучших в мире собраний восточных письменных памятников. Спустя пять лет открывается Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, положившее начало созданию собственной школы профессиональных

²⁵ Дьяков Д.Д., Жуков К.А. Россия и Ближний Восток (Турция, арабские страны) в Новое и Новейшее время. СПб., 2014. С. 45.

²⁶ Мейер М.С. Особенности становления и развития Османской империи // Basileu: Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М., 2007. С. 237–238.

Н.Я. Данилевский

Ф.М. Достоевский

К.Н. Леонтьев

переводчиков для дипломатической службы на Востоке. Серьезные сдвиги в познании особенностей жизни ориентальных соседей России обеспечили основу для возникновения в русской общественной мысли не только острого противоборства западников и славянофилов, но и появления особого историософского направления, представленного трудами Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева о значении связей России с мусульманским Востоком в развитии русского культурно-исторического типа.

Для России и мусульманского мира в XIX в. оказался типологически сходным поиск решения проблемы, связанной с растущим разрывом между вестернизированными верхами и низами, прочно державшимися за традиционные нормы и идеалы, а равно и с утверждением национального самосознания народов, составлявших население обеих империй. Как бы ни различались обстоятельства, сходство идейного осмысления отмеченных процессов несомненно. В первом случае реакция общественности нашла свое выражение в развитии просветительского движения, выразившегося в усилиях интеллектуальной элиты по восстановлению контактов с основной частью общества путем введения новых форм образования и приобщению учащихся к последним достижениям западной науки и культуры. Во втором — путем выдвижения новых идеологических конструкций, способных обеспечить социальную сплоченность общества и остановить волну освободительной борьбы. В османском варианте это была концепция «османизма», призванная создать ощущение равноправия среди членов разных этно-религиозных групп, входивших в состав населения империи²⁷. В ка-

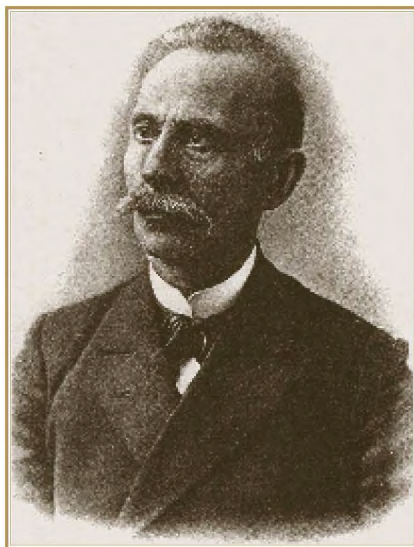
²⁷ Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990. С. 206–207; Сафратян Р.А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. Ереван, 1985.

кой-то мере она повторяла замыслы Екатерины II по изменению статуса российских мусульман, поскольку вводила вместо старого представления о преданности султану новое понятие «преданности государству». Однако попытка использовать старые общинные связи при формировании новой политической системы оказалась несостоятельной. Об этом свидетельствовал политический кризис в 1870-х гг., отмеченный не только подъемом национально-освободительной борьбы балканских народов и активизацией «новых османов» — сторонников либерально-конституционного движения, но и изменение позиции западных держав в «восточном вопросе». Прежде Англия, Франция, Австро-Венгрия решительно противостояли попыткам царской России разделить наследство «больного человека», как называл Османское государство Николай I. В данной ситуации они воспользовались критической ситуацией, чтобы начать выступать за ее расчленение.

Столь же неэффективной показала себя и попытка использовать лояльность мусульманского населения империи, инициатором которой выступал султан Абдулхамид II (1876–1909). Возведенный на престол «новыми османами» при условии провозглашения конституции, он полагал, что использование концепции «панисламизма» позволит усилить его авторитет как султана-халифа во всем исламском мире, в том числе и среди зарубежных единоверцев, и поможет избавиться от недовольных конституционалистов, а также остановить подъем освободительной борьбы нетурецких мусульманских народов империи — арабов, албанцев, курдов. Однако жестокий деспотический режим, установленный султаном после разгрома конституционного движения, вынудил его бывших либеральных соратников на поиск более эффективных мер противоборства. Революция 1905–1907 гг. в России и революционные события в Северном Иране подтолкнули оппозиционеров — младотурок встать на путь вооруженного переворота²⁸.

В конечном итоге последние правители империи — младотурки обратились к идее тюркизма, которая и вовсе была неадекватна традиционным имперским порядкам. Ее принципы начали распространяться практически одновременно в кругах тюркской интеллигенции России и среди турецких литераторов и общественных деятелей. Одним из первых пропагандистов тюркизма в России был «отец татарской журналистики», просветитель и реформатор школьного образования Исмаил Гаспринский (1851–1914). Широкою известность в мусульманском мире получили его публикации в

²⁸ См. подробнее: *Фадеева И.А.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм — панисламизм) XIX — начало XX в. М., 1985; *Georgon F. Abdulhamid II Le sultan calife (1876–1909)*. Н., 2003.

Исмаил Гаспринский

газете «Гарджюман», в которых он, выступая за содружество и сближение тюркоязычных народов, находившихся под властью царизма, вместе с тем призывал к межнациональному согласию и укреплению их исторических связей с Россией²⁹.

По мере роста национального самосознания самих турок в среде сторонников идеологии тюркизма произошло заметное размежевание. Одни (в том числе будущий основатель Турецкой республики Мустафа Кемаль) стали выступать за создание национального государства. Другие (в том числе выходцы из России — симбирский татарин Ю. Акчурин, известный в Турции как Юсуф Акчурра, бакинец Ахмед Агаев, уроженец Кавказа Дагистанлы Мехмед Мурад-бей) — за объединение всех тюркоязычных народов в рамках общего «тюркского мира» под эгидой турецких султанов. Утверждение идей пантюркизма можно рассматривать и как своеобразный ответ на усилия русских панславистов, крайне обеспокоенных падением влияния России на международной арене в конце XIX в. — начале XX в. После поражения России в войне с Японией в 1904–1905 гг. они добились возвращения к планам захвата Черноморских проливов, которые были совсем отставлены после Крымской войны.

Открытая пропаганда идеи водружения русского щита на воротах Царьграда, а с другой стороны — не менее активная антироссийская кампания, рисовавшая московского врага, который пытается превратить Османскую империю в «русского вассала», не могли не создать у населения двух держав

²⁹ Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань, 2002. С. 137–139.

настроений взаимного отчуждения, недоверия, недружелюбия. Выход в 1908 г. Болгарии из состава султанской Турции, а в 1912 г. — Албании свидетельствовал о недоверии подчиненных народов младотурецким властям. В ходе двух Балканских войн 1912—1913 гг. султанские владения на Балканах сузились до небольшой территории Восточной Фракии. В эти же годы политические организации армян и курдов стали все более активно выступать с лозунгами борьбы за национальное освобождение. Следовательно, слом старых порядков, предпринятый в ходе модернизаторских реформ, ускоряя процесс этнической самоидентификации, неизбежно вел к распаду таких традиционных политических образований, как Османская империя. Показательно, что одним из итогов Первой мировой войны 1914—1918 гг. стал распад не только Османской державы, но и однородных с ней Российской и Австро-Венгерской империй.

События военных лет привели к образованию на имперских развалинах новых государств — Советской России и Турецкой республики. Тем самым были обеспечены условия для нового поворота в отношениях нашей страны с фактически первым независимым государством в мусульманском мире, поворота от противоборства к сотрудничеству. Период дружественных контактов начался со взаимного признания в начале 1920-х гг. и продлился до смерти Мустафы Кемала Ататюрка в 1938 г.³⁰ Сближение правительства Великого Национального собрания Турции и кремлевского руководства началось на почве противостояния диктату держав Антанты, а в дальнейшем определялось общим стремлением добиться подлинного суверенитета для своих стран и обеспечить им скорейшее развитие, чтобы выйти из состояния «периферийной» зависимости. Вождям России и Турции предстояла трудная работа по созданию качественно новой политической системы. Как Ататюрк, так и В. Ленин избрали принципиально схожую схему, основанную на однопартийном режиме. Практически все мусульманские государства, которые появятся на политической арене после Второй мировой войны, так или иначе используют этот опыт. Его реализация вела к быстрому сращиванию партийного руководства с государственным, что давало в руки правящей партии безотказно действующий механизм эффективной реализации принимаемых решений.

Переход к авторитарной системе управления выражал убежденность и советских, и кемалистских лидеров в том, что укрепление независимости возможно лишь при наличии сильной государственной власти, играющей решающую роль во всех сферах жизни общества и способной направить усилия всех слоев общества на достижение единой цели. Однако сходство в выборе средств не означало общности идеалов.

³⁰ Розалиев Ю.Н. Мустафа Кемаль Ататюрк. Очерк жизни и деятельности. М., 1995.

Мустафа Кемаль
Ататюрк

Ататюрк и его сподвижники, воспринявшие ценности западной цивилизации, отнюдь не поддерживали планов большевиков по раздуванию мировой пролетарской революции. Поэтому регулярные контакты на государственном уровне и встречи деятелей культуры и спорта не могли скрыть нежелания обеих сторон обеспечить возможности для широких связей на неофициальном уровне. Соответственно и в том, и в другом обществе сохранялись поведенческие стереотипы, основанные на взаимной подозрительности и непонимании. Поэтому турецкие власти сурово преследовали турецких коммунистов, препятствуя их попыткам добиться права на легальную деятельность, за их связь с Коминтерном. Со своей стороны, советские дипломаты, используя свою дипломатическую неприкосновенность, должны были изыскивать любые предлоги для обеспечения указаний Москвы по расширению деятельности Коммунистической партии Турции и укреплению ее влияния на трудящихся страны. Схожая ситуация сложилась и в других мусульманских государствах Ближнего и Среднего Востока (Египте, Сирии, Палестине, Ираке), где Коминтерн пытался через местных коммунистов развивать антиимпериалистическую и национально-освободительную борьбу³¹.

Взаимное недоверие, унаследованное от предшествующих столетий, было широко использовано в период охлаждения советско-турецких отношений, начавшегося в годы Второй мировой войны и особенно усилившегося после ее окончания. К этому времени турецкое руководство окончательно убедилось в том, что его расчеты на возможность быстрой модернизации в условиях экономической автаркии не оправдались. Начавшийся пересмотр всей концепции развития страны означал, в частности, отказ от

³¹ Подробнее см.: Косач Г.Г. Красный флаг над Ближним Востоком. М., 2001.

использования советского опыта и переориентацию на сотрудничество с США. Этому способствовало и ухудшение политических отношений с Москвой, недовольной нейтралитетом Анкары в годы войны и особенно присоединением Турции к НАТО в 1952 г.

Затянувшееся до второй половины 1960-х гг. военное и идеологическое противостояние сопровождалось резким сокращением объема межгосударственных, деловых, культурных и иных контактов; оно не принесло ничего, кроме обоюдного значительного увеличения военных расходов, что существенно ограничивало перспективы развития экономики и возможности улучшения жизни населения в Советском Союзе и Турции. Начавшаяся затем постепенная нормализация как политических, так и экономических связей вытекала из понимания лидерами обоих государств необходимости отказа от жесткой идеологизированности во внешней политике, учете национальных интересов, предполагающих добрососедство и деловое сотрудничество. Улучшение отношений двух стран в 60–70-е гг. далеко не сразу привело их к состоянию доброжелательности и взаимного доверия, чему в немалой степени мешали внутривнутриполитические трудности и продолжавшееся соперничество США и СССР на международной арене. Лишь с началом перестройки политической и экономической системы в Советском Союзе сложилась более прочная база для устойчивого сближения двух стран. Она зиждилась на общности поиска более эффективной модели политического устройства, способной ограничить авторитарные тенденции в общественной жизни, и на обеспечении условий для ускорения материально-технического прогресса и активизации частной инициативы за счет отказа от всеобъемлющего государственного контроля в сфере экономики³².

Сходство моделей дальнейшего развития открыло и возможности широких неофициальных контактов, которые способны изживать рудименты старых стереотипов взаимного недоверия и непонимания. Однако следует учитывать и воздействие других факторов, тормозивших сближение двух стран. Прежде всего следует отметить существенные расхождения в геополитических установках. Войдя в 1990-е гг. в категорию среднеразвитых капиталистических стран, Турция попыталась расширить свои политические позиции в мировом содружестве. Об этом свидетельствовали ее усилия по достижению полноправного членства в ЕС, и меры по восстановлению утраченного в 50–60-е гг. влияния на Ближнем Востоке, и активные попытки утвердить свое лидерство в тюркском мире за счет развития экономических и политических связей с теми республиками СНГ и России, где пре-

---

³² Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 350.

обладает тюркоязычное население (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Татарстан, Башкирия, Якутия)³³.

В то же время Россия, оказавшись в трудном положении после распада СССР, не собиралась отказываться от роли великой державы, предприняв соответствующие шаги. При всей переменчивости усилий по реализации избранной внешнеполитической доктрины нельзя не признать, что предпринятые российским руководством инициативы помогли восстановлению российского влияния в разных частях мусульманского мира (в Центральной Азии, на Ближнем Востоке).

То обстоятельство, что Россия и Турция стали действовать на международной арене как бы на встречных курсах, позволяет видеть основания и для сотрудничества, и почву для конфликта. Первое возможно, если учитывать в поведении другой стороны готовность к совместным акциям, способным принести взаимную выгоду. Если же интерпретировать деятельность соседа как явное препятствие на пути собственных геополитических установок, то вероятность возврата ко временам холодной войны будет весьма велика.

Сегодня возможности продуктивного роста российско-турецкого диалога представляются весьма обнадеживающими, поскольку состояние отношений между Россией и мусульманским миром в большей степени, чем раньше, стали определять факторы, которые способствуют их позитивному развитию (нормализация межгосударственных контактов, расширение перспектив экономического сотрудничества, регулярный обмен информацией, массовый характер туристических поездок и деловых встреч, предпринимаемых по частной инициативе). Не менее значима готовность сторон признавать достижения как христианской, так и исламской цивилизаций, но противостоять религиозно-политическому экстремизму. Еще более важно общее стабилизирующее воздействие от согласованных действий, в частности, утверждения атмосферы толерантности и создания условий для начала переговорного процесса в нынешних кризисных зонах (Сирия, Ливия). Осмысление исторических контактов России и исламского мира, рассмотренное на примере опыта русско-турецких отношений, помогает полнее оценить значение совместных усилий по поддержанию моста, связавшего Восток и Запад, восточные цивилизации с российской.

³³ Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях глобальной нестабильности. М., 2014. С. 42–44.

REFERENCES

1. *Barkovskaya E.Yu.* Islam and the experience of state-building in the Russian Empire [Islam i opyt gosudarstvennogo stroitel'stva v Rossiyskoy imperii] // Russia and the Islamic world: a historical retrospective and current trends [Rossiya i Islamskiy mir: istoricheskaya retrospektiva i sovremennyye tendentsii]. Moscow, 2010. P. 409–414.
2. *Bazilevich K.V.* The foreign policy of the Russian centralized state. The second half of the XV century [Vneshnyaya politika russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV v.]. Moscow, 1952.
3. *D'yakov N.N., Zhukov K.A.* Russia and the Middle East (Turkey and the Arab East) in the Modern time and Contemporary period [Rossiya i Blizhniy Vostok (Turtsiya i Arabskiy Vostok) v novoe i noveyshee vremya]. St. Petersburg, 2014.
4. The Eastern question in the foreign policy of Russia (the end of XVIII — beginning of XX century) [Vostochnyy vopros vo vneshney politike Rossii (konets XVIII — nachalo XX v.)]. Moscow, 1978.
5. *Fadeeva I.L.* The official doctrine in the Ideology and Politics of the Ottoman Empire (Ottomanism — pan-Islamism) XIX-early XX century [Ofitsialnye doktriny v ideologii i politike Osmanskoy imperii (osmanizm — panislamizm) XIX — nachalo XX v.]. Moscow, 1985.
6. *Ibragim T.K., Sultanov F.M., Yuzeev A.N.* Tatar Religious and Philosophical thought in the Muslim context [Tatarskaya religiozno-filosofskaya mysl v obshchemusulmanskome kontekste]. Kazan, 2002.
7. *Kireev N.G.* History of Turkey in the XX century [Istoriya Turtsii XX vek]. Moscow, 2007.
8. *Kosach G.G.* The red flag over the Middle East [Krasnyy flag nad Blizhnim Vostokom]. Moscow, 2001.
9. *Kosheleva O.E., Oparina T.A.* Russia from the Time of troubles to the Reforms of Peter the Great [Rossiya ot smutnogo vremeni do petrovskikh reform] // The World History [Vsemirnaya istoriya]. T.3. Mir v rannee Novoe vremya. Moscow, 2013.
10. *Meyer M.S.* The value of Eurasia in World History [Znachenie Evrazii v mirovoy istorii] // Eurasianism. Origins, Concept, Reality [Evraziystvo. Istoki-kontseptsiya-realnost]. Moscow, 2014. P. 32–46.

11. *Meyer M.S.* Peculiarities of formation and development of the Ottoman Empire [Osobennosti stanovleniya i razvitiya Osmanskoy imperii] // Basileu: Sbornik statey, posvyashchennyy 60-letiyu D. D. Vasil'eva. Moscow, 2007. P. 237–238.
12. *Meyer M.S.* The Ottoman Empire in the eighteenth century. Patterns of Structural Crisis [Osmanskaya imperiya v XVIII v. Cherty strukturnogo krizisa]. Moscow, 1991.
13. *Meyer M.S.* Russia and the Ottoman Empire from the beginning of the XVI century until 1569. The formation of the common borders of the two States [Rossiya i Osmanskaya imperiya ot nachala XVI v. do 1569 g. Stanovlenie obshchikh granits dvukh gosudarstv] // From Istanbul to Moscow. The collection of articles in honor of the 100th anniversary of Professor A. F. Miller [Ot Stambula do Moskvy. Sbornik statey v chest' 100-letiya professora A.F. Millera]. Moscow, 2003. P. 91–116.
14. *Novoseltsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.T., Shusharin V.P., Shchapov Ya.N.* The old Russian state and its international importance [Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie]. Moscow, 1965.
15. *Oreshkova S.F.* The Ottoman Empire in the eighteenth century [Osmanskaya imperiya v XVIII v.] // History of the East [Istoriya Vostoka]. T.III. Vostok na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni. XVI–XVIII vv. Moscow, 1999.
16. *Petrosyan Yu.A.* Ottoman Empire: power and death. Historical essays [Osmanskaya imperiya: mogushchestvo i gibel. Istoricheskie ocherki]. Moscow, 1990.
17. *Rozaliev Yu.N.* Mustafa Kemal Ataturk, Essay of life and work [Mustafa Kemal Ataturk, Ocherk zhizni i deyatelnosti]. Moscow, 1995.
18. *Safrastyan R.A.* The doctrine of Ottomanism in the political life of the Ottoman Empire [Doktrina osmanizma v politicheskoy zhizni Osmanskoy imperii]. Yerevan, 1985.
19. *Solovyov S.M.* History of Russia from the Earliest Times [Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen]. Book II. Vol. 3. Moscow, 1960.
20. *Ulchenko N.Yu., Shlykov P.V.* Dynamics of Russian-Turkish relations in the conditions of global instability [Dinamika rossiysko-turetskikh otnosheniy v usloviyakh global'noy nestabil'nosti]. Moscow, 2014.
21. *Yeremeev D.E., Meyer M.S.* History of Turkey in the Middle Ages and Modern period [Istoriya Turtsii v srednie veka i novoe vremya]. Moscow, 1992.
22. *Zhukov K.A.* Relations between Russia and Ottoman Turkey in the end of XV — beginning of XX centuries [Otnosheniya Rossii i osmanskoy Turtsii v kontse XV — nachale XX vv.] // Russia and the East: the phenomenology of interaction and identity in the Modern Period [Rossiya i Vostok: fenomenologiya vzaimodeystviya i identifikatsii v Novoe vremya]. St. Petersburg, 2011. P. 117–136.

23. *Bennigsen A., Boratov P.N., Desaiye D., Lemerrier-Quelquejay Ch.* Le Khanate de Crimée dans les Archives du Musée du Palais Topkapu (Documents concernant l'Empire Ottoman et l'Europe orientale). P., 1978.
24. *Georgon F.* Abdulhamid II Le sultan calife (1876–1909). P., 2003.
25. *Gökbilgin T.* L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // Cahiers du monde russe et soviétique, vol.11, 1970 n.1, P.118–123.
26. *Inalcik H.* Notes on N. Beldiceanu's Translation of the Kanunname, fond turk ancient 39, Bibliotheque National, Paris // Der Islam. B., 1967, Bd. 436 Hf. 1–2, h. 147.
27. *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. 2, Philadelphia, 1978.

Ключевые слова:

Россия, исламский мир, Русь, Аббасиды, Османская империя, Турецкая республика.

Mikhail S. Meyer

RUSSIA AND THE ISLAMIC WORLD

The article offers a historical retrospective of interactions between Russia and the Islamic World in all their diversity, beginning from the first trade contacts of Medieval Rus with the Arabs and Persians of the Abbasid era, as well as with Turkic-speaking residents of Volga Bulgaria. The author concludes that except for the initial inconstant period, the connections between Russian and Muslim worlds have been stable and close throughout all the following periods of time. Moreover, with time, these two civilizational communities turned into communicating vessels due to the growing number of Muslims within the Russian State, i.e. in Russian society. Special attention is driven to the Russian-Turkish relations across several centuries. A complete comprehension of the relations between Russia and the Islamic World through an example of the historical retrospective of Russian interactions with the Ottoman Empire and the Republic of Turkey, helps to provide a full appreciation of the importance of joint efforts to secure the bridge connecting East and West, and the oriental civilizations with Russia.

 Мейер Михаил Серафимович

доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ
имени М.В. Ломоносова, президент Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова

С.А. Кириллина

«ПРИДЕ МНѢ НЕОТСТУПНОЕ ЖЕЛАНІЕ ВИДѢТЬ ГРАДЪ ІЕРУСАЛИМЪ И ПОКЛОНИТСЯ ТАМО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ»: ИЕРОМОНАХ-РОССИЯНИН ВО ВЛАДЕНИЯХ ОСМАНСКОГО СУЛТАНА

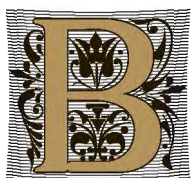
«— Читали ли вы, — спросил Иван Иванович..., — книгу “Путешествие Коробейникова ко святым местам”? Истинное услаждение души сердца! Теперь таких книг не печатают... Истинно удивительно ... как подумаешь, что простой мецанин прошел все места эти. Более трех тысяч верст...! ... Подлинно, его сам господь сподобил побывать в Палестине и Иерусалиме.

— Так вы говорите, что он, — сказал Иван Федорович, который много наслышался о Иерусалиме еще от своего денщика, — был и в Иерусалиме? ...

— О чем вы говорите, Иван Федорович? — произнес с конца стола Григорий Григорьевич.

— Я, то есть, имел случай заметить, что какие есть на свете далекие страны! — сказал Иван Федорович...»

(Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки)

конце XVIII в., когда Османской державой правил султан Селим III (1789–1807 гг.), Святую землю посетил Мелетий (ум. в 1805 г.), «родом из астраханских купцов»¹, иеромонах прославленной Саровской общежительной пустыни, автор

¹ Болховитинов Е. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. М., 1995 (1-е изд. СПб., 1818). С. 213.

последнего из известных нам паломнических описаний этого столетия². Труд Мелетия представляет собой неотъемлемую часть корпуса русской путевой литературы, выполненной в классическом паломническом жанре, к которой принадлежат и упомянутые в эпитафии — фрагменте застольной беседы Ивана Федоровича Шпоньки с гостями из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — паломнические записки Трифона Коробейникова³, побывавшего на Востоке в конце XVI в.

Н.В. Гоголь устами своих героев озвучивает глубоко верную мысль о роднящей паломников основополагающей религиозной цели их многотрудных странствований и о том, что «паломнические хождения» представляют собой произведения духовно-назидательного характера и образцы познавательного чтения для широкого круга читателей.

Помимо ярко выраженных стилевых особенностей, присущих жанру «Хождений», на наш взгляд, существует иная, хотя и весьма опосредованная связь между паломническими описаниями Трифона Коробейникова и Мелетия. Труд Коробейникова несомненно представляет собой «литературную загадку», поскольку существуют веские доводы в пользу того, что Коробейников свое «Хождение» не писал, а лишь адаптировал более раннее «Паломничество», принадлежащее перу Василия Познякова⁴ (хотя споры о компилятивном характере коробейниковского опуса не стихают в академической среде до сих пор).

«Загадка» «Путешествия» Мелетия изначально виделась автору этих строк в иной плоскости, в плане оценки его содержательной части. Почему этот источник оказался на периферии или за пределами исследовательских интересов отечественных историков? Вероятно, это произошло во многом благодаря его нелестной оценке Н.Г. Чернышевским (1828–1889), который отнес труд Мелетия к числу слабых, вторичных сочинений, констатируя, что «его книга — компиляция из прежних путешествий, уже бывших известными русской публике»⁵. Тем не менее оставалась надежда на то, что этот источник представляет собой нечто больше, чем графоманское паразитное описание Святой земли. И действительно, по мере погружения в

² [Мелетий]. Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительныя Пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М., 1798 (далее: *Мелетий*). 2-е изд.— 1800 г.

³ [Коробейников Т.]. Хождение Трифона Коробейникова 1593–1594 гг. // Православный Палестинский Сборник. 1889. Т. IX. Вып. 3 (27).

⁴ [Позняков В.]. Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока // Православный Палестинский Сборник. 1887. Т. VI. Вып. 3 (18).

⁵ Чернышевский Н.Г. Путешествие А.С. Норова. СПб., 1854 // Полн. собр. соч. Т. II. М., 1949. С. 518.

источник в нем обнаруживались не только богатая информация о святынях христианства, но и россыпь ценных данных о природе, хозяйстве, торговле, народонаселении, этнографии, культуре, религиозных культах, нравах и обычаях жителей ближневосточного региона, то есть то, что в первую очередь привлекает историка-востоковеда, в круг научных интересов которого входят сердцевина Османской империи и ее арабская периферия.

Кровопролитные Русско-турецкие войны 1768–1774 и 1787–1791 гг. не способствовали развитию русского паломнического движения в Палестину. Нам известны только три «Хождения», появившиеся в период царствования Екатерины II (1762–1796 гг.) — описание путешествия к святым местам в 1763–1766 гг. архимандрита Леонтия (Л.С. Зеленского), составляющее часть его никогда не публиковавшихся многотомных автобиографических записок⁶, неприятзательный компактный (менее 30 страниц) труд отца Игнатия (Денщина)⁷, совершившего паломничество в Палестину между 1770 и 1772 гг., и «Путешествие во Иерусалим», принадлежащее перу нашего героя.

На страницах своего «Путешествия» Мелетий предстает перед нами как «книжный человек», владеющий греческим языком⁸ и обладающий обширными знаниями как духовного так и светского характера⁹, знаток догматических вопросов, культово-обрядовой стороны христианства и тонкостей литургики¹⁰. Книга его оснащена сносочным аппаратом, дающим представление о широком круге чтения автора. В тексте помимо частых отсылок к Библии присутствуют выдержки из трудов Отцов Церкви Григория Нисского (ок. 335 — ок. 394) и Иоанна Дамаскина (ок. 675 — ок. 749),

⁶ До нас дошли 10 из 13 томов рукописи «Истории жизни младшего Григоровича» Леонтия. 9 томов, первые три из которых посвящены путешествию в Святую землю, хранятся в Архиве внешней политики Российской империи МИД Российской Федерации (АВП РИ).

⁷ [Игнатий]. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую землю и Египет 1766–1776 гг. // Православный Палестинский Сборник. 1891. Т. XII. Вып. 3 (36) (далее: *Игнатий*).

⁸ В тексте есть указания на то, что Мелетий изъяснялся по-турецки (например: «я его спрашивал по Турецки»), однако определить уровень его знания этого языка не представляется возможным (*Мелетий*. С. 55; см. также: С. 57).

⁹ Можно предположить, что Мелетий получил высшее духовное образование.

¹⁰ В отличие от пестрящих архаизмами и просторечиями «Хождений» более раннего периода, книга Мелетия написана ясным, почти современным языком, а авторский стиль лишен нарочитости и выпренности: чувствуется тщательная стилистическая обработка текста (на доработку путевых записок и подготовку текста к печати иеромонаху потребовалось более трех с половиной лет). Хотя временами автор не может сдерживать переполняющих его эмоций, и именно в этих пассажах наиболее ярко и рельефно проявляются его личностное начало и завидный темперамент.

Титульный лист книги
иеромонаха Мелетія.
1800 г.

пространные извлечения из «Истории Иерусалимских патриархов» церковного историка патриарха Досифея Нотары (1641–1707), цитаты из «Лимонаря» Иоанна Мосха¹¹, критика историографа римско-католической церкви Барония (1538–1607). Мелетий хорошо знаком с описаниями хождений в Святую землю разных эпох — греческими проскинитариями, сочинениями Арсения Суханова (ок. 1600–1668)¹², Василия Григоровича-Барского (1701–1747)¹³, аббата Мари Доминика де Бино (1730–1803)¹⁴, князя Радзивилла (1549–1616)¹⁵. В то же время он обращается к истори-

¹¹ Лимонарь. Киев, 1628. «Лимонарь» странствующего монаха и духовного писателя Иоанна Мосха (Евирата) (ум. в 622 г.), известный также как «Луг духовный» или «Синайский патерик», представляет собой сборник жизнеописаний христианских подвижников.

¹² «Проскинитарий» («Поклонник») Арсения Суханова, путешествовавшего в 1649–1653 гг., Мелетий цитирует по рукописи, хранившейся в московской патриаршей ризнице.

¹³ Василий Григорович-Барский странствовал без малого четверть века, с 1723 по 1747 г. Мелетий пользуется первым и вторым изданиями его путевых записок: [Григорович-Барский В.] Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, Уроженца Киевскаго, Монаха Антиохійскаго, путешествіе къ святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азійи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное. СПб., 1778; 2-е изд. — 1785.

¹⁴ [Бино М.Д. де]. Путешествіе Игумена Биноса чрезъ Италію во Египетъ, на гору Ливанскую, въ обетованную землю и Іерусалимъ. СПб., 1793. Аббат Мари Доминик де Бино посетил Святую землю въ 1777 г.

¹⁵ [Радзивилл Н.Х.]. Путешествіе ко святымъ мѣстамъ и въ Египетъ князя Николая Христофора Радзивила. СПб., 1787. Николай Христофор Радзивилл, представитель княжескаго рода Великаго княжества Литовскаго, а затемъ и Речи Посполитою, побывалъ на Арабскомъ Востоке въ 80-е гг. XVI в.

ческой и географической литературе, используя работы по истории Византии и Константинополя, «Словарь Исторический», «Лексикон Географический», «Месяцеслов Исторический и Географический», многотомное сочинение французского аббата Жозефа де Ла Порта (1713–1779) «Всемирный путешественник»¹⁶ и т.д.

Мелетий — человек екатерининской «просвещенной эпохи» и в то же время священнослужитель Русской православной церкви. Он, с одной стороны, выступает как сторонник и проводник официальной церковной политики, а с другой — демонстрирует широту кругозора, удивительную любознательность и даже способность соперничать иноверцам, хотя ожидать от него религиозной толерантности не приходится.

«Путешествие» Мелетия — сочинение, гармонично вписывающееся в каноны традиционных паломнических «Хождений», приставляющих собой амальгаму самого разнообразного материала, который распадается на разнородные пласты: религиозно-культурный, легендарный, исторический, географический и т.п.¹⁷ В многослойном «тексте-мозаике» его «Путешествия» выделяются сквозные сюжеты, многие из которых выходят за рамки хрестоматийных паломнических интересов. Их вычленение и анализ позволяют составить адекватное представление о личности автора, его мировоззренческих и нравственных позициях, его отношении к «посюстороннему» миру.

Мелетий отправился в паломничество 10 августа 1793 г., после семнадцати лет уединенной иноческой жизни. Путь его пролегал из Москвы в Таганрог, затем морем в Стамбул, где он пробыл с 15 сентября до конца октября. Из Стамбула он поплыл в Яффу на венецианском корабле, который делал остановки в гаванях островов Хиос, Патмос, Кипр и др., и, наконец, в первой декаде декабря достиг Яффы. Далее Мелетий двинулся исхоженным паломниками маршрутом через Рамлу в Иерусалим, где пробыл с конца декабря 1793 г. до 15 апреля 1794 г. За этот период он побывал в различных местах Палестины, в том числе в Вифлееме и Хевроне. На родину иеромонах возвращался через Яффу, Акку, острова Греческого архипелага, Стамбул, Очаков, Николаев, Курск, Тулу и благополучно достиг Москвы 9 августа 1794 г.

¹⁶ 27 томов труда «Всемирный путешественник, или познание Старого и Нового Света. Описание по сие время известных земель в четырех частях света» издавались в 1778–1794 гг.

¹⁷ Из 325 страниц «Путешествия» Мелетия 220 посвящены повествованию иеромонаха о пребывании в Палестине и доскональному описанию увиденных им святых мест, тогда как, например, описанию Стамбула отведено 40 страниц.

Путешествие Мелетия протекало в целом спокойно, если не считать тягот морского пути, и в финансовом отношении было менее обременительным мероприятием по сравнению с расходами нероссийских богомольцев. Капитуляционные права, предоставленные России согласно Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г.¹⁸ и подтвержденные Яским мирным трактатом 1792 г., предусматривали освобождение находившихся в пределах Османской империи российских подданных от *каффаров*¹⁹.

Знакомство Мелетия с османским миром, начавшееся с османской столицы, не вызвало у него отрицательных эмоций, которые испытывали многие его предшественники из числа российских паломников. Достигнув Стамбула, «в восторг и удивление, в разсуждении местоположения и прочих красот с моря зрителя приводящего»²⁰, иеромонах, как завзятый современный турист, принялся методично осматривать местные достопримечательности, список которых выходит далеко за рамки паломнического маршрута. Посещая различные районы Стамбула — старый город, Галату, Ускюдар, Мелетий с головой окунулся в бойкую и суматошную жизнь густонаселенного города, неотъемлемую часть которого составляли повсюду рассеянные «торжища, купеческия лавки, гостинные дворы, публичныя бани»²¹. Он внимательно вслушивается в многоголосье восточного города, особо выделяя турецкую речь: «Язык Турецкой ... красив, приятен и изобилен. И сим удобрили и увеличили его Арапской и Персидской языки»²².

В ряде фрагментов «Путешествия», посвященных османской столице, пытливый богомолец демонстрирует талант бытописателя, о чем свидетельствуют выполненные им великолепные жанровые зарисовки. В сентябре 1793 г. Мелетию довелось стать свидетелем прибытия в Стамбул российского чрезвычайного посла М.И. Голенищева-Кутузова (1745–1813). Паломник описывает с любовным отношением к деталям посольский кортеж, который был призван ослепить своей роско-

¹⁸ Статья 8 Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. гласит: «Как духовным, так и светским Российской Империи подданным да позволено свободно посещать святой град Иерусалим и другие места, посещения достойные» (Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992. С. 82–83). Мелетий ссылается непосредственно на эту статью, демонстрируя осведомленность в отношении правовых гарантий паломников-россиян (*Мелетий*. С. 86).

¹⁹ *Каффары* — сборы с немусульманских паломников за право прохождения по дорогам и посещение особо почитаемых христианских святынь.

²⁰ *Мелетий*. С. 9.

²¹ Там же. С. 21.

²² Там же. С. 41.

пью османскую столицу²³. Не менее колоритно в подаче иеромонаха выглядит торжественный выезд султана Селима III, направлявшегося в сопровождении пышной свиты в мечеть для совершения полуденной молитвы. «Вид его сановит и приятен», — с удовлетворением констатирует иеромонах²⁴.

«Исламская составляющая» городского пейзажа, «огромные, богатые и великолепные мечети» Стамбула очаровывали паломника. Ошибка, которую допускает Мелетий, говоря о якобы виденных им нескольких мечетях с шестью минаретами, тогда как в Стамбуле таковая существует в единственном экземпляре (мечеть султана Ахмеда I, или Голубая мечеть), свидетельствует о том, что он находился под неповторимым обаянием мусульманских культовых сооружений²⁵.

Однако воодушевление, вызванное свежими яркими впечатлениями, никоим образом не влияло на трезвость восприятия увиденного. Мелетий был наблюдателем сколь увлеченным, столь и критически настроенным. Мимо его внимания не проходят ни «узилищные дома» — темница Едикуле или Семибашенный замок, куда при объявлении войны сажали послов, и другой расположенный на северном берегу бухты Золотой Рог в районе Галаты «ужасный и мучилищный каземат, где всякого рода и пола христиане и невинные во многом числе вверженные страждут в оковах», ни каторжный труд пленников на галерах, ни невольничий рынок, существующий в османской столице «к стыду и жалости человечества»²⁶. Прекрасный внешний облик и великолепие Стамбула, чье местоположение «почитается лучшим в свете», по суждению паломника, омрачаются «по причине скатистых неровных, кривых и тесных улиц ...; некоторые же внизу улицы ради нечистоты и дурного запаху едва пройти можно»²⁷.

Вне всяких сомнений, стандартный набор формировавшихся столетиями этнокультурных стереотипов и мифологизированных представлений о реалиях восточного общества неизбежно тяготел над Мелетием. Его православно-церковный взгляд на мир не мог не сказаться на восприятии образа ислама и его адептов. Он, как и паломники прежних времен, скорбит о церквях, «разрушенных неприятельскими действиями» последователей пророка Мухаммада, и о Божьих храмах, превращенных

²³ Мелетий. С. 17–18.

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ Там же. С. 21.

²⁶ Там же. С. 28–29.

²⁷ Там же. С. 22.

Константинополь. Гравюра XIX в.

в мечети, об «омерзении ... и ненависти» мусульман к церковным иконам и христианским святыням²⁸. Однако замечания подобного рода звучат в тексте как бы походя и формулируются они без прежнего пафоса и надрыва. Зато уже на первых страницах своего повествования просвещенный монах вразумляет читателей в отношении одного из ключевых архитектурных элементов мечети — минарета, сравнивая его с церковной колокольной, или звонницей, и точно описывает минарет османского образца. Правда, поначалу *азан*²⁹ в турецком исполнении паломника нервирует: по его словам, «имам»³⁰ провозглашал призыв на молитву «протяженным на тон произносимым голосом, который ... по писклявости своей ... слуху ... был не приятен»³¹. Однако позднее, находясь в «прекрасной Иерусалимской стране» и поэтически живописуя ясность неба и «благорастворение» воздуха прохладных весенних ночей, паломник записывает в свой дневник поразительные строки: «Когда Магометанские Имамы кричат на минаретах, созывая людей в мечети на ночныя молитвы, то голос в чистом воздухе, при тишине ночной, как бы играя, приятно раздается»³².

²⁸ Мелетий. С. 183, 221, 289, 291–292.

²⁹ А з а н — призыв на молитву, который провозглашается *муаззином* (муэдзином).

³⁰ Мелетий путает имама — предстоятеля на молитве в мечети — с муэдзином.

³¹ Мелетий. С. 12.

³² Там же. С. 308.

Одним из первых в русской паломнической литературе Мелетий упоминает о *михрабе*, называя его «мольбищем» или «маленькой впадиной»³³. В его «Путешествии» встречаются упоминания о мусульманском жертвоприношении³⁴, о дервишах³⁵ и «дне Джумы» (араб. *йаум ал-джум'а* — «день собрания») — пятнице, праздничном дне у мусульман³⁶. По ходу повествования иеромонах называет те или иные значимые мусульманские культовые здания Палестины, в том числе имеющую «вид круглого свода» мечеть на вершине Масличной горы, куда христиане стремятся обязательно попасть, чтобы поклониться отпечатку ноги Спасителя, который тот оставил при вознесении на небеса, и платят ее зрителям за вход; хевронскую соборную мечеть, привлекавшую массы мусульманских паломников³⁷, ну и, конечно, исламский комплекс на Храмовой горе.

«Заповедная территория» — ал-Харам аш-Шариф, «место, которое многократно Христовыми стопами было освящено, и по древности своей важно», так и осталась для Мелетия недоступной (впрочем, ни один из известных нам паломников даже и не пытался туда проникнуть, опасаясь насильственного обращения в ислам или мученической смерти). Тем не менее, обзрев гору Мориа со стороны, паломник написал о двух святынях ислама: расположенной у «полуденной (южной. — С.К.) городской стены» мечети, имеющей «при себе жилые покои» (*ал-масджид ал-акса*, или «отдаленнейшая мечеть»), и стоящей на площади мечети, «лепотной по изяществу мраморов и других камней блеску»³⁸ («мечеть купола скалы» — *масджид куббат ас-сахра*).

От христиан-мастеровых, допущенных в «мечеть купола скалы» для проведения реставрационных работ, Мелетий узнал о «чуждестности» — «чрезвычайно большом камне, который над полом висит как бы на воздух[е]». Речь идет об издревле почитавшейся легендарной скале (араб. *ас-сахра*), с которой, согласно мусульманской традиции, пророк Мухаммад вознесся на небеса, чтобы предстать перед Аллахом. Мелетий весьма скептически прореагировал на заявление о «левитации» материального объекта: «...сие

³³ Мелетий. С. 289. М и х р а б — ниша в стене, ориентированной в сторону Мекки, а точнее, Каабы — главного святилища ислама, обозначающая направление, в котором обращены лица совершающих молитву мусульман.

³⁴ Там же. С. 2.

³⁵ Там же. С. 238–239, 292. Д е р в и ш — синоним термина «суфий», обозначающего последователя мистико-аскетического направления в исламе — суфизма.

³⁶ Там же. С. 27, 211.

³⁷ Там же. С. 292, 306.

³⁸ Там же. С. 285, 284.

ни что иное есть, как только хитрость человеческая, обманывающая слепых Магометан. Ибо камень должен быть утвержден середкою, которая от высеченных своих краев не видима есть»³⁹.

Вообще здоровый скепсис, как и тяга к восстановлению исторической правды не оставляют Мелетия, когда он повествует и о христианских местах поклонения. Хотя, как он подчеркивает, об «оттисках» ног Христовых на Елеонской горе и на территории ал-Харам аш-Шариф упоминали некоторые «древние Западные учителя», однако при отсутствии «подлинных сведений» ему кажется более чем вероятным, что, например, отпечаток человеческой стопы на Масличной горе представляет собой всего лишь вырезанное по приказу святой Елены на камне знаковое изображение, указывающее на место вознесения Иисуса Христа⁴⁰. Более того, осматривая «достопамятности» Святого града и его окрестностей, Мелетий прекрасно осознает, что многие исторические строения давным-давно были разрушены и сровнялись с землей, а выросшие на их месте постройки служат лишь «памятными маркерами» происходивших там событий, что, однако, не мешает разбитным гидам представлять их как аутентичные древности. «Везде, — отмечает паломник, — кажется, в обыкновение вошло, что иногда по незнанию и по интересу изображающія вещи представляются изображаемыми»⁴¹.

Вера для Мелетия остается основополагающим критерием инаковости и играет центральную роль в формировании представлений о чужой религии и османском мире. Как ревностный христианин, Мелетий интерпретирует мусульманское вероучение, отталкиваясь от идеального образа христианства как единственной религии истины, и делает акцент на том, что мусульмане не признают один из его фундаментальных догматов о распятии Христа и его воскрешении. «Магометане», пишет паломник, считают, что «Христос ... не был ко Кресту пригвожден, а точию сие мечтательно людям представлялось»⁴², практически повторяя строку из Корана: «...они не убили его и не распяли, но это только представлялось им» (4:156)⁴³. Согласно Мелетию, то, что Иисус, «по их [мусульман] зломудрию, не умер и не воскресал»⁴⁴, определяет пренебрежительное отношение последователей пророка Мухаммада к Голгофе, Гробу Господню

³⁹ Там же. С. 284–285.

⁴⁰ Там же. С. 292.

⁴¹ Там же. С. 239–240.

⁴² Там же. С. 289.

⁴³ Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1963.

⁴⁴ Мелетий. С. 289–290.

и церкви Воскресения Христова. Действительно, ислам отрицает смерть 'Исы (Иисуса) на кресте, а признает его вознесение на небеса к Аллаху и при этом окружает его особым почитанием как последнего перед Мухаммадом пророка.

Присутствующие в тексте источника экскурсы в историю арабо-мусульманского мира, конечно же, не обходятся без ошибок. Иеромонах по незнанию относит пророка Мухаммада к числу «калифов (халифов. — С.К.), или первых самодержцев Аравийских», которые, «вкуче были и Цари и Первосвященники»⁴⁵. Он по неведению путает потомков Пророка — *шарифов* с эмирами, утверждая, что все мусульманские правители происходят от «Магометовой фамилии»⁴⁶. Однако эти неточности и неверные сведения не связаны с какой-либо подспудной мотивацией негативного характера и не порождают искаженные представления об исламском мире.

В целом, говоря об образе ислама в «Путешествии» Мелетия, следует подчеркнуть, что паломник не делает попыток приписать ему столь неприглядные «демонические» черты и представить его односторонне, как религию фанатизма, насилия и жестокости. Хотя, возможно, «образ ислама с человеческим лицом» получился у Мелетия невольно, благодаря причудливой «оптике», через которую он смотрел на арабо-османское общество. Собратья по вере — восточные христиане, адепты греко-православной церкви — виделись иеромонаху по большей части в розовом свете. Фокусируя свое внимание на вызывавших у него реакцию отторжения католиках и армянах, паломник смотрел на них главным образом через «темный фильтр». В то же время мусульмане, их вероисповедание и культ чаще всего оказывались на периферии его зрения.

Путешествуя по городам и весям султанского Богохранимого государства, Мелетий пристально вглядывается в «этноконфессиональное лицо» османского общества, внимательно наблюдая за турками, арабами, греками, «соцветьем» народов и вер Палестины. Иеромонах-книжник более или менее хорошо разбирается в пестрой этнической картине Восточного Средиземноморья, и при этом конфессиональный подход для него является определяющим. В своей характеристике «народонаселения» Османской империи Мелетий, прежде всего, исходит из классической, уходящей корнями в Средневековье дихотомии «верные — неверные», однако при одной существенной оговорке: «верные» — это «хри-

⁴⁵ Мелетий. С. 114.

⁴⁶ Там же. С. 146.

Яффа. Гравюра XIX в.

стиане православной Греческой веры», а к числу «неверных» относятся все остальные — «магометане, жидаы, еретики, римляне, армяне и проч.». Он также предлагает второй, более снисходительный в отношении христиан-неправославных вариант членения обитателей арабо-османского мира: «крещеные» — «все христиане разных сект» и «некрещеные» — мусульмане и иудеи⁴⁷.

Выстраивая порядок предпочтений в отношении населяющих Османское государство последователей пророка Мухаммада, Мелетий склоняется в пользу турок по сравнению с арабами, несмотря на то, что османь, захватив многовековую цитадель христианства, продолжают властвовать над христианскими подданными, считая их «рабами своими, и тиранствуют над ними»⁴⁸. Конечно, чувство настороженности и предубежденности в отношении турок сохраняется, как, впрочем, неизбывным мотивом звучат упреки в неумных аппетитах, адресованные жестокосердным туркам-«мытоимцам», которых невозможно разжалобить ни воплем, ни слезами, ни «именем Божьим, здравием Султана и Государства» («неусыпные труды» достойных сочувствия христианских подданных османского суверена «поядает Турецкая дань и налоги»)⁴⁹.

Мелетий все так же, как и побывавшие до него в Османской Турции паломники, опасается жителей турецкой сельской периферии. Описывая

⁴⁷ Там же. С. 221.

⁴⁸ Там же. С. 41.

⁴⁹ Там же. С. 191–192, 71.

морское путешествие вдоль Анатолийского побережья, богомолец отмечает, что во время бури они побоялись пристать к тихому месту: «опасность от варваров, тамо обитающих, не позволила ... того сделать»⁵⁰. Вместе с тем, посещая один за другим подвластные османам острова, богатые «плодами, древесными и поваренными растениями»⁵¹, Мелетий утверждает в мысли о том, что турки склонны к комфорту и «любят жить в достаточных, изобильных и веселых местах, праздность же свою препровождают под тению древес на зеленеющих злаках»⁵².

Выработавшийся на протяжении длительного времени «брутальный» образ турка выглядит на страницах «Путешествия» Мелетия изрядно потускневшим. Иеромонах странствовал по владениям Османской империи вскоре после впечатляющих побед русского оружия в войне 1787–1791 гг. По его словам, турки и турчанки хотя и взирали на россиян «свирепо» и «не без досады», в особенности женщины, «коих видно сродники пали на войне от Российскаго меча», но «побранивали [пришельцев] потихоньку», поскольку «как вода ... угашает огонь, так Россияне Турецкую ярость»⁵³.

Реализация на практике положений Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. в отношении христианских подданных османского падишаха (право на переселение в другие государства, гарантии свободы богослужения⁵⁴ и др.) и последующие знаменательные победы российских войск привели к тому, что, как свидетельствует Мелетий, «турецкая политика в разсуждении веры стала снисходительнее, и прежняя жестокость по предубеждению сделалась мягче»⁵⁵.

В Святом граде Мелетия приятно поразило вполне цивилизованное отношение османских властей к своим неединоверным *райя*⁵⁶, одним из проявлений которого были визиты вежливости, или, как их называет паломник, «политические посещения» османскими чиновниками иерархов различных христианских конфессий во время религиозных и иных праздников. В новогодние дни «Мусулим, Иерусалимский градоначаль-

⁵⁰ Мелетий. С. 59.

⁵¹ Там же. С. 315.

⁵² Там же. С. 49.

⁵³ Там же. С. 12, 13, 321.

⁵⁴ В соответствии со статьей 7 Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., Порта обещала «твердую защиту христианскому закону и церквам оного» (Под стягом России. С. 82).

⁵⁵ Мелетий. С. 321.

⁵⁶ Р а й я — в широком смысле податное население Османской державы. С XVIII в. этим термином обозначается немусульманское население империи.

Акка. Гравюра В.Г. Бартлетта. 1820-е гг.

ник⁵⁷», обходил монастыри и обменивался приветствиями с «не единомысленными в вере» священнослужителями высокого ранга. Сам Мелетий стал свидетелем того, как на Новый год к одному из православных архиереев приходил надзиравший за исполнением султанских указов османский чиновник, чтобы «поздравить и выпить водки». Приняв рюмку из рук архиепископа, он провозгласил «Христос воскресе», по незнанию или по недоразумению, а быть может, и от полноты чувств перепутав Рождество и Новый год с Пасхой⁵⁸.

В части «Путешествия», посвященной Палестине, «турко-османский элемент» резко отходит на второй план, уступая место многоязычному «микрокосму» народов и вер Иерусалима и доминирующему арабскому окружению. Перемещение в иной этнокультурный ареал — арабский — и первые встречи с его коренными обитателями — «природными арапами» — не стали для Мелетия потрясением, как это случалось со многими российскими паломниками прежних времен, у которых идиосинкразия на арабов вырабатывалась за считанные дни. Дорогу в Иерусалим, которая для богомольцев-писателей, переживших разбойные нападения жителей окрестных деревень и бедуинов, превращалась в скорбное и страшное шествие, Мелетий преодолел без видимых затруднений.

Странствуя по Палестине, Мелетий ни разу не испытал на себе необузданную ярость и неистовство упивавшихся своей безнаказанностью «ара-

⁵⁷ Здесь — *мутасаллим*, чиновник, исполнявший обязанности главы Иерусалимского округа.

⁵⁸ *Мелетий*. С. 99, 100, 98.

пов разбойников»⁵⁹. Рассказ иеромонаха о хождении на реку Иордан резко контрастирует со свидетельствами паломников предшествующего периода. Например, отец Игнатий, рискнувший предпринять паломничество в Святую землю во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., писал о том, что христианские паломники с «великим конвоем турецким» «шествовали [на Иордан] ночным временем», поскольку днем было идти невозможно «от злых арапов, ибо сие варвары ... чинят великие грабительства, а когда попадает в руки их [кто-либо] из поклонников, то они так грабят даже до последней срачицы и оставляют нагаго»⁶⁰. По сообщению Ипполита Вишенского, путешествовавшего по Палестине в начале XVIII в., не успели паломники омыться в священных водах Иордана, как «разбойники Арапе почати збыратися, и пришли ... больше тысячи»⁶¹. «Долго же нам та дорога в памяти будет», — записал в своем дневнике инок Серапион, резюмируя свои тягостные впечатления о хождении на Иордан в середине XVIII столетия⁶².

У Мелетия же это мероприятие выглядит скорее как увеселительная прогулка. Без осложнений добравшись до Иордана в составе двухтысячного каравана богомольцев, охраняемого вооруженными конниками, иеромонах омылся в реке и принялся любоваться окрестными пейзажами и буйной береговой растительностью. «Тени сих рощей, — зафиксировал он в своих записях, — в жаркие дни служат убежищем Арапам, скитающимся в пустынях, злаки же пищею верблюдам их»⁶³.

Столь разительные несоответствия в описаниях странствований по Святой земле Мелетием и его предшественниками объясняются изменением внутривосточной ситуации в Дамасской провинции Османской империи на исходе XVIII в.

На протяжении большей части XVIII в. из всех *санджаков* (округов) Дамасского *эялета*⁶⁴ Иерусалимский санджак, как отмечает известный

⁵⁹ Мелетий. С. 190.

⁶⁰ Там же. С. 16, 14–15.

⁶¹ [Вишенский И.]. Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709 гг.) // Православный Палестинский Сборник. 1914. Т. XXI. Вып. 1 (61). С. 96.

⁶² [Серапион]. Путник или путешествие во Святую землю Матронинского монастыря инока Серапиона 1749 года // Паломники-писатели петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1873. Кн. 3. Отд. V. С. 121.

⁶³ Мелетий. С. 183. Описание хождения на реку Иордан. С. 180–183.

⁶⁴ Э я л е т — основная административно-территориальная единица в Османской империи.

израильский османист Амнон Коэн, «был самым строптивым и непокорным, и [управляющий им] *мутасарриф*⁶⁵ контролировал его с большим трудом»⁶⁶. Для того чтобы обеспечить свободное продвижение по управляемой территории, османские чиновники были вынуждены откупаться от бесчинствующих номадов, и даже хорошо вооруженный османский военный эскорт зачастую не мог защитить от разграбления и кровопролития караваны богомольцев, двигавшиеся по ключевым паломническим маршрутам.

В конце столетия ситуация на некоторое время более или менее нормализовалась, что было связано с проведением *вали*⁶⁷ Дамасской провинции жестоким и властолюбивым Ахмад-пашой ал-Джаззаром (1721–1804)⁶⁸ твердого курса, направленного на умиротворение вверенной ему провинции.

Вместе с тем предпринятые Ахмад-пашой ал-Джаззаром меры по восстановлению политической стабильности Иерусалимского санджака и акции устрашения, в частности, физическое уничтожение ряда упорствовавших в непослушании местных лидеров, не могли полностью гарантировать мир и благоденствие. С тем чтобы избежать нежелательных эксцессов, со всех паломников, в том числе и с тех, которые имели документы, освобождающие их от каффаров, собирались деньги для уплаты бедуинам и оседлым жителям сельской местности за право беспрепятственного прохода через их территории (как отмечает Мелетий, «они не имеют никакого внимания о Ферманах⁶⁹, а на турков не смотрят»)⁷⁰.

Ахмад ал-Джаззар, уделявший особое внимание обеспечению безопасности на палестинских дорогах, взял курс на борьбу с бесчинствами бедуинов. Тогда жители Палестины, как кочевники, так и оседлые, остерегавшиеся гнева скорого на расправу Джаззар-паши в случае их нападения на христианских богомольцев в родных краях и лишённые возможности поживиться путем разграбления сирийского каравана *хаджа*⁷¹, продолжи-

⁶⁵ Здесь — османский чиновник, управляющий Иерусалимским санджаком.

⁶⁶ *Cohen A. Palestine in the 18th Century. Patterns of Government and Administration. Jerusalem, 1973. P. 171.*

⁶⁷ В а л и — наместник, правитель провинции (*эялета*) Османской империи с титулом паши, назначаемый из Стамбула.

⁶⁸ Ахмад-паша ал-Джаззар получал от Стамбула инвеституру на управление Дамасской провинцией четырежды и исполнял обязанности ее вали в 1785–1786, 1790–1795, 1799 и 1803–1804 гг.

⁶⁹ Ф е р м а н — султанский указ, или эдикт. Здесь — документ, гарантирующий паломнику свободное перемещение в пределах Османской империи.

⁷⁰ Мелетий. С. 80.

⁷¹ Х а д ж — ежегодное паломничество в Мекку, один из пяти «столпов» ислама.

ли практику грабительских рейдов вглубь аравийской территории, подтверждение чему мы находим в «Путешествии» Мелетия. Когда паломник прибыл в Вифлеем, там шла бойкая торговля товарами, захваченными во время разграбления летом 1793 г. мусульманского паломнического и торгового каравана, который возвращался из Мекки в Египет. «Турченин», которого разбойники оставили «с одною только душою», рассказывал попутчикам Мелетия о том, что караван состоял из четырех тысяч человек, «из коих противившихся многих убили, живых же всех оставили в одних токмо рубищах»⁷².

О разгроме в августе 1793 г. каравана, в котором, как мы теперь знаем, приняли деятельное участие наряду с аравийскими номадами и палестинские арабы, сообщает прославленный египетский хронист Абд ар-Рахман ал-Джабарти (1753–1825). Он пишет: «... бедуины, собравшись со всех сторон, окружили паломников недалеко от пещер Ша'ба (на пути из красноморского порта Янбо в Медину. — С.К.). Они ограбили их ... истребили большую часть паломников ... захватили скарб паломников, их животных, отобрали все, что было у них. ... Эти известия ввергли людей в скорбь и печаль. В эту ночь люди так горевали, как никогда»⁷³.

Еще один содержащийся в «Путешествии» Мелетия драматический эпизод, связанный с атакой «Арапов», в том числе палестинских, на караван купцов и паломников, который шел из «Индии в Мисир (Египет. — С.К.)», также подтверждается сведениями летописи ал-Джабарти⁷⁴. По словам информанта иеромонаха — архиепископа Петрского Мисаила, этот караван состоял из восьмисот верблюдов; нападавшие «всех людей перебили; верблюдов же с навьюченным разным товаром привели в свои жилища, и продавали вещи за самые малые деньги»⁷⁵. Датировки этого горестного события в обоих источниках (у Мелетия: за пять лет до его появления в Палестине и у ал-Джабарти: 28 июня 1788 г.) практически совпадают.

⁷² Мелетий. С. 135.

⁷³ ал-Джабарти, Абд ар-Рахман. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / Пер. с араб. Х.И. Кильберг. М., 1978. С. 386.

⁷⁴ Египетский летописец свидетельствует: «... бедуины разграбили караван купцов и паломников, возвращавшихся через Суэц. В этом караване было много товаров и денег купцов, а также имущество паломников. Разграбленное в части, принадлежащей купцам, составляло шесть тысяч тюков с тканями, пряностями, кофе и [другими] товарами. Это не считая вещей паломников. Разграбили все вплоть до нательной одежды. ... Возвратившиеся были обобраны догола, а тела тех, которых поубивали, остались брошенными» (там же. Египет в канун экспедиции Бонапарта. С. 263).

⁷⁵ Мелетий. С. 135.

Вид Иерусалима. К. Вернер. 1864 г.

Чтобы держать в повиновении «непокорливых» арабов, Джаззар-паша направил во многие ключевые населенные пункты Палестины комендантов и воинские контингенты, которых местные жители принимали в штыки. В свою очередь, османские администраторы и военные испытывали к арабам антипатию, порой переходящую в ненависть. «Мы когда ехали из Июпии (Яффы. — С.К.) в Иерусалим, — пишет Мелетий, — военнослужащие Турки, провожавшие нас, Арапов называли своими неприятелями»⁷⁶.

Дорабатывая текст «Путешествия» после возвращения на родину, Мелетий включает в него примечание, в котором он рассуждает об эфемерности могущества османов на Святой земле: «В Палестине хотя Турцкое господствование, но поелику их мало там обитает и то в городах, то Арапы по многолюдству с ними как с прочими поступают, ограблывают, а противляющихся убивают, точию не полоняют, поелику некуда их девать»⁷⁷. Такая оценка весьма точно отражает состояние Иерусалимского санджака после очередной отставки Джаззар-паши в 1795 г., когда Палестина в который раз погрузилась в состояние безвластия и междоусобиц. Она также полностью согласуется с мнением посетившего эти края в 1797 г. известного британского путешественника Вильяма Джорджа Броуна, по заключению которого глава Иерусалимского округа не обладал ни толикой власти в своем санджаке, находившемся в руках бедуинов⁷⁸.

⁷⁶ Мелетий. С. 223.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Browne W.G. Travels in Africa, Egypt, and Syria from the Year 1792 to 1798. London, 1799. P. 364.

Как отмечалось выше, мусульмане в целом и последователи пророка Мухаммада из числа арабов в частности не входят в число «главных героев» повествования Мелетия, оттесненные на задний план христианами всех толков и исповеданий.

Эталоном нравственности и образцом для подражания Мелетий считает греческих единоверцев и, прежде всего, греческое духовенство. Выражая свое почтительное, почти коленопреклоненное отношение к грекам, паломник порой впадает в излишнюю сентиментальность: по его словам, греческие духовные лица «любоснискательны», «дружественны», «изъявляют благосклонность и приятство», церковное богослужение «по чиноположению порядочно» «с достолепным благоговением» совершают. Греческие церковные песнопения кажутся Мелетию столь умильными, что «нежные чувства, горящие ко Христу любовью, не могут не омывать лице ... слезными водами», а мысли воспаряют «к горнему мудрованию». Греческие иноки представляются ему людьми «честными», «простодушными», «нравов хороших», а «гробовой же кандиловжигатель⁷⁹ простоты ради и незлобия своего любим даже и Францисканами», которых, по убеждению богомольца, иначе как «волкохищными» не назовешь⁸⁰.

В то же время в нарисованную Мелетием благодатную пасторальную картину, являющую образ греческого инока, исполненного кротости и «любомудрия», как-то не вписывается испытываемое греками «внутреннее отвращение» к католикам и армянам, которое, по мнению русского паломника, «простирается даже до самых малостей и излишества». Хотя сам Мелетий — не меньший, чем восточные греческие единоверцы, армянофоб и антагонист «френков папистанцев»⁸¹. Мелетию бросается в глаза бытовая нетолерантность греческих собратьев по вере и духовному служению. Любая обувь и одежда русских паломников, различающиеся по виду с греческими, тут же объявлялись ими «францисканскими». По рассказам одного из информантов Мелетия, иерусалимские греки практически затравили русского майора только за то, что тот не внял их руководящим указаниям и продолжал носить военную форму немецкого образца. Мелетий сам пал «жертвой» греческой нетерпимости, когда его иерусалимский «гид» — архиепископ Мисаил — вежливо, но настоятельно просил его отказаться от обуви без пряжек и отдал ему свои новые башмаки традиционного фасона

⁷⁹ Церковный служитель, следящий за лампадами в храме Гроба Господня.

⁸⁰ Мелетий. С. 101, 94, 153, 15, 96, 278, 151, 276–277, 219.

⁸¹ Там же. С. 101.

на⁸². Однако в общем и целом эти детали дела не меняют, тем более что Мелетий поддерживает позицию греков по этому на первый взгляд второстепенному вопросу, считая, что она свидетельствует о крепости их традиций, желании отстоять свою духовно-культурную самобытность и стремлении любым способом «расподобиться» с инаковерующими, в том числе и посредством вящих различий в облачении.

Мелетий прекрасно осознает, что «лингвистическая изолированность» греческих священнослужителей затрудняет их общение с иноэтнической паствой и пагубно сказывается на их пастырской и просветительской деятельности. По свидетельству иеромонаха, «приличное для Хаджиев (паломников. — С.К.) поучение» о таинствах искупления, которое иеродьякон произнес на греческом перед воротами церкви Воскресения Христова, поняли едва ли пятеро из 70 паломников из числа анатолийских греков, для которых родным языком был турецкий. Мелетий также констатирует, что пространные проповеди в храме Гроба Господня читаются на греческом, и поэтому «народ, котораго большая половина, не понимает Гречаского языка, бывает не доволен», а общение во время исповеди двух разноязыких людей превращается в «диалог глухих», когда «исповедающийся ... духовника своего вовсе почти не понимает, так как и оной кающагося»⁸³.

При проведении церковного богослужения в различных местах Палестины использовались греческий, арабский и по мере надобности другие языки. В Иерусалимском подворье Яффы в бытность там Мелетия службу отправляли на греческом и арабском языках, а молитвы читались по-арабски. В отдельных случаях в Святом граде во время церковной службы, если в ней участвовали священники-славяне, некоторые возгласы и молитвы произносились «по Славенски (на церковнославянском. — С.К.)», а во время пасхальной литургии в храме Воскресения Христова «Апостол» и «Евангелие» читали на четырех языках, в том числе и на церковнославянском. Последнее было скорее исключением, подтверждавшим устоявшийся порядок. Посему, настаивает паломник, в Иерусалиме нужны для литургических целей, проповеди и исповедания «четыре языка: Гречаской, Славенской, Арапской и Турецкой». Вместе с тем никаких перспектив в исправлении этой неблагоприятной ситуации Мелетий не видит, поскольку «Патриархия по скудости своей ни малой школы содержать не может»⁸⁴. Вне всяких сомнений, российский священноинок близко к сердцу

⁸² Там же. С. 102.

⁸³ Там же. С. 84, 109–110, 283.

⁸⁴ Там же. С. 77, 109, 215, 283.

принимает проблемы и беды греческих собратьев по церковному служению, уделом которых было духовное окормление своей паствы в условиях иноверного господства.

Свою любовь к греческим единоверцам грекофил Мелетий по мере возможности распространяет на православных «Аравийской природы»⁸⁵. С особым пиететом он относится к образованнейшему человеку своего времени, арабу родом из Месопотамии — Иерусалимскому патриарху Анфиму (1788–1808 гг.)⁸⁶. По отзыву иеромонаха, он являл собой пример «добродетельнейшего и кроткого Отценаачальника», расположенного к странникам. Анфим «благосклонно и любезно» принял Мелетия в своей стамбульской резиденции и снабдил его рекомендательными письмами⁸⁷. Тот факт, что иерусалимский первоиерарх постоянно проживал в Стамбуле и только временами наведывался на каноническую территорию своего патриархата, иеромонах объясняет, во-первых, тем, что, находясь в имперском центре близ Высокой Порты⁸⁸, тот мог более действенно защищать права своей паствы «от насилия сопротивных», а во-вторых, тем, что в Святом граде патриарха излишне утомляло попрошайничество несносных «Магометанских Арапов», которые, «к нему приходя во множестве, [требовали] подачки»⁸⁹.

Благоприятное впечатление произвело на Мелетия арабское духовенство Иерусалима и Яффы, которому, по его суждению, была свойственны благоразумие и ответственное отношение к пастырским обязанностям. Как писал иеромонах, один иерусалимский дьякон-араб «за благовоинство и

⁸⁵ Мелетий. С. 245.

⁸⁶ О нем см.: Там же. С. 13–14; Паченко К.А. Анфим // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 716–717.

⁸⁷ Там же. С. 13.

⁸⁸ В ы с о к а я П о р т а — наиболее часто используемое наименование центрального аппарата власти Османской империи.

⁸⁹ Мелетий. С. 16. Как известно, с конца XVII в. до середины XIX столетия все Иерусалимские патриархи избирали своей резиденцией Стамбул, устроив себе там, по словам известного церковного историка и византиниста А.П. Лебедева (1845–1908), «уютный уголок», откуда им было «удобнее следить за переменами курса в церковной и гражданской политике, которые так или иначе могли отражаться на [их] судьбе» (Лебедев А.П. История Греко-Восточной Церкви под властью турок. В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 325). Версия Мелетия о причинах «великого сидения» предстоятелей Иерусалимской церкви в Стамбуле в значительной степени совпадает с мнением по этому вопросу работавшего в Сирии и Палестине в 1839–1853 гг. российского дипломата К.М. Базили (1809–1884), который утверждал, что «патриархи служили в столице ходатаями пред правительством и вельможами за св. церковь, могли жаловаться на злоупотребления местных властей Палестины» (Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 2007. С. 456).

Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Рисунок Н. Г. Чернецова. 1843 г.

приятное чтение по Гречески, любим всеми Архиереями, и каждой почти желает иметь его при своей службе»⁹⁰. По мнению паломника, арабы-христиане Иерусалима отличаются от «прочих соплеменных своих Аравитян» тем, что они «благодравны, разумны и пригожи», а некоторых он вообще посчитал похожими на русских обликом и цветом волос⁹¹.

Тем не менее идиллические оценки Мелетием арабских братьев во Христе подвергаются существенной коррекции, когда речь заходит об арабском населении Вифлеема, в том числе и об арабах-христианах, которые, по мысли иеромонаха, буйным своим нравом ничем не отличаются от мусульман. «Дух жителей Вифлеемских от прочих Аравитян отменно есть иройской (геройский. — С.К.), — подчеркивает богомолец, — но одинаково склонен с ними к грабежам. И хотя они по вере ... друг от друга различествуют, но узами единоплеменной природы и общих выгод крепко вместе связаны. Начальства Турецкаго к себе в город не пушают, и партиями выходят на дорогу, ведущую из Египта в Мекку и Индию для разбоев»⁹².

Когда же дело доходит до арабов-христиан из пограничной с Палестиной Каменистой Аравии — Петреи, Мелетий начинает их с жаром поносить за «варварство» и «развратности», за то, что они «никаких правил

⁹⁰ Мелетий. С. 302–303.

⁹¹ Там же. С. 302.

⁹² Там же. С. 134–135.

в законах своих не соблюдают» и без подношения не желают прислушиваться к пастырскому слову («Архиерею, хотящему их посетить, нужно приготовить много злата»)⁹³. Хотя в другом месте своего «Путешествия», рассуждая о бытии христиан Османской империи в доминирующем мусульманском окружении, Мелетий, справедливости ради, делает ремарку о том, что «церквей ... по деревням и попов не точию в Турции, но и в России нет»⁹⁴.

Отдельную немногочисленную группу арабского населения Палестины, которая не прошла мимо внимания российского паломника, составляли арабы, принявшие католицизм⁹⁵. Они, как считает Мелетий, впав в пагубную ересь, шли на поводу у своих пастырей и вносили посильную лепту в православно-католическое противостояние. Относясь к «Арапам Римскаго исповедания» с явным предубеждением, Мелетий тем не менее полагает, что подлинная «искра Божья» еще теплится в их сердцах, несмотря ни на титанические усилия католиков отвратить их от «истинной веры» их праотцев, ни на попустительства османов, потакающих католической пропаганде. Иеромонах уповает на возвращение заблудших овец стада Христова в лоно греко-православной церкви и торжественно провозглашает: «... скоро услышим ... детей их раздающиеся по церкви [Гроба Господня] гласы: едина есть истинная вера православных Христиан»⁹⁶.

Причудливый «калейдоскоп» представленных в литургической «сердцевине» христианского богослужения — храме Гроба Господня — православных «сект» «иноверных соседей» греков Мелетий характеризует, вдаваясь в мельчайшие детали их учения и ритуала. Паломник бесцеремонно игнорирует инструкции греческих архиереев не показываться без особой надобности во «вражеском стане» и постоянно появляется в местах, где обитают и отправляют богослужение «еретики» «Христианскаго семени». То он неотрывно следит за армянскими обрядами поставления «в дьячки, диаконы и попы», то как бы ненароком задерживается у двери «Френкской молитвенницы», где католики читают «молитвословия» и нещадно бичуют себя веревками, которыми они подпоясывают свои сутаны, то наблюдает за коптами и абиссинцами, которые «при изумленных своих напевах употребляют ... разные инструменты, приплясывая и бия в ладоши»⁹⁷.

⁹³ Мелетий. См. также: С. 308–309.

⁹⁴ Там же. С. 223.

⁹⁵ См.: Там же. С. 77, 81, 301.

⁹⁶ Там же. С. 193.

⁹⁷ Там же. С. 277, 120, 141, 162–164, 147, 226.

Мечеть «Купол Скалы» на Храмовой горе в Иерусалиме.
Гравюра В.Г. Бартлетта. 1820-е гг.

Несомненными «фаворитами», удостоивающимися беспощадной критики российского паломника, являются армяне и католики (в версии Мелетия «френки» или «францискане»), причем первым достается от иеромонаха больше, чем вторым.

Апеллируя к авторитету патриарха Иерусалимского Досифея (1699–1707 гг.), Мелетий повествует о том, как долго и тяжело страдает церковь Христова от армянских «лжехристиан», поскольку армяне — «пронырливые люди», подлаживаясь к сильным мира сего, накладывают руку на чужое церковное имущество и тем самым безмерно обогащаются, а их первоиерархи ловкими трюками и даже клятвопреступлением добиваются желаемого⁹⁸. Пишет иеромонах и о том, что армянские духовные лица заявляют об «отпадении» греко-православной церкви от армяно-григорианской, что, по его разумению, представляет собой отторжение «всего здорового тела» греко-православия от «одного гнилаго пальца». Армянам вменяются в вину следование «учению еретиков», искажение канонов иконографии, «нелепое баснословие» в отношении Спасителя и игнорирование прописных истин⁹⁹. Мелетия раздражают церковные молебны армян, по его словам, надрывные и излишне «шумные» («тревожили меня своим пением Армяне ... Они кричат во всю мочь, с не обыкновенным напряжением»)¹⁰⁰.

⁹⁸ Там же. С. 165, 272.

⁹⁹ Там же. С. 274, 120, 272, 274.

¹⁰⁰ Там же. С. 281, 107.

Со временем выведившее иеромонаха из себя громогласное церковное пение армян стало ему казаться хотя и «натужным», но «отцепреданным»¹⁰¹. Мелетий разграничивает хитроумных приспособленцев и обыкновенных простодушных людей («чернь их, особливо сельская, проста»), упоминает о знакомстве со «знающими армянами»¹⁰², но в целом к армянскому народу и, прежде всего, к его «священносословию» остается непримирим.

«Итальянцы, Немцы, Гишпанцы и других нации», составляющие сообщество «римлян»-католиков, являются для Мелетия «ненавистными врагами православия» и «не меньшими Магометан недоброхотами греков», теми, от которых идут вся крамола и возмущение спокойствия. К глубокому удовлетворению паломника, расцвет католической общины в Святом граде остался давно позади, хотя «наглые Папистов поступки» и во время его пребывания в Иерусалиме продолжали будоражить христиан. Мелетий самолично наблюдал, как францисканцы, отправлявшие «у Святаго гроба некого праздника своего литию (молитвенное священнодействие. — С.К.)», наотрез отказались пропустить в Кувуклий пришедшего «кадить гроб» греческого дьякона, а в храме Рождества Христова в Вифлееме, не удовольствовавшись собственной литургией у яслей в Вертепе, во время проходившей там греческой службы опять принялись громогласно петь, оскорбляя религиозные чувства православных¹⁰³.

Все же очевидная нелюбовь Мелетия к католикам не мешает ему с восхищением рассматривать «восковаго прекраснаго младенца, изображающаго Рожденнаго Христа», которого ему показывал в ризнице вифлеемской церкви Рождества Христова францисканский монах. Подобного младенца, вспоминает богомолец, он уже видел в Иерусалиме во время католического Рождества: «Он лежал ... в горнем месте, на парчевой подушке, осыпанной благовонными цветами»¹⁰⁴. Мелетий несколько раз упоминает использовавшиеся католиками в богослужебных целях органы, однако церковное пение «латинян» его не впечатлило («Оно мне ... не показалось; да и кому приятно слышать низкие и октавистые голоса с надутием в одну ноту поющие?»)¹⁰⁵.

При том, что Мелетия по преимуществу занимает клубок православно-католическо-армянских противоречий, он не упускает из виду другие христианские «неортодоксальные» течения и приводит данные «с заимствова-

¹⁰¹ Мелетий С. 277.

¹⁰² Там же. С. 123, 120–121.

¹⁰³ Там же. С. 119, 191, 267, 118, 173–174.

¹⁰⁴ Там же. С. 131.

¹⁰⁵ Там же. С. 131, 179; 265, 269, 277.

нием из других мест» о коптах, последователях Эфиопской церкви, яковитах, несторианах, маронитах и др.¹⁰⁶ Из его сведений о других церквях и общинах явствует, что от мирного сосуществования их отделяет «дистанция огромного размера». В Иерусалиме иеромонах с любопытством наблюдал через окошко трапезной «великую ссору» в Абиссинском подворье. Зашедший во двор копт справил нужду на церковную стену, после чего началась потасовка между возмущенными абиссинцами и подоспевшими на помощь своему товарищу коптами: победа осталась за эфиопами, нещадно поколотившими коптов палками¹⁰⁷.

Находясь в Палестине, иеромонах держит руку на пульсе событий, неотрывно следит за перипетиями непростых взаимоотношений немусульманских общин и публичными религиозными церемониями, которые «редко без досадительных встреч и неблагопристойностей проходят»¹⁰⁸, а также, опираясь на сведения, полученные от «самовидцев», рассматривает межобщинные конфликты в исторической ретроспективе. При этом субъективность симпатий и антипатий паломника сомнения не вызывает. Вместе с тем знакомство с «Путешествием» Мелетия не порождает ощущение, пользуясь выражением Т.Ю. Кобищанова, «этноконфессиональной слепоты» автора, свойственной многим составителям христианских и мусульманских летописных сводов, которые не решались «приподнять свой взор за пределы круга единоверцев»¹⁰⁹. Более того, принадлежащая Мелетию заключительная обобщающая констатация, посвященная греческой иноческой братии, звучит не как финальный аккорд панегирика в честь ее самопожертвования и подвижничества, а скорее как задумчивое и даже грустное размышление о ее безотрадной судьбе. «Четыре православныя Патриархии, — резюмирует российский паломник, — знаменитые монастыри, в теснейшем же смысле сказать, все Греческое монашеское духовенство, по внешнему виду в каком положении ни есть, однако долг свой в разсуждении соблюдения Христиан по возможности отправляет»¹¹⁰.

Все же в своем повествовании Мелетий ставит греков превыше всех: они возвышаются над другими «разноверными народами» как гиганты над карликами. Точно так же в вопросах церковно-политического свойства и

¹⁰⁶ Там же. С. 123–127.

¹⁰⁷ Там же. С. 266.

¹⁰⁸ Там же. С. 178.

¹⁰⁹ Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII — первая треть XIX в.). М., 2003. С. 317.

¹¹⁰ Мелетий. С. 322–323.

в своих геополитических ориентирах иеромонах непоколебимо стоит на патриотических позициях. Это чувствуется даже когда он тщательнейшим образом, в традиционном паломническом стиле описывает главные святыни христианства. Говоря об иконах, иеромонах по большей части ограничивается определением их сюжета, но когда речь заходит о работах российских иконописцев, он охотно оценивает качество письма и богатство оклада, причем зачастую в превосходной степени («Спасителей образ, прекрасного Российского письма», «образ распятия ... Российского изрядного письма», икона «Российская», которая «по отменно хорошему искусству в написании не исчислимых мелких лиц заставляет даже и Францисканов удивляться и хвалить мастера» и т.д.)¹¹¹.

Тема «русские в османском интерьере» приобретает «новые измерения», краски и нюансы, когда неравнодушный иеромонах обращается к историям соотечественников, попавших на чужбину не по своей воле. В Стамбуле встретил он слепого немощного старика, бывшего гусара, который в 1768 г. был захвачен в плен крымскими татарами и продан в Анатолию. Там храброго воюка держали в цепях, насильно обрезали, а вольность он получил, только когда вконец одряхлел и стал ни на что не годен¹¹².

Его собрат по несчастью, егерь из симбирских мещан, нашедший убежище в резиденции российского посольства, где с ним и познакомился паломник, был еще в расцвете сил и «готов послужить ... Матере Царице». Бежал он из Азиатской Турции, куда попал как военнопленный. Хозяин его, деревенский житель, поставивший дармового работника стеречь хлопковое поле, боялся его настолько, что никогда не приближался к нему без сабли и пистолетов. Волжанин сетовал Мелетию на то, что в покинутых им местах остались еще восемь русских людей у разных хозяев, поскольку издаваемые после заключения мира османские указы об освобождении пленников малоэффективны. «Их серебро пересиливает»¹¹³. Османы же как только не препятствовали выезду русских пленных за рубежи своей империи: тех, кто продолжал упорно держаться своей веры, они старались женить на гречанках и, тем самым, принудить остаться на османской земле¹¹⁴.

Не теряя присутствия духа и с юмором живописал паломнику свои мытарства в неволе бывший военнопленный по имени Андрей. Он приглянулся

¹¹¹ Мелетий. С. 194, 251, 252, 250, 255, 281.

¹¹² Там же. С. 37.

¹¹³ Там же. С. 36.

¹¹⁴ Там же. С. 322.

Хеврон. Гравюра XIX в.

обеим женам его турецкого хозяина, которые были к нему «по сердоболию своему и хорошему нраву ... милостивы и снисходительны». Когда же вести об очередных русско-турецких баталиях и многократно приумноженные слухи о кровожадности и беспощадности русских солдат докатывались до их анатолийской деревеньки, женщины слезно молили невольника спасти их от неминуемой смерти. «Вспомни, — уговаривали они чужестранца, — как мы ... тебя содержали, кормили своею пищею, одежду давали хорошую и белье твое чисто измывали ... разве ты не ведаешь, что твоя неволя не от нас зависит». Андрей, втихомолку потешаясь над «малодушием» турчанок, продолжал пользоваться их расположением. Сама же грустная история его жизни в рабстве завершилась счастливым концом: «как воспоследовал мир, Андрей уехал в Россию», а сочувствовавшие ему женщины «в доме своем живы остались»¹¹⁵.

Зафиксированные Мелетием истории русских военнопленных добавляют новые штрихи к теме «русские в Османской империи», которая в последнее время привлекла пристальное внимание историков, стремящихся уяснить истоки стереотипов взаимонеприятия, работающих в системе «Свой» — «Чужой».

Для Мелетия интересы и престиж отечества были столь же важны, как религиозные ценности и устои православия. Не случайно, когда он вышел

¹¹⁵ Мелетий. С. 37–38.

на набережную у Хиосской крепости, с которой открывался вид на бухту Чешме, первые его мысли были о Чесменском сражении (июнь 1770 г.), в ходе которого при превосходящих силах противника русская эскадра графа А.Г. Орлова одержала полную победу над османским флотом под предводительством Хасана ал-Джазаирли. Со слов местного жителя — свидетеля той незабываемой страшной ночи, когда зажигательные снаряды и брандер¹¹⁶ лейтенанта Ильина вызвали пожар, уничтоживший почти всю флотилию противника, Мелетий сделал запись в своем дневнике: «... та ночь ... представлялась превращением света. Пушечная стрельба, как страшные громы ударили, от горящих же и возжигающихся кораблей ... воздух как бы в пламени был и горел, равным образом кипение морское, шумящий ветер и тяжелой запах от горящих материй великой трепет и ужас производили»¹¹⁷. Хотя со времени этого памятного морского боя минуло уже почти четверть века, море, по словам иеромонаха, продолжало выбрасывать на берег обломки погибших тогда кораблей, воскрешая память о павших героях Чесменской баталии.

Мелетия несомненно волнует судьба славян «разных природ», страдающих от османского ига. Об этом, в частности, свидетельствует включенный им в описание своего паломничества рассказ богомольца-болгарина «о разорении своего отечества от Турецких явных разбойников». Болгарский монах «жалостно» поведал российскому иноку о дани, которой турки обложили Плевну: размер ее был столь велик, что османь отказались брать ее в серебряном эквиваленте по причине «тягости» мешков с деньгами и заставили уплатить ее золотом. Если же обнищавшие поселяне не были в состоянии откупиться от супостатов, то те расправлялись с ними без жалости и снисхождения: сжигали их хижины, не успевших скрыться убивали, а девушек похищали «в злодейской стан»¹¹⁸.

Отрывочные замечания Мелетия, прямо или косвенно связанные с восточной политикой России, дают основание полагать, что мысли его не расходились с российским державным подходом к «царьградско-иерусалимской» теме. Здесь нелишне будет вспомнить об излюбленном детище Екатерины II — «Греческом проекте», суть которого, согласно дипломатическим документам и озвученной императрицей версии, состояла в «совершенном истреблении Турции» и «восстановлении греческой монархии на развали-

¹¹⁶ Брандер — корабль, нагруженный легкогорючими либо взрывчатыми веществами, используемый для поджога и уничтожения вражеских судов.

¹¹⁷ Мелетий. С. 318.

¹¹⁸ Там же. С. 224, 171.

нах павшего варварского правления»¹¹⁹, но о конечных целях которого приходится только догадываться¹²⁰.

Вряд ли Мелетия посещала абсурдная идея о переносе Гроба Господня в Россию, о чем когда-то подумывал Петр Великий¹²¹, вместе с тем при знакомстве с текстом его «Путешествия» возникает стойкое ощущение, что автор лелеял мечту о водружении российского флага в Константинополе и на Святой земле. По его заверениям, единоверные арабы Иерусалима открывали ему «желание свое быть под покровом Российскаго государя»¹²². Более того, иеромонах утверждал, что даже палестинские арабы католической веры, зашедшие в православный храм на литургию, признав в нем россиянина, доверчиво делились с ним своим сокровенным желанием, чтобы «Российский государь выгнал Турков из Святых мест»¹²³.

Мелетий и сам пытается выяснить уровень антиосманских настроений местного населения и порой, возможно, принимает желаемое за действительное. Направляясь в лавру Святого Саввы в сопровождении местного араба-христианина, он как бы невзначай, в паузе между разговорами спросил провожатого: «Ежели ... придет сюда наш царь и даст вам золото, ружья, сабли и копыя, что вы станете делать с Турками?» Араб этот провокационный вопрос проигнорировал, однако богомолец посчитал, что тот «восхитительным и приятным видом своим соответствовал [его] мыслям»¹²⁴.

Каким бы образом ни прорабатывалась «восточная» тема в российских дворцовых и дипломатических кругах, и каковыми бы ни были потаенные замыслы Екатерины II в отношении Восточного Средиземноморья, русское военное присутствие на островах Архипелага оказалось недолгим. Что же

¹¹⁹ Россия в Святой земле. Документы и материалы. В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 15.

¹²⁰ «Греческий проект», сформулированный на дипломатическом уровне в конце 70-х — начале 80-х гг. XVIII в., предусматривал создание на основе европейских владений Османской империи (Бессарабии, Молдавии и Валахии) буферного государства Даккии во главе с монархом-христианином. По мнению М.С. Мейера, «Греческий проект» отразил преувеличенную оценку степени слабости Османской империи в окружении Екатерины II: «политическая комбинация, которая была положена в основу проекта, была явно неосуществима», тем не менее «ее выдвижение помогло Петербургу реализовать свой план присоединения Крыма»: Мейер М.С. Между Востоком и Западом: Османская империя // Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 587.

¹²¹ Пономарев С.И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах. Материалы для библиографии // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. 1877. Т. XVII. Вып. 2. С. XVI.

¹²² Мелетий. С. 303.

¹²³ Там же. С. 141.

¹²⁴ Там же. С. 150.

касается османов, то они категорически отказывались от любых территориальных уступок России в этом регионе¹²⁵. Во время кратковременной остановки на Кипре у Мелетия вышел разговор на государственную тему с местными жителями, которые задали ему прямой вопрос: «Когда придет сюда императрица Екатерина и избавит нас, подобно как Крым, от порабощения?» Не будучи ни политиком, ни дипломатом, Мелетий в своем ответе проявил чуткость, здравомыслие и осмотрительность. «Други мои! — сказал им иеромонах, — дело сие зависит от Всевышней Божией власти; а притом, судя по натуральному порядку между Крымом и вами много есть различия. Он существует под ногами России: Кипр же где? Знаете сами. Но молитесь, когда Оттоманская глава сокрушится, то скоро будет и ваше избавление»¹²⁶.

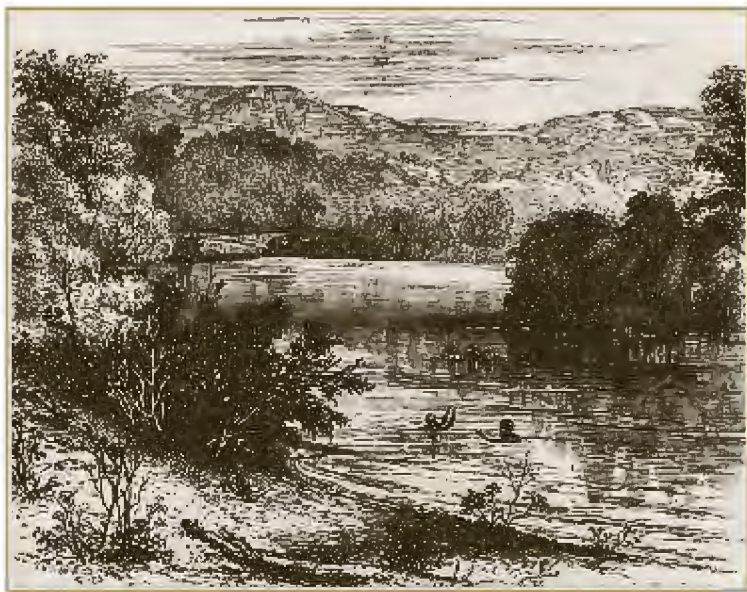
С такой же рассудительностью и тактичностью, однако более настойчиво, в проповедническом духе Мелетий увещевал своих идейных противников — раскольников-некрасовцев¹²⁷, с которыми он столкнулся лицом к лицу в мае 1794 г. на стамбульской набережной незадолго до отплытия в Россию. Они вкратце изложили иеромонаху ту часть их драматической эпопеи, которая началась с продвижения русских войск в Приазовье. Покинув свои жилища на Кубани, они числом 10 тысяч удалились в Анатолию, где «мор истребил» более $\frac{3}{4}$ переселенцев. Оставшиеся в живых ушли «в Румелию к Дунайским берегам», однако там они столкнулись с днепровскими казаками, появившимися на Дунае после разгрома в 1775 г. Запорожской Сечи. При столь неблагоприятном стечении обстоятельств в некрасовской общине произошел раскол и образовались две противоборствующие группировки. Наиболее многочисленная «партия», представители которой и беседовали с Мелетием, хотела бы вернуться в Россию, тогда как вторая, хотя и меньшая, «но сильнее по старшинству», подобную идею находила несвоевременной и вредной в силу, как было сказано, их «затверделости и по боязни»¹²⁸. Внимательно выслушав османскоподданных «Игнат-казаков»-

¹²⁵ Подробнее об этом см.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.

¹²⁶ *Мелетий*. С. 71–72.

¹²⁷ Старобрядцы-некрасовцы — потомки донских казаков, участников восстания 1707–1709 гг. под предводительством Кондрата Булавина (1660–1708), ушедших с атаманом Игнатом Некрасовым (ок. 1660–1737) на правобережье Кубани, под крыло вассала Османского государства — крымского хана, а затем в начале 40-х гг. XVIII в. переселившихся на территорию Османской империи, в Добруджу и в Малую Азию. В конце 80-х гг. XVIII в. часть некрасовцев вновь двинулась в путь и обосновалась на озере Маньяс в Азиатской Турции. Таким образом, оформились два «некрасовских колена» — так называемое «майносское» и дунайское. С представителями последнего — «дунаками» — и общался Мелетий.

¹²⁸ *Мелетий*. С. 323.

Река Иордан. Гравюра XIX в.

староверов, иеромонах незамедлительно приступил к агитации непримиримых борцов с российским самодержавием: «... пора друзья образумиться и бросить упрямство, которое губит всякаго: а бояться нечего, ибо Царское правосудие и милость, когда приидете с повинною, простит вас, и даст для поселения, и места и землю»¹²⁹. Призыв россиянина, хотя и звучал, казалось, убедительно, однако, как показали дальнейшие события, желаемого действия не возымел¹³⁰. Вывод же из истории скитальцев — «Игнат-казаков» Мелетий сделал однозначный — всем воздается по делам их, и записал в своем дневнике: «Таковы то плоды суевернаго раскольников поступка!»¹³¹

Сколь информативную, столь и привлекательную часть «документально-очеркового» слоя «Путешествия» Мелетия составляют наблюдения, касающиеся природы посещаемого общества и повседневной жизни его обитателей. Мелетий-монах — человек не от мира сего, а Мелетий-путешественник — человек открытый миру и изумляющийся красоте его многообразия. Воспринимая османский мир, прежде всего, через призму религиозных воззрений, паломник отдает дань его очарованию и экзотике.

Коротавший долгие годы в «богоммысленном уединении» монашеской обители, иеромонах на удивление быстро адаптировался к новому незна-

¹²⁹ Мелетий. С. 323–324.

¹³⁰ Хотя возвращение некрасовцев малыми группами на историческую родину началось с 1912 г., однако большим числом (1 тыс. человек) они переехали в Российскую Федерацию, в Ставропольский край, только в 1962 г.

¹³¹ Мелетий. С. 324.

комому окружению. Природа Ближнего Востока, богатство ее флоры и фауны, сменяющие друг друга ландшафты и, прежде всего, «веселое зрелище гор, долин и равнин, покрытых различным лесом, одетых зеленостью и испещренными цветами, с протекающими источниками» и запах «сладкоуханных деревьев» приводили его в восхищение¹³².

Поразительно отношение Мелетия к непривычным съедобным плодам и растениям, восточной кулинарной культуре, ее напиткам и яствам, его стремление разнообразить палитру привычных вкусовых ощущений. По признанию иеромонаха, он повидал в отдаленных иерусалимских окрестностях немало видов «поваренных трав и зелий», многие из которых «не вареная пищею служить могут», и, будучи в обители Святого Саввы, «не без приятности» отведал «два или три рода трав, растущих на монастыре»¹³³. Мелетий заинтриговывает читателя рассказом о произрастающем в Палестине экзотическом фрукте под названием «хох»¹³⁴ («величиною с малое яблоко, вкусом похоже на недоспелой огурец»¹³⁵), который представлял собой обыкновенный плод то ли сливового, то ли персикового дерева, однако недозрелый, поскольку пробовал его паломник в начале апреля. К концу путешествия священноинок уже хорошо разбирался в плодовых культурах Восточного Средиземноморья и наметанным глазом отличал превосходные анатолийские фиги из Смирны от уступающих им в сладости смокв «Архипелагских островов». По вкусу пришлась богомольцу и отменная «сакисская (хиосская. — С.К.) [виноградная] водка», признанная наилучшей во всей Турции¹³⁶.

Предшественник Мелетия, паломник-писатель Иван Лукьянов, побывавший на Востоке в начале XVIII столетия, даже не пытался преодолеть своих косных пищевых привычек и с нескрываемым отвращением относился к «черной воде гретой» — кофе и морским деликатесам — «ракам и мясам, что в раковинах»¹³⁷. Мелетий же, как истинный гурман, никогда не отказывает себе в удовольствии выпить чашечку кофе, при этом он объясняет неискушенным российским соотечественникам, что турки потребляют этот напиток не на европейский, а на восточный манер, «без сахару и молока, и то по одной чашке, в кофейных же домах подносится она за одну пару с выкуре-

¹³² Мелетий. С. 188, 9, 309.

¹³³ Там же. С. 300.

¹³⁴ Араб. хух (собирательное) на сирийском диалекте означает «сливы», а на египетском и иракском диалектах — «персики».

¹³⁵ Мелетий. С. 300.

¹³⁶ Там же. С. 315.

¹³⁷ [Лукьянов И.]. Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова: 1701–1703. М., 2008. С. 283, 355, 289.

нием трубки табаку»¹³⁸. Когда корабль с паломниками в Дарданеллах попал в штиль и спутники иеромонаха принялись ловить на мелководье устриц, Мелетий сначала пустился в пространные рассуждения о повадках морской живности — устриц, каракатиц и разнокалиберных креветок¹³⁹, предприняв настоящий экскурс в ихтиологию, а потом съел сваренных моллюсков с вящим удовольствием и заключил: «Пища сия есть весьма вкусная»¹⁴⁰.

В своем дневнике паломник делает записи о необычных для посещаемых мест природных явлениях, например, о случившейся в Иерусалиме в марте 1794 г. грозе с дождем, снегом и градом с горошину, каковой там не видывали в течение сорока предшествующих лет, или о поразившей за несколько лет до его приезда в Святой град редкостной стуже, во время которой перемерзло множество «убогих разноверных людей»¹⁴¹.

Плывя на корабле, иеромонах, никогда ранее не путешествовавший морем, поражается величию и безжалостности морской стихии. Несколько пережитых иеромонахом штормов были исключительно свирепыми, но Мелетий, полумертвый от морской болезни, переносил злоключения со стоическим терпением и мужеством и «страхом, уповая на милость Божию, ... не был поражен»¹⁴².

Присматриваясь к повседневной жизни Палестины, Мелетий обращает внимание на самые простые, обыденные вещи. Иеромонах примеряется к ценам на продовольствие, фиксируя колебания рыночной конъюнктуры в зависимости от наплыва богомольцев. Он берет на заметку низкие цены на экзотические плоды и высокую стоимость привычных для россиянина продуктов питания — яиц, молока и рыбы (как он пишет, в Иордане водится «премножество разных родов» рыбы, однако «Иерусалимляне, по причине варварских обстоятельств, ею не пользуются», имея в виду сложность ее доставки через племенные кочевья, равно как и проблематичность самого рыболовства, да и вообще нахождения у Иордана без оружия)¹⁴³.

Иеромонах отмечает необычайную активность торговли на иерусалимских базарах, когда в городе находятся крупные партии паломников, которые «закупают не мало товаров и для своей отчизны». Богомольцев привле-

¹³⁸ Мелетий. С. 13, 85, 90, 78, 97.

¹³⁹ Автор выражает искреннюю благодарность доктору биологических наук, профессору МГУ Р.Д. Жантиеву за идентификацию видов морской фауны Средиземноморского бассейна, описанных Мелетием в его «Путешествии».

¹⁴⁰ Мелетий. С. 319–320.

¹⁴¹ Там же. С. 49, 310, 246.

¹⁴² Там же. С. 2, 8, 59.

¹⁴³ Там же. С. 306–307, 183.

кают как изделия местных ремесленников, так и товары, привезенные из других мест, в том числе и из-за рубежей Османской империи, — «разные шелковые и бумажные ткани и кисеи; или белые бязи; посуда фарфоровая, кофе, финики». Ни один паломник не возвращался на родину из Палестины без порой неказистых, но милых сердцу сувениров, в числе которых были «кресты, перловые (сделанные из перламутра. — С.К.) образа, чотки и другая мелочи». Художественные произведения арабских иконописцев, в том числе растиражированные изображения Святого града с его достопримечательностями, Мелетий оценивает весьма невысоко. Тем не менее они бойко раскупались паломниками, принося немалый доход как торговцам, так и самим живописцам. В то же время он отмечает превосходное качество «рукоделий» палестинских серебряных дел мастеров, в том числе церковной утвари¹⁴⁴.

Критический дух и незашоренность восприятия жизни не покидают Мелетия, когда он странствует по Земле обетованной. Ему категорически не нравится Яффа с ее петляющими замусоренными улочками и неказистыми строениями. «... улицы тесны, кривы и нечисты; никаких хороших зданий нет, — отзывается о городке Мелетий, — всего лишен, что прежде до разорений своих имел изящное. Для пристанища кораблей, от нерадения Турков, почти никакой гавани нет»¹⁴⁵. Разочаровали богомольца обезображенная «развалинами и пустотою» Рамла и беспорядочная застройка жилых кварталов Вифлеема с его «неуборными» улицами¹⁴⁶. Даже основополагающая религиозная цель странствия — Святой град Иерусалим, когда дело касалось городской топографии в нерелигиозном контексте и цивильных построек, не произвел на паломника особого впечатления («Улицы непорядочны и узкия, дома все из тесанаго камня, крышки плоския»)¹⁴⁷.

Однако все эти нелестные замечания не означают, что богомолец утрачивает «сакральное» видение Палестины¹⁴⁸ и не обретает на ее зем-

¹⁴⁴ Мелетий С. 310, 307.

¹⁴⁵ Там же. С. 76.

¹⁴⁶ Там же. С. 81, 134.

¹⁴⁷ Там же. С. 301.

¹⁴⁸ Образцом «сакрального» восприятия Святой земли служит следующий проникновенный отрывок, в котором славословия в адрес реки Иордан сопровождаются неизбежными легендарно-библейскими коннотациями: «Благословенный Иордан сколько ни знаменит есть по прехождению в нем по суху сынов Израилевых со Иисусом Навином, такожде Или и Елиссея, по очищению Нееманову от проказы и других чудесностях, воспоминаемых в Ветхом Завете; но всего более и преславнее просиял крещением во струях своих Сына Божия, при котором трисолнечное Божество открылось вселенной, Сын крещался плотию, Дух Святыи в виде голубине (голубя. — С.К.) осенил его, Отец с небеси испустил глас: “сей есть Сын мой возлюбленный, о нем же благоволих”» (Там же. С. 184).

Караван. Рисунок XIX в.

ле молитвенное вдохновение. Вступив в пределы Святой земли, Мелетий, как и другие богомольцы, живет «жизнью библейских и евангельских персонажей»¹⁴⁹. Хотя иеромонах не впадает в состояние безудержной религиозной экзальтации, однако он истово молится и «в восхищении и радости духовной» «лобызает» святыни, кресты и иконы, изливает «умилительные ... чувствования, благодаря Господа, удостоившаго» его увидеть священные места¹⁵⁰.

Как и у других паломников, в сознании Мелетия образ Святой земли существует в разных измерениях: легендарно-библейском с присущим ему мифологическим и религиозным символизмом и мирском, реальном, буднично-прозаическом. Библейские ассоциации если не звучат, то явственно ощущаются в описаниях природного богатства Святой земли, когда паломник говорит о ее «доброй к возделыванию земле», приносящей «великие урожаи», о диковинных «райских» плодах — апельсинах, лимонах, смоквах, финиках, померанцах, миндале и проч., о «благодатной природе, не оставляющей казнимую страну ... и поныне осеняющей [ее] рощицами и пролесками различных тамошних деревьев»¹⁵¹.

Однако «сакральный» образ Святой земли рисуется Мелетием как дивный, но ускользающий мираж, вызывающий чувство шемящей ностальгии по давным-давно канувшей в Лету эпохе. Гимн в честь Святой земли Мелетий начинает в настоящем времени, а завершает в прошедшем: ««В разсуждении же всей Палестины излишне упоминать о произрастаниях и изобилии оной, поелику никто, кроме вольнодумческих суетных умов, о том не противоречит, что бог шествующему из Египта Израильскому народу страну сию предлагает как полную трапезу, кипящую медом и млеком. Пшеница, ячмень и проч. раждались тамо до преизобилия; винограды, смокви,

¹⁴⁹ Смелянская И.М. Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. 1995. № 5. С. 71.

¹⁵⁰ Мелетий. С. 87, 90, 92, 145, 195, 228, 112.

¹⁵¹ Там же. С. 134, 76, 187, 77, 300, 309, 299–300.

масличия и другие плодоносные деревья покрывали землю, так, что в мирное царство Соломоново все люди жительствоваали под виноградами своими и под смоковницами, ядуше и пиюше без печали»¹⁵². «Экологические» потрясения, связанные с вездесущим «человеческим» фактором, начались там еще на заре христианства. «Окрестность Иерусалимская, как и другие места, — пишет Мелетий, — при пагубном Титовом пленении Иерусалима»¹⁵³, была вся опустошена; леса, роши и сады вырублены, и тогда лишились поток Кедрский всех своих осеняющих кедров, Елеон же маслин, ... которые на оной и ныне растут, но уже изредка»¹⁵⁴. Паломника охватывают печаль и сострадание, когда он говорит о современной ему Палестине: «... к жалости, вся почти обетованная земля ныне остается без возделования, и опустошается от необузданных своих жителей, которые за лучшее поставляют жить грабительством и терпеть скудость, нежели от трудов быть в довольствии»¹⁵⁵. Однако с какого бы ракурса иеромонах ни смотрел на Палестину — «природоведческого», религиозного, исторического, этнографического или житейского, она всегда остается для него прежде всего колыбелью христианства, отмеченной печатью сакральности.

Святая земля манила и притягивала Мелетия. Спустя десять лет после возвращения из паломничества, в 1805 г. он вновь отправился в Палестину. Во время первого странствия иеромонах чуть не погиб во время страшной бури на Средиземноморье. В своем дневнике богомолец записал, что тогда он воочию убедился в правоте народной мудрости, гласящей: «Кто на мори не бывал, тот прилежно Бога и Святых не призывал»¹⁵⁶. Второе путешествие обернулось трагедией. Морская стихия не смиловилась над паломником. Его корабль потерпел крушение 6 ноября 1805 г. на подходе к палестинскому побережью, и хотя Мелетий спасся, однако уже через два дня отошел в мир иной и был погребен в одном из поселений в 17 верстах от Акки¹⁵⁷.

На страницах своего «Путешествия во Иерусалим» Мелетий, человек страстей и пристрастий, предстает перед нами с ожидаемых и неожиданных сторон. Ему присущи многие взаимодополняющие и взаимоотрицающие черты и качества: эрудированность и зависимость умственного

¹⁵² Мелетий. С. 300.

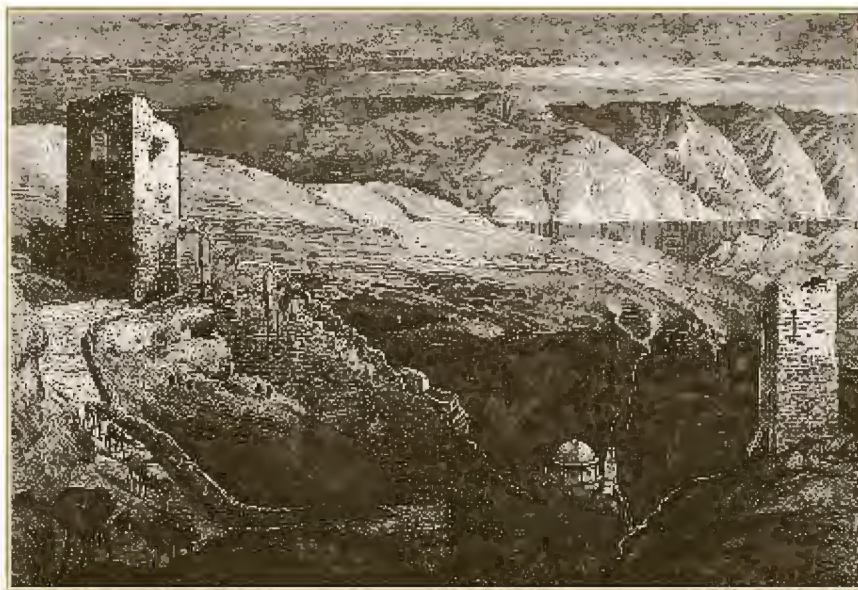
¹⁵³ Имеется в виду захват города римским императором Титом в 70 г. н.э.

¹⁵⁴ Мелетий. С. 299, 295.

¹⁵⁵ Там же. С. 301.

¹⁵⁶ Там же. С. 58–59.

¹⁵⁷ Болховитинов Е. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. С. 214.

Вид на Мертвое море от лавры Святого Саввы.
Гравюра XIX в.

багажа от религии и теологии, педантизм и буквализм в вопросах догматики и ритуала, но и способность сомневаться, набожность и прагматизм, рационализм, навеянный екатерининской эпохой, и чувствительность, порой переходящая в сентиментальность, человеколюбие и ксенофобия, непоколебимая вера в собственную вероисповедную исключительность и позитивное отношение к проявлениям инаковости, и, наконец, жизнелюбие и открытость радостям бытия. Мелетий, или, как он именовался на турецкий манер в выданном на его имя султанском фермане, «монах Российской Империи Милти»¹⁵⁸ — недоброжелатель христиан-«еретиков», пламенный грекофил, ярый апологет российской официальной церковной политики и инок «остраго ума и благомыслящий о России»¹⁵⁹ — донес до нас свое собственное своеобразное видение многоликого османского мира конца XVIII столетия.

¹⁵⁸ Мелетий, С. 42.

¹⁵⁹ Там же, С. 310.

REFERENCES

1. *Bolhovitinov E.* The Historical Dictionary of the Russian Writers — Clerics of the Greek-Orthodox Church [Slovar' istoricheskiy o byvshih v Rossii pisatelyah duhovnogo china Greko-rossiyskoy cerkvi]. Moscow, 1995.
2. *Kobishhanov T.Y.* Christian Communities in the Arab-Ottoman World (XVII — First Three Decades of the XIX Century) [Hristianskie obshhiny v arabo-osmanskom mire (XVII — pervaya tret' XIX v.)]. Moscow, 2003.
3. *Lebedev A.P.* History of the Greek-Eastern Church under the Rule of Turks [Istoriya Greko-Vostochnoy Cerkvi pod vlastyu turok]. 2 vols. Moscow, 2004.
4. *Meyer M.S.* Between the East and the West: Ottoman Empire [Mezhdu Vostokom i Zapadom: Osmanskaya imperiya] // World History. The World in the XVIII Century [Vsemirnaya istoriya. Mir v XVIII veke]. Vol. 4. Moscow, 2013.
5. *Panchenko K.A.* «Anfim» // Orthodox Encyclopedia [Pravoslavnaya enciklopediya]. Vol. 3. Moscow, 2001.
6. *Ponomarev S.I.* Jerusalem and Palestine in Russian Literature, Science, Art and Translations. Materials for the Bibliography [Ierusalim i Palestina v russkoy literature, nauke, zhivopisi i perevodah. Materialy dlya bibliografii] // Collection of Articles of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences [Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk]. Vol. XVII. Is. 2. 1877.
7. *Smilyanskaya I.M.* The Eastern Mediterranean in the Eyes of Russians and from the Perspective of Russian Policy (Second Half of the Eighteenth Century) [Vostochnoe Sredizemnomor'e v vospriyatii rossiyan i v rossiyskoy politike (vtoraya polovina XVIII v.)] // Vostok. № 5. 1995.
8. *Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B.* Russia in the Mediterranean. The Archipelago' Expedition of Catherine the Great [Rossiya v Sredizemnomor'e. Arhipelagskaya ekspediciya Ekateriny Velikoy]. Moscow, 2011.
9. *Cohen A.* Palestine in the 18th Century. Patterns of Government and Administration. Jerusalem, 1973.

Ключевые слова:

Османская империя, Святая земля, паломничество, Мелетий

Svetlana A. Kirillina

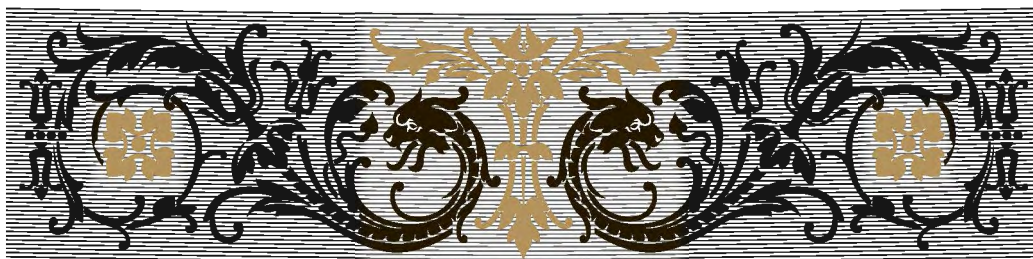
«I FELT AN OWERWHELMING DESIRE
TO VISIT THE CITY OF JERUSALEM AND
TO VENERATE ITS HOLY PLACES»:
RUSSIAN PRIEST-MONK IN THE DOMAIN
OF THE OTTOMAN SULTAN

Meletiy, a priest-monk from the famous monastic community of Sarov in the eparchy of Tambov, undertook a pilgrimage to the Holy Land in 1793–1794 during the reign of Sultan Selim III and thereafter produced a travel account entitled *The Journey to Jerusalem*. His pilgrimage record encompasses wide-ranging rich information about distant lands including data that go far beyond typical, axiomatic pilgrimage interests. It contains valuable observations of the character and political conduct of Ottoman citizens, their occupations and ways of life, manners and customs, their religion, culture and mentality. Meletiy was a man of both curious and reflective mind, a patriot of his motherland and a cleric who firmly believed that Christianity was by far superior to all other religions. The data derived from Meletii's fascinating travel account allows us to have a closer look at the image of the Other in pilgrimage literature which retained its significance for the formation of the 'image of the Orient' in the 18th-century Russia.

 Кириллина Светлана Алексеевна

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова

Т.Ю. Кобищанов

ЧУЖБИНА ИЛИ НОВОЕ ОТЕЧЕСТВО: УРОЖЕНЦЫ РОССИИ НА ОСМАНСКОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В XVII—XVIII ВВ.

Вплоть до XIX в. Ближний Восток представлял в русском православном сознании как Святая земля, хранившая следы Божественного присутствия посреди поглотившей ее тьмы мусульманского владычества. Завесу, отделявшую от России далекие и манящие святыни христианства, решались при-

поднять немногочисленные паломники, пускавшиеся в опасные путешествия в Палестину и Египет. Духовная жизнь странников, их ментальная и нравственная эволюция, трансформация их восприятия мира ислама и проживавших в нем единоверцев стали в последние годы объектом ряда исследований, особое место среди которых занимает монография С.А. Кириллиной¹.

Однако пилигримы (не только христианские, но также еврейские и мусульманские) не были единственными россиянами, добравшимися до Османского Ближнего Востока. Сохранились разрозненные и немногочисленные упоминания о посещении этих мест русскими купцами. В частности, французский путешественник Жан Палерн, перечисляя торговавших в конце XVI в. в Каире негоциантов, упоминает «фесцев [жителей марок-

¹ Кириллина С.А. Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVII—XVIII столетий. М., 2010.

канского г. Фес], эфиопов, арабов, индийцев, персов, караванов [очевидно, уроженцев тунисского Кайруана], армян, русинов [Russiens], грузин, татар, московитов [Moscovites], греков и нескольких франков итальянского происхождения². Торговые связи России со Средиземноморьем значительно активизировались в последней четверти XVIII в. Если в 1763 г. «содержатель железных и медных заводов» Иван Твердышев еще только разворачивал перед вице-канцлером князем А.М. Голицыным (1723—1807) заманчивую картину «доставки всяких тяжелых продуктов... на все берега Средиземного моря... до Александрии и Египта»³, то уже менее чем через два десятка лет Россия вышла на пятое место по тоннажу заходивших в Египет торговых судов. В 1785 г. александрийский порт посетило 11 кораблей под русским флагом со 165 членами экипажа⁴, из Египта и Сирии эти транспорты ходили в Таганрог и Херсон. В подавляющем большинстве их владельцы и команда состояли из этнических греков, однако встречались среди них и русские купцы, подобные торговцу сукном Осипу Иванову, приехавшему весной 1796 г. с партией товара в Каир⁵. Впрочем, никаких зафиксированных воспоминаний от посещавших Ближний Восток «людей дела» не осталось.

В последней четверти XVIII в. на Ближнем Востоке появились и первые российские дипломаты, военные и искатели приключений. В их числе следует выделить лейтенанта С.И. Плещеева, участника «средиземноморской экспедиции» 1769—1774 гг. и автора «Дневных записок путешествия в Сирию»⁶; консула Конрада Тонуса, прожившего более трех лет в Александрии и Каире (1785—1787 и 1788—1789 гг.); а также титулярного советника Энрико Франкини, побывавшего в 1799—1800 гг. в Сирии и Египте в качестве российского представителя при армии великого визиря. Однако военно-политические контакты России с арабо-османским миром оставались в эту пору крайне эпизодическими и обрывочными.

Наиболее многочисленной группой бывших российских подданных, оказавшихся на Ближнем Востоке в XVI—XVIII в., являлись невольники. Их основную массу составляли пленные, захваченные татарами на землях к северу от Черного моря, превратившихся, по словам современников, в настоя-

² *Palerne J. Le voyage en Egypte de Jean Palerne, Forésien, 1581. Le Caire, 1971. P. 55.*

³ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 89/8. Сношения России с Турцией. Т. 1. Ед. хр. 337. Л. 3.

⁴ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 971. Л. 25.

⁵ АВПРИ. Ф. 90/1, Константинопольская миссия. Ед. хр. 1271. Л. 1 об.

⁶ *Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся, с краткою историею Али-беевых завоеваний, российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета. СПб., 1773.*

щий «рабовладельческий питомник»⁷. По подсчетам американского исследователя Алана Фишера, которые он сам признает неполными и заниженными, в период с 1463 по 1794 г. крымские татары угнали в полон более трех миллионов жителей России, Украины и Южной Польши. Часть пленников оставалась татарами в своих владениях, другая — предназначалась для последующей перепродажи на рынках крупных османских городов, включая ближневосточные⁸. Ежегодно из Северного Причерноморья, носившего в ту эпоху название «Черкессии»⁹, корабли работорговцев поставляли на берега Нила сотни «мингрелов, черкесов, московитов, руссов¹⁰ и литвинов»¹¹. Джозеф Питтс, английский моряк, захваченный в плен алжирскими пиратами, попав в 1685 г. на невольничий рынок Каира, упоминал, что основную массу «живого товара» составляли там «москвиты и русские либо уроженцы тех земель... угнанные в полон татарами и привезенные турецкими купцами»¹².

Их судьба была различна. Большинство рабов-мужчин «оставляли в Турции, используя как гребцов на галерах»¹³. По словам известного хорватского ученого-энциклопедиста XVII в. Юрия Крижанича (1618–1683), «на

⁷ *Volney. Voyage en Syrie et en Egypte. 3e édition, 1799 // Œuvres. Tome troisième. Paris, 1998. P. 84.*

⁸ *Fisher A. Muscovy and the Black Sea Slave Trade // Canadian American Slavic Studies, 1972. Vol. 6. P. 580–583.*

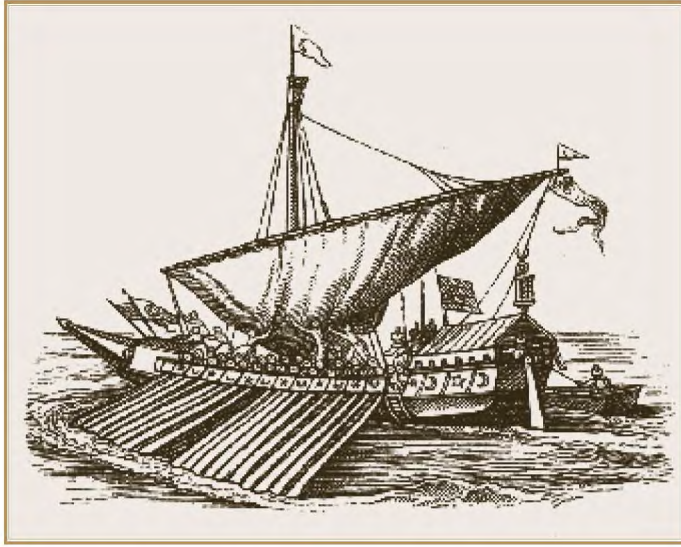
⁹ *Хомко С.Х. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001. С. 205–221.*

¹⁰ В круг задач данной работы не входит анализ теорий о происхождении этнонимов «русы» и «русские» и проблемах этногенеза территорий, впоследствии вошедших в состав России и Украины. Отметим лишь, что в османский период египтяне, равно как и большинство посещавших Ближний Восток западных путешественников, употребляли термин «русские» (*ар-рус*) как собирательное наименование полиэтнического населения Северного Причерноморья, в отличие от «москвитов» (*ал-муску*) — уроженцев Великороссии. После присоединения к Российской империи территорий Северного Кавказа и Восточной Грузии термин «ар-рус», как отмечал известный американский востоковед Дэниел Креселиус, начал применяться и к выходцам из этих земель (*Creceilius D. The Mamluk Beylicat of Egypt in the Last Decades before its Destruction by Muhammad 'Ali Pasha in 1811 // The Mamluks in Egyptian Politics and Society. Ed. by Philipp Thomas, Ulrich Haarmann. Cambridge, 1998. P. 128*). Сферу представленного исследования мы ограничиваем исключительно уроженцами Центральной России и Северного Причерноморья, то есть областей с преобладающим восточнославянским этническим компонентом.

¹¹ *Postel Guillaume. La Tierce partie des Orientales Histoires où est exposée la Condition, Puissance et Revenue de l'Empire Turquesque: avec toutes les provinces et pais généralement depuis 950 ans et ça partout Ismaelites conquïs. Poitiers; chez Enguillbert de Marnef, 3 parties en un volume. P. 18. Цит. по: Bernard Y. L'Orient du XVIe siècle. Une société musulmane florissante. P., 1988. P. 293.*

¹² *Pitts J. Voyage de Joseph Pitts. 1685 // Voyages en Egypte pendant les années 1678–1701. Le Caire, 1981. P. 134.*

¹³ *Ibid. P. 134.*

Османская галера. Гравюра XVIII в.

всех военных кораблях турецких не видно почти никаких других гребцов, кроме русских людей; по всем городам и местечкам Турецкой империи такое множество русских пленных, что турки обыкновенно спрашивают у наших: остались ли еще на Руси какие-нибудь люди?»¹⁴.

Молодые девушки продавались в гаремы. Характерно воспоминание французского шевалье д'Арвье, на одном корабле с которым из Смирны в Александрию в 1658 г. следовала группа работорговцев, перевозивших мальчиков и девушек, «полячек, москвиток и черкешенок», выкупленных у татар на рынках Стамбула и Кафы (Феодосии). Больше всего торговцы беспокоились о том, чтобы их «необыкновенно красивые и прекрасно сложенные» невольницы, самой старшей из которых было не более восемнадцати лет, не лишились бы во время плаванья невинности, что существенно понизило бы на них цену¹⁵.

Попавшие в плен русские женщины и дети пополняли ряды домашней прислуги в различных османских провинциях. Покупавшие рабов состоятельные мусульманские семьи, в целом, обращались с ними достаточно неплохо: невольники, если они добросовестно исполняли свои обязанности, могли рассчитывать на вполне сносное питание, каждые полгода — на новую одежду и даже небольшое жалованье¹⁶.

¹⁴ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 380.

¹⁵ D'Arvieux L. Mémoires du Chevalier d'Arvieux, Envoyé Extraordinaire du Roy à la Porte, Consul d'Alep, d'Alger et de Tripoli & d'autres Echelles du Levant, contenant ses voyages à Constantinople, dans l'Asie, la Syrie, la Palestine, l'Egypte et la Barbarie, recueillis et mis en ordre par père J.B. Labat. Paris, 1735. Т. 1. Р. 151–152.

¹⁶ Bernard Y. L'Orient du XVIe siècle... Р. 290.

Оживленная торговля русскими рабами продолжалась на Ближнем Востоке и на протяжении всего XVIII в. Уже в екатерининскую эпоху направляемым в османские владения дипломатам, например вице-консулам в Дамаске и Бейруте Дмитрию Мазгана (Мангазани) и Режису Коронелли, особо вменялось в обязанность, узнав, «что в месте вашем или каких либо других соседственных, находятся российские подданные каким либо образом в неволю попавшиеся и в оной содержимыя... немедленно о том представлять в надлежащее место, требуя и домогаясь, на основании 25-ого Артикула мирнаго и 10 Статьи торговаго Трактатов [1774 и 1783 гг.], чтобы таковые пленники из неволи освобождены и вам возвращены были»¹⁷. В 1787 г. российский генеральный консул в Сирии Карл Ферриери сообщал о наличии в Каире и Дамаске русских рабов «мужского и женского пола»¹⁸. Начавшаяся война с Турцией помешала Ферриери выяснить, приняли ли они ислам, и добиться от османских властей возвращения на родину сохранивших верность православию невольников.

После окончания войны деятельность по вызволению находившихся в рабстве россиян продолжалась, причем дипломаты требовали выполнения «артикулов», невзирая на статус лиц, во владении которых находились русские подданные. В частности, в 1795 г. российский поверенный в делах в Александрии Феличе Бузианги убедил совершавшего хадж великого визиря Йусуф-пашу даровать свободу находившемуся в его свите пленному солдату Свято-николаевского полка¹⁹, однодворцу²⁰ Степану Пашкову²¹. Значительно сложнее было договариваться об освобождении пленных с самовластными провинциальными правителями, игнорировавшими не только обращения российских чиновников, но зачастую и приказы центральных османских властей. В конце января 1800 г. находившийся в Багдаде Яков Троцкий²² написал

¹⁷ АВПРИ. Ф. 90/1. Ед. хр. 973. Л. 52 об., 56 об.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 1471. Л. 24.

¹⁹ Свято-николаевский гренадерский полк сформирован в 1788 г, особо отличился в последнем в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. сражении при Мачине (09.07.1791).

²⁰ О д н о д в о р ц ы — категория государственных крестьян, образовавшаяся во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. из потомков стрельцов, пушкарей, рейтаров, копейщиков и других служилых людей, защищавших южные границы Московского государства и не попавших в состав дворянства-шляхетства. До 1840 г. имели право владеть крепостными.

²¹ АВПРИ. Ф. 90/1. Ед. хр. 1053. Л. 18 об.

²² *Троцкие* — дворянский род, происходящий от лубенского полкового судьи Максима Троцкого (Лубенский полк — административно-территориальная и военная единица Левобережной Украины в XVII–XVIII вв., один из десяти казачьих полков Гетманщины). Судя по всему, речь идет о Якове Георгиевиче Троцком (род. ок. 1760 г.) (<http://www.vgd.ru/T/trocenko.htm>).

слезное обращение к посланнику в Стамбуле В.С. Томаре (1798—1803 гг.). В нем бывший адъютант российской армии упоминал, что иракский правитель Сулейман-паша ал-Кабир (1780—1802 гг.), невзирая на полученный султанский указ об освобождении нескольких его товарищей-невольников, приказал их «тайным образом» умертвить, а в столицу написать, что они пали жертвой разбойников вместе с сопровождавшим их курьером-татарином²³. Тем не менее сам Яков, известный в Багдаде под прозвищем Ариф-тепе²⁴, пренебрегая смертельной опасностью, умолял посланника выволить его из 13-летнего плена, взывая к чувству обоюдной принадлежности к «обществу благородного дворянства»²⁵.

Однако некоторых русских, попавших на ближневосточные невольничьи рынки, ждала иная судьба. Мамлюкская и османская системы воспроизводства власти предусматривали пополнение военного корпуса и административных кадров из числа юношей-рабов иноземного происхождения. В Египте обладавшие наилучшими природными данными мальчики приобретались мамлюкскими *беями*²⁶, которые включали их в свои «дома» в статусе *ичоглан* (осман. «мальчиков для внутренней службы», «пажей»). Распределенных по воспитательным домам и казармам молодых мамлюков обучали турецкому и арабскому языкам, чтению и письму («так как они, — по словам Питтса, — являлись несчастными невежественными созданиями»²⁷), основам мусульманской религии и приобщали к воинским традициям корпуса. «После своего перехода в ислам, — продолжал Джозеф Питтс, — если они обладают хотя бы минимальными способностями, жизнь их становится прекрасна, не хуже, чем у родных детей их хозяев»²⁸. Оторванным от родительских очагов юношам прививалась мысль, что они обрели новую семью, в которой должно испытывать сыновние чувства по отношению к главе бейта и братские — к принадлежавшим к этому «дому» мамлюкам. По прошествии нескольких

²³ АВПРИ. Ф. 180 «Посольство в Константинополе». Оп. 517/1. Ед. хр. 4770. Л. 15.

²⁴ Ариф-тепе можно перевести с османского, как «умник», «светлая голова».

²⁵ АВПРИ. Ф. 180 «Посольство в Константинополе». Оп. 517/1. Ед. хр. 4770. Л. 14 об.

²⁶ Почетный титул *бей* (бек) или *санджак-бей* даровался обычно военным. В Египте XVI—XVII вв. мамлюкские бей (*шаракиса бейлери*) располагались в османской иерархии власти ниже обычных беев (*санджак бейлери* или *мухафаза бейлери*), выдвигавшихся из привилегированных военных корпусов *чаушей* и *мутафаррика*. Однако попытка «османизации» египетских беев потерпела фиаско, и к XVIII столетию уже практически все они имели мамлюкское происхождение. Формально число санджакбеев Египетской провинции не могло превышать 12 (позднее — 24), однако на практике их могло быть до четырех десятков и больше.

²⁷ *Pitts J. Voyage de Joseph Pitts...* P. 135.

²⁸ *Ibid.* P. 135.

лет боевой подготовки, «когда у них начинали расти бороды»²⁹, ичоглан посвящались в полноправные члены бейта, получая звание *джундий* — «солдат». А отсюда открывался прямой путь к личной свободе, а для самых амбициозных — и к вершинам власти.

Несмотря на значительный приток русских юношей, привозимых работорговцами на берега Нила, мамлюкские беи вплоть до второй половины XVIII в. довольно редко вводили их в свои «дома», не веря, что из них могут получиться хорошие бойцы. Русские рабы имели на османском Востоке репутацию «любезных, трудолюбивых и послушных, но, в то же время, бесчестных и безнравственных»³⁰, и даже если мамлюкские военачальники и покупали молодых невольников-«москвитов», то остерегались давать им в руки оружие. К тому же Кавказ, Грузия, Анатолия и Балканы продолжали исправно поставлять в Египет требуемое количество храброй и воинственной молодежи. В проанализированных американской исследовательницей Джейн Хетвей ведомостях по выплате довольствия египетским янычарам³¹, участвовавшим в осаде Каменец-Подольского (1675–1677 гг.) и Белграда (1737–1738 гг.), упоминаются уроженцы Грузии и Абхазии, Черкесии и Армении, Боснии и Албании, Кипра и Венгрии, различных турецких и арабских провинций, но ни одного русского³². Впрочем, некоторые москвиты, подобно анонимному автору рукописи, известной под названием «Описание Турецкой империи XVII в.»³³, записавшиеся в османскую армию в Крыму, Турции или в европейских областях империи, могли быть направлены для несения службы в Египет³⁴.

²⁹ *Cezzar Ahmed Pasha*. Nizamname-I Misir. Edited and translated by Stanford J. Shaw. Ottoman Egypt in the Eighteenth Century. The Nizamname-I Misir of Cezzar Ahmed Pasha. Cambridge/Massachussets, 1962. P. 30.

³⁰ *Lewis V. Race and Slavery in the Middle East. An Historical Enquiry*. New York, Oxford, 1990. P. 48–49.

³¹ Янычары (от *ени-чари* — «новое войско») — солдаты пехотного корпуса, пользовавшиеся в Османской империи особым привилегированным статусом. В Египте XVII–XVIII вв. янычарский корпус наполовину состоял из мамлюков.

³² *Hathaway J. The Politics of Households in Ottoman Empire. The Rise of the Qazdağlıs*. Cambridge, 1997. P. 43–44.

³³ Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII в. // Православный палестинский сборник. Вып. 30. СПб., 1890.

³⁴ Отечественный историк П.А. Сырку еще в конце XIX в. предположил, что автором рукописи был «боярский сын» из Ельца Федор Феоктистов Дорохин, служивший рейтаром и в 1660 г. попавший в плен к татарам в сражении под Чудновом. В плену Дорохин принял ислам и поступил на службу в османскую армию, побывав «в Турской земле в разных городех», как сказано в донесении киевского воеводы князя Ю.П. Трубецкого царю Алексею Михайловичу (1645–1676) от 17 июля 1674 г. (Описание Турецкой империи... С. 52). Описание египетских фортификаций дано в рукописи весьма подробно, что свидетельствует о хорошем знании автором местной военной топографии.

Мамлюк. К. Верне. XIX в.

Начавшаяся в середине XVI в. экспансия Московского государства на находившиеся под властью мусульман земли постепенно восстановила репутацию русских воинов и повысила цену на московитов на османских невольничьих рынках. Оценивая достоинства и недостатки различных этносов, знаменитый турецкий историк-моралист конца XVI столетия Мустафа Али Гелиболулу (1541–1600 гг.) отмечал, что прежде, до взятия войсками московского царя Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.), русские славились своей ленью, так что один-единственный татарин мог взять в плен много московитов. Теперь же, сетовал османский моралист, ситуация в корне переменилась, и русские покорили большинство татарских земель³⁵. Нараставшее на протяжении XVII — первой половины XVIII в. давление России на владения османов и их вассалов в Северном Причерноморье, столкновения турок и татар с казачьими отрядами, в которых в ту эпоху стал преобладать славянский компонент, заставляли другими глазами смотреть на боевые качества русских не только в Стамбуле³⁶, но и в далеком Каире. Во второй половине XVIII столетия рабы восточнославянского происхождения стоили там достаточно дорого, уступая

³⁵ *Gelibolulu Mustafa Ali. Meva'iddü'n-Nefa'is fi kavaidi'l-mecalis. Istanbul, 1956. P.152–153. Цит. по: Lewis Bernard. Race and Slavery in the Middle East... P. 48–49.*

³⁶ Если в первые годы XVIII столетия русский посол в Стамбуле П.А. Толстой доносил, что турки «мнят, якобы народ российской не имеет искусства в художестве воинском, чем утешаются» (Русский посол в Стамбуле: П.А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985. С. 49), то уже война 1735–1739 гг. продемонстрировала превосходство российской военной машины, став предвестником катастрофических поражений Высокой Порты в кампаниях 1768–1774 и 1787–1791 гг.

только традиционно ценившимся уроженцам Кавказа. Египетские эмиры приобретали славянских юношей, видя в них будущих полноправных воинов своих «домов». Непосредственно общавшийся с египетским *шайх ал-балладом*³⁷ 'Али-беем Будут Капаном (1760–1767; 1768–1772 гг.)³⁸ российский офицер С.И. Плещеев упоминает в числе его мамлюков «Грузин, Черкесс, Абазинцов, Калмык и Украинов, коих там довольно число находится разных званий... которых Али-бей в цветущем своем состоянии покупал, давая по двести и по триста червонных за каждого»³⁹. Французский энциклопедист Константен-Франсуа Шасбеф (Вольней), посетивший османский Ближний Восток в 1783–1785 гг., составил следующую шкалу предпочтений покупателей на египетском невольничьем рынке: «Дороже всего у турок стоят черкесские рабы, затем абазины [абхазы. — Т.К.]; 3) мингрель; 4) грузины; 5) русские и поляки; 6) венгры и немцы; 7) черные; и, наконец, на последнем месте идут у них испанцы, мальтийцы и прочие франки, которых мало ценят за репутацию пьяниц, распутников, смутьянов и лодырей»⁴⁰.

В результате Русско-турецких войн последней трети XVIII в. в османские владения хлынул поток попавших в плен либо дезертировавших солдат и офицеров⁴¹. Большая часть военнопленных использовалась турками на каторжных работах⁴², спастись откуда можно было, согласившись на предло-

³⁷ Ш а й х а л - б а л а д (араб. «вождь страны») — титул, начиная с 20-х гг. XVIII в. присваивавшийся наиболее влиятельному бее, имевшему статус главы мамлюкской иерархии.

³⁸ Попутно отметим, что 'Али-бей, по свидетельству очевидцев, не возражал против того, чтобы одна из его жен, Мария, уроженка Чермной Руси (современной Западной Украины), продолжала открыто исповедовать христианство (*Lusignan S.K. A History of the Revolt of Ali Bey, against the Ottoman Porte, including an Account of the Form of Government of Egypt; together with a Description of Grand Cairo and of Several Celebrated Places in Egypt, Palestine and Syria; to which are added, A Short Account of the Present State of Christians who are Subjects to the Turkish Government, and The Journal of a Gentleman who traveled from Aleppo to Bassore. London, 1783. P. 131; Lusignan S. Series of Letters Addressed to Sir William Fordyce. London, 1788. Vol. I. N. XXI; Плещеев С.И. Дневные записки... С. 83*).

³⁹ Плещеев С.И. Дневные записки... С. 46–47.

⁴⁰ *Volney. Voyage en Syrie et en Egypte... P. 88.*

⁴¹ Дезертирство приняло столь серьезные масштабы, что в перерывах между войнами русское правительство неоднократно публиковало указы «о прощении... беглецов и дезертиров, отлучившихся из России», призывая изменников вернуться и послужить родине мирным и ратным трудом. См., напр.: Указы Екатерины II от 05 мая 1779 г. и 11 мая 1780 г. (АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 1205. Л. 11).

⁴² Об ужасающих условиях содержания пленных свидетельствует письмо, датированное сентябрем 1787 г. и адресованное заключенными в стамбульской тюрьме русскими солдатами и моряками секретарю и ближайшему советнику Екатерины II по внешнеполитическим делам графу А.А. Безбородко (1747–1799). «Большая половина пленных, — говорилось в послании, — уже другой год как терпит тиранство турок, наготу и голод, с самого

жение вербовщика принять ислам и поступить на службу в один из мамлюкских «домов»⁴³. Для сдавшихся же неприятелю добровольно, как указывал позднее российский вице-консул в Яффе Г.И. Мострас (1820–1838 гг.), переход в ислам становился неизбежным «из-за жесточайшей необходимости, в которой они оказываются после дезертирства»⁴⁴. Из Стамбула работорговцы-агенты мамлюкских беев доставляли бывших русских и австрийских солдат морским путем на берега Нила⁴⁵. Только после войны 1768–1774 гг. состав египетских бейтов пополнило около 400 русских, причем некоторые из них, по сообщению французского источника, происходили из «аристократических семей»⁴⁶. В составленном в том же 1786 г. поручиком артиллерии Картли-Кахетинского царства Манучаром Качкачишвили (Максимом Качкачовым) «Списке египетских беков, восставших и сражавшихся против турецкого сардара» говорится о том, что у «Ибреим и Мурад бека⁴⁷... чисто русских пленников... 860 рядовых кули [от осман. кул — солдат-рабов. — Т.К.], кроме русских отставных», 11 русских «кашибов» (*кашифов*⁴⁸), а так-

---

посаждения в сию тюрьму наши люди ничего не получали, не токмо на одежду, но и на пищу, кроме мелкого числа хлеба и воды очень редко; на работу посылают каждый день закованных в тягчайшее железо, и тиранят побоями безчеловечно» (АВПРИ. Ф. 89/8. Т.1. Ед. хр. 161. Л. 1). Список завершает перечень 523 попавших в османский плен офицеров, солдат и матросов, из которых 148 человек (28,3% от общего числа), не вынеся лишения, умерли за первые месяцы заключения; 203 солдата и матроса (38,8%) «браны были на турецкия корабли и в службу... на Черное море и в Архипелаг»; остальные же 172 пленных (32,9%), в том числе все офицерские чины, оставались в заключении в Стамбуле (АВПРИ. Ф. 89/8. Т.1. Ед. хр. 161. Л. 2–12). В числе 203 «командированных... в Черное и Белое море» 10 человек, как особо отметили составители списка, были «из татар», а еще один — Ефим Островской — «отурчился», то есть принял ислам, уже в плену.

⁴³ Browne W.G. Nouveau voyage dans la Haute et Basse Egypte, la Syrie, le Dar-Four où aucun Européen n'avoit pénétré; fait depuis les années 1792 jusqu'en 1798. Paris, 1800. Т.1. Р. 71.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский Главный архив (СПбГА). Оп. 123, разряд IV—5. Ед. хр. 2. Л. 59.

⁴⁵ Browne W.G. Nouveau voyage dans la Haute et Basse Egypte... Р. 72.

⁴⁶ Archives Nationales (Paris), Affaires Etrangères, B1, Correspondance Politique. Vol. 113 (Alexandrie, 1783–1787), fols. 213–215, le 15 Juillet 1786. Цит. по: *Crecelius D. Russia's Relations with the Mamluk Beys of Egypt in the Late Eighteenth Century // A Way Prepared. Essays on Islamic Culture in Honor of Richard Bayly Winder. Ed. by Farhad Kazemy and R.D. McChesney. New York & London, 1988. Р. 61, 66.*

⁴⁷ *Ибрахим-бей и Мурад-бей* — лидеры «мухаммадитской» фракции, к которой относились бывшие мамлюки Мухаммад-бей Абу-з-Захаба, — находились в 1775–1777, 1778–1786 и 1791–1798 гг. у власти в Египте, образовав своеобразный дуумвират.

⁴⁸ К а ш и ф (сокр. форма от *кашиф ал-джусур ас-султаниййа* — «смотритель султанских дамб») — правитель округа в Османском Египте. Число таких округов во второй половине XVIII в. равнялось 36, что порождало острую конкуренцию среди 60–70 кашифов за право управлять ими. Кашифы являлись младшими офицерами мамлюкских «домов» и непосредственно подчинялись беям (см.: *Cezzar Ahmed Pasha. Nizamname-I Misir... Р. 29–30*).

же один бей русского происхождения Касум-бек⁴⁹ (Касим-бей). Эти цифры подтверждаются данными из других источников, согласно которым Ибрахим-бей и Мурад-бей, отступившие в 1786 г. под натиском османских войск в Верхний Египет, сохранили под своим началом около тысячи мамлюков⁵⁰, причем «дом» Ибрахим-бея французский торговец Шарль Магаллон⁵¹ именовал «полностью русским»⁵². Некоторое, хотя и меньшее число русских, очевидно, должно было принадлежать к бейтам, сохранившим лояльность османским властям. Таким образом, общее число русских мамлюков в канун «второго османского завоевания Египта»⁵³ можно оценить не менее чем в тысячу человек, то есть приблизительно в 8–12% от египетской «правлящей касты» воинов-рабов⁵⁴. Удельный вес русских в мамлюкском корпусе, очевидно, был достаточно высоким и на рубеже XVIII–XIX вв. Французские военные и ученые, прибывшие с Бонапартом в Египет, не ставили перед собой цель провести анализ этнического состава местной военной верхушки, однако происхождение мамлюков, захваченных в ходе боевых действий,

⁴⁹ Список египетских беков, восставших и сражавшихся против турецкого сардара, капитана паши (писано рукой М. Качкачова). РГАДА, Госархив, разр. XV (ф.15), д.192, л. 2 (на грузинском языке). Цит. по: *Мачарадзе В.Г.* Грузинские документы из истории русско-грузинско-египетско-эфиопских отношений 80-х годов XVIII века. Тбилиси, 1967. С. 23.

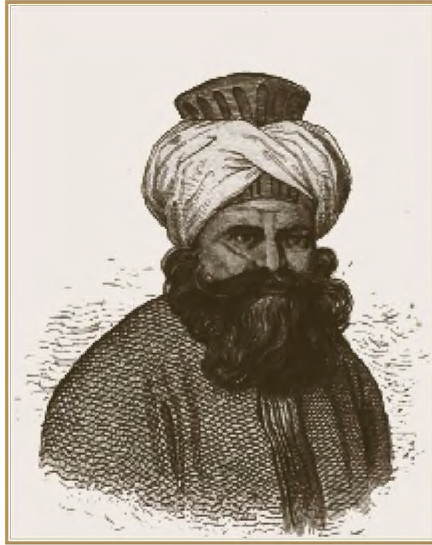
⁵⁰ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 977. Л. 2; *Volney. Voyage en Syrie et en Egypte...* P. 120; India Office Archives (London), G/17/5A — Egypt and the Red Sea (1786–99), fol. 181. Цит. по: *Creceilius D.* The Mamluk Beylicate of Egypt... P. 132.

⁵¹ Торговый дом Шарля Магаллона, супруга которого поддерживала дружеские отношения с Нафисой Ханым, женой Мурад-бея, был флагманом французского вторжения в египетскую коммерцию. Российский консул в Александрии барон Тонус в 1786 г. ставил деятельность Магаллона на первое место в перечне препятствий, мешавших развитию торговых отношений между Россией и Египтом (АВПРИ. Ф. 89/8. Т.2. Ед. хр. 971. Л. 27).

⁵² Archives Nationales (Paris), Affaires Etrangères, B1, Correspondance Politique. Vol. 113 (Alexandrie, 1783–1787), fols. 213–215, le 15 Juillet 1786. Цит. по: *Creceilius D.* Russia's Relations with the Mamluk Beys of Egypt... P. 61.

⁵³ «Вторым османским завоеванием Египта» часто называют экспедицию под командованием турецкого адмирала Гази Хасан-паши (1786–1787 гг.), ненадолго вернувшую провинцию под прямое управление Стамбула.

⁵⁴ Большинство западных наблюдателей и современных исследователей сходятся в оценке общей численности мамлюкского корпуса в 70-е — начале 80-х гг. XVIII в. в 8 тыс. 500 — 12 тыс. человек. В последующие годы это число постоянно уменьшалось вследствие междоусобных столкновений, мамлюко-османских войн 1786–1787 гг. и 1801–1806 гг., французского вторжения 1798–1801 гг., опустошительных эпидемий чумы и, главное, — сокращения притока молодых рабов с вошедшего в сферу русского влияния Кавказа (см.: *Ayalon D.* Studies in al-Djabarti: I. Notes on transformation of Mamluk society in Egypt under the Ottomans // *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* Vol. 3 (1960). P. 162–165; *Creceilius D.* The Mamluk Beylicate of Egypt in the Last Decades... P. 130–131). Подавляющее большинство полиэтничного мамлюкского корпуса в XVIII в. составляли уроженцы Грузии и Северного Кавказа.

Мурад-бей.
 Гравюра начала XIX в.

иногда фиксировалось. Из 37 пленных мамлюков, сведения об этнических корнях которых сохранили архивы французской Восточной армии, пятеро были русскими⁵⁵.

К 1786 г., по оценке французских источников, русские составляли около четверти от общего количества ввозимых в страну будущих мамлюков⁵⁶, причем к этому времени немалая их часть выбирала такую судьбу добровольно⁵⁷, продавая самих себя в рабство⁵⁸. Возможно, некоторые подобным образом пытались начать новую жизнь, хотя прошлое могло напомнить о себе и на берегах Нила. Вышеупомянутый купец Осип Иванов с сыном Степаном приехали весной 1796 г. в Каир не только продать большую партию

⁵⁵ Raymond A. Égyptiens et français au Caire, 1798–1801. Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire, 1998. P. 23. Кроме русских мамлюков в плен попало 13 «черкесов», 8 грузин, 3 абхазца, 2 мингрела, 2 сирийца, турок, босниец, армянин и немец.

⁵⁶ Archives Nationales (Paris), Affaires Etrangères, B1, Correspondance Politique. Vol. 113 (Alexandrie, 1783–1787), fols. 213–215, le 15 Juillet 1786. Цит. по: *Creceilius D.* Russia's Relations with the Mamluk Beys... P. 61.

⁵⁷ В соответствии с подписанными между Турцией и Россией соглашениями торговля российскими подданными в османских владениях запрещалась, а в случае обнаружения сохранивших верность православию русских невольников их полагалось немедленно отправить на родину. В августе того же 1786 г. российское посольство в Стамбуле в «Записке Константинопольских произшествий и новостей» упоминало о прибытии рабовладельческого судна из Абхазии «с пленными обоего пола черкес и абазинцов». «Хозяева оных рассказывают, — сообщалось далее в «Записке», — что хотя внутри Абазии и довольно число находится русских, но купить и сюда на продажу привести они не посмели, зная, что их здесь отберут» (АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 1. Ед. хр. 675. Л. 29).

⁵⁸ Подобно знаменитому мамлюку Ахмад-паше ал-Джаззару, будущему правителю Сайдской (1775–1804), Тарабулусской (1785–1804) и Дамасской (1785–1786, 1790–1795, 1799 и 1803–1804) провинций.

сукна, но и «истребовать старый долг» с некоего записавшегося в мамлюкский корпус соотечественника, который за год с небольшим успел сделать стремительную карьеру, выслужившись до ранга кашифа⁵⁹.

Прибывая в Египет, новоиспеченные «рыцари ислама» не утрачивали полностью связи с родиной. Хотя нам и неизвестно, чтобы мамлюки русского происхождения посылали в родные деревни деньги на строительство церквей или выкуп из крепостной зависимости родственников, подобно своим грузинским коллегам⁶⁰, некоторые из них приглашали на берега Нила своих близких, чтобы «обеспечить им счастливую участь»⁶¹. В сентябре 1787 г., после начала Русско-турецкой войны, барону Конраду Тонусу пришлось вызволять из османского плена соотечественника: приехавшего искать счастья в Египет злосчастного зятя вышеупомянутого Касим-бея. Не успев ступить на египетскую землю, несостоявшийся мамлюк был интернирован властями вместе с экипажами и пассажирами двух кораблей под российским флагом⁶². С большим трудом барону удалось вывезти из османских владений капитанов судов и родственника Касим-бея, который в марте 1788 г. еще находился в Ливорно и вел оттуда переписку со своим шурином⁶³.

Сведений о мамлюках русского происхождения в арабских источниках содержится крайне мало. Упоминания о них нет даже в наиболее объемной египетской «солдатской» хронике XVIII в., вышедшей из-под пера члена воинского корпуса *азабов*⁶⁴ Ахмада ад-Дамирдаши⁶⁵. Не проявляли значительного интереса к тому, из какой страны был в свое время привезен тот или иной мамлюк, и составители так называемых «*алим-*

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 90/1. Ед. хр. 1271. Л. 1 об.

⁶⁰ *Мачарадзе В.Г. Грузинские документы...* С. 54–56; *Crecelius D. and Djaparidze G. Relations of the Georgian Mamluks of Egypt with their Homeland in the Last Decades of the Eighteenth Century // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 45. N. 3. September 2002. Brill, Leiden. P. 320–341.*

⁶¹ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 977. Л. 4.

⁶² Там же.

⁶³ АВПРИ. Ф. 48/2. Сношения России с Генуей. Ед. хр. 46. Л. 76–76 об.

⁶⁴ А з а б ы («холостяки») — один из семи воинских корпусов Египта. В его основные функции входила охрана подступов к каирской Цитадели и крупнейших портов страны.

⁶⁵ *Ад-Дамирдаши Ахмад Катхода Азабан. Китаб ад-дурра ал-мусана фи ахбар ал-кинана фи ахбар ма вака'а би Мыср фи даулят ал-мамалик мин ас-санаджик ва-л-кушшаф ва ас-саб'а ауджакат ва-д-дауля ва 'аваидихим ва-л-баша иля ахири санат 1168* (Книга береженных жемчугов из истории Египта и событий, произошедших в Мамлюкском государстве, касательно санджаков, кашифов, семи оджаков, включая их нравы и обычаи, и пашей к концу 1168 г.х.). Тахкык Абд ар-Рахим Абд ар-Рахман Абд ар-Рахим. Каир, 1989.

ских»⁶⁶ хроник. В частности, видный египетский богослов ‘Абд ар-Рахман ал-Джабартти (1753/54—1825/26), неплохо осведомленный о войнах, которые вела Османская империя с «Московией», на страницах своей масштабной летописи ни разу, даже описывая тайные переговоры российского посланника с мятежными беями, не упоминал об этнических корнях русских мамлюков⁶⁷. Анализ архивов каирского шариатского суда, в том числе актов о благотворительных пожертвованиях (*вакфах*⁶⁸), позволил американскому исследователю Дениэлу Креселиусу прийти к выводу, что «данные документы порой содержат некоторую информацию об этническом происхождении отдельных мамлюков, упоминая регион, из которого они прибыли, будь то Грузия, Албания, Анатолия или Россия, но никогда не говорят, какие имена они носили до принятия ислама. Как будто бы у мамлюка до того, как он попал в рабство и стал мусульманином, не было прошлого и не осталось никаких связей со своей родной землей»⁶⁹.

Нет никаких упоминаний о соотечественниках-мамлюках и в записках посетивших Египет русских паломников. Тому могло быть два объяснения. Во-первых, не допущенным к общению с египетской элитой русским пилигримам доводилось видеть мамлюков разве что мельком, и вряд ли они были способны признать бывшего соотечественника в богато одетом, вооруженном до зубов всаднике. Во-вторых, даже если, скажем, при общении с греческими или арабскими единоверцами богомолец узнавал, что уроженец его отчизны вошел в ряды мусульманской знати, то сам факт «обасурманивания» выходца со «Святой Руси» должен был расцениваться как небывалый позор, который следует всячески скрывать.

Соответственно, основными группами источников, способными вычлени из общей массы мамлюкского корпуса русских уроженцев, остаются официальные донесения расположенных в Каире европейских консульств, прежде всего французского и российского, а также воспоминания посещавших Египет западных путешественников. Причина тому проста: если в глазах египетских ‘улама’ и османских властей мамлюкские военачальники стремились выглядеть порвавшими со своими корнями ревностными адеп-

⁶⁶ ‘А л и м (мн. ч. ‘улама’) — лицо, обладающее значительными знаниями (‘ильм), хранитель мусульманской религиозной традиции, теолог, блюститель канонического права.

⁶⁷ Ал-Джабартти ‘Абд ар-Рахман. ‘Аджаиб ал-асар фи-т-тараджим ва-л-ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Т. 1—4. Булак, 1879.

⁶⁸ В а к ф — пользующееся налоговыми привилегиями и льготами имущество, доход или часть дохода с которого шла на содержание религиозно-благотворительных учреждений или их служителей.

⁶⁹ *Crecelius D. and Djaparidze G. Relations of the Georgian Mamluks of Egypt... P. 322—323.*

тами ислама, то в беседах с европейцами, делясь воспоминаниями о своих детских годах, они, по впечатлению Вольнея, создавали образ толерантных правителей, «не утративших естественных связей, объединяющих их с остальным человечеством... [Мамлюки] часто многое помнят о своем происхождении и своей родине, — подытоживал свои наблюдения французский энциклопедист, — если же нет, то они тщательно это скрывают»⁷⁰.

Новоиспеченные мамлюки должны были перейти в ислам и взять новое мусульманское имя, интегрируясь в «интернациональный» корпус воинов-рабов. Перечень из 14 мамлюков, попавших в плен к генералу французского экспедиционного корпуса Дюгуа, содержит имена «москвитов» Салиха, Йусуфа и Рустума, черкесов Мустафы, Ибрахима и Усмана, грузин Шахина, Салима, Салиха и Хусайна, абазина Касима и немца Хусайна⁷¹. Не следует преувеличивать степень религиозного фанатизма новообращенных русских мусульман. Начавшие прибывать в большом количестве на рубеже 60–70-х гг. XVIII в. русские мамлюки принадлежали к новой генерации этой военной «касты». Высокие потери в мамлюкском корпусе вследствие военных предприятий 'Али-бея ал-Кабира заставили его самого и беев из его окружения давать вливавшейся в «дома» молодежи традиционное религиозное обучение по усеченной программе, торопясь как можно скорее поставить их «в строй». Следующее поколение беев, освоившее лишь азы религии, вообще сочло возможным пренебречь исламским образованием молодых мамлюков, сосредоточившись исключительно на их военной подготовке⁷². «Они в большинстве люди неотесанные и распущенные, лишенные каких-либо моральных устоев, — клеймил «набор» 1789 г. 'Абд ар-Рахман Ал-Джабарти. — Первым делом их обучали верховой езде, не воспитывая, не приобщая ни к религии, ни к Корану»⁷³. В результате мамлюки, пополнявшие ряды бейтов в последние десятилетия XVIII в., были куда более индифферентны в вопросах веры, нежели их предшественники⁷⁴.

⁷⁰ Volney. Voyage en Syrie et en Egypte... Vol. I. P. 81.

⁷¹ Archives de la Guerre (Vincennes), B6-15, Armée d'Orient — Pièces en Arabe et Pièces diverses. Цит. по: Crecelius D. The Mamluk Beylicate of Egypt in the Last Decades... P. 139.

⁷² Crecelius D. The Mamluk Beylicate of Egypt in the Last Decades... P. 132–134.

⁷³ Ал-Джабарти. 'Аджаиб... Т. 2. С. 180; 'Abd al-Rahman al-Jabarti's. History of Egypt. 'Aja'ib al-Athar fi 'l-Tarajim wa'l-Akhbar. Edited by Thomas Philipp and Moshe Perlmann. Stuttgart, 1994. Vol. 2. P. 296.

⁷⁴ Принадлежавший к 'улемскому сословию ал-Джабарти считал Мухаммад-бея Абу-з-Захаба (1772–1775) последним носителем традиционных исламских ценностей и добродетелей в когорте мамлюкских беев, отмечая проявляемое им уважение к мусульманским богословам, которым «он отдавал должное, спрашивал их совета и щедро одаривал» (Ал-Джабарти. 'Аджаиб... Т.1. С. 419–420; 'Abd al-Rahman al-Jabarti's. History of Egypt. 'Aja'ib... Vol. 1. P. 704).

Али-бей ал-Кабир.
Гравюра начала XIX в.

Истовыми мусульманами мамлюкские лидеры становились преимущественно тогда, когда им требовалось заручиться поддержкой исламских богословов, пользовавшихся огромным влиянием среди простонародья. Готовясь встретить на подступах к Каиру турецкие войска Гази Хасан-паши, беи собрали шейхов столичной мечети-университета ал-Азхар, заверяя хранителей мусульманской традиции, что «они оставили свое отечество, приняли закон Махомета и исполняют оной по точности, служа преданию без малейшего упущения, почитают султана и повеления его исполняют свято, ненавидя христиан по предписаниям Махамета»⁷⁵. Их же противник Хасан-паша и другие «изменники» из окружения падишаха, утверждали мамлюкские военачальники, «против закона отдали Крым России без кровопролития получивши зато от России деньги, следовательно и сию де землю хотят отдать Европе получа за оную хорошую заплату»⁷⁶. Когда же опасность уходила, беи вновь возвращались к своему обычному образу жизни, в котором мало места оставалось традиционным исламским добродетелям⁷⁷.

Еще менее ревностными мусульманами были военнопленные, попадавшие в Египет уже взрослыми людьми со сложившимся религиозным мировоззрением. Лейтенант российского флота С.И. Плещеев, в сентябре 1772 г.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 89/9. Т. 2. Ед. хр. 984. Л. 25.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Весьма показательным штрихом, живописующим нравы данного поколения мамлюков, может служить то, что в списке «подарков», переданных российским посланником в Александрии кашифу Мурад-бея, фигурирует, помимо наличных денег и ценностей, «рому один ящик» (АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 1. Ед. хр. 677. Л. 61).

посетивший лагерь осаждавшего Яффу 'Али-бея, свидетельствовал, что видел там «солдат разных христианских держав во времена войны плененных, кои просили меня доложить об них главноначальствующему в Архипелаге [командующему российской эскадрой в Восточном Средиземноморье графу Алексею Орлову. — Т.К.], уведомляя меня, что их не малое число в Каире находится, что они по неволе отуречены, но усердно старались уверить меня, что во веки они от Христианской веры не отпадут, подтверждая их непоколебимость руками, коими с восторгом они себя крестили, не без признания однако, что они грешны, ибо публично чрез побои принуждены молиться по бусурмански некоему то жиду Магомету, коего они в сердце проклинать не перестают»⁷⁸. Религиозному раскаянию общавшихся с Плещеевым мамлюков европейского происхождения, видимо, немало могли поспособствовать как успехи действовавшего в Средиземноморье русского флота, так и неопределенность положения самого 'Али-бея, преданного своими ближайшими соратниками и отчаянно пытавшегося вернуть себе власть в Египте.

Формальных ограничений по этническому или расовому признаку на прием раба в тот или иной мамлюкский «дом» не существовало. Однако на практике беи стремились пополнять свои корпуса юношами определенных национальностей, укрепляя тем самым сплоченность своего бейта и отдаляя его от соперничающих «домов». Первым беем, про которого нам достоверно известно, что он начал целенаправленно покупать значительное число русских рабов, был фаворит и личный мамлюк 'Али-бея ал-Кабира черкес Мухаммад Абу-з-Захаб (1772—1775). Состоявший на службе у Мухаммад-бея британский канонир Робинсон сообщал, что после смерти правителя 250 входивших в его бейт русских мамлюков ворвались с саблями наголо в шатер умершего правителя, разграбили его казну и скрылись⁷⁹. Наследовавшие «дом» Мухаммад-бея его личные мамлюки Мурад-бей и Ибрахим-бей продолжили укреплять ряды этническими русскими. При этом верхушка «мухаммадитов» была преимущественно грузинской⁸⁰, сформированной, в значительной степени, по земляческому и родственному признакам⁸¹. Наличие беев негрузинского происхождения, вероятно, было

⁷⁸ Плещеев С.И. Дневные записки... С. 46—47.

⁷⁹ AMAE, Quai d'Orsay (Paris), Archives des Postes — Ambassade Turquie, Correspondance avec les Echelles, Alexandrie — Le Caire, 1771—77; bulletin de 17 Juin 1775.

⁸⁰ Сам Ибрахим-бей, до принятия ислама носивший имя Абрама Шинджикашвили, попал в рабство уже в отроческом возрасте и до конца жизни сохранял связи со своими родственниками и земляками-уроженцами кахетинского села Марткоби. См.: Мачарадзе В.Г. Грузинские документы... С. 50—56.

⁸¹ Crecelius D. and Djaparidze G. Relations of the Georgian Mamluks... P. 339.

Военные упражнения мамлюков на площади перед дворцом Мурад-бея.
Гравюра начала XIX в.

призвано смягчить потенциальную этническую напряженность в бейте и улучшить взаимопонимание между военачальниками и рядовыми мамлюками. В 1786 г. из восемнадцати приближенных к Мурад-бею и Ибрахим-бею мамлюкских беев только один, вышеупомянутый Касим-бей (Касумбек), был русским, двенадцать — грузинами, двое — черкесами и по одному чеченцу, румыну и абхазцу⁸².

История Касим-бея нам достаточно хорошо известна. Симон Кириллович Рутченко (в великоросском произношении Рущенко⁸³), сын бахмутского⁸⁴ казачьего атамана⁸⁵, в возрасте 16 или 17 лет был захвачен в плен

⁸² РГАДА, Госархив, разр. XV (ф. 15), д. 192, л. 19–20 (на грузинском языке). Цит. по: *Мачарадзе В.Г. Грузинские документы...* С. 23.

⁸³ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 1014. Л. 6.

⁸⁴ Бахмут (с 1924 г. Артёмовск) — город, расположенный в 89 км к северо-востоку от Донецка. Первые сведения о Бахмуте датируются 1571 г. и связаны с находившимися в том районе соляными промыслами. В 1701 г. указом Петра I начинает строиться Бахмутская крепость, а два года спустя для несения гарнизонной службы и охраны соляных варниц организуется Бахмутинская казачья компания, преобразованная в 1748 г. в отдельный Бахмутский казачий полк.

⁸⁵ РГАДА, Госархив, разр. XV (ф. 15), д. 192, л. 19–20 (на грузинском языке). Цит. по: *Мачарадзе В.Г. Грузинские документы...* С. 30–31. Как отмечал донецкий исследователь И. Корнацкий, среди сербских выходцев, переселившихся во второй половине XVIII в. на территорию нынешней Донецкой области, упоминается имя Кирилла Рутченко, один из сыновей которого стал крупнейшим местным землевладельцем (Как донбассовцы Египтом правили // Донецкий край. № 1622. 20.05.2005).

татарами⁸⁶ и продан по каналам работорговли в Египет, в «дом» Мухаммад-бея Абу-з-Захаба. Перейдя в ислам, Симон Рутченко принял мусульманское имя Касим и получил прозвище *ал-Мусква*⁸⁷ или *ал-Мусква*⁸⁸ («Московит»). В правящем каздаглитском бейте Касиму, несмотря на природную «мягкость и кроткий нрав»⁸⁹, удалось сделать блестящую карьеру: он по протекции своего нового патрона Ибрахим-бея занял пост кашифа одной из крупнейших египетских провинций Мануфийя, а 1 июля 1783 г. получил ранг *санджак-бея*⁹⁰. Возможно, свою роль в возвышении ал-Мусква сыграла жеманность на вдове его *хуидаша*⁹¹ мамлюкского бея Хасана ат-Тахтави⁹². После вторжения в 1786 г. в Египет османских войск Касим остался верен Ибрахим-бею и был в благодарность назначен бежавшими в Са'ид (Верхний Египет) «мухаммадитами» на пост местного правителя (*хакима*)⁹³, что ставило его на одно из высших мест в неофициальной мамлюкской иерархии⁹⁴.

⁸⁶ Archives du Ministère des Affaires Etrangères (АМАЕ), Quai d'Orsay (Paris), Correspondance Politique-Turquie. Vol. 174 (1786), fol. 72, le 15 Mars 1786. Вероятно, Симон был захвачен татарами зимой 1768/69 г., когда, поддержав действия воевавших против России османских войск, крымская орда совершила последний в истории набег на русские земли, дойдя до Бахмута (Как донбассовцы Египтом правили // Донецкий кряж. № 1622. 20.05.2005).

⁸⁷ В ряде отечественных и зарубежных исследованиях прозвище Касим-бея транскрибируется как «ал-Муску». Правильное и полное написание его *лакаба* (прозвища) — «ал-Мусква» («ал-Мускува») — содержится в хронике: *'Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Тарих муддат ал-фарансис би Мыср (История французской оккупации Египта). Leiden, 1975. С.1 (араб. текст).

⁸⁸ *Turc Nicolas*. Chronique d'Egypte: 1798–1804 (Editée et traduite par G.Wiet). Le Caire, 1950. P. 11.

⁸⁹ *Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 3. С. 174; *al-Jabarti*. 'Аја'иб... Vol. 3. P. 270.

⁹⁰ *Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 2. С. 73; *al-Jabarti*. 'Аја'иб... Vol. 2. P. 122.

⁹¹ Х у ш д а ш («брат», «побратим») — термин персидского происхождения, применявшийся для обозначения мамлюков, принадлежавших одному хозяину.

⁹² *Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 3. С. 174; *al-Jabarti*. 'Аја'иб... Vol. 3. P. 270.

⁹³ Очевидно, именно его имел в виду французский источник, сообщавший в июле 1786 г., что один из приближенных к Ибрахиму русских мамлюков был назначен на пост правителя Верхнего Египта (AN (Paris), Affaires Etrangères, B1, Correspondance Politique. Vol. 113 (Alexandrie), fols. 213–215, le 15 Juillet 1786. Цит. по: *Crececius D*. Russia's Relations with the Mamluk Beys of Egypt... P. 61). Эту должность Касим-бей сохранял, по меньшей мере, до сентября 1789 г. (АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 1014. Л. 6).

⁹⁴ Титул «правителя» (*хакима*) имели главы четырех-пяти наиболее крупных и высокодоходных египетских провинций, в том числе и верхнеегипетской Гирги (Джирджи) (*Husain Effendi*. No title. Transl. from original Arabic with introduction and note by *Stanford J. Shaw*. Ottoman Egypt in the Age of the French Revolution. Cambridge/Massachusetts, 1964. P. 37, 82). Бывший мамлюк Али-бея ал-Кабира Ахмад Джаззар-паша ставил должность *Джирдже Мансаби беги* («бея провинции Гирги») на четвертое место в иерархии мамлюкских беев (*Cezzar Ahmed Pasha*. Nizamname-I Misir... P. 28). Йусуф Фахр в «Списке египетских беев» упоминает имя Касим-бея сразу вслед за Ибрахим-беем и Мурад-беем (АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 1014. Л. 6).

Атака мамлюков. Ф. де Мирбах, XIX в.

Имя Касима ал-Мусква неоднократно появляется на страницах хроники ал-Джабарти, а также в других исторических документах. В докладе на имя князя Потемкина поручик Качкачишвили, желая подчеркнуть влияние русских в окружении правящих мамлюкских «дуумвиров», характеризует Касим-бея как «выдающегося бека в Египте, ... Ибреим бек и Мурад бек весьма его почитают»⁹⁵. Не забывшему родной язык, свободно говорившему и писавшему по-русски⁹⁶ «Москвиту» сопровители доверили вести переговоры с российским посланником в Египте бароном Конрадом Тонусом⁹⁷. В то же время самостоятельных политических амбиций Касим не проявлял, предпочитая держаться в тени своего патрона Ибрахим-бея и сосредоточившись на накоплении мирских благ.

Редкая скарденность Касим-бея, не любившего «отдавать деньги даже тем, кому был должен»⁹⁸, и безжалостно обиравшего подвластные деревни⁹⁹, позволила ему собрать достаточно средств, чтобы построить в элитном каирском квартале Кавсун роскошный дворец с садом, занятый после его смерти мамлюкским военачальником Осман-беем ал-Бардиси¹⁰⁰. Рядом с дворцом «Москвит» возвел и водохранилище¹⁰¹. Патологическая жадность

⁹⁵ РГАДА, Госархив, разр. XV (ф. 15), д. 192, л. 19–20 (на грузинском языке). Цит. по: *Мачарадзе В.Г. Грузинские документы...* С. 30–31.

⁹⁶ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 977. Л. 2.

⁹⁷ РГАДА, Госархив, разр. XV (ф. 15), д. 192, л. 19–20 (на грузинском языке). Цит. по: *Мачарадзе В.Г. Грузинские документы...* С. 30.

⁹⁸ *Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 3. С. 174; *al-Jabarti*. 'Aja'ib... Vol. 3. P. 270.

⁹⁹ *Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 2. С. 179; *al-Jabarti*. 'Aja'ib... Vol. 2. P. 295.

¹⁰⁰ *Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 3. С. 264; *al-Jabarti*. 'Aja'ib... Vol. 3. P. 405.

¹⁰¹ *Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 2. С. 179; *al-Jabarti*. 'Aja'ib... Vol. 2. P. 295.

Касима проявилась в полной мере, когда в феврале 1795 г. его приехали повидать после долгой разлуки мать, Матрена Афанасьевна Рутченко¹⁰², и сопровождавший ее зять¹⁰³, возможно, тот самый, которого восемью годами ранее эвакуировал из Египта барон Тонус¹⁰⁴. Почтительный сын принял пожилую женщину весьма любезно, «с соблюдением всех внешних приличий»¹⁰⁵, и прилюдно выразил желание, чтобы она осталась с ним. Однако подобное проявление «сыновней любви», как с возмущением писал российский консул в Каире Карло Росетти, было лишь предлогом, под которым Касим «уклонился от любых проявлений щедрости, от коих было возможно»¹⁰⁶. «Великая скупость» не позволила «Московиту» сделать матери «подарок и отправить ее на родину, предоставив ей вексель в какой-либо валюте и всю необходимую помощь»¹⁰⁷. Год спустя, отвечая на запрос российского посланника в Стамбуле В.П. Кочубея (1792–1797 гг.), до которого дошли слухи о том, что родственники Касима против воли удерживаются в Каире¹⁰⁸, Росетти отвечал, что доподлинно установить это невозможно, поскольку бей обрек мать на жизнь затворницы, «вопреки обычаю, не разрешая ей общаться ни с женщинами, ни с иностранцами и пытаясь тем самым ей воспрепятствовать дать знать о положении, в котором она пребывает»¹⁰⁹. Сумел Касим Рутченко избежать и оплаты расходов по проезду матери с зятем из родного Бахмута в Каир. В течение года он морочил голову сопровождавшему родственников г-ну Псаро¹¹⁰, оправдываясь отсутствием средств и обещая отдать долг при первой возможности. Когда же в апреле 1796 г. Псаро, в очередной раз услышав предложение потерпеть несколько месяцев, попытался проявить твердость и настойчивость, то итогом стало лишь поспешное бегство доверчивого заимодавца из Египта¹¹¹.

¹⁰² АВПРИ. Ф. 90/1. Ед. хр. 1230. Л. 1.

¹⁰³ Там же. Ед. хр. 1271. Л. 1 об.

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 977. Л. 4.

¹⁰⁵ АВПРИ. Ф. 90/1. Ед. хр. 1230. Л. 1.

¹⁰⁶ Там же. Л. 3.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. 90/1. Ед. хр. 1271. Л. 11 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 1 об.

¹¹⁰ Неясно, какой из представителей семейства Псаро имелся в виду. Первым на русскую службу перешел в 1769 г. Антон Константинович Псаро (1735–1811), уроженец о. Миконос. В 1769–1774 гг. он участвовал в Архипелагской экспедиции, с 1783/84 по 1796 г. был назначен поверенным в делах на Мальту. Впоследствии переехал в Россию, где ему были дарованы земли под Таганрогом (*Смилянская И.М.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 86–87). К выполнению различных поручений А.К. Псаро привлекал и своего брата Петра.

¹¹¹ АВПРИ. Ф. 90/1. Ед. хр. 1271. Л. 1 об.

В годы французского вторжения Касим последовал за Ибрахим-беем в Сирию, где участвовал в военных действиях против захватчиков. Умер ал-Мусква в 1801 г., вероятно, став жертвой эпидемии чумы, свирепствовавшей в то время в Египте¹¹².

Касим ал-Мусква был единственным мамлюком русского происхождения, кому удалось дослужиться до высокого звания бея. Тем не менее немало русских мамлюков имело ранг кашифов¹¹³. Один из них, Хасан-кашиф¹¹⁴, «русский князь, служивший прежде в канцелярии графа Панина¹¹⁵», упоминается в донесении, составленном в марте 1789 г. Йусуфом Фахром¹¹⁶, российским тайным агентом в Александрии¹¹⁷. Фахру так и не удалось выведать фамилию и христианское имя Хасана, которые тот «тщательно хранил

¹¹² *Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 3. С. 174; *al-Jabarti*. 'Aja'ib... Vol. 3. P. 270. Наличие в Египте на рубеже XVIII—XIX в. нескольких мамлюкских беев по имени Касим породило путаницу, жертвой которой стал как греко-католический хронист Никула ат-Турк (1763—1828), так и наши современники, составители индекса-путеводителя по летописи 'Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, Томас Филипп и Гидо Швальд, ошибочно идентифицировавшие с Касимом ал-Мусква некоего Касим-бея, занимавшего должность *амин ал-бахрайн* (держателя откупов с таможен Булака и Старого Каира). Украинский ученый А.И. Веселовский и его грузинские коллеги Г.И. Джапаридзе и А.А. Силагадзе убедительно доказали, что погибший в феврале 1799 г. в битве за крепость ал-Ариш Касим-бей Амин ал-Бахрейн и Касим-бей ал-Мусква являются разными лицами (*Веселовський А.І., Джапарідзе Г.І., Сілагадзе А.А.* Касим-бей — син козацького отамана // *Український історичний журнал*. 2002. № 3. С. 122).

¹¹³ Не менее одиннадцати, если верить поручику Качкачишвили (РГАДА, Госархив, разр. XV (ф. 15), д. 192, л. 19—20 (на грузинском языке). Цит. по: *Мачарадзе В.Г.* Грузинские документы... С. 23).

¹¹⁴ Идентифицировать данного кашифа Хасана по известным нам источникам не представляется возможным. Из кашифов, упомянутых в хронике ал-Джабарти, в 1787 г. в лагере «мухаммадитов» (Ибрахим-бей и Мурад-бей) находился некий Хасан Ми'мар (ум. в 1793/94 г.) — бывший мамлюк Мухаммад-бей Абу-з-Захаба, зять и наследник известного военачальника, аги 'Али ал-Ми'мара (ум. в 1777/78 г.), носившего прозвище «бесхвостая обезьяна». Летописец описывает Хасана как «разумного руководителя, умевшего справляться с волнениями. Был он человеком красивой внешности, с широко расставленными черными глазами» (*Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 2. С. 257; *al-Jabarti*. 'Aja'ib... Vol. 2. P. 428—429). Погиб Хасан-кашиф во время хаджа в стычке с напавшими на караван паломников бедуинами.

¹¹⁵ *Граф Никита Иванович Панин* (1718—1783) — видный российский дипломат, с 1763 по 1773 г. фактический глава Иностранной коллегии, воспитатель будущего императора Павла I.

¹¹⁶ Йусуф Фахр (Фархат) принадлежал к сиро-христианскому клану Фахров, в последней трети XVIII в. перебравшемуся в Египет и развившему там бурную торговую деятельность. В декабре 1798 г. Йусуф Фархат стал членом созданного французами марионеточного органа местного самоуправления — Малого (постоянного) дивана (*Ал-Джабарти*. 'Аджаиб... Т. 3. С. 37; *al-Jabarti*. 'Aja'ib... Vol. 3. P. 58).

¹¹⁷ АВПРИ. Ф. 89/8. Т.2. Ед. хр. 1014. Л. 6.

в тайне»¹¹⁸. Впрочем, еще до начала Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Хасан сам открылся барону Тонусу, подписавшись в частном письме: «Иван Михайлов сын, князь Ухтомской»¹¹⁹. В 1785 г. князь Хасан Ухтомский служил у Касим-бея хазнадаром (казначеем) или, как он сам писал, «прикащиком»¹²⁰, и, как видно из его писем, не имел оснований горевать о переменах в своем материальном положении и социальном статусе¹²¹.

Наличие в Египте единоплеменников первоначально не рассматривалось российским правительством как самостоятельный фактор внешнеполитической деятельности на Ближнем Востоке. Екатерина II (1762–1796), направившая во время войны 1768–1774 гг. флот в Восточное Средиземноморье, сделала ставку на военный союз с сепаратистски настроенными региональными лидерами, прежде всего с правителем Египта ‘Али-беем Булут Капаном, которого характеризовала в переписке с Вольтером как своего «естественного союзника»¹²². При этом предложение о военной помощи, направленное ‘Али-бею в сентябре 1772 г. командующим русским флотом графом А.Г. Орловым, было составлено на русском и итальянском, что предполагало наличие в окружении египетского правителя лиц, владеющих этими языками¹²³. Разгром и гибель крупнейших военно-политических партнеров России на Ближнем Востоке: ‘Али-бея Булут Капана и палестинского шейха Дахира ал-‘Умара (ок.1690–1775) заставили царскую дипломатию со временем обратить свой взор на ту часть местной военной элиты, которая, казалось, уже в

¹¹⁸ Там же. Можно предположить, что молодой служащий канцелярии главы Коллегии иностранных дел был допущен к государственным секретам и опасался, что информация о принятии им ислама и переходе на османскую службу доставит немало неприятностей родным и близким.

¹¹⁹ АВПРИ. Ф. 90/1. Ед. хр. 1001. Л. 6 об.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Князья Ухтомские являлись младшей ветвью удельных князей Белозерских. Род был весьма многочисленным и упоминается в дворянских родословных книгах более десяти губерний. Поместья большинства князей Ухтомских были мелкими, а семьи — многодетными. О тяжелом материальном положении некоторых членов рода красноречиво свидетельствует прошение участника военных кампаний 1813–1814 гг., корнета в отставке князя Николая Михайловича Ухтомского, который в 1842 г. ходатайствовал вновь принять его на службу, поскольку «недостатки и даже крайняя бедность лишали меня возможности содержать себя прилично Русскому Князю». «Если же сего невозможно, — добавляя отставной корнет, — то повели, Августейший Монарх, снять с меня титул Русского Князя и чин Офицера и определить на службу рядовым» www.baza.vgd.ru/11/57038.

¹²² Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве МИД’а // Сборник Русского исторического общества. Т. XIII. СПб., 1874. С. 60, 146, 263.

¹²³ *Lusignan S.K. A History of the Revolt of Ali Bey...* P. 131.

Мамлюк.
К. Верне. 1810 г.

силу своей этнической принадлежности должна была быть настроена пророссийски.

Очевидно, первый российский посланник в Египте барон Конрад Тонус изначально не имел четких инструкций, как ему следует себя вести по отношению к бывшим соотечественникам. Настойчивые приглашения Касим-бея и Хасана хазнадара навестить их в Каире «и великим приятелем быть»¹²⁴ ввергли барона в замешательство. Опасаясь кары за возможные «непредвидимости» в случае несанкционированного общения с русскими мамлюками, он предпочел вынести этот вопрос «на благоразсмотрение государственной коллегии»¹²⁵. Однако вскоре настроенное отношение Тонуса к ренегатам-соотечественникам меняется, именно в них он начинает видеть силу, способную привести Египет в сферу российского влияния. «...Только от нас зависит, — писал 5 марта 1787 г. барон Тонус главе Коллегии иностранных дел графу И.А. Остерману, — чтобы Египет стал независимой провинцией. Наибольшая часть Беев и Мамлюков — все русские подданные, и Ибрахим родом из Тифлиса»¹²⁶¹²⁷.

¹²⁴ АВПРИ. Ф. 90/1. Ед. хр. 1001. Л. 6 об.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Хотя в 1787 г., когда писалась докладная записка Конрада Тонуса, Грузия и не входила в состав Российской империи, однако по условиям незадолго до того подписанного Георгиевского трактата (1783 г.) Картли-Кахетинское царство со столицей в Тифлисе, фактически, было превращено в российский протекторат.

¹²⁷ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 977. Л.1.

Именно с Ибрахим-беем у барона Тонуса установились наиболее тесные («особо интимные»¹²⁸) взаимоотношения. Очевидно, что Ибрахим всячески стремился увеличить число русских в своем окружении: в 1786 г. он выразил желание получить от России инструкторов-артиллеристов¹²⁹, а два года спустя просил барона прислать 500 русских солдат¹³⁰, что, несомненно, позволило бы его бейту поколебать сложившийся в Египте баланс сил. Можно предположить, что командовать этим корпусом должен был племянник Ибрахим-бея, артиллерийский офицер российской армии, незадолго до того ушедший по призыву своего дяди в отставку и переехавший в Египет¹³¹.

Барон Тонус настолько привык вести переписку с Ибрахим-беем на русском языке, что, после изгнания последнего летом 1786 г. османскими войсками в Верхний Египет, продолжал писать письма новому шайх ал-баладу Исма'ил-бею (1786–1791) по-русски, заставив последнего помучиться с поиском переводчика¹³². Связным же в сношениях барона с опальными беями выступал русский мамлюк, который, рискуя жизнью, переодетый в простонародную одежду, пробирался из Верхнего Египта в Александрию и обратно¹³³.

По справедливому замечанию видного отечественного востоковеда И.М. Смилянской, «последующие события показали, что Тонус преувеличил антитурецкие настроения и прорусские склонности мамлюков, между тем как они исходили в своих симпатиях и антипатиях прежде всего из учета тех реальных политических сил, которые могли бы обеспечить им, не-египтянам по происхождению, положение правящего класса в Египте»¹³⁴. Ба-

¹²⁸ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 977. Л. 10.

¹²⁹ АВПРИ. Ф. 89/8. Т. 2. Ед. хр. 980. Л. 4–4 об.

¹³⁰ PRO, Foreign Office. Vol. 1 (1786–96), fol. 113, April 2, 1788. Quai d'Orsay Archives (Paris), Archives des Posts-Turquie, Correspondance avec les Echelles — Egypte, 1788–III, le 18 Mars 1789. Цит. по: *Crececius D. Russia's Relations with the Mamluk Beys of Egypt...* P. 66.

¹³¹ АМАЕ, Quai d'Orsay (Paris), Correspondance Politique-Turquie. Vol. 174 (1786), fol. 72, le 15 Mars 1786.

¹³² AN, Affaires Etrangères, B1, 114 (Alexandrie, 1788–1791), fol. 81–82, le 19 Septembre 1788. Цит. по: *Crececius D. Russia's Relations with the Mamluk Beys of Egypt...* P. 66. Проблема с переводчиком была успешно решена, о чем свидетельствуют датированные сентябрем 1788 г. письма на русском языке, направленные Исмаил-бею и османским наместником в Египте 'Абди-пашой адмиралу С.И. Грейгу, командовавшему готовой выйти в Средиземное море российской эскадрой (АВПРИ. Ф. 89/8. Ед. хр. 2062. Л. 24–28).

¹³³ АВПРИ. Ф. 89/8. Т.2. Ед. хр. 977. Л. 2.

¹³⁴ Смилянская И.М. О политике Екатерины II в Средиземноморье и первых российско-арабских политических контактах // *Анналы*. Вып. V–VI. М., 1996. С. 19.

Командир мамлюков. К. Верне. 1820 г.

рон не мог не знать того, что в 1772 г. большинство русских мамлюков последовали за Мухаммадом Абу-з-Захабом, повернув оружие против союзника России 'Али-бея ал-Кабира. Преданность своим личным интересам, своему «дому» и бею безусловно превалировала в сознании мамлюков над «зовом крови», способным обеспечить лояльность к их далекой родине. Показательно, что в 1789 г. Ибрахим- и Мурад-беи адресовали одновременно российскому и австрийскому монархам свою отчаянную мольбу о помощи, заверяя обоих императоров, что «их благодарность не будет иметь границ», и обещая предоставить «огромные преимущества той державе, которая сможет им вернуться к власти в Каире»¹³⁵.

Продолжавший подстрекать мамлюков к восстанию против Порты барон Тонус в сентябре 1788 г. был арестован Исма'ил-беем и год спустя казнен. С гибелью посланника дипломатическая активность России в Египте практически полностью сошла на нет: Коллегия иностранных дел сочла бессмысленным продолжать политическую игру с потенциальными союзниками, вытесненными из важнейших стратегических пунктов Египта, тем более что русская эскадра в Средиземное море так и не была направлена. Мамлюкам также стало ясно, что Россия не намерена посылать войска на их поддержку.

Смена внешнеполитических приоритетов Санкт-Петербурга лишила русских мамлюков перспективы увидеть Египет под российским протекто-

¹³⁵ АВПРИ. Ф. 89/8. Т.2. Ед. хр. 1014. Л. 5.

ратом, а в конце XVIII — начале XIX в. большая часть «воинов-рабов» была уничтожена в результате французского вторжения и османо-мамлюкской войны 1801–1806 гг. Остатки ослабленного корпуса бывших властителей страны были перебиты в 1811 г., когда новый правитель Мухаммад ‘Али (1805–1849) подвел черту под существованием мамлюкской «касты» как самостоятельной общественно-политической силы. Очевидно, в боине 1811 г. сложили головы и последние ветераны—этнические русские, обретшие вторую родину на берегах Нила¹³⁶.

¹³⁶ В числе немногих мамлюков, которым довелось пережить 1811 г., оказался некий Сулейман Муску (Мусква). Судя по прозвищу «Московит», он не был уроженцем Крыма, как указывалось во французских документах, а попал на полуостров из России. В годы наполеоновской оккупации Египта Сулейман перешел на сторону республиканских войск, а затем, в 1801 г., эвакуировался вместе с ними во Францию. В рядах батальона «Восточных (мамлюкских) стрелков», вошедшего в состав консульской, а затем императорской гвардии, Сулейман прошел с боями весь европейский континент, в декабре 1808 г. он попал в Испании в плен к англичанам, сумел бежать и в сентябре 1810 г. вернулся в строй. Довелось «Московиту» сражаться и с соотечественниками. 1 августа 1813 г. 53-летний Сулейман вышел, наконец, в отставку и поселился в Марселе, где к тому времени сложилась пестрая колония из числа перешедших в свое время на сторону Наполеона греков, коптов, сирийцев и мамлюков (Pawly R. Napoleon's Mamelukes. Oxford/New York, 2006. P. 35–36). В реестре мамлюков из батальона «Восточных стрелков» упоминается и некий Амза (Хамза) по прозвищу Лафлер («Цветочек»). В графе места рождения Лафлера указан «Крым (Московия)», в то время как у Сулеймана Муску это место обозначено как «Крым (Малая Татария)», что можно расценить как указание на то, что Хамза по рождению был москвитом. Лафлер также благополучно пережил все наполеоновские кампании и в 1814 г. вышел в отставку (Le Mamelouk de Napoléon I. Les memoires de Roustam, le garde du corps de l'Empereur. Paris—Bruxelles, 2010. P. 209).

REFERENCES

1. *Hotko S.H.* Outline of Circassian History from Cimmerian Epoch to Caucasian War [Ocherki istorii cherkesov ot epohi kimmeriycey do Kavkazskoy voyny]. St. Petersburg, 2001.
2. *Kirillina S.A.* «Charmed Travelers»: the Arab-Ottoman World in the Eyes of Russian Pilgrims of the Sixteenth to Eighteenth Centuries [«Ocharovannyye stranniki»: arabo-osmanskiy mir glazami rossiyskikh palomnikov XVI–XVIII stoletiy]. Moscow, 2010.
3. *Kornackiy I.* The Way the Donbass Men Ruled Egypt [Kak donbassovcy Egiptom pravili] // Doneckiy kryazh. № 1622. 2005.
4. *Smilyanskaya I.M.* On the Policy of Catherine the Great in the Mediterranean and First Russian-Arab Political Contacts [O politike Ekateriny II v Sredizemnomor'e i pervykh rossiysko-arabskikh politicheskikh kontaktakh] // Annaly. Iss. V–VI. Moscow, 1996.
5. *Smilyanskaya I.M.* Russia in the Mediterranean. The Archipelago' Expedition of Catherine the Great [Rossiya v Sredizemnomor'e. Arhipelag'skaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy]. Moscow, 2011.
6. *Solov'ev S.M.* Readings and Stories on the History of Russia [Chteniya i rasskazy po istorii Rossii]. Moscow, 1989.
7. *Veselovskiy A.I., Dzhaparidze G.I., Silagadze A.A.* Kasim Bey — son of the Cossack ataman [Kasim-bey — sin kozac'kogo otamana] // Ukraïnskiy istorichniy zhurnal. № 3. 2002.
8. *Ayalon D.* Studies in al-Djabarti: I. Notes on Transformation of Mamluk Society in Egypt under the Ottomans // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 3. 1960.
9. *Bernard Y.* L'Orient du XVIIe siècle. Une société musulmane florissante. Paris, 1988.
10. *Creclius D.* Russia's Relations with the Mamluk Beys of Egypt in the Late Eighteenth Century // A Way Prepared. Essays on Islamic Culture in Honor of Richard Bayly Winder. Ed. by Farhad Kazemy and R.D. McChesney. New York & London, 1988.
11. *Creclius D.* The Mamluk Beylicate of Egypt in the Last Decades before its Destruction by Muhammad 'Ali Pasha in 1811 // The Mamluks in Egyptian Politics and Society. Ed. by Philipp Thomas, Ulrich Haarmann. Cambridge, 1998.

12. *Crecelius D. and Djaparidze G.* Relations of the Georgian Mamluks of Egypt with their Homeland in the Last Decades of the Eighteenth Century // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 45. Number 3. Brill, Leiden, 2002.
13. *Fisher A.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // *Canadian American Slavic Studies*. Vol. 6. 1972.
14. *Hathaway J.* The Politics of Households in Ottoman Empire. The Rise of the Qazdağlis. Cambridge, 1997.
15. *Lewis B.* Race and Slavery in the Middle East. An Historical Enquiry. New York, Oxford, 1990.
16. *Pawly R.* Napoleon's Mamelukes. Oxford/New York, 2006.
17. *Raymond A.* Égyptiens et français au Caire, 1798–1801. Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire, 1998.

Ключевые слова:

русские на Ближнем Востоке, мамлюки, Русско-турецкие войны, Османский Египет.

Taras Yu. Kobishchanov

AN OUTLAND OR THE NEW HOMELAND: RUSSIANS IN THE OTTOMAN MIDDLE EAST IN THE 17th—18th cc.

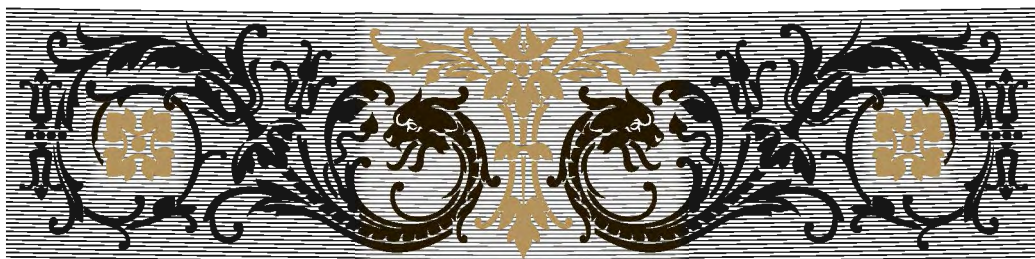

Up to the 19th c. the Middle East and Russia had been closely connected, mainly by spiritual and religious ties, created through visits of Russian pilgrims to the Holy Land, and of the Middle Eastern church hierarchs to Moscow. However pilgrims were not the only Russians who made it to the lands of Egypt, Syria and Palestine. Slaves were the most numerous group of former Russian citizens, who in the 16th—18th cc. happened to be in the Middle East. Male slaves brought from the Northern Black Sea Region were usually used as galley-slaves. Young girls were sold into harems, and women and children joined the ranks of household servants and workers. However for some of the Russian slaves on the Middle East slave markets a different fate was given. Mamluk and Ottoman systems of military and administrative reproduction involved adjunction of foreign young male slaves. Till the last third of the 18th c., Mamluk Beys rarely took Russians to join their warrior-slave troops, believing that they simply could not be good fighters. After the defeat of the Turkish arms the situations changed. The reputation of Russian soldiers raised dramatically. By 1786 Russians comprised almost a quarter of the future Mamluks brought to the country. The majority of them were prisoners or deserters, though a considerable part chose such a fate voluntarily. By that time, the total number of Russian Mamluks could be estimated as no less than 1 thousand people, i.e. approximately 8—12% of the Egyptian «ruling caste» of slave warriors.

The article traces the fate of Russian Mamluks. Their connections with homeland, the extent of their Islamization and adaptation to the Middle Eastern societies are analyzed. Special attention is given to the policies of Catherine II in respect to the former Russian citizens based in the Middle East. The interactions of the tsarist diplomats and the Mamluk highest ranks, including those Russian-speaking, on the eve of the war of 1787—1791 are highlighted.

 Кобищанов Тарас Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова

Д.Р. Жангиев

ОСМАНСКАЯ СИРИЯ И ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КОНФЛИКТА МЕЖДУ ПОРТОЙ И МУХАММАДОМ АЛИ-ПАШОЙ (1831—1841 гг.)

*«...судьбы Востока не решаются без участия России»
(из инструкции вице-канцлера графа К.В. Нессельроде
генерал-лейтенанту Н.Н. Муравьеву, 1832 г.).*

з Европы в Африку ведет только один путь — через Сирию. Со времени распространения оттоманского владычества в Африке Сирия сделалась Турецкой империи необходимою для содержания в повиновении отдаленных областей, коих зависимость была всегда сомнительна. С другой стороны, Египет, не завися в существовании своем от внешних стран, всегда готов был отторгнуться от владычества Турции, коей он покорялся только по единоверию и духовной власти султана. Обстоятельства сии причиною, что Сирия была предметом притязаний правителей Египта, заботившихся об охранении с сухого пути владений своих, доступных только чрез сию область»¹ — так генерал Н.Н. Муравьев² характеризовал стратегическое

¹ [Муравьев Н.Н.] Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. II. М., 1869. С. 79.

² Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794—1866) — русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1853). Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813—1814 гг., Русско-персидской 1826—1827 гг. и Рус-

Н.Н. Муравьев.
Портрет XIX в.

значение сирийских провинций Османской империи³. В первой половине XIX в. особое внимание Российского государства в отношении Сирии уже имело свою историю. И речь идет не только о взаимодействии официального Петербурга с ближневосточными православными церквями и защите интересов русских паломников, направлявшихся в Святую землю⁴. Военно-политические интересы Российской империи в Восточном Средиземноморье вполне проявились в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда эскадра под командованием графа Алексея Орлова разгромила османский флот в Чесменском сражении (1770 г.), а десантный отряд овладел Бейру-

---

ско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1832–1833 гг. в чине генерал-лейтенанта находился с военно-дипломатической миссией в Константинополе, совершил поездку в Египет. Командовал отрядом русских войск, направленных в помощь османскому султану Махмуду II для защиты столицы от наступления войск египетского наместника Мухаммада Али. За взятие Карса в 1855 г. во время Крымской войны удостоен приставки к фамилии «Карский».

³ К концу XVIII в. четыре сирийских *эялета* (провинции) Османской империи — Дамаск (аш-Шам), Алеппо (Халеб), Сайда и Триполи (Тараблус) вместе занимали территорию исторической Сирии. Ее общее пространство приблизительно соответствует современным территориям Сирийской Арабской Республики, Ливана, Иордании, Израиля и Палестины, вместе взятым. Подробнее см.: *Жанттиев Д.Р.* Традиция и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи (конец XVIII — начало XX в.). М., 1998. С. 7–10.

⁴ Данные темы рассматриваются в следующих новейших монографиях отечественных исследователей: *Кириллина С.А.* «Очарованные странники»: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010; *Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М., 2012; *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М., 2013.

том в 1773 г. Действия Российского императорского флота и десантных войск проходили тогда при поддержке двух мусульманских союзников — фактического правителя Египта Али-бея⁵ и палестинского шейха Дахира ал-Умара⁶. На фоне успехов войск и флота императрицы Екатерины II тайный союз между командованием русской эскадры на Средиземном море и двумя наиболее влиятельными (на тот момент) представителями провинциальных элит в Сирии и Египте, готовых вступить под покровительство России, создавал серьезную угрозу уже не только морским, но и сухопутным коммуникациям между османской столицей и ближневосточными владениями султана⁷. Однако надеждам честолюбивого мамлюкского бея и арабского шейха не суждено было сбыться. Али-бей был предан собственными приближенными и погиб в результате заговора в 1773 г., а союз с Дахиром ал-Умаром утратил силу после того, как русский флот в 1774 г. покинул побережье Сирии в результате заключения между Россией и Османской империей Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

Следующая фаза активизации российской политики в отношении Османской Сирии относится уже к другому историческому периоду, а именно к 30-м гг. XIX в., когда тяжелые для Османской империи последствия Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.⁸ отразились на отношениях султана Махмуда II (1808–1839) и Порты⁹ с наиболее могущественным мусульманским вассалом — наместником (*вали*) Египта Мухаммадом Али-пашой¹⁰. В результате укрепления своей единоличной власти во вверенном ему пашалыке и создания боеспособной армии, обученной по

⁵ *Али-бей ал-Кабир Булут Капан* (1728–1773) — в 1768–1772 гг. — фактический правитель Османского Египта, *шайх ал-балад* (глава мамлюкской иерархии).

⁶ *Дахир ал-Умар аз-Зейдани* (ок. 1690–1775) — представитель арабской родо-племенной знати в северной Палестине (Галилее), в 1730–1775 гг. управлял городом и крепостью Акка под османским владычеством.

⁷ Подробнее о действиях русского флота у берегов Сирии в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. см.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011. С. 333–413.

⁸ Согласно условиям Адрианопольского мирного договора 1829 г., Порта была вынуждена согласиться на автономию Греции, а в следующем 1830 г. международный протокол зафиксировал независимый статус греческого государства. В том же году, выполняя статьи Адрианопольского договора, султан издал указ, провозгласивший Сербию самоуправляющимся княжеством.

⁹ П о р т а (также Высокая Порта, Блистательная Порта, Оттоманская Порта) — принятое в истории международных отношений наименование правительства Османской империи.

¹⁰ *Мухаммад Али-паша* (1769–1849) — видный османский государственный деятель и реформатор, наместник (*вали*) Египта (1805–1848).

Мухаммад Али.
Портрет работы
О. Кудера. 1841 г.

европейскому образцу, честолюбивый паша «...сделался настоящим владыкою Египта, считаясь по одному лишь званию наместника в мнимой зависимости от султана»¹¹. Неудача греческого похода войск Мухаммада Али и потеря большей части египетского флота в Наваринском морском сражении 1827 г. побуждали его, одержимого идеей расширения своих владений, к новой военной авантюре. Воспользовавшись конфликтом с наместником соседнего с Египтом Сайдского эялета Абдалла-пашой, Мухаммад Али осенью 1831 г. направил в Сирию войска под командованием своего старшего сына Ибрахим-паши. Успешная осада и взятие крепости Акка весной следующего 1832 г., а также занятие Дамаска дали Мухаммаду Али основания предъявить султану и Порте свои требования о передаче всех сирийских провинций под его управление в добавление к Египту, Судану, Аравии и Криту.

Летом 1832 г. мятеж Мухаммада Али и его военные успехи обратили на себя пристальное внимание европейских держав. В Петербурге окрепла уверенность в том, что «России нельзя было оставаться равнодушною зрительницею, — и ни в каком случае не следовало допускать восстания подданного против своего властелина»¹². Николай I выразил свое неудовольствие действиями войск Мухаммада Али в Сирии отозванием из Александрии консула Лавизона. Вместе с ним приказано было выехать и всем российским подданным. Судам, пользовавшимся покровительством

¹¹ [Муравьев Н. Н.] Турция и Египет... Т. I. С. 24.

¹² Там же. Т. II. С. 31.

российского флага, запрещено было помогать египетскому паше в перевозке продовольствия, оружия и прочих грузов для снабжения войск. Лавизон покинул Египет 20 августа 1832 г.¹³ Эта мера ободрила султана Махмуда II, который после этого не сомневался в том, что Россия намеревалась его поддержать. Примечательно, что именно Россия сделала этот шаг первой среди европейских держав, осознавая, какую опасность для баланса сил в Восточном Средиземноморье несет чрезмерное возвышение Мухаммада Али.

«Завоевание Турции Мехмед-Али-папою (...) могло бы, с возведением нового лица на престол турецкий, возродить новые силы в сем упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы, а потому Государя особенно занимало удержание Султана на колеблющемся престоле его»¹⁴ — такова была российская оценка конфликта между Мухаммадом Али и султаном осенью 1832 г. Правда, сам честолюбивый паша в беседе с консулом Лавизоном (незадолго до его отъезда) делал вид, что не помышляет о свержении османской династии, хвастался победами своих войск в Сирии и уповал на то, что европейские дворы отнесутся с пониманием к его интересам¹⁵. Вместе с тем было очевидно, что установление Мухаммадом Али контроля над Сирией создает для него благоприятные возможности для наступления на столицу империи — Константинополь. В случае разгрома османских войск египетский наместник, располагавший сильной и опытной армией, а также военно-морским флотом, был способен если и не свергнуть османскую династию, то как минимум подчинить султана и его правительство своему прямому влиянию.

Вполне естественно, что император Николай I предпочитал иметь дело на южных границах России со слабой и побежденной в недавней войне (как и в серии более ранних Русско-турецких войн) Османской империей, а не с победоносной державой Мухаммада Али. И занятие Сирии армией Ибрахим-паши было воспринято в Петербурге как пересечение своеобразной «красной черты». Распоряжение об отозвании всех российских подданных из Египта было сделано еще до того, как в российскую столицу поступили известия о разгроме Ибрахим-пашой османских войск с-раскира Хусейн-паши на севере Сирии — при Хомсе и у перевала Бейлан в июне—июле 1832 г. Тем не менее командующему российской эскадрой на Средиземном море вице-адмиралу Рикорду было предписано следить за

---

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Т. III. С. 2.

¹⁵ Там же. Т. II. С. 32–33.

Султан Махмуд II.
Портрет XIX в.

тем, чтобы купеческие суда под российским флагом «отнодь не помогали мятежному паше» ни в подвозе продовольствия к портам Египта и Сирии, ни другими какими-либо способами¹⁶. Что же касается решения Николая I направить в Константинополь, а затем в Египет с особым поручением генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева, то оно было принято осенью 1832 г. после поступления известий о победах Ибрахим-паши при Хомсе и Бейлане и преследовании им османских войск на пути из Сирии в Анатолию.

Начало деятельного участия России в противодействии мятежу Мухаммада Али было встречено Махмудом II как надежда на спасение в безвыходной ситуации. Еще до приезда Н.Н. Муравьева в османскую столицу султан лично принял отозванного из Египта консула Лавизона и чрезвычайного посланника в Константинополе Бутенева, изъявил им удовольствие и наградил ценными подарками. А прибытие Н.Н. Муравьева с личными заверениями в дружбе султану от имени российского самодержца воспринималось как предвестие прямой союзнической военной помощи со стороны России, на что султан и Порты всерьез рассчитывали. Муравьев понимал царское поручение следующим образом: преградить египетскому наместнику путь к дальнейшим успехам, чтобы удержать султана Махмуда II на престоле, а также, по возможности, противодействовать Франции и Англии в борьбе за влияние на Порту¹⁷.

¹⁶ Там же. С. 33.

¹⁷ Там же. Т. II. С. 113.

По иронии судьбы, Н.Н. Муравьев прибыл в османскую столицу в тот самый день (9 декабря 1832 г.), когда Ибрахим-паша разгромил в генеральном сражении у Коньи османскую армию и взял в плен командовавшего ею *сакразама* (великого везира) Решиды Мехмед-пашу. В этой ситуации посланник Николая I стремился убедить султана в искренности намерений Петербурга защитить Царь-град от наступления Ибрахим-паши и, во-вторых (в ходе визита в Александрию в январе 1833 г.), склонить Мухаммада Али к немедленному прекращению военных действий на суше и на море и примирению со своим сюзереном. Есть основания полагать, что именно переданное Муравьевым Мухаммаду Али жесткое предупреждение от имени российского императора вынудило египетского владыку приостановить переброску подкреплений в Сирию и отдать приказ Ибрахим-паше остановить наступление от Коньи в сторону Константинополя. Это произошло еще до того, как Мухаммад Али получил известия о прибытии 8 февраля 1833 г. к берегам Босфора эскадры Черноморского флота России под командованием контр-адмирала Лазарева, а затем и десантных полков 26-й пехотной дивизии.

С прибытием русского флота и десанта для защиты столицы Османской империи миссия Н.Н. Муравьева далеко не была завершена. Он принял командование отрядом русских войск и продолжал передавать в Петербург разведывательную информацию о дислокации и состоянии войск Ибрахим-паши в Анатолии и Сирии¹⁸, а также давал ценные советы османскому сераскиру (военному министру) Хюсреву Мехмед-паше по подготовке берегов Босфора к обороне. При этом в ходе пребывания Н.Н. Муравьева в Константинополе ситуация в Сирии неизменно оставалась в фокусе его внимания. Посланник Николая I разъяснял сераскиру, что даже с теми небольшими военными силами, которые остались в распоряжении Порты после разгрома при Конье, можно было организовать высадку десантов на сирийском побережье и поднять там восстания местного населения против египетского владычества. В этом случае коммуникации между войсками Ибрахим-паши и Египтом оказались бы перерезанными, что создало бы совершенно иную атмосферу в ходе мирных переговоров¹⁹.

В своих записках Н.Н. Муравьев не случайно приводит составленное им в ходе миссии в Константинополе подробное описание Сирии. Фактически, оно представляет собой самостоятельный труд, содержащий анализ

¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5303. Л. 42.

¹⁹ [Муравьев Н.Н.] Турция и Египет... Т. III. С. 55.

Москов-таш («камень москвитов»). Памятник, воздвигнутый на Азиатском берегу Босфора в ознаменование пребывания императорских Российских войск в 1833 г.

наиболее удобных маршрутов как для высадки с моря на сирийском побережье, так и для сухопутного вторжения с севера — из восточной Анатолии через Халеб и Антиохию²⁰. Муравьев делает вывод о том, что с военной точки зрения наилучшим пунктом для десантирования войск в Сирии является не Бейрут, а Тир, так как, опираясь на этот прибрежный город, удобнее всего развивать наступательные действия во внутренних районах страны, отрезая Дамаск от сообщений с Египтом. При этом русский генерал справедливо отмечал, что «удержание в повиновении Сирии представляет более затруднений, чем вторжение в нее» из-за горного рельефа местности в прибрежных областях и трудно предсказуемого поведения воинственных горцев²¹.

Рассуждения Муравьева о путях будущего военного вторжения в Сирию особенно интересны тем, что, судя по тексту, они предполагают наступательные военные действия не только со стороны войск законного владельца сирийских провинций — Османской империи. Генерал отмечал важность проходящих через Сирию торговых путей, связывающих Европу с Ираном и Индией, а также, разумеется, особое сакральное значение Святой земли. Далее он делал вывод о том, что «освобождение и охранение святых мест служило бы достаточною причиною к приобретению сей стра-

²⁰ Там же. Т. II. С. 81–83.

²¹ Там же. Т. II. С. 83.

ны» одним из христианских «венценосцев»²². Учитывая верноподданническое рвение автора «записок» о пребывании русских войск на Босфоре, явно проявлявшееся на протяжении всей его военной карьеры, нетрудно догадаться о том, кого из современных ему монархов Н.Н. Муравьев мечтал видеть в роли освободителя Иерусалима.

Впрочем, как показали события 1833 г., русские войска в пределах Османской империи могли появляться и в качестве союзника, а не противника султана. В случае дальнейших успехов Мухаммада Али, которые гипотетически могли привести к установлению им контроля над Константинополем, Петербург не собирался ограничиваться ролью наблюдателя происходящего. В служебной записке генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, составленной, вероятно, в начале 1833 г. после прочтения рапорта генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева с берегов Босфора, прямо рекомендовалось занять русскими войсками ряд османских провинций и крепостей, в том числе Карс и Ардаган. Тем самым предполагалось препятствовать планам укрепления влияния Мухаммада Али в Анатолии²³. Продвижение войск под командованием Ибрахим-паши из Сирии в Анатолию беспокоило также и командующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта барона Г.В. Розена. В переписке с главой Военного министерства генералом от кавалерии графом А.И. Чернышевым Розен предлагал, в случае занятия Ибрахим-пашой Эрзерума, немедленно двинуть русские войска в Карс и Ардаган. Чернышев получил высочайшее одобрение этого плана действий, и сформированный Розеном отряд войск Кавказского корпуса весной 1833 г. был готов выступить против египетских войск в Анатолию²⁴. Приближение войск Ибрахим-паши к Константинополю и к русским границам в Закавказье вызывало самые серьезные опасения среди военной элиты Российской империи и у самого императора Николая I. Это делало перспективу войны России против державы Мухаммада Али зимой и весной 1833 г. вполне реальной, причем вне зависимости от исхода переговоров между Портой и непокорным египетским наместником.

Вероятно, в этой связи в Военном министерстве России вполне осознавали особое стратегическое значение сирийских провинций, подтвердившееся в ходе кампаний 1832 и 1833 гг. Для получения сведений о ситуации в Сирии из первых рук вместе с генерал-лейтенантом Н.Н. Му-

---

²² Там же. С. 80.

²³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5305. Л. 4.

²⁴ Там же.

А.О. Дюгамель. *Портрет XIX в.*

равьевым в пределы Османской империи был направлен Гвардейского Генерального штаба полковник А.О. Дюгамель²⁵. В то время как Муравьев в конце декабря 1832 г. направлялся из Константинополя в Александрию морским путем, Дюгамель приступил к исполнению особого поручения: отправиться из Константинополя в Египет «сухим путем», чтобы, в частности, обозреть состояние Сирии, узнать о духе жителей ее и положении египетской армии²⁶. В ходе встреч и переговоров с Ибрахим-пашой (5–6 января 1833 г.) в Конье Дюгамель убеждал командующего египетскими войсками отказаться от наступательных действий, а также объявил ему о своем намерении проехать в Египет через Сирию. Это заявление было встречено доброжелательно. Ибрахим-паша даже снабдил полковника необходимыми рекомендательными письмами. Подобное поведение сына Мухаммада Али вполне объяснимо. Исполняя волю отца, он не намеревался вступать в прямую военную конфронтацию с русскими войсками в Малой Азии. Сам же Мухаммад Али традиционно подчеркивал свое доброжелательное отношение к сильной в военном отношении России и даже утверждал, что не советовал султану ввязываться с ней в войну в 1828 г.²⁷

Полковнику А.О. Дюгамелю не суждено было добраться до Сирии в 1833 г.: в дороге он тяжело заболел и был вынужден вернуться в ос-

²⁵ Александр Осипович Дюгамель (1801–1880) — российский военный и дипломат, происходил из дворян Лифляндской губернии, участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., генеральный консул в Александрии (1833–1837), полномочный министр в Персии (1838–1841), генерал от инфантерии (1861 г.), сенатор, член Государственного совета.

²⁶ [Муравьев Н. Н.] Турция и Египет... Т. III. С. 6.

²⁷ [Муравьев Н. Н.] Турция и Египет... Т. I. С. 25.

манскую столицу. Но его переговоры с Ибрахим-пашой стали дополнительным средством убеждения египетского командования в серьезности намерения России защитить султана и Порту. Российская эскадра и сухопутные войска, присланные на Босфор, стояли на своих местах до тех пор, пока Ибрахим-паша, согласно Кютахийскому мирному соглашению, не покинул Малую Азию и вернулся в Сирию, перейдя Таврский хребет²⁸. После подписания Ункяр-Искелесийского договора и завершения Босфорской экспедиции русских войск и флота²⁹ дипломатические способности А.О. Дюгамеля были по достоинству оценены императором: он получил назначение на пост российского генерального консула в Александрии. Его деятельность на этом поприще указывает на то, что в период мирной передышки в противостоянии Порты и Мухаммада Али (1833–1839 гг.) Петербург считал более чем вероятным возобновление военных действий между пашой и султаном за контроль над Сирией. «Махмуд нетерпеливо грыз удила и никак не мог утешиться в потери Сирии и Аданского округа, которых лишился вследствие возмущения своего вассала. С другой стороны, Мехмет-Али не имел никакого ручательства на будущие времена: достаточно было какой-нибудь прихоти султана, чтобы отнять у него обратно все сделанные уступки»³⁰ — эта оценка ситуации, сделанная Дюгамелем в отношении намерений Мухаммада Али, стремившегося во что бы то ни стало добиться от султана права передать свои владения своим детям, оказалась максимально точной и, фактически, пророческой.

В реляциях полковника российского Генштаба на дипломатической должности в Египте не случайно уделяется особое внимание положению в Сирии. По мнению Дюгамеля, Мухаммад Али «ослабил себя тем, что раскинул так широко свои владения, ибо Сирия только поглощает его солдат и деньги, так как только вооруженной силой может он держать

---

²⁸ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885. Вып. 4. С. 503–506. Мирное соглашение в Кютахье было достигнуто в начале мая 1833 г. Согласно ему, Мухаммад Али получил под свое управление всю Сирию (включая Палестину) и Киликию.

²⁹ Ункяр-Искелесийский договор между Россией и Османской империей был подписан 26 июня 1833 г. в Константинополе российским чрезвычайным послом А. Ф. Орловым и великим везирем Хюсревом Мехмед-пашой. Договор, получивший название по местности Ункяр-Искелеси на азиатском берегу Босфора, где высадились русские войска, устанавливал вечный мир, дружбу и союз между Россией и Османской империей. Россия обязалась в случае необходимости оказать союзнику военную помощь. Секретная статья предусматривала закрытие Дарданелл по требованию России для всех иностранных военных кораблей.

³⁰ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 515.

Бейрут. Гравюра XIX в.

в повиновении эту страну. (...) Новая война представляет для него выгоды весьма сомнительные. Между тем как мало-мальски значительное восстание в Сирии, после того как он перейдет Таврский хребет, разом обратит в прах все его величие»³¹. Российский военный и дипломат внимательно следил за поступающими из Сирии сообщениями о восстаниях местного мусульманского населения против «египетских управителей» из-за воинских наборов, отмечая, что «оно крайне озлоблено и разом готово бы подняться против Египта, если бы только могло рассчитывать на чью бы то ни было поддержку»³². Дюгамель неоднократно сетовал на то, что Порта не воспользовалась волнениями в южных районах Сирии и не двинула туда войска³³.

Из Сирии доходили противоречивые известия, и Дюгамель решил лично отправиться туда в конце апреля 1836 г. Добравшись на английском пароходе до Бейрута, генеральный консул прежде всего отправился в Горный Ливан, в резиденцию эмира Бешира II Дейр Эль-Камар. Затем Дюгамель объехал почти всю Сирию: он направился через Триполи, Латакию и Антиохию в Алеппо, оттуда проехал через Хомс, Хаму и Баальбек — в Дамаск, который, по его отзыву, «после Каира есть самый

³¹ Из донесения Бутеневу из Александрии 18 (30) сентября 1834 г. // Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 517.

³² Из донесения графу Орлову 29 июня (11 июля) 1836 г. // Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 520.

³³ Там же. С. 517.

арабский город»³⁴. Из Дамаска путь лежал в Палестину — через р. Иордан вдоль Тивериадского озера, через Назарет, затем в Иерусалим (где полковник сделал длительную остановку), Вифлеем и Иерихон. Объехав Святую землю, Дюгамель из Яффы возвратился в Александрию морским путем. Судя по воспоминаниям российского военного и дипломата, в центре его внимания в ходе поездки были политическая ситуация в Сирии и настроения местного населения в связи с тяжкими рекрутскими наборами, введенными Мухаммадом Али. «Египетское управление ложилось очень тяжелым гнетом на народ, вследствие обременительных налогов и воинской повинности, с которой он не был знаком до того времени, и вообще возбуждало против себя глубокую ненависть во всем населении»³⁵ — эта оценка как нельзя более точно резюмирует главную проблему во взаимоотношениях военной администрации в Сирии во главе с Ибрахим-пашой и местным мусульманским населением. С другой стороны, Дюгамель справедливо признавал, что египетская администрация своими строгими мерами успела водворить порядок в стране и обеспечить невиданную ранее безопасность на дорогах: «Ни прежде, ни после ничего подобного не было в этом крае, населенном буйными разбойничьими племенами и сверх того вечно подвергавшемся хищническим набегам бедуинов пустыни»³⁶.

Помимо А.О. Дюгамеля, в 30-е гг. XIX в. Сирию посетили еще два офицера российского Генштаба: полковник Департамента Генерального штаба Военного министерства П. П. Львов (в 1833–1834 гг.) и капитан Лейб-гвардии Павловского полка, помощник генерал-квартирмейстера Действующей армии Дайнезе³⁷ (вероятно, в 1838 г.). Полковник Львов, вероятно, был первым русским военным, объехавшим большую часть Сирии по делам службы с разведывательной миссией. По результатам своей поездки он составил и представил в Департамент Генерального штаба обстоятельное географическое описание Сирии³⁸, а также подробную «военно-расспросную карту»³⁹. Главный вывод, сделанный в Департаменте Генерального штаба

³⁴ Там же. С. 523.

³⁵ Там же. С. 523–524.

³⁶ Там же. С. 524.

³⁷ Судя по его инициалу в рукописи, речь, скорее всего, идет об Иосифе Францевиче Дайнезе (даты жизни неизвестны). Он происходил из итальянских дворян, в военную службу вступил подпрапорщиком в 1817 г., принял российское подданство, стал офицером Генерального штаба, в 1847 г. произведен в генерал-майоры.

³⁸ Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991. С. 182–233.

³⁹ Там же. С. 179.

на основании донесений полковника Львова, сводился к тому, что «покорение Сирии, при расположении жителей к наступающей армии, делается возможным по пути действия со стороны Анатолии в течение одной 7-ми или 8-ми месячной кампании, но при неприязненности степных и горных племен наступательные действия, даже и от Анатолии, будут чрезвычайно затруднительны, потребуют сильную армию и могут быть удачны только при самом медленном ходе войны, особенной осторожности и непреременных пожертвованиях»⁴⁰.

Что же касается описания, составленного на французском языке капитаном гвардии Дайнезе и озаглавленного им «Memoire sur la Syrie en 1838»⁴¹ («Доклад о Сирии в 1838 г.»), то на этом архивном источнике, практически не вводившемся ранее в научный оборот, следует остановиться особо. В отличие от Львова, сосредоточившего внимание на топографии, географических и климатических особенностях Османской Сирии в качестве текстового пояснения к составленной им карте, Дайнезе подробно описывает административную, судебную и налоговую системы, а также приводит детальные сведения о численности, расположении, вооружении, системе обучения, снабжения и командования египетских войск, расквартированных на пространстве от Халеба до Газы, анализирует профессиональные качества офицерского корпуса и боеспособность солдат армии Мухаммада Али. Российский разведчик не описывает маршрут своей поездки и вообще не упоминает о себе в тексте от первого лица, но сообщаемые им сведения не оставляют сомнений в его широком кругозоре и проницательности. Финальная часть доклада содержит взвешиваемый анализ политики Мухаммада Али и Ибрахим-паши в Сирии, в том числе результатов рекрутских наборов, настроения местного населения и возможности новых восстаний против египетского владычества⁴².

Небывалое ранее внимание российского Генштаба к Сирии под владычеством Мухаммада Али и упомянутые поездки русских офицеров в течение 1833–1838 гг. едва ли могут оставлять сомнения в том, что в Петербурге рассматривали покоренный Мухаммадом Али край как театр военных действий новой грядущей войны. Можно предположить, что по замыслу российского командования в ней, наряду с османскими войсками, против египетского паши мог быть использован и русский экспедицион-

⁴⁰ Цит. по: Русский офицер в Сирии (вступ. ст. М.Р. Рыженкова) // Сирия, Ливан и Палестина... С. 181.

⁴¹ РГВИА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 55.

⁴² Там же. Л. 16–24.

ный корпус, действуя на юг из Закавказья через Анатолию. Не случайно внимание российских разведчиков сосредоточивалось на двух основных темах: наилучших маршрутах продвижения войск из Анатолии в Сирию и отношении мусульманского населения Сирии к египетским оккупационным войскам. Таким образом, сведения, полученные генеральным консулом полковником Дюгамелем, полковником Львовым и капитаном гвардии Дайнезе, дополняли друг друга, составляя, вместе взятые, объективную картину ситуации.

Необходимость постоянного получения достоверных сведений из Сирии побудила Петербург во второй половине 30-х гг. XIX в. к активизации работы консульской службы на восточном побережье Средиземного моря. В этих целях в конце 1839 г. по предложению посланника А.П. Бутенева и генерального консула в Александрии графа А.И. Медема⁴³ высочайшим повелением было решено перенести российский консульский пост из Яффы⁴⁴ в Бейрут — наиболее важный в то время сирийский портовый город, где постоянно пребывали консулы ряда европейских держав. На должность консула «в Байруте и Палестине» был назначен выдающийся российский дипломат греческого происхождения Константин Михайлович Базили⁴⁵. Основной заявленной задачей российского консула была защита интересов православных общин Антиохийского и Иерусалимского патриархатов в Османской Сирии. Но с учетом военно-политической обстановки круг его внимания этим, разумеется, не ограничивался.

Ко времени прибытия К.М. Базили в Бейрут драматичное противостояние Мухаммада Али и Порты вступило во вторую фазу военной конфронтации. Весной 1839 г. султан и Порты решили прекратить переми-

---

⁴³ Граф А.И. Медем сменил А.О. Дюгамеля на посту генерального консула в Александрии летом 1837 г.

⁴⁴ До 1839 г. консульским представителем России на территории сирийских провинций Османской империи был вице-консул в Яффе, подчинявшийся генеральному консулу в Александрии.

⁴⁵ *Константин Михайлович Базили* (1809–1884) — российский дипломат, писатель, востоковед. Родился в Константинополе, откуда его семья впоследствии бежала в Россию, спасаясь от преследований. Образование получил в Нежинской гимназии высших наук и Одесском Ришельевском лицее. Друг Н.В. Гоголя. С 1833 г. служил в Министерстве иностранных дел; в 1839–1844 гг. — консул, в 1844–1853 гг. — генеральный консул в Бейруте. Наиболее значительный труд К.М. Базили — «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях», впервые издан в 1862 г. в Одессе. Подробнее о его жизни и творчестве см.: *Смилянская И. М.* К. М. Базили — российский дипломат и историк Сирии // *Очерки по истории русского востоковедения*. Т. IV. М., 1959. С. 52–78.

Ибрахим-паша. Гравюра XIX в.

рие и начать наступательные действия, но их ждало новое военное поражение. 12 июня 1839 г. вблизи северных границ Сирии войска Ибрахим-паши атаковали и разгромили султанскую армию сераскира Хафиза Осман-паши в сражении при Незибе. Новый виток «Египетского кризиса» усугубился в связи со скоропостижной смертью султана Махмуда II и переходом османской эскадры на сторону Мухаммада Али. 15 июля 1839 г. по инициативе австрийского канцлера Меттерниха дипломатические представители пяти великих держав (Британии, Франции, России, Австрии и Пруссии) подали султанскому правительству коллективную ноту. Она извещала о единомыслии их правительств относительно противодействия Мухаммаду Али и содержала просьбу не принимать никаких решительных действия без их содействия⁴⁶. В отличие от событий первой войны между Мухаммадом Али и Портой (1831–1833 гг.), в 1839 г. после битвы при Незибе Англия и Австрия (в лице руководителей их внешнеполитических ведомств лорда Палмерстона и Меттерниха) настояли на коллективных действиях, чтобы не позволить России вновь выступить самостоятельно в качестве главного защитника Османской империи. Император Николай I вынужденно согласился с таким подходом, надеясь в то же время на возрождение политики Священного союза. Что же касается мотивов лорда Палмерстона, то он решил положить конец могуществу Мухаммада Али и обеспечить соблюдение в его владениях весьма выгод-

⁴⁶ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях / Подг. текста и предисл. И.М. Смилянской. М., 2007. С. 243–244.

ного для Англии и невыгодного для Османской империи Англо-турецкого торгового соглашения 1838 г.⁴⁷

3 июля 1840 г. по итогам конференции в Лондоне был подписан трактат (Лондонская конвенция 1840 г.) между Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Османской империей. Вопреки дипломатическому сопротивлению Франции было решено применить военную силу для обуздания Мухаммада Али, предъявив ему предварительно ультиматум. По согласованию с «квartetом держав» (Англия, Австрия, Россия и Пруссия) Порты сделала непокорному паше предложение о потомственном обладании Египтом и пожизненном управлении Южной Сирией (Палестиной) к югу от линии, проходившей от мыса Рас ан-Накура до Тивериадского озера. На рассмотрение данного предложения, согласно ультиматуму, отводилось десять дней, в течение которых Мухаммад Али должен был отдать приказы войскам об отступлении из остальных областей Сирии, а также Анатолии, Аравии и с о. Крит. В случае несогласия паша на это предложение ему давалось еще десять дней на размышление, но с условием уступки ему только лишь Египта⁴⁸. После вторичного отказа предполагалось начать военные действия. На случай исполнения угрозы Мухаммада Али о новом наступлении войск Ибрахим-паша через Анатолию в сторону Босфора союзные державы постановили занять своими флотами Босфор и Дарданеллы для прикрытия османской столицы. Корпус русских войск, как и в 1833 г., был готов к транспортировке из Одессы к берегам Босфора для последующего наступления навстречу войску Ибрахим-паша⁴⁹.

После того как египетский наместник отверг ультиматум, в сентябре 1840 г. к берегам Сирии направилась англо-австро-турецкая эскадра с десантными войсками под командованием британского вице-адмирала Роберта Стопфорда. После быстрого падения Акки и поражения войск Ибрахим-паша в Горном Ливане в сражении с англо-турецким десантом Мухаммад Али предпочел уступить и начал отвод войск из Сирии, приняв условия Лондонской конвенции⁵⁰. Финальная точка в «Египетском кри-

⁴⁷ Соглашение предусматривало низкую (3%) пошлину как на ввоз английских товаров в Османскую империю, так и на вывоз сырья, а также запрещало османской стороне применять торговые монополии. Мухаммад Али, получавший большие доходы от торговых монополий, отказывался соблюдать данное соглашение.

⁴⁸ *Базилы К.М.* Сирия и Палестина... С. 265–266.

⁴⁹ Там же. С. 266.

⁵⁰ От имени нового османского султана Абдул-Меджида ему было гарантировано наследственное управление Египтом и Суданом. Но, помимо утраты Сирии, Аравии и Крита, египетскому паше пришлось сократить свои вооруженные силы более чем в десять раз и вернуть Порте османскую эскадру, ранее перешедшую на его сторону.

зисе» была поставлена в июле 1841 г. с заключением новой Лондонской конвенции. Поставив под ней подпись, наряду с Англией, Францией, Австрией и Пруссией Россия фактически утратила преимущественное положение в Черноморских проливах, созданное Ункяр-Искелесийским договором от 1833 г.⁵¹

По итогам второго «Египетского кризиса» 1839–1841 гг. Англии удалось добиться сокрушения военной мощи Мухаммада Али и не допустить появления Черноморского флота России на Средиземном море. Для Мухаммада Али утрата контроля над Сирией означала крушение его планов по построению собственной империи. Что же касается России, то ее интерес к сирийским владениям султана в 30-е гг. XIX в. вышел на новый качественный уровень. Вмешавшись в конфликт между крупнейшим мусульманским владыкой и его непокорным вассалом, Россия, руководствуясь своими интересами, выступила в поддержку османского султана. Несмотря на то, что русские войска и флот не приняли участия в военной кампании против Мухаммада Али в 1840 г., ситуация в Османской Сирии в рассматриваемый период вошла в сферу постоянного внимания со стороны российского Министерства иностранных дел и Генерального штаба.

---

⁵¹ Конвенция восстанавливала «древнее правило» Османской империи, согласно которому Босфор и Дарданеллы объявлялись закрытыми для военных судов всех стран в мирное время, а о режиме проливов во время войны в документе ничего не говорилось.

REFERENCES

1. *Kirillina S.A.* «Charmed Travelers»: the Arab-Ottoman World in the Eyes of Russian Pilgrims of the Sixteenth to Eighteenth Centuries [«Ocharovannye stranniki»: arabosmanskii mir glazami rossiyskikh palomnikov XVI–XVIII stoletiy]. Moscow, 2010.
2. *Panchenko K. A.* The Middle Eastern Greek Orthodox Community under the Ottoman Domination. The First Three Centuries. 1516–1831 [Blizhnevostochnoe Pravoslaviye pod osmanskim vladychestvom. Pervye tri stoletiya. 1516–1831.]. Moscow, 2012.
3. *Ryzhenkov M. R.* Russian officer in Syria [Russkiy oficer v Sirii] // Syria, Lebanon and Palestine in the descriptions of Russian travelers, Consular and Military Reviews of the first half of the 19th century [Siriya, Livan i Palestina v opisaniyakh rossiyskikh puteshestvennikov, konsul'skikh i voennykh obzorakh pervoy poloviny XIX v.]. Moscow, 1991. P. 168–181.
4. Syria, Lebanon and Palestine in the descriptions of Russian travelers, Consular and Military Reviews of the first half of the 19th century [Siriya, Livan i Palestina v opisaniyakh rossiyskikh puteshestvennikov, konsul'skikh i voennykh obzorakh pervoy poloviny XIX v.]. Moscow, 1991.
5. *Smilyanskaya I. M.* K. M. Bazili — the Russian Diplomat and Historian of Syria [K.M. Bazili — rossiyskiy diplomat i istorik Sirii] // Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya. T. IV. Moscow, 1959. P. 52–78.
6. *Smilyanskaya I.M.* *Velizhev M.B.* *Smilyanskaya E.B.* Russia in the Mediterranean. The Archipelago Expedition of Catherine the Great [Rossiya v Sredizemnomor'e. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy]. Moscow, 2011.
7. *Yakushev M.* The Antioch and Jerusalem patriarchates in the policy of the Russian Empire from the 1830s to the early twentieth century [Antiokhiyskiy i Ierusalimskiy patriarkhaty v politike Rossiyskoy imperii. 1830-e — nachalo XX veka]. Moscow, 2013.
8. *Zhantiev D. R.* Tradition and Modernization in the Arab East: Reforms in the Syrian provinces of the Ottoman Empire (the end of XVIII — beginning of XX centuries) [Traditsiya i modernizatsiya na Arabskom Vostoke: reformy v siriyskikh provintsiyakh Osmanskoy imperii (konets XVIII — nachalo XX vv.)]. Moscow, 1998.

Ключевые слова:

Россия, Османская империя, Сирия, Египет, «Египетский кризис», Мухаммад Али-паша, Ибрахим-паша, Н.Н. Муравьев, А.О. Дюгамель, К.М. Базили.

Dmitry R. Zhantiev

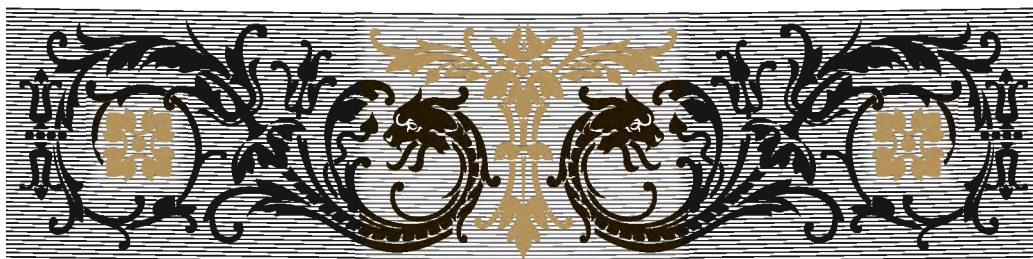
OTTOMAN SYRIA AND RUSSIAN POLICY TOWARDS THE CONFLICT BETWEEN THE PORTE AND MUHAMMAD ALI PASHA (1831–1841)

The article investigates Russian military and diplomatic initiatives towards the Syrian provinces of the Ottoman Empire during the first (1831–1833) and the second (1839–1840) «Egyptian Crises», i.e. military confrontation between Muhammad Ali Pasha of Egypt and the Sublime Porte. Special attention is given to the mission of General Nikolay Nikolaevich Muravyov in Constantinople and Egypt. The results of Russian Consul General of Alexandria A.O. Dyugamel, General Staff Colonel P. Lvov and Guard Captain I. Daineze visits to Ottoman Syria are highlighted. Certain aspects of the military assistance offered by Russian Empire to the Sultan Mahmud II during the war against Muhammad Ali are analyzed. The author carefully answers the question — what were the reasons for the constant attention of the Russian Empire Ministry of Foreign Affairs to the situation in Ottoman Syria in the 30s of the 19th c.

 Жантiev Дмитрий Рустемович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова

В.В. Орлов

РОССИЯ И МАРОККО В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX в.: ОТ ОБМЕНА ПОСЛАНИЯМИ К ОБМЕНУ ПОСОЛЬСТВАМИ

История российско-марокканских дипломатических отношений уникальна для арабского мира. Марокко, или Дальний Магриб (*аль-Магриб аль-Акса*), было одной из немногих арабских земель, не вошедших в состав Османской империи и сохранивших полную независимость от Стамбула¹. Если наместники стамбульского падишаха в Сирии, Ираке и других арабских провинциях были лишены права самостоятельно вести внешнеполитическую деятельность, то марокканские султаны из династии Алауитов вплоть до начала XX столетия обладали суверенитетом и носили признанный в арabo-мусульманском мире и при европейских дворах средневековый халифский титул «повелитель правоверных» (*амир аль-му'минин*). Такое титулование формально приравнивало их к османским падишам.

В силу этого обстоятельства первый опыт дипломатических и культурных связей между марокканским султанатом и Россией относится еще к

¹ Собственно, само европейское название страны «Марокко» (*le Maroc, Morosco, Marokko*), восходящее к названию ее южной столицы (г. Марракеш), получило распространение в Европе и России в середине XVII столетия, с приходом к власти правящей и поныне династии султанов (с 1957 г. королев) Алауитов.

70-м гг. XVIII столетия². В эти годы успех Архипелагского похода российского флота (1769—1775 гг.), а также завершение Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. и заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Османской империей создали новую для России геополитическую обстановку, благоприятную для включения средиземноморского мира в пространство ее культуры и внешнеполитических отношений³. Ведь согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мира османское правительство (Порта) подтвердило право России «иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут удобными, назначить за благо рассудит»⁴, а также обязалось оказывать поддержку России в заключении «коммерческих трактатов» с эялетами⁵ Алжира, Туниса и Триполитании, выступая гарантом их выполнения. Эти обязательства впоследствии были зафиксированы и в русско-турецких торговых соглашениях, заключенных в 1782 и 1783 гг.

Упомянутые международные договоры создали правовую основу для того, чтобы Россия могла обозначить свое влияние на севере Африки. Тем не менее значительная отдаленность Туниса, Алжира и Триполи все же не позволяла России провести последовательную внешнюю политику по отношению к североафриканским провинциям Османской державы. Зато в конце 70-х гг. XVIII в. наметился прогресс в установлении контактов с Шерифской⁶ империей (как называли Марокко на Западе, да и в России). Об этой стране в Санкт-Петербурге обладали собственными сведениями, полученными от нештатного российского консула в Гибралтаре Лидса Бута. Год начала его миссии (1769 г.), совпадающий с началом Архипелагской экспедиции, и характер сообщаемых им в Петербург сведений (внутри-

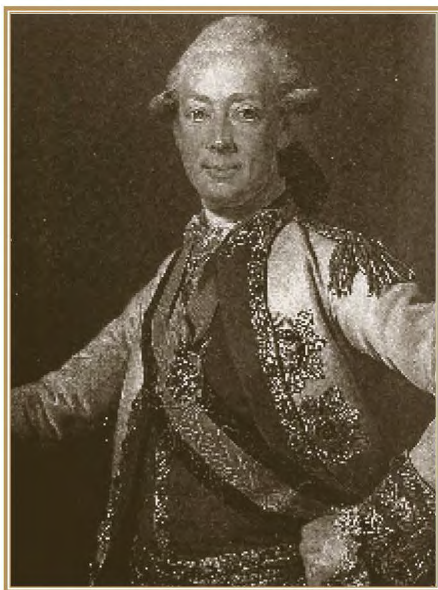
² Еще Петр I (1682—1725 гг.) планировал достичь в перспективе свободного выхода для российских товаров и российского военно-морского флота в Средиземноморье и Атлантику. Однако действенный контроль Османской империи над южными рубежами России, северным Причерноморьем и восточной акваторией Средиземного моря мешал осуществлению его стратегии. Военно-политическая деятельность России на ее южных границах способствовала также накоплению практических знаний россиян о Ближнем Востоке. См.: Ближний Восток и ислам в российской науке и образовании: традиции и современность / М.С. Мейер, С.А. Кирилина, Е.С. Мелкумян, В.В. Орлов и др. М., 2003. С. 8—9.

³ *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011. С. 409.

⁴ Цит. по: *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955. С. 353.

⁵ Э й а л е т (*тур.*), и й а л а (*араб.*) — традиционное для XVI—XVIII вв. наименование провинций Османской империи.

⁶ Ш е р и ф ы (*араб.*) — потомки пророка Мухаммада, пользующиеся особым почитанием в мусульманском мире как носители божественной благодати (*бараки*). Династия Алауитов, правящая в Марокко с 30-х гг. XVII в., является шерифской.

И.Г. Чернышев.
 Портрет работы
 Д.Г. Левицкого. 1790 г.

политическое положение в Марокко, контакты марокканского престола с европейскими державами и др.) позволяют сделать предположение о том, что он служил Российской империи на поприще внешней разведки, равно как и осуществлял функции агента российского влияния в Северо-Западной Африке⁷.

В 1777 г. А. Бут прислал в Санкт-Петербург донесение, в котором сообщил о получении циркулярного письма султана Марокко Сиди Мухаммада ибн Абдаллаха (1757–1790 гг.), разосланного всем иностранным консулам в регионе. В этом документе султан изъявлял желание открыть свободный доступ в марокканские порты кораблям тех держав, которые еще не имели консулов в Марокко, и заключить с ними торговые соглашения. В числе таких держав в султанском письме упоминалась и Россия⁸. В апреле 1778 г. на рейде Ливорно между командиром российского фрегата «Северный Орел» капитаном 1-го ранга Тимофеем Гавриловичем Козляиновым (1739–1798)⁹ и посланником Сиди Мухаммада в

⁷ В годы Архипелагской экспедиции на основании донесений русских консулов и моряков в «Санкт-Петербургских ведомостях» были опубликованы первые заметки о Марокко. *Даница* Б.М. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Ближний Восток. М., 1976. С. 146–147.

⁸ *Мусатова* Т.А. Россия–Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — начале XX в. М., 1990. С. 16.

⁹ Другие формы его фамилии, встречающиеся в источниках и исследованиях, — Козлянинов, Козлеинов, Козланов. Он был отмечен вниманием ближнего екатерининского окружения, проходил морскую практику в составе английского (1762 г.) и мальтийского (1765 г.) флотов, участвовал в Архипелагской экспедиции под командованием

И.А. Остерман.
 Портрет XVIII в.

Ливорно Мухаммадом ибн Абд ал-Маликом состоялся обмен мнениями, а затем и письмами. Стороны высказались о желательности заключения между двумя государями «статей мирных» для «безопасного плавания и вхождения в порты кораблей как военных, так и купеческих»¹⁰. Позже, в 1782–1783 гг. состоялся уже непосредственный обмен посланиями между Екатериной II и Сиди Мухаммадом, в ходе которой марокканский султан, сообщая о предоставлении прав свободной торговли российским купцам, заверил российскую императрицу в «рачительном и твердом сохранении искреннего мира и дружбы»¹¹. Будучи в это время послом султана Марокко в Тоскане, Мухаммад ибн Абд ал-Малик неоднократно переписывался с вице-президентом Адмиралтейской коллегии И.Г. Чернышевым и вице-канцлером Российской империи И.А. Остерманом

С.П. Хметевского, после чего командовал небольшой эскадрой, несшей службу в водах Средиземного моря (1776–1779 гг.). Завершил флотскую карьеру в звании вице-адмирала. См.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье...* С. 34–35.

¹⁰ Письмо командира фрегата «Северный Орел» капитана первого ранга Т.Г. Козлянинова послу Марокко султана Марокко в Тоскане Мухаммеду бен Абд аль-Малеку с сообщением о выраженном императрицей России Екатериной II пожелании установить с Марокко отношения мира и дружбы (Ливорно, 5 апреля 1778 г.) // *Россия–Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. 1777–1916* / Авт. и сост. Н.П. Подгорнова. М., 1999. С. 134.

¹¹ Письмо султана Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха императрице Екатерине II с сообщением о предоставлении российским подданным в Марокко режима наибольшего благоприятствования (Марракеш, 22 июля 1782 г.) // *Россия–Марокко: история связей...* С. 144–145.

и стремился содействовать заключению полномасштабного договора о мире и торговле. В мае 1783 г. Екатерина II в грамоте султану Сиди Мухаммаду отмечала: «взаимствуя вашим дружелюбным поступкам, не отречемся в пространных областях империи нашей воздавать вам и подданным вашим равное равным, в чем вы совершенно быть уверены можете»¹².

Тем не менее детально обсужденный российской и марокканской сторонами текст межимперского соглашения о мире и торговых привилегиях, по всей видимости, так и не был ни сформулирован, ни подписан. В работе известного специалиста по истории российской дипломатии и опытного исследователя российских архивов В.А. Уляницкого упоминается донесение, поступившее в Санкт-Петербург в 1787 г. от нештатного консула Российской империи в Гибралтаре Якова Симпсона «о заключении дружеского трактата с владельцем африканским для предохранения российского флага от опасностей, которым он нынче от барбарских морских разбойников подвержен»¹³. Однако датировка этого гипотетического документа все равно остается неясной. В частности, советский историк-арабист Б.М. Данциг, не вполне доверяя подлинности сообщения Симпсона, предполагал, что на деле русско-марокканский договор мог быть подписан не в конце 70-х гг. XVIII столетия, а уже после окончания следующей Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., то есть в 1791 или 1792 г.¹⁴ Другой точки зрения придерживался польский магрибист А. Дзюбиньский, который датировал возможное подписание договора 1787 г.¹⁵

Разумеется, ясность в этот вопрос может внести только обнаружение оригинального текста российско-марокканского договора. Отечественные исследователи неоднократно предпринимали попытки обнаружить его в фондах Архива внешней политики Российской империи. Первая стадия его поисков была предпринята в 50-х гг. XX в. Б.М. Данцигом, но успеха не дала. Безрезультатной была и новая серия изысканий, развернутых в АВПРИ через 30 лет Т.А. Мусатовой¹⁶. Не помогают в розысках и идентификации этого текста и пространные перечни договорных актов, заключенных Россией

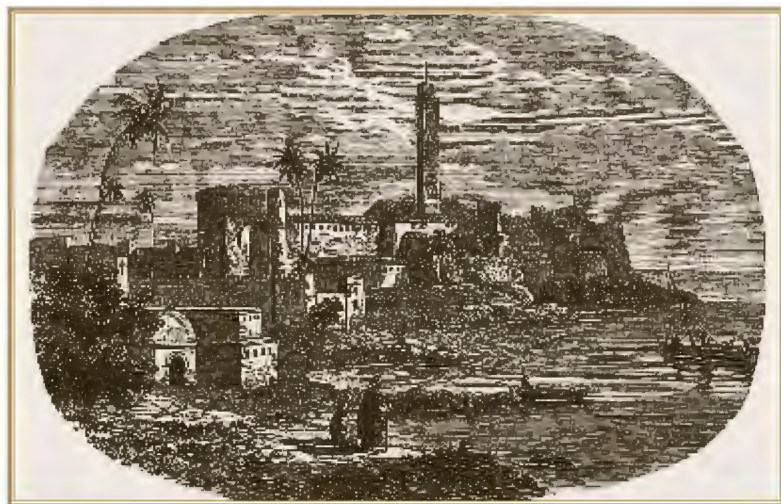
¹² Грамота императрицы Екатерины II султану Сиди Мухаммеду бен Абдаллаху с сообщением о предоставлении марокканским подданным в России режима наибольшего благоприятствования (Санкт-Петербург, 8 мая 1783 г.) // Россия–Марокко: история связей... С. 148–149.

¹³ Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Ч. 2. С. 94.

¹⁴ Данциг Б.М. Забытая страница... С. 150–151.

¹⁵ Dziubiński A. Maghreb i Rosja w ostatniej ćwierci XVIII i na początku XIX wieku // Przegląd Historyczny. 1975. T. LXV. L. I. P. 58–59.

¹⁶ См.: Мусатова Т.А. Россия–Марокко... С. 31.

Рабат. Гравюра XIX в.

с иностранными государствами в XVIII в., которые содержатся в «Полном своде законов Российской империи»¹⁷.

По всей видимости, подписание российско-марокканского договора только планировалось по итогам переписки двух монархов в 1782–1783 гг., но все же не было осуществлено. В пользу такой гипотезы говорит и «аргумент умолчания» (*argumentum e silentio*): если бы договор существовал в реальности, он непременно упоминался бы в качестве правовой основы для отношений с марокканским султанатом в российских дипломатических документах последующей эпохи. Однако историки российско-магрибинские связей за многие годы архивной работы не смогли выявить ни одного дипломатического источника XIX в., ссылающегося на этот договор или хотя бы упоминающего о нем¹⁸. Возможно предположить и основную причину того, что российско-марокканский договор так и не был подписан. Ведь ключевой целью такого соглашения могли стать только право купеческих судов под российским флагом свободно заходить в марокканские порты или возможности их защиты российским флотом от пиратов Средиземноморья.

¹⁷ Полный свод законов Российской империи. СПб., 1775–1796. Сер. I. Т. 20–23.

¹⁸ Существенную роль в прояснении вопроса о существовании российско-марокканского договора XVIII в. могут сыграть изыскания в марокканских внешнеполитических архивах, которые пока еще не изучались под этим углом зрения. Марокканские историки, освещая отражение дипломатических и политических событий XVIII в. в архивах Санкт-Петербурга, обращали внимание на необходимость сопоставления российских и марокканских документов об установлении двусторонних отношений. *Ат-Тазу, Абд аль-Хади. Аль-Му'джаз фи тарих аль-'алакат ад-даулия ли-ль-Мамлака аль-Магрибия* (Краткая история международных отношений Королевства Марокко). Рабат, 1985. С. 108.

Однако очевидно, что успехи российского купечества в североафриканском регионе на протяжении XVIII в. были чрезвычайно скромными. Кроме того, в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. боевые корабли российского флота отсутствовали в Средиземном море¹⁹. Наконец, после кончины султана Сиди Мухаммада ибн Абдаллаха (1790 г.) и краткого, но бурного правления его преемника Мулай Йазида (1790–1792 гг.) Марокко погрузилось в длительный династический конфликт — «семилетнюю смуту» (араб. *фитнат саб'ат а'вам*), завершившуюся только в 1799 г. окончательным закреплением на престоле второго сына покойного султана — Мулай Сулаймана²⁰. В обстановке межплеменной войны преемники Сиди Мухаммада при всем желании не смогли бы обеспечить ни торговые привилегии российских подданных, ни безопасность их товаров. Так что даже если бы это соглашение и имело место на письме, то все равно оно едва ли могло бы быть выполнено.

Марокко, как и другие страны Арабского Запада (*аль-Магриб аль-Араби*), вернулось в сферу внимания российской внешней политики только после Венского конгресса (1815 г.), на котором европейские державы постановили вести силовую политику в отношении магрибинских корсаров. Усиление европейских позиций в западной акватории Средиземного моря обеспокоило российских дипломатов. Так, 17/29 марта 1816 г. российский посол в Лондоне Х.А. Ливен поставил перед МИДом вопрос о возможности установления полноценных российско-марокканских отношений на уровне генеральных консульств²¹. Его депеша сопровождалась памятной запиской, составленной английским подданным Х. Кэйхиллом, хорошо знакомым с марокканскими реалиями и прожившим в Марокко 11 лет. Кэй-

¹⁹ Хотя российский флот под руководством адмирала С.К. Грейга готовился повторить эпопею Архипелагской экспедиции и в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., но начавшаяся русско-шведская война 1788–1790 гг. помешала Адмиралтейской коллегии выделить корабли для этой операции. Флот в полном составе остался на Балтике. См.: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье... С. 744.*

²⁰ *Ан-Насири Абу-ль-Аббас Ахмад ибн Халид. Китаб аль-истикса ли ахбар дувваль аль-Магриб аль-акса (Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба). Касабланка, 1954–1956. Т. 8. С. 87–91; Ezziyani Aboulqasem ben Ahmed. Le Maroc de 1631 à 1812. Extrait de l'ouvrage intitulé «Ettordjeman Elmo'arib an douel elmachriq ou 'Imaghrib» / Trad. par O. Houdas. Paris, 1886. P. 168–169. См. об этом: Орлов В. В. Крах ваххабитской модели в Магрибе: реформы марокканского султана Мулай Слимана (1792–1822 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1993. № 4. С. 24–26; Agnouche A. Histoire politique du Maroc. Pouvoir — légitimités — institutions. Casablanca, 1987. P. 227; Dziubiński A. Midzy mieczem, godem i dum. Maroko w latach 1727–1830. Wrocław, 1977. P. 72; El Mansour Mohammed. Moulay Sliman, un sultan malgré lui // Le Mémorial du Maroc / Collection dir. par L.Essakali. Rabat, 1982. Т. 4. P. 179.*

²¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1974. Сер. 2. 1815–1830. Т. 1. С. 111.

Х.А. Ливен.
 Портрет XIX в.

хилл полагал, что султан Мулай Сулайман и его двор желают поддержать дипломатические контакты с Российской империей. Однако министр иностранных дел К. В. Нессельроде, доложивший об этой возможности Александру I, отметил в послании Ливену неуместность установления прямых связей с Марокко на тот момент. Опытный сановник и дипломат ссылался при этом на факт выплаты дани «берберийским владетелям» европейскими державами, в том числе Швецией. «Россия, — писал Ливену Нессельроде 23 марта/4 апреля 1816 г., — не согласилась и никогда не согласится на это, считая подобную уступку ниже достоинства великой державы»²².

Следующий эпизод российского интереса к Марокко был спровоцирован началом французской оккупации Алжира. После взятия французским экспедиционным корпусом столицы страны — г. Алжир (5 июля 1830 г.) российская дипломатия оказалась в затруднительном положении. Первоначально политическая элита Российской империи отрицательно восприняла французскую кампанию в Алжире, видя в ней прежде всего колониальную авантюру, навязанную французскому правительству военными кругами. МИД России в течение более чем 20 лет занимал выжидательную позицию, воздерживаясь от официального признания захвата этой арабской страны. В Санкт-Петербурге не желали поощрять колони-

²² Внешняя политика России... Сер. 2. 1815–1830. Т. 1. С. 132. В своих воспоминаниях о посещении Танжера («Письма об Испании») российский литератор В. П. Боткин упоминал о том, что «могущественная Европа до 1845 г. платила мароккскому императору ежегодную подать, для того, чтобы мароккские корсары не грабили европейских судов» (цит. по: Россия–Марокко: история связей... С. 25).

альные аппетиты Франции в североафриканском регионе. Кроме того, любве договоренности с Парижем о присутствии России в Алжире негативно сказались бы на российско-османских отношениях, поскольку означали бы признание Россией законности силового изъятия Алжира из-под османской юрисдикции²³.

В силу этих обстоятельств внешнеполитическое ведомство России вплоть до середины XIX в. не предпринимало никаких формальных шагов по уточнению статуса Алжира, ориентируясь в своих планах на сводки боевых действий в этой стране. Только в конце 40-х гг., когда Франции удалось ценой 100 тысяч жизней солдат и офицеров более или менее успешно подавить сопротивление в приморских регионах Алжира и разгромить повстанческое движение Абд аль-Кадира (1847 г.), перспектива учреждения российского консульства в этой стране стала более ощутимой. Эти же события показали российским дипломатам важность роли Марокко в магрибских делах²⁴. Расширение российского присутствия на севере Африки произошло только после окончания Крымской войны, в обстановке постепенного русско-французского сближения. В декабре 1859 г. по соглашению двух стран было учреждено российское вице-консульство в Алжире, однако оно было закрыто в 1862 г. в преддверии изменения юридического статуса страны²⁵.

²³ В сходном юридическом тупике оказался и марокканский султан Мулай Абд ар-Рахман (1822–1859 гг.). Вступив в 1844 г. в переговоры с Францией о судьбах Алжира и заключив Танжерское соглашение (10 сентября 1844 г.) о демаркации алжиро-марокканской границы и удалении Абд аль-Кадира с марокканской территории (или его аресте), Марокко юридически признало изъятие Алжира из состава Османской империи. При этом никаких иллюзий о возможности разделения сфер влияния с Францией в Алжире у шерифского престола быть уже не могло. В этом плане справедлива оценка Танжерского соглашения французским историком Б. Люганом, назвавшим его «трагической брешью в суверенитете Марокко» (*Lugan B. Histoire du Maroc des origines à nos jours*. P., 1992. P. 194).

²⁴ Военно-стратегический крах движения Абд аль-Кадира и его сдача на милость Франции (23 декабря 1847 г.) были обусловлены тем, что французам удалось путем вторжения на территорию шерифского султаната и разгрома султанской армии в битве при Исли (1844 г.) заставить Мулай Абд ар-Рахмана отказаться от помощи алжирским партизанам и выгнать отряды Абд аль-Кадира в Алжир. *Ан-Насири*. Китаб аль-истикса... Т. 9. С. 49–50; История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992. С. 57.

²⁵ Еще режим Второй республики (1848–1851 гг.) провозгласил Алжир частью национальной территории Франции, выделив населенные европейцами области в три особых департамента (*Дьяков Н.Н. Магриб—Машрик—Россия. Материалы по историографии и истории арабского мира*. СПб., 2014. С. 367). Наполеон III, зная о диссидентских настроениях французских колонистов, лишил Алжир представительства в парламенте (1852 г.), заменил военного губернатора Алжира «министром Алжира и колоний», а в 1863 г. объявил Алжир «Арабским королевством». Это обстоятельство не помешало последующим поколениям французских политиков полагать, что «Алжир — это Франция с 1834 г., так же как Бретань — с 1491 г., Эльзас — с 1645 г., Корсика — с 1769 г., Савойя — с 1860 г.» (*Dresch J., Julien Ch.-A., Marrou H. e. a. La question algérienne*. Paris, 1958. P. 53).

Султан Мулай Хасан.
 Фотография XIX в.

Возобновление работы российского консульства в Алжире произошло в 1884 г.²⁶

По сути, колонизация Алжира ввела в сложную ткань международных отношений XIX в. и такое понятие, как «марокканский вопрос». Именно во второй половине этого столетия Северная Африка превратилась в средоточие международных противоречий, причем соперничество в завоевании Марокко оказалось одним из важных геополитических приоритетов ведущих государств Европы — Великобритании, Франции, Испании и Германии²⁷. При этом Франция, взяв на вооружение проект «мирного проникновения» в Марокко, стремилась к постепенному превращению марокканского султаната в объект своего безраздельного контроля. Все прочие европейские державы, заинтересованные в Марокко, соперничали с Францией, опасаясь проявить слабость перед ее претензиями и позволить ей невозбранно действовать в своих интересах. Для Российской империи прологом к активизации ее политики в Марокко стала относительная стабилизация отношений с Османским государством, наступившая после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

С начала 80-х гг. XIX в. Арабский Запад стал занимать большее место в целеполагании российской внешней политики. Отступая от многолетнего опыта австро-германской ориентации и преодолевая неудачу в Крымской войне, императорский двор и Министерство иностранных дел стремились к пересмотру реестра союзников на международной арене, усилению влия-

²⁶ Сапронова М.А. Страны Магриба в военных обзорах и путевых заметках русских путешественников XIX века // Российская история. 2009. № 2. С. 32.

²⁷ О международном значении «марокканского вопроса» см. подробнее: Дербичуккая К.Ю. Дипломатическая подготовка экспансии Франции в Марокко в конце XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 3. С. 69–83.

А.М. Горчаков.
Портрет XIX в.

ния России на развитие «Восточного вопроса», установлению более тесных связей с Англией и Францией, колониальная деятельность которых в эти десятилетия развертывалась быстрыми темпами. Замирение на Балканах ясно обозначило важность проблем Средиземноморья для российской внешней политики²⁸. Между тем дипломатическое присутствие европейских держав в Марокко стремительно усиливалось. До 1873 г. все они были представлены аккредитованными при великом везире султана консульствами (за исключением Франции, генеральное консульство которой было преобразовано в 1845 г. в дипломатическую миссию). Однако султан Мулай Хасан (1873–1894 гг.) в первый год своего правления позволил правительствам Великобритании и Испании учредить свои дипломатические представительства в Танжере. В 1889 г. при алауитском дворе было открыто уже семь, а в 1892 г. — десять дипломатических представительств, размещенных в Танжере, не говоря о значительном числе действовавших в других портах Марокко европейских консулов и консульских агентов²⁹.

В отличие от Франции, Великобритании и Испании, стремившихся обеспечить свои интересы за счет навязывания Марокко неравноправных договоров³⁰, российское правительство не искало в Магрибе крупных политико-

²⁸ После открытия Суэцкого канала (1869 г.) и оккупации Египта (1882 г.) Великобритания всесторонне взяла под контроль Средиземное море, базируя военно-морские силы в главных пунктах своих «имперских путей» (*imperial routes*) — Суэце и Гибралтаре. Подобным образом закреплению геостратегических позиций Франции в средиземноморском бассейне способствовало установление французского протектората над Тунисом (1881 г.).

²⁹ Miège J.-L. *Le Maroc et l'Europe (1830–1894)*. Paris, 1963. Т. 4. Р. 303.

³⁰ Договоры и конвенции Марокко с Великобританией (1856 г.), Испанией (1860–1861 гг.) и Францией (1863 г.) нарушили принцип равных обязательств, приличествующий соглашениям между суверенными государствами. Эти документы сократили монополии

Н.К. Гирс.
 Портрет XIX в.

стратегических приобретений. К примеру, Россия первоначально отказалась от участия в Мадридской конференции (19 мая — 3 июля 1880 г.), в ходе которой европейские державы и США согласовали свои претензии на капитуляционные права в шерифском государстве. Хотя в 1881 г. Российская империя все же присоединилась к Мадридской конвенции, это не было принципиальным политическим шагом: ни в конце XIX в., ни в начале XX столетия Россия ни разу не воспользовалась своими капитуляционными правами. В то же время в Марокко присоединение России к конвенции рассматривалось как акт признания его в качестве независимого государства. В 1881–1897 гг. интересы России в Марокко представляла Бельгия, а затем Испания. Признание Россией суверенитета Марокко и решение доверить Испании российские интересы, как отметил в своем донесении министру иностранных дел Н.К. Гирсу российский посланник в Мадриде М. А. Горчаков, «в совокупности служат противовесом [английской и французской] политике (и быть может, англо-французским проискам) на территории Африки»³¹.

султана, оставив за двором только право торговли табаком, опиумом и оружием, а также возможность по предварительному уведомлению ограничивать вывоз шерсти и зерна. Они же устанавливали предельный размер таможенных пошлин (в 10% стоимости ввоза), освобождали европейцев в Марокко от всех прочих налогов и выплат и давали им право приобретать земли или владеть недвижимостью. Они также регулировали режим экстерриториальности европейцев и устанавливали консульскую юрисдикцию над подданными европейских монархов или их протекже (*симсар*, диал. *сансал* — араб. маклер, агент). См.: *Brignon J., Amin A., Boutaleb B. e. a. Histoire du Maroc. Paris, 1967. P. 289–292.*

³¹ Письмо российского посланника в Мадриде М.А. Горчакова министру иностранных дел Российской империи Н.К. Гирсу с сообщением об удовлетворении мадридского кабинета решением России поручить представителю Испании в Марокко защищать там интересы российских подданных (Мадрид, 4/16 июня 1882 г.) // Россия–Марокко: история связей... С. 166.

А.П. Моренгейм.
Фотография XIX в.

Тем не менее на протяжении 80–90-х гг. XIX в. в дипломатических кругах Российской империи все более ясно формулировалась мысль о том, что отсутствие прямого представительства в Марокко наносит ущерб российским интересам. Так, генеральный консул в Кадисе Э. Кнебель в 1885 г. указывал на то, что российский МИД лишен возможности получать из этой части Африки какие-либо торговые или промышленные сведения. «Флаг наш не развевается наравне с другими в Тангерском порту, — отмечал далее российский дипломат, — русское имя мало или совсем почти неизвестно тамошним жителям, которые, как и все обитатели мусульманского мира, не ищут знаний, а знакомятся только с тем, что само к ним приходит, само становится им на глаза... Мароккская империя сама по себе не лишена также и политического интереса. Постоянное соперничество там некоторых государств: Англии, ищущей всюду и всегда господствующего положения; Испании, влекомой в страну мавров историческими преданиями и заветами; наконец, Франции, стремящейся включить северо-западный угол Африканского материка в сферу своих попользований... — вся эта деятельность привлекает внимание и любопытство на положение тамошних дел; но деятельность эта подспудная и потому не поддается наблюдению издалека. Невозможно ожидать и требовать от официального представителя иностранной державы, и притом заинтересованной, сообщения сведений подобного свойства, далеко не лишенных, однако, интереса и значения и могущих пролить свет на общее направление и виды того или другого данного правительства»³².

³² Донесение российского генерального консула в Кадисе Э. Кнебеля товарищу министра иностранных дел Российской империи А. Е. Влангали с сообщением о целесообразности учреждения российского консульства в Марокко (Кадис, 11/23 января 1885 г.) // Россия–Марокко: история связей... С. 168.

Танжер. Фотография конца XIX в.

По мере превращения «марокканского вопроса» из локального в международный и обострения соперничества европейских правительств на севере Африки вопрос об учреждении прямого дипломатического представительства приобретал все более отчетливые очертания. Интерес к марокканским делам в российском МИДе особенно возрос после заключения русско-французского военно-политического альянса (1893 г.). При этом сторонники скорейшего осуществления такого шага (посол в Париже А.П. Моренгейм, посланник в Мадриде М.А. Горчаков, уже упомянутый консул в Кадисе Э. Кнебель и др.) делали акцент не только на прагматической (информационной, геостратегической и т. п.), но и на пропагандистской стороне прямого представительства России в шерифском государстве. Они видели в деятельности будущего дипломатического учреждения России в Танжере проявление того, что сегодня в политологии и теории международных отношений принято называть «мягкой силой» (*soft power*). В 1885 г. Э. Кнебель отмечал в своей депеше в Санкт-Петербург: «Роль, которую отечество наше играет на Востоке и особенно в мусульманском мире, столь видна, столь значительна, и интимная связь между всеми отдельными, даже самыми отдаленными частями ислама так жива и тесна, что не может быть для нас абсолютно безразличным, знакомы ли мы прямо или нет этому дальнему члену мусульманской семьи ... отечественный наш флаг и русский орел стали бы наряду с отличиями других государств и напомнили бы марокканцам о державе Белого царя, славу величия и силы коего донесла до них молва с дальнего, единоверного им Востока»³³.

³³ Там же. С. 168.

Еще яснее этот аргумент сформулировал в 1897 г. управляющий МИДом граф М.Н. Муравьев. Обосновывая важность учреждения русского консульства в Танжере, он писал: «Почти все великие державы, как то: Германия, Франция, Англия и Италия, имеют представителей в Танжере, состоящих в звании чрезвычайных посланников и полномочных министров. Наши же интересы вверены до сих пор пока испанскому посланнику, который исполняет обязанности нашего поверенного в делах. Этот род представительства, соединенный сам по себе с значительными неудобствами, не дает нам возможности достигнуть в Марокко намеченной цели — приобрести бескорыстным отношением к местным интересам влияние в крае, которое бы могло быть употреблено с успехом в пользу той или иной дружественной державы взамен выгод на иных, непосредственно важных для нас поприщах»³⁴.

В итоге между Россией и Марокко было достигнуто общее согласие в необходимости установления прямых дипломатических отношений. 5 июля 1897 г. МИД внес в Государственный совет представление по вопросу учреждения русского представительства в Танжере. В ноябре 1897 г. Николай II утвердил решение Государственного совета, согласно которому в Марокко учреждалось дипломатическое представительство — генеральное консульство в составе генерального консула в ранге министра-резидента и драгомана в ранге секретаря³⁵. 4 декабря 1897 г. высочайшим указом на пост министра-резидента и генерального консула России в Марокко был назначен Василий Романович Бахерахт (1851–1916) — потомственный дипломат, служивший в МИДе Российской империи с 1871 г.

Бахерахту было суждено представлять интересы России в 1897–1906 гг. Он встал «на страже Гибралтарского пролива», чтобы, как формулировала его должностная инструкция, «пещись о целости и неприкосновенности империи мароккских султанов ... предотвратить всякое нарушение существующего ныне равновесия сил в бассейне Средиземного моря ... неукос-

³⁴ Из письма управляющего МИД Российской империи М.Н. Муравьева министру финансов С. Ю. Витте по поводу расходов на учреждение генерального консульства в Танжере (Санкт-Петербург, 26 марта 1897 г.) // Россия–Марокко: история связей... С. 170.

³⁵ Мусатова Т.А. К истории русско-марокканских отношений конца XIX в. // Советские архивы. 1986. № 6. С. 55. По принятому на Аахенском конгрессе держав-участниц Священного союза (1818 г.) постановлению министры-резиденты являли собой переходный класс между министром 2-го ранга (посланником) и поверенным в делах. Наряду с министром 1-го ранга (послом) и посланником министр-резидент получал возможность аккредитоваться при главе государства, в котором представлял интересы своего правительства.

В.Р. Бахерахт.
Фотография начала XX в.

нительно следить за малейшими проявлениями политической деятельности западных государств, должным образом освещать эту деятельность, указывать на значение и внутренний смысл всякого шага держав на местной почве, и таким образом, выставляя всегда полную картину борьбы иностранных влияний, давать императорскому министерству возможность ... воспользоваться означенную борьбою в соответствии как с общими соображениями, так и с частными интересами в той или иной сфере наших действий»³⁶.

Соборазуя свои профессиональные усилия со сложной и нестабильной обстановкой в Марокко, В.Р. Бахерахт в первые годы своей службы внимательно собирал сведения о конфликтах и соперничестве Великобритании, Франции и Германии в Магрибе, освещал в ежемесячных реляциях, направляемых в МИД, реформаторские меры и внутривосточные шаги султанского престола. Российскому дипломату удалось с успехом установить личные контакты при султанском дворе и в консульском корпусе Танжера, а также завоевать личное доверие и симпатию молодого султана Мулай Абд аль-Азиза (1894–1908 гг.). Султан высоко оценил присвоение российскому представителю дипломатического ранга министра наряду со званием управляющего генеральным консульством³⁷, что свидетельствова-

³⁶ Из инструкции МИД, Российской империи министру-резиденту, управляющему генеральным консульством в Марокко (Танжере) В.Р. Бахерахту (Санкт-Петербург, 27 февраля 1898 г.) // Россия–Марокко: история связей... С. 184–185.

³⁷ Мусатова Т.А. Связи России и Марокко в XIX в. // Народы Азии и Африки. 1987. № 1. С. 102. Собственно консульские обязанности В.Р. Бахерахт исполнял нечасто с учетом

ло, на взгляд марокканского монарха, о действительном желании Санкт-Петербурга укреплять отношения двух стран. С первых дней службы в Марокко В.Р. Бахерахт последовательно и тщательно нейтрализовал попытки английского представительства умалить значение российского присутствия в Марокко — особенно высказывания британских коллег о том, что российская миссия в Танжере всецело подчинена воле французского посланника³⁸. Например, по представлению российского дипломата Петербург выделил средства на содержание маяка на мысе Эспартель. Этот маяк был выстроен в 1864 г. для нужд европейской навигации и облегчал вход кораблей в Гибралтар в ночное время, однако марокканская казна не смогла финансировать его содержание. Поэтому еще в 1865 г. 10 европейских стран взяли на себя содержание и оборудование маяка в равных долях. 31 мая 1899 г. российский министр-резидент, «наглядно свидетельствуя о желании нашем принимать одинаковое со всеми державами участие в разрешении местных дел»³⁹, внес в кассу «Комиссии Спартельского маяка» 1500 франков и вручил Комиссии декларацию о присоединении России к усилиям по поддержанию навигации в Гибралтарском проливе.

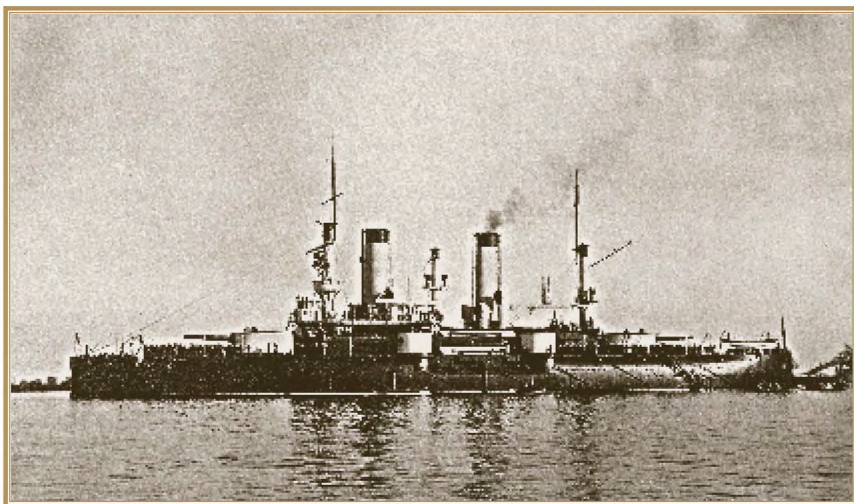
Повышению авторитета России среди марокканцев послужил и визит в Танжерский порт броненосца «Петропавловск», следовавшего из Балтийского моря в Тихий океан. В ноябре 1899 г. российский боевой корабль находился в танжерской бухте, причем командир «Петропавловска» по совету В.Р. Бахерахта предложил всем желающим подняться на борт и осмотреть палубные сооружения, каюты, рубки и орудия. За три дня корабль посетили около трехсот марокканцев — не только танжерцев, но и жителей внутренних провинций шерифского султаната. «Своими размерами и внушитель-

---

того, что, как он сам писал министру М.Н. Муравьеву, «русская колония здесь вполне отсутствует. Единственный проживающий в Танжере русский подданный — из евреев, доктор, служащий в местной больнице ... мне говорят, что учреждение в Танжере нашего генерального консульства, по всей вероятности, привлечет сюда торговых людей из русско-подданных» (Донесение № 2 В.Р. Бахерахта министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву по поводу исполнения им консульских обязанностей (Танжер, 7/19 мая 1898 г.) // Россия—Марокко: история связей... С. 197).

³⁸ Свою подлинную позицию по этому вопросу В.Р. Бахерахт конфиденциально сообщал в МИД в следующих словах: «действуя в полном единомыслии с французским своим коллегой, куда его действия будут направлены к сохранению status quo (в Марокко. — В. О.) русскому представителю, однако, следовало бы, кажется мне, остерегаться от содействия французской политике в тех вопросах, в случае возникновения таковых, которые прямо или косвенно могли бы способствовать перемене там настоящего положения вещей» (Из обзорной записки В.Р. Бахерахта о Марокко (Танжер, 8 июля 1899 г.) // Россия—Марокко: история связей... С. 228).

³⁹ Цит. по: *Мусатова Т.А.* Россия—Марокко... С. 107.

Эскадренный броненосец «Петропавловск». Фотография 1899 г.

ным видом, — отмечал в своем донесении в МИД российский дипломат, — «Петропавловск» возбудил всеобщее любопытство и удивление ... по всей мароккской земле распространится молва как о могуществе России, так и о радушии и гостеприимстве русских моряков, от которых марокканцы, — не будучи избалованными другими иностранными командами, — остались в полном восторге. Присутствие на судне нескольких с ними единоверцев из татар, с коими они довольно свободно могли объясняться, еще [более] способствовало вынесенному ими отрадному впечатлению. Можно поэтому полагать, что появление в здешних водах такого богатыря, как «Петропавловск», не пройдет бесследно в умах марокканцев, напоминая кому нужно, что и в этой части света мощный голос России способен раздаваться, если б когда-нибудь и почему-нибудь потребовалось бы его возвысить»⁴⁰.

Среди успехов дипломатической работы В.Р. Бахерахта был и организованный им в 1901 г. визит в Российскую империю чрезвычайного посольства Мулай Абд аль-Азиза. Султан одновременно отправил в Европу две миссии: одну в Лондон и Берлин, другую — в Париж и Петербург. Главным предметом миссий были просьбы к европейским правительствам о займах и вооружении для проведения военной реформы и экономических преобразований⁴¹. Посещение Петербурга и Москвы для марокканцев было скорее «визитом вежливости» и возможностью расширения сферы офици-

⁴⁰ Донесение № 18 В.Р. Бахерахта товарищу министра иностранных дел Российской империи В.Н. Ламздорфу с сообщением о пребывании в Танжере эскадренного броненосца «Петропавловск» (Танжер, 9/21 ноября 1899 г.) // Россия–Марокко: история связей... С. 229–230.

⁴¹ *Simou B. Les réformes militaires au Maroc de 1844 à 1912. Casablanca, 1995. P. 203.*

В.Н. Ламздорф.
Фотография
начала XX в.

альных связей шерифского султаната, чем реальной возможностью решения финансовых проблем. Тем не менее императорский МИД умело воспользовался переговорами с главой посольства — министром иностранных дел султана Абд аль-Каримом ибн Сулайманом — для того, чтобы противодействовать британским действиям при марокканском дворе и продемонстрировать заинтересованность России в стабильности и территориальной целостности Марокко.

Представители Марокко прибыли в Петербург из Парижа поездом «Nord-Express» 20 июля 1901 г. Прибытие марокканской миссии вызвало немалый интерес у русской общественности. Пресса двух столиц и Российское телеграфное агентство в мелких деталях описывали внешний вид посла и сопровождавших его секретарей и ка'идов⁴² почетного эскорта, находя в их внешности и одеяниях несомненное сходство с бухарцами и хивинцами. Российские читатели узнавали даже о кулинарных предпочтениях посланников Шерифской империи. «Посольство, — писали «Московские ведомости», — употребляет в пищу провизию, приготовленную только собственными поварами. Самым любимым блюдом является смесь куриного мяса, баранины, муки, овощей, перца, горчицы. Спиртных напитков члены посольства не употребляют»⁴³.

21 июля Абд аль-Карим ибн Сулайман провел переговоры с министром иностранных дел России графом В.Н. Ламздорфом, а 23 июля Николай II

⁴² Ка'ид (араб. начальник, ведущий) — командир подразделения в традиционном марокканском войске.

⁴³ Московские новости. 01.08.1901. В статье описано популярное блюдо марокканской кухни — *таджин*.

Султан Марокко
 Мулай Абд аль-Азиз
 Портрет начала XX в.

принимал магрибских гостей в Большом Петергофском дворце. Торжественная встреча по всем правилам протокола российского двора прошла в дружественной и непринужденной атмосфере: глава марокканского посольства вручил российскому императору грамоту от султана Мулай Абд аль-Азиза, выразил от имени своего повелителя признательность за учреждение в Танжере постоянного представительства России и преподнес в дар российскому двору десять чистокровных арабских жеребцов. 28 июля марокканским дипломатам были вручены ответное послание Николая II султану и памятные подарки, а в период с 30 июля по 2 августа Абд аль-Карим ибн Сулайман и его спутники посетили Москву. Программа пребывания марокканской миссии включала знакомство с культурным и промышленным достоянием Российской империи, природными ландшафтами России: Абд аль-Карим ибн Сулайман и его спутники посетили Зимний дворец, Эрмитаж, Балтийский судостроительный завод, осмотрели Большой Кремлевский дворец, Оружейную палату, совершили прогулку в экипажах по Сокольническому лесу и присутствовали на скачках на Ходынском поле. Вечером 2 августа посольство выехало в Петербург, а оттуда 4 августа — в Марокко.

Первый визит марокканской миссии в Россию не ознаменовал прорывного успеха в дипломатических отношениях двух стран. Это было скорее яркой и необычной для марокканских сановников страницей их опыта знакомства с Европой. Более того, посольский обмен внес свой вклад в формирование у них личных представлений о могущественной, иноверной, очень отдаленной, но дружественной мусульманскому миру

«Московии»⁴⁴. В начале XX в. марокканские государи уже не питали надежд на помощь Османской империи в деле противостояния экспансии европейцев. Зато они сознавали, что Россия не стремилась приобретать заморские территории за счет их владений. Поэтому признание Петербургом независимости марокканского султаната в 1897 г. и его взвешенная позиция во все более сложном и запутанном «марокканском вопросе» выгодно контрастировали в глазах правителей Марокко с колониальными устремлениями западных держав.

В Петербурге же визит высоких магрибских гостей оценивали сугубо прагматически. Не случайно отчет МИД Российской империи за 1901 г. подчеркивал сложность международной обстановки вокруг Марокко и расценивал решение Мулай Абд аль-Азиза послать две чрезвычайные миссии в Европу как желание «в одинаковой мере удовлетворить великобританское и французское правительства»⁴⁵. Россия и Германия в этой дипломатической оптике виделись как вторые по значимости партнеры для посольств шерифского султаната. Такое развитие отношений вполне отвечало исторической глубине связей России и Марокко. Ведь в отличие от арабских стран Ближнего Востока, со Средних веков бывших Святой землей для российских богомольцев, Марокко попало в поле зрения россиян только в конце XVIII в.⁴⁶

В то же время дружественные, но мало обязывающие контакты с шерифским султанатом полностью соответствовали геополитическим целям Российского государства в конце XIX — начале XX столетия. После подписания в мае 1882 г. договора о «Тройственном союзе» Германии, Австро-Венгрии и Италии Россия все больше склонялась к союзу с Великобританией и Францией, которые уже в апреле 1904 г. заключили в Лондоне договор о «сердечном согласии» — Антанте. Это соглашение ознаменовало и фактический раздел двумя европейскими державами территорий Северной Африки. Россия же в отличие от других крупных и влиятельных стран Европы не обладала особыми интересами в Марокко, не была одной из сторон в «марокканском вопросе» и не намеревалась ввязываться в конфликты

---

⁴⁴ См. подробнее: Орлов В.В. Марокканские элиты и российско-османский конфликт (XVIII—XIX вв.): проблема восприятия // Всмотриваясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие. М., 2013. С. 182—183.

⁴⁵ Из Отчета МИД Российской империи за 1901 год о деятельности генерального консульства в Танжере // Россия—Марокко: история связей... С. 278.

⁴⁶ О роли православного паломничества в познании россиянами культурных, исторических и географических реалий Ближнего Востока см.: Кириллина С.А. «Очарованные странники»: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI—XVIII столетий. М., 2010.

Великобритании, Франции, Германии и Испании из-за торгово-экономических привилегий в бассейне Средиземного моря. Эта «тактика свободы рук» в Марокко позволяла российским дипломатам присутствовать в стране наравне с посланниками колониальных империй и следить за расстановкой сил в марокканской элите в качестве представителей независимой от Лондона и Парижа внешней силы. Ценность такой дипломатической позиции проявилась уже после Русско-японской войны, когда ослабло влияние России и развернулись два «марокканских кризиса» 1905 и 1911 гг. Эти обстоятельства вывели шерифское государство на авансцену мировой политики и наметили линии противостояния европейских держав в Западном Средиземноморье.

REFERENCES

1. *Agnouche A. (1987) Histoire politique du Maroc. Pouvoir — légitimités — institutions. Afrique Orient. Casablanca, 342 p.*
2. *Brignon J., Amin A., Boutaleb B. e. a. (1967) Histoire du Maroc. Hatier, Paris, 407 p.*
3. *Dantsig B.M. (1976) The forgotten page of the history of Russian-Moroccan Relations in the last quarter of the XVIII c. The Middle East [Zabytaja stranitsa iz istorii rusko-marokkanskikh otnosheniy v posledney chetverti XVIII v. Blizhniy Vostok]. Nauka, Moscow, P. 142–196.*
4. *Derbitskaya K.Yu. (2011) The diplomatic background of expansion of France in Morocco in late XIX c. The Moscow University Journal. Ser. 8. History [Diplomaticheskaya podgotovka ekspansii Frantsii v Marokko v kontse XIX v. Vestnik Moscovskogo Universiteta. Ser. 8. Istorija]. № 3. P. 69–83.*
5. *Dresch J., Julien Ch.-A., Marrou H. e. a. (1958) La question algérienne. Payot, Paris, 198 p.*
6. *Druzhinina Ye.I. (1955) The Kuchuk-Kaynardji Peace Treaty [Kuchuk-Kaynardzhiyskiy mir]. Nauka, Moscow, 196 p.*
7. *Dyakov N.N. (2014) Maghrib–Mashriq–Russia. Materials for Historiography and History of the Arab World [Magrib–Mashriq–Rossiya. Materialy po istoriografii i istorii arabskogo mira]. Izdatelstvo SpbGU, Saint-Petersburg, 564 p.*
8. *Dziubiński A. (1975) Maghreb i Rosija w ostatniej ćwierci XVIII I na początku XIX wieku. Przegląd Historyczny. T. LXV, l. 1. P. 38–59.*
9. *Dziubiński A. (1977) Midzy mieczem, godem i dum. Maroko w latach 1727–1830. Wrocław, 328 p.*
10. *El Mansour M. (1982) Moulay Sliman, un sultan malgré lui. Le Mémorial du Maroc / Collection dir. par L.Essakali. Rabat, 1982, t. 4. P. 178–192.*

11. *History of Algeria in Modern Times* (1992). [Istoria Alzhira v novoye I noveish-
 ee vremya]. Nauka, Moscow, 353 p.
12. *Kirillina S.A.* (2010) «Charmed Travellers»: the Arab-Ottoman World in the
 Eyes of Russian Pilgrims of the XVI–XVIII Centuries [«Ocharovannye stran-
 niki»: arabo-osmanskiy mir glazami rossiyskikh palomnikov XVI–XVIII
 stoletiy]. Kluch-S, Moscow, 564 p.
13. *Lugan B.* (1992) *Histoire du Maroc dés origines à nos jours*. Critérium, Paris,
 682 p.
14. *Meyer M.S., Kirillina S.A., Melkumian Ye.S., Orlov V.V. a. o.* (2003) *The Mid-
 dle East and Islam in Russian Scholarship and Education: Traditions and Mo-
 dernity* [Blizhniy Vostok i islam v rossiyskoy nauke i obrazovanii: traditsii I
 sovremennost]. Gumanitarniy, Moscow, 126 p.
15. *Miège J.-L.* (1963) *Le Maroc et l'Europe (1830–1894)*. Paris, t. 1–4.
16. *Musatova T.L.* (1986) On the history of Russian–Moroccan relations in the
 late XIX century. *Soviet Archives* [K istorii russko-marokkanskiykh otnosheniy
 kontsa XIX v. Sovetskije arhivy]. № 6. P. 52–61.
17. *Musatova T.L.* (1987) Relations between Russia and Morocco in the XIX c.
 Peoples of Asia and Africa [«Svyazi Rossii I Marokko v XIX v.» *Narody Azii i
 Afriki*]. № 1. P. 96–108.
18. *Musatova T.L.* (1990) *Russia–Morocco: Distant and Recent Past. Essays in the
 History of Russian-Moroccan Relations in XVIII — Early XX c.* [Rossiya–
 Marokko: dalekoe I blizkoe proshloe. Ocherki istorii russko-marokkanskiykh
 svyazey v XVIII — nachale XX v.]. Nauka, Moscow, 204 p.
19. *Orlov V.V.* (1993) Break-up of a Wahhaby pattern in the Maghrib: reforms
 of Moroccan sultan Mulay Sliman (1792–1822). *Moscow University Journal*.
 Ser. 13 Oriental Studies [Krakh vakhkhabitskoy modeli v Magribe: reformy
 marokkanskogo sultana Mulay Slimana. Vestnik Moscovskogo Universiteta.
 Ser. 13. Vostokovedenie]. № 4. P. 24–32.
20. *Orlov V.V.* (2013) Moroccan elites and Russian–Ottoman Conflict (XVIII–
 XIX cc.): problem of perception. Peering at each other... *Russia and the Arab
 World: Mutual Perception* [Marokkanskie elity i rossiysko-osmanskiy konf-

likt (XVIII–XIX vv.): problema vospriyatiya. Vsmatrivayas drug v druga... Rossiya i arabskiy mir: vzaimnoe vospriyatie]. Institut vostokovedeniya RAN, Moscow. P. 164–183.

21. *Sapronova M.A. (2009) Countries of the Maghrib in military reports and itineraries of Russian travellers of XIX century. Russian History [Strany Magriba v voennykh obzorakh i putevykh zametkakh russkikh puteshestvennikov XIX veka. Rossiyskaya istoriya]. № 2. P. 30–36*
22. *Simou B. (1995) Les réformes militaires au Maroc de 1844 à 1912. Najah el Jadida, Casablanca, 527 p.*
23. *Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya Ye.B. (2011) Russia in the Mediterranean. The Archipelago Expedition of Catherine the Great [Rossiya v Sredizemnomorye. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy]. Indrik, Moscow, 840 p.*
24. *Tazi A. (1985) A Short History of International Relations of the Kingdom of Morocco [Al-Mu‘jaz fi tarih al-‘alaqat al-dawliya li al-Mamlaka al-Maghribiya]. Rabat, 420 p.*
25. *Ulyanitskiy V.A. (1899) Russian Consulates Abroad in the XVIII c. [Russkiye konsulstva za granitsey v XVIII veke]. Moscow, 486 p.*

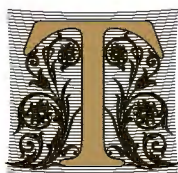

Ключевые слова:

Российско-марокканские отношения, Екатерина II, Архипелагская экспедиция, генеральное консульство, Мадридская конференция, В.Р. Бахерахт.

Vladimir V. Orlov

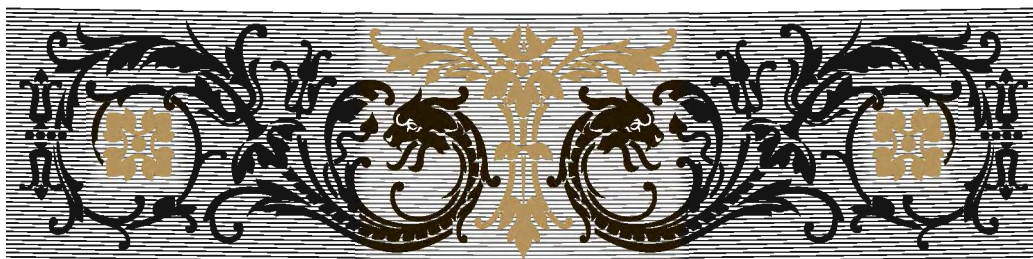
RUSSIA AND MOROCCO IN THE LATE 18th — EARLY 20th c.: FROM THE EXCHANGE OF LETTERS TO THE EXCHANGE OF AMBASSADORS

The article touches upon the initial period of Morocco–Russia diplomatic relations starting shortly after the Archipelago Expedition of the Russian Navy (1778) until the first years of the Consulate-General of Russia in Tangier (founded in 1897) and Embassy of the Sultan Mulay ‘Abd al-‘Aziz of Morocco in Russia (1901). The research based on historical sources highlights the goals and objectives set by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire in the North African Region within the context of the general Russian Mediterranean strategy, Russian-Turkish Wars and Russian-Ottoman relations. Carefully examined are the evaluations made by the Russian Empire diplomatic community in regards to the actions of Western colonial powers and the conflicts of their interests in the Maghreb. Described are the ways used by Russian diplomacy to influence directly or indirectly Moroccan recognition of distant «Muscovia» and the foreign policy of the Sheriffian Sultanate.

 Орлов Владимир Викторович

доктор исторических наук, доцент кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова

Т.К. Кораев

МОСКОВСКАЯ РУСЬ И САФАВИДСКИЙ ИРАН В ПРИКАСПИИ XVI—XVII вв.: СОСЕДСТВО, СОПЕРНИЧЕСТВО, СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

ременной промежуток с конца XV по начало XVIII в., без преувеличения, предрешил весь дальнейший ход мировой истории. Даже если не брать во внимание радикальную трансформацию ойкумены, стремительно последовавшую за открытием Америки и началом европейской колонизации Африканского континента, эти два столетия не только полностью перекроили карту Евразии, но и засвидетельствовали принципиальные изменения социально-экономического и культурно-политического порядка. Изменения эти происходили, разумеется, далеко не в одночасье и не были синхронными в различных сферах жизни обществ Старого Света, но именно на начало — середину XVI в. приходится целый ряд важнейших событий и быстро разворачивающихся процессов, самых разных по направленности и территориальному контексту, которые и определили здесь облик Нового времени.

На евразийском пространстве (точнее, в Восточной и Южной Европе и Западной и Центральной Азии) в эти десятилетия шли беспрецедентные по значимости перемены, которые затронули прежде всего геополитические реалии. Правомерно говорить о последнем большом подъеме досовременного (доколониального) «имперостроительства», волны кото-

рого, чаще всего разнонаправленные или встречные, привели к рождению принципиально иного, по отношению к предыдущим векам, расклада военно-политических сил и модификациям экономических укладов в смежных регионах. К концу XVI в. Черноморский, Каспийский и Аральский бассейны подверглись эпохальному «переделу», результатом которого можно считать всю последующую историю Кавказа, Поволжья и Великой Степи.

Эти громадные просторы оказались фактически распределены между административными единицами, а чаще — зависимыми землями и сферами влияния — трех династических держав, которые, при всех внутренних различиях, демонстрировали значительную (порой — поразительную) близость в типологии отношений господства — подчинения, структуре правящего класса и властных концепциях. Речь, конечно, об Османской империи, Московском царстве и Иранской державе. В статье мы оставим за пределами рассмотрения османскую проблематику — объемную, многостороннюю, ключевую, в то же время, для понимания взаимоотношений между двумя другими игроками, — и сосредоточим внимание на взаимодействии государств Рюриковичей (и их преемников — Романовых) и Сафавидов в основной — Волго-Каспийской — зоне их контактов. Хронологические рамки самоочевидны: в качестве нижнего рубежа — первое десятилетие XVI в. (принятие Сафавидами шахского титула и первые случаи использования царской титулатуры московскими Рюриковичами), в качестве верхнего — последнее десятилетие XVII в. (начало затяжного кризиса Сафавидской монархии и перерождения царства Романовых в вестернизированную империю).

Основные повествовательные источники по истории взаимоотношений Московской Руси и Сафавидского Ирана в XVI в., исходящие из русской и западноевропейской среды, в настоящее время изданы. Из персидских хроник эпохи, в которых содержатся сведения об этом аспекте внешней политики династии, лучше всего изучены труды Хасан-бега Румлу (1570-е гг.)¹, Искандара Мунши Туркамана (1620-е гг.) и Мухаммад Тахира Вахида (1650-е гг.). Последние не столь информативны, как можно было бы ожидать, так как ориентированы преимущественно на освещение придворной и военной истории, но незаменимы для понимания внутреннего состояния Ирана, а также его дипломатии применительно к восточным соседям, о которой из иных текстов известно очень немного. На фоне об-

¹ A Chronicle of the Early Safawis Being the Ahsan'ut-tawarikh of Hasan-i Rumlu. Vol. I. Ed. by C.N. Seddon. Baroda, 1931.

щей враждебности Османской империи приобрел беспрецедентную регулярность дипломатический обмен между Русью и Ираном (всего с 1588 по 1676 г. — 20 русских и 15 иранских посольств), и поэтому среди документальных источников почетное место принадлежит архивам Посольского приказа, прежде всего, разумеется, Дела́м турецким (с 1496 г., по Южному Кавказу — с середины XVI в.) и особенно персидским (с 1588 г.), которые насчитывают несколько тысяч единиц хранения, в том числе донесения московских посланцев XVII в.

***

Последние Рюриковичи — первые Сафавиды (XVI в.). Ко второй половине XV в. великие князья Московские — Василий I Дмитриевич (1389–1425 гг.) и его сын Василий II Темный (1425–1462 гг., с перерывами) — объединили под своей рукой северо-восточную часть русских земель, успешно лавируя между разными джучидскими претендентами, от которых им удавалось добиваться ярлыков на княжение². При сыне Василия II, Иоанне III Великом (1462–1505 гг.), длительный, трудный и прерывистый процесс освобождения Руси от монгольского господства завершился торжеством Москвы над Тверью и Новгородом в соперничестве за верховенство над огромным пространством от Северного Ледовитого океана до Камы и Оки (1480 г.). Слава Иоанна в эти десятилетия достигла через Поволжье не только кавказских, но и иранских берегов.

Несмотря на упадок волго-каспийской трассы, русские земли и в XV в. поддерживали экономические связи с Гиляном и Мазендераном в Южном Прикаспии и с Ширваном на Юго-Восточном Кавказе, где располагались небольшие княжества, и правили суннитские владетели, при дворе которых культивировался персидский язык. Если до сих пор купцы с Руси появлялись на улицах Хаджи-Гархана (Астрахань), Каффы (Кафа), Константинополя (Царьград) и малоазиатских Амасии, Пендерекле и Токата, то в 1460-е гг. в источниках, впервые со времени нашествия монголов, фиксируется их появление в Иране. В 1465–1466 гг. ширванский шах Фаррух-Йасар Дербенди (1462–1501 гг.) обменялся с Иоанном III Васильевичем посольствами: в Белокаменную ездил его представитель Хасан-бег, а в ответ к его двору отпра-

² Кобзарева Е.И. Смута. Иностраные интервенции и их последствия (конец XVI — 1-я половина XVII в.) // История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.). Отв. ред. А.Н. Сахаров и др. Т. I — История внешней политики России. Конец XV–XVII в. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 195–246.

Портрет
 русского посла
 (предположительно
 Г.В. Васильчикова).
 Гератская школа
 миниатюристики.
 Конец XVI в.

вился Василий Папин с богатыми дарами (в том числе 90 белых кречетов); за ним последовала группа московских и тверских купцов (судьба ее была незавидна: находившийся в ее составе Афанасий Никитин подробно описал бедствия, выпавшие на долю его самого и попутчиков)³.

С московско-ширванскими сношениями тесно связано, по всей видимости, и дальнейшее дипломатическое проникновение русских в Западную Азию на фоне крушения Византии (1453 г.) и последовавшей османской экспансии в Причерноморье: в 1461 г. — падение Трапезунта, в 1475 г. — признание верховной власти «султанов-воителей» Крымской ордой⁴. Стамбул пытался оказывать влияние на два других тюрко-мусульманских ханства бывшего Джучидского улуса — Казанском и Астраханском (соответственно на средней и нижней Волге), элиту которых тесно связывали с крымской знатью семейно-родственные и сословные узы⁵.

Амброджо Контарини, посланник Венецианской республики к падишаху Аккоюну («Белобаранных» туркоманов) Узун-Хасану (1453–1478 гг.), упоминает, что одновременно с ним, зимой 1475 г., некий Марко Россо (лат. Marcus Rufus) вел в Тебризе с Узун-Хасаном пе-

³ Krause A. Russia in Asia. London, 1900.

⁴ Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. I. М., 1946.

⁵ Khođarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington — Indianapolis, 2004.

реговоры от имени Иоанна Великого, а впоследствии возглавляла великокняжеское посольство в Шемахе и вернулся вместе с венецианцем через Дербент и Хаджи-Тархан по Волге в Москву⁶. Однако, если ширваншахи, судя по всему, реагировали на внешнеполитические инициативы Кремля [в марте 1499 г. «на Москве» некто «Шаабеддин» (очевидно, Шихаб-ад-Дин) «от Шемахейского государя» «посольство правил о любви и дружбе»], гораздо более могущественные Аккоюнлу, которые властвовали над всей западной половиной Иранского плато и Месопотамской низменностью, не проявили особого интереса к далекой северной державе: о их ответных шагах ничего не известно.

Единственным письменным памятником этого смутного периода в контактах между Русью и Ираном остается «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, слишком хорошо изученное и вместе с тем слишком загадочное, чтобы подробно останавливаться на нем в рамках данной статьи⁷. Обозначим, тем не менее, узловые для нашей темы моменты этого важнейшего свидетельства. После того как судно, на котором плыл твERIC, разграбили кайтагцы — жители прибрежной части Центрального Дагестана, он пересел на корабль Хасан-бега и догнал на нем Папина уже в Дербенте, откуда поневоле продолжал свой путь через Баку в Тебриз. За 1467–1469 гг. «урус» (под именем «хозя Исуп Хоросани»), без каких-либо средств к существованию и перебиваясь, очевидно, случайными заработками, пересек весь Иран и в Ормузе сел на корабль, отплывавший в Индию, где и провел около трех лет. Обратный путь он проделал также через Аравийское море, вдоль восточного побережья Африки к Ормузскому проливу.

В 1472 г. «хозя Исуп Хоросани» вновь миновал иранские земли, на сей раз по несколько иному маршруту, включавшему Султанию и Тебриз, неподалеку от которого он пробыл десять дней в лагере падишаха Узун-Хасана. Далее «Исуп Хоросани» отправился по Малой Азии к Трапезунту и через Черное море вернулся в Кафу. Для ираниста текст «Хождения», несмотря на сжатость и обилие темных мест, отличается особо ценными деталями как образчик своеобразной «пограничной» ментальности, где причудливо переплелись христианская и мусульманская набожность, славянская и тюркоперсидская языковые среды⁸.

⁶ *Контарини А.* Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России/ Пер. с итал. Е.Ч. Скржинской. М., 1971. С. 216–217.

⁷ *Хождение за три моря Афанасия Никитина.* М., 1958.

⁸ *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IX — Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 199–483.

Однако то было не более чем красочное предисловие к истории тех межгосударственных и хозяйственных связей, совокупность которых не сразу становится возможным именовать русско-иранскими взаимоотношениями. Необходимым условием для них стала экспансия Московской Руси на юго-восток в княжение (1533–1547 гг.), а затем и царствование (1547–1584 гг.) Иоанна IV Грозного⁹. Покорение Казани (осень 1552 г.) и особенно стратегически и экономически важной Астрахани (1556 г.) привело к тому, что Османская империя быстро лишилась своих татарских союзников в Поволжье, а русские, выйдя к «Хвалынскому морю», вступили в контакт с Большой и Малой Ногайскими ордами в Приуралье и Приазовье, с одной стороны, и с адыгскими князьями — с другой¹⁰. Верховенство «Белого падишаха» признали Сибирское ханство («Гюменская орда») на средней Оби и Тарковское шамхальство («Шавкильская земля») на нижнем Тереке, за защитой к Москве зывали грузинские Багратионы, которых с обеих сторон теснили ближневосточные «сверхдержавы» — Османская и Сафавидская¹¹.

Волга стала русской рекой. Уцелевшие представители тюркской знати уничтоженных чингисидских улусов либо покидали захваченные «неверными» земли, либо поступали на царскую службу, чаще всего принимая крещение и обрусевая¹². При этом бывшие мусульмане могли достигать весьма высокого положения. Достаточно вспомнить касимовского хана Саинбулата (во крещении Симеона) Бекбулатовича, которого Иоанн Грозный сделал на год «великим князем всея Руси» (1575–1576 гг.), а затем — великим князем Тверским¹³. В отличие от Симеона — фигуры исключительно номинальной, многие татарские мурзы, как обратившиеся в православие, так и остававшиеся верными исламу, сыграли отнюдь не формальную роль в продвижении влияния своих новых государей к берегам Каспия и вглубь Центральной Азии¹⁴. В предгорьях Большого Кавказа сходную роль игра-

⁹ Flier M.S. Political Ideas and Rituals // The Cambridge History of Russia. Vol. I — From Early Rus' to 1689. Ed. by M. Perrie. Cambridge, 2006. P. 387–408.

¹⁰ Венецианский современник видел в этом покорение «Кумании» — необъятной страны половцев, раскинувшейся от Борисфена (Днепра) до Яксарта (Сырдарьи): Тьеполо Ф. О делах московских / Пер. с итал. С.А. Аннинского // Исторический архив. Т. III. М.—Л., 1940. С. 332.

¹¹ Парижская хроника / Пер. с груз. Г.Г. Аласаниа. Тбилиси, 1991. С. 29–30.

¹² Khodarkovsky M. The Non-Christian Peoples on the Muscovite Frontiers // The Cambridge History of Russia. Vol. I — From Early Rus' to 1689. Ed. by M. Perrie. Cambridge, 2006. P. 317–338.

¹³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Ч. II (т. 5–8) и III (т. 9–12). СПб., 1843.

¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V–XIII // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 1988–1995.

ли кабардинцы Айдаровы — свойственники «Грозного царя»¹⁵. На южные рубежи, опережая продвижение «царевых людей» с их крепостями и гарнизонами, устремились волны поселенцев-казаков, обустроивавшихся в Предкавказье и надтеречных степях. К 1567 г. восходит основание Терков в устье Сунжи.

Таким образом, если до 1560-х гг. водные пути Каспийского моря обслуживали исключительно общества, сформировавшиеся по его берегам, то теперь оно превратилось для Московского царства в прямое продолжение Волжской речной системы, что стимулировало торговлю с Ираном, выгоды от которой начала извлекать и Западная Европа. Уже под 1550 г. летописи упоминают о «многих гостях из Шемахеи».

Все это сделало особенно актуальными для «Кызылбашского государства» Сафавидов — преемников Аккоюнду, присоединивших к своим владениям и Ширван (после низложения рода Дербенди в 1538 г.), — связи с Русью, которая представлялась наиболее выгодным партнером в условиях, когда выход к Средиземному морю оказался на века вперед закрыт основным военно-стратегическим противником — Османской империей, а главная гавань иранских земель на Персидском заливе — Ормуз — перешла под контроль португальцев¹⁶. Еще до заключения Амасийского мира 1555 г. Сафавиды задумывались о необходимости установления дружественных отношений с северным соседом, который мог бы перерезать османцам левый фланг в их последующих войнах против Ирана. На этом фронте Стамбул зависел от своего приспешника, Крыма, легкая конница которого, с одной стороны, часто тревожила Южный Кавказ через Дагестан, а с другой — постоянно совершая набеги на Украину, добиралась до Великой Руси и досаждала как Рюриковичам, так и Сафавидам¹⁷.

И если в 1521 г. посланцы первого сафавидского шаханшаха Исма'ила (1501–1524 гг.), скорее всего, действительно посетили великого князя Василия III в его столице, то известие о том, что они получили «пушек много и мастеров, и доспехов», было порождено только стремлением крымского хана Мухаммед-Гирая вызвать обеспокоенность у своего покровителя — османского падишаха Сюлеймана I (1520–1566 гг.) — и побудить его к более решительным шагам на севере. Как в Москве, так и в Казвине опасались

¹⁵ *Khodarkovsky M. The Non-Russian Subjects // The Cambridge History of Russia. Vol. I — From Early Rus' to 1689. Ed. by M. Perrie. Cambridge, 2006. P. 520–538.*

¹⁶ *Savory R.M. The Safavid Administrative System // The Cambridge History of Iran. Vol. VI — The Timurid and Safavid Periods. Cambridge, 1986. P. 351–372.*

¹⁷ Напр., *Печеву Ибрахим Эфенди. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Бунятова. Баку, 1988. С. 44–45, 47–48, 52–53.*

одного и того же противника — Османской империи, которая жаждала повернуть направление прикаспийской торговли к черноморским портам и пристально следила за пересылками между обеими сторонами.

В 1548 г. Сюлейман I Кануни развернул очередное наступление на кавказские области Сафавидской державы, что и послужило дополнительным толчком к сближению между Ираном и Русью¹⁸. Кроме того, осаду и взятие Казани в Казвине восприняли как свидетельство растущей мощи Москвы. Посольство Сайид Хусайна (в русских документах — Селит-Хосен), направленное в 1552 г. наследником Исма'ила I — Тахмаспом I (1524–1576 гг.), не осталось безответным¹⁹. Тема великолепных подарков, присланных персидским шахом Иоанну Грозному, занимала особое место в воображении иностранных путешественников по Руси и позднейших компиляторов, но следует признать, что о миссии Сайид Хусайна, как и о последовавшем за ней с 15-летним интервалом визите еще одного шахского уполномоченного, вполне надежные документальные свидетельства по-прежнему весьма скудны²⁰.

Во второй половине столетия функционирование транспортного треугольника Астрахань — Дербент — Астрабад зависело от безопасности побережий, подконтрольных Руси и Ирану²¹. Поскольку интерес иранцев к мореплаванию в эту эпоху свелся к минимуму, контакты с русскими ограничивались прибрежной торговлей: Сафавиды не чувствовали себя достаточно уверенно в регионе, где им постоянно приходилось отстаивать свои позиции под натиском османцев²².

Торгово-стратегическая магистраль Волга — Каспий, освоенная русскими и значительно удешевившая переброску товаров и войск на юг,

¹⁸ Печевы Ибрахим Эфенди. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 16–17; Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме/ Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 193–194.

¹⁹ Моисеев М.В. Слоны Ивана Грозного // Studia Historica Europae Orientalis / Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2010. № 3. С. 209–221.

²⁰ Напр., Петр Петрей. О начале войн и смут в Московии/ Пер. с лат. А.Н. Шемякина. М., 1997. С. 267, 308.

²¹ О том, насколько быстро значимость «эмпория» в татарском «Читракане», где «конкурируют мидяне, армяне и персы» (под первыми имеются в виду ширванцы) и устраивается «базар», осознали, в том числе и в Западной Европе, свидетельствует изложение итальянских современников — Фр. Тьеполо (Тьеполо Ф. О делах московских/ Пер. с итал. С.А. Аннинского // Исторический архив. Т. III. М.–Л., 1940. С. 332, 339) и М. Фоскарينو (Фоскарينو М. Донесение о Московии второй половины XVI в./ Пер. с итал. В.И. Огородникова. М., 1913. С. 7, 12.

²² Andreeva E. Russia. I. Russo-Iranian Relations up to the Bolshevik Revolution // Encyclopaedia Iranica. N.Y., 2014. <http://www.iranicaonline.org/articles/russia-i-relations> (access 10.02.2015).

вызвала повышенное внимание и у западных путешественников и неогреческих, которые начали пользоваться ею для поездок в «Персию и Тартарию»²³. Официальные представители западноевропейских монархий и республик, прежде всего Венеции, стремились втянуть «Великого суфия» (так сафавидских властителей именовали европейцы) в войну против османцев, но Тахмасп-шах, памятуя о тяжелейших испытаниях, выпавших на долю Ирана в середине его царствования, до конца своих дней избегал обострения отношений со Стамбулом (на востоке, против узбеков, он также предпочитал оборонительную тактику)²⁴. Минувя Русь, английские, французские и германские миссии для переговоров об условиях вывоза шелка посещали сафавидские владения, где до того единственными более или менее привычными европейцами были португальцы²⁵. Западные дипломаты, как и русские послы, часто занимались также сбором сведений о кавказских народах, рассчитывая впоследствии усилить здесь свое экономическое, а то и политическое влияние.

Расширение внешних связей Сафавидов в XVI в. отразилось в изобилии публиковавшихся в Западной Европе путевых записок, дипломатических репортажей и отчетов миссионеров²⁶. Наиболее содержательные сведения оставили итальянцы, а со второй половины столетия — преимущественно англичане²⁷. Именно с рубежа XV—XVI вв. возросший интерес романо-германского мира к Востоку — как христианскому, так и мусульманскому — парадоксальным на первый взгляд образом связал две монархии — православную и шиитскую, которые интуитивно виделись католическим наблюдателям как возможные союзники против пугающего могущества суннитов-«оттоманов»²⁸.

²³ См., напр., ее описание у римского эрудита Паоло Джовио — *Иовий Новокомский П.* Книга о посольстве Василия, великого государя Московского/ Пер. с лат. А.И. Малеина // Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908. С. 252–275.

²⁴ *Lockhart L.* European Contacts with Persia, 1350–1736 // *The Cambridge History of Iran. Vol. VI — The Timurid and Safavid Periods.* Cambridge, 1986. P. 373–411.

²⁵ *Ferrier R.* Trade from the mid-14th Century to the End of the Safavid Period // *The Cambridge History of Iran. Vol. VI — The Timurid and Safavid Periods.* Cambridge, 1986. P. 412–490.

²⁶ *Виноградов А.В.* Внешняя политика Ивана IV Грозного // *История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.)*/ Отв. ред. А.Н. Сахаров и др. Т. I — История внешней политики России. Конец XV—XVII в. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 134–194.

²⁷ *Buillard R.* Britain and the Middle East from the Earliest Times to 1950. London, 1951.

²⁸ Далеко не случайно видный гуманист, завершивший свою карьеру в сане епископа Венского, еще в 1520-е гг., после трактата о «религии московитов у Ледовитого моря», просил

Карта из «Нового описания Азии» Д. Келлера. Антверпен, 1590 г.

Хотя уже в 1550-е гг. через Московское государство на Южный Кавказ и Иран проехал флорентиец Дж. Тедальди, настоящими первопроходцами с европейской стороны тут выступили агенты Московской купеческой компании, незадолго до того учрежденной королевой Англии Елизаветой I Тюдор²⁹. В 1553 г. они проложили водный путь на Русь по Белому морю и получили от царя разрешение проезжать из Новых Холмогор (будущего Архангельска) по северным рекам и Волге в Астрахань и далее по Каспию, хотя сохранял значение и более ранний, альтернативный маршрут из портов Британии, Северной Германии и Скандинавии через Ригу или Нарву по суше к Москве и, через Волго-Окский бассейн, также в мусульманские пределы³⁰.

своего покровителя — эрцгерцога Австрийского Фердинанда — о новом поручении — заказе на аналогичный труд «о нравах, установлениях, благочестии Софи, великого царя персов»: Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов»/ Пер. с лат. А.Н. Кудрявцева // Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998. С. 34.

²⁹ Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоганна Грозного/ Пер. с лат. Е.Ф. Шмурло // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 5–6. С. 128–134.

³⁰ Первый официальный отчет об этом см.: Адамс К. Первое путешествие англичан в Россию/ Пер. с лат. К.У. // Отечественные записки. 1826. Ч. 27–28. № 77–79.

В сопровождении посла Елизаветы I Ченслера ко двору Иоанна IV прибыл Энтони Дженкинсон, который в 1558–1559 гг. совершил поездку в Бухару, а в 1561–1563 гг., отправившись вниз по Волге и Каспию, побывал в Дербенте, Ардебиле и других городах Ирана³¹. По пути он был любезно принят Устаджлу 'Абдаллахом — правителем Ширвана (1549–1567 гг.), который Сафавиды превратили в эйалет. Этот свойственник Тахмаспа, отличившийся в боевых действиях против османцев, утвердился здесь в качестве наместника (беглербега) с титулом хана после подавления восстания Бурхана — претендента на престол ширваншахов, возглавившего недовольных кызылбашскими притеснениями³². Как и всякому пограничному беглербегу, ему принадлежало право вести переговоры и посылать послов (с ведома шаха) в соседние с его областью страны³³. На Русь его посольства, в отличие от шахских, ездили исключительно с торговыми целями³⁴.

При содействии могущественного вельможи Э. Дженкинсон основал в Шемахе торговую факторию с целью, главным образом, вывоза шелка-сырца и тканей в Англию через Московию и добился прав свободной торговли в пределах Ширванского эйалета³⁵. Для заключения соглашения он прибыл в Казвин ко двору Тахмаспа, где представился королевским послом, но его попытки добиться особых преимуществ для соотечественников и установления постоянных торговых связей с Англией через Русь не увенчались успехом³⁶. Тахмасп, как ревностный шиит, отказал ему в приеме, якобы не желая оскверниться общением с кафиром, но на деле, по всей видимости, просто опасался вызвать раздражение Стамбула и поэтому, по сути, блокировал выгодное предложение «франка», которое способствовало бы налаживанию отношений не столько с англичанами, сколько с русскими. И хотя шаханшах даже подумывал о том, чтобы отослать голову самозванного посла в Стамбул, покровительство заинтересованного в

³¹ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке/ Пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 167–192.

³² Печев Ибрахим Эфенди. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 18–19.

³³ Мухаммад-Рафи' Ансари. Дастан ал-мулук (Устав для государей)/ Пер. с перс. А.Б. Вильдановой. Ташкент, 1991.

³⁴ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 29–51.

³⁵ Дженкинсон А. Путешествие в Персию. 1561–1564 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке/ Пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 193–215.

³⁶ Foster W. England's Quest of Eastern Trade. London, 1933.

вывозе ширванского шелка Устаджлу Абдаллах-хана способствовало налаживанию транзита по Каспию³⁷.

При отъезде Дженкинсона в обратный путь (1562 г.) «Абдула-царь Шамахийский» отправил вместе с ним посла к Иоанну с письмом, где выражал пожелание, чтобы тот «торговым людям велел дорогу отворити и торг бы им велел давать по волной», и даже предлагал московскому самодержцу по этому поводу особый договор³⁸. Титул «царя», которым летописи наделяют Абдаллаха Устаджлу, связан, по-видимому, с традицией перевода ханского титула посольскими толмачами (главным образом, татарами), сложившейся еще при Орде, а также с привычной интерпретацией османской титулатуры (где соответствующий элемент был монополией государя) и, соответственно, незнакомством с реалиями Ирана, где *хан* в эти столетия представлялся скорее званием, нежели наследным достоинством.

Вслед за тем в Прикаспий устремились и другие агенты английских компаний, стремившихся установить монополию на вывоз шелка-сырца на Русь и в Европу. Всего за 1563–1581 гг. Сафавидское государство посетило пять экспедиций Московской компании, которая, монополизировав торговлю с Русским царством, была заинтересована в налаживании сбыта английского сукна в Иран. После Дженкинсона здесь побывали Томас Оллок, Джордж Ренн и Ричард Чини (1563–1565 гг.)³⁹, А. Эдуардс, Джонсон и Китчин (1565–1567 гг.)⁴⁰, тот же Эдвардс со Спарком и др. (1568–1569 гг.)⁴¹ и группа негоциантов во главе с Джеффри Дэккетом и Бэнистером (1569–1574 гг.)⁴², а также Кристофер Бэрроу (1579–1581 гг.)⁴³. Особый фирман Тахмаспа предоставил компании большие привилегии, в том числе право свободного проезда в соседние страны, беспошлинной торговли и основания факторий на всей террито-

³⁷ Шпаковский А.Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI–XVII столетиях. Киев, 1915.

³⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. 2-я половина — I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906. С. 371.

³⁹ Оллок Т., Ренн Дж. и Чини Р. 1563–1564 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 216–218.

⁴⁰ Джонсон Р., Китчин А. и Эдуардс А. 1565–1567 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 219–238.

⁴¹ Эдуардс А. и Чэпмэн А. 1568–1569 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 239–249.

⁴² Бэнистер Т. и Дэккет Дж. 1568–1574 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 250–261.

⁴³ Бэрроу Х. 1579–1581 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 262–285.

рии, подвластной Сафавидам, которые брали самих купцов и их имущество под свою охрану. Однако уже в 1572 г. Москва ввела для подданных Англии высокую пошлину при проезде с товарами через Казань и Астрахань⁴⁴. Права транзитной торговли с Востоком добивались от царя и шведские коммерсанты⁴⁵.

Регулярные дипломатические сношения между «московами» и «аджемами» имели прежде всего военную подоплеку и в силу этого порождали весьма серьезный резонанс в Стамбуле. И если занятый войнами в Венгрии и Иране Сюлейман Кануни был слишком осторожен, чтобы открыто вмешаться в дела «Дешт-и Кипчака», его наследник Селим II Пьяный (1566–1574 гг.) во многом по наущению своего садразама (главного везира) Соколу Мехмед-паши предпринял ряд авантюр, главной из которых стал поход, совместно с Девлет-Гираем, через придонские степи на Астрахань в 1569 г., с целью, поставив под контроль дельту Волги, а затем и все западное побережье Каспия, соединить их каналом с руслом Дона, чтобы связать Приазовье и Причерноморье с Туркестаном⁴⁶. Примечательно, что двумя годами ранее в Стамбуле принимали послов из Хорезма, где с нетерпением ожидали начала боевых действий против «нечестивых» кызылбашей⁴⁷.

Хотя с 1555 г. Иран находился в мире с османцами, там не чувствовали себя в безопасности: именно во время осады Астрахани войсками Селима в Москву прибыло посольство Тахмаспа с предложением заключить военный договор⁴⁸. В ответ Иоанн IV направил к шаху чиновника Алексея Хозникова, миссия которого не принесла ощутимых результатов, но незамедлительно обросла тревожными слухами, благодаря находившемуся в крымском плену приказному человеку Семену Мальцеву, запугивавшему Девлет-Ги-

⁴⁴ *Planhol X. de. Boundaries II. With Russia // Encyclopaedia Iranica. Vol. IV — Bayju — Carpets, fasc. 4. London, 1990. P. 403–406.*

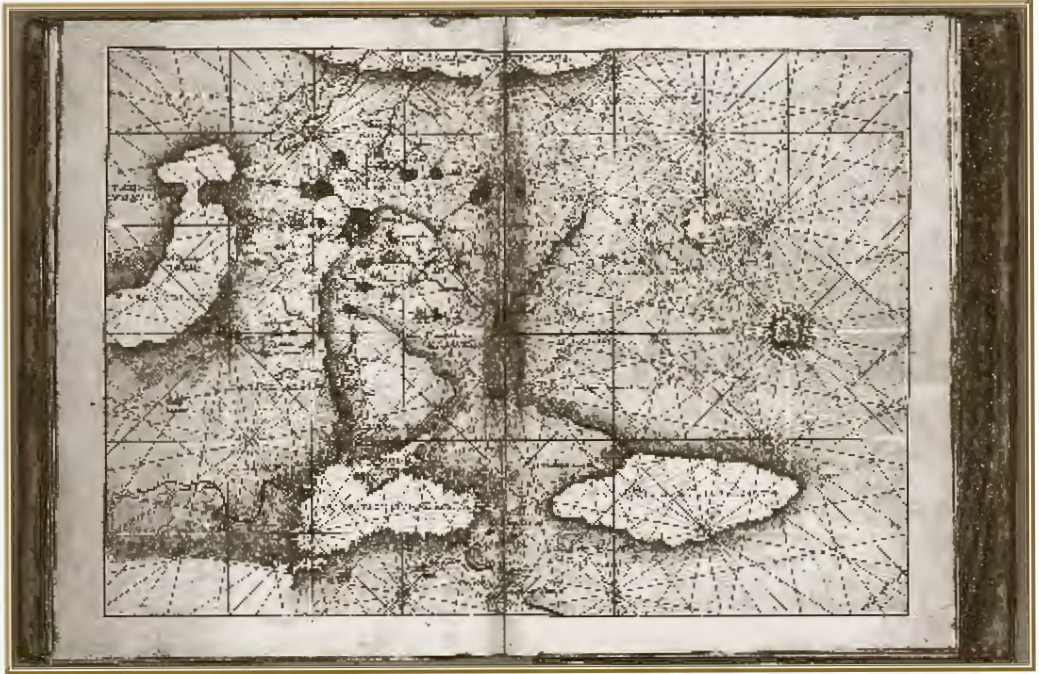
⁴⁵ Право «беспрепятственного проезда чрез Казань, Астрахань и все Русские владения в Персию и другие Восточные государства» будет, в числе прочего, предметом горячих споров на русско-шведских переговорах в Тявзе (1595 г.) и Выборге (1609 г.) и вплоть до Смутного времени включительно. См. хотя бы Отчет нидерландских посланников Рейнуута ван Бредороде, Дидериха Басса и Альберта Иоахима об их посольстве в Швецию и Россию (годы 1615 и 1616)/ Пер. с голл. А.Х. Бека // Сборник русского исторического общества. Т. 24. СПб., 1878. С. 250.

⁴⁶ Посольство Ивана Новосильцева в Турцию // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 203–204.

⁴⁷ Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. 1947. № 22. С. 132–146.

⁴⁸ Посольство Ивана Новосильцева в Турцию // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 212.

Карта России из атласа-портулана Б. Аньеze. 1550 г.

рай-хана тем, что Алексею Хозникову якобы поручалось доставить «кызыл-башам» 100 пушек и 500 ружей⁴⁹.

Однако после неудачи 1570 г. (вынужденного снятия осады с Астрахани) Стамбул прекратил враждебные действия против москвитов (если не считать двух разрушительных походов Девлета на Белокаменную в 1571–1572 гг.), а последние, завязнув в эти годы в Ливонии, охотно пошли на примирение с могучим «Турским». Что же до османцев, то для них внешнеполитическая конъюнктура также складывалась не самым благоприятным образом: начало 1570-х гг. стало очередным периодом обострения ситуации на западных границах их империи⁵⁰. Папа Римский в очередной раз инициировал создание антитурецкой коалиции на Средиземном море и Балканах, в которой ведущими силами должны были стать Габсбурги Священной Римской империи и Испании и Венеция; последняя выступила как главный (хотя и безуспешный) организатор взаимодействия латинского Запада с возможными союзниками на Востоке, среди которых Москве и Каз-

⁴⁹ О тревоге, что у «государя турецкого» вызывали «гости», которые «деи ходят ис Кызылбаша», где правит его «великой недруг», «в Асторохань» — см. Посольство Ивана Новосильцева в Турцию // Записки русских путешественников XVI—XVII вв. М., 1988. С. 192, 208.

⁵⁰ Inalcik H. Osmanli-Rus rekabetinin mensei ve Don-Volga Kanali tesebbusu // Belleten Turk Tarih Kurumu. 1948. № 48.

вину принадлежало почетное место⁵¹. Однако католический мир был, как всегда, далеко не един: Стамбул мог рассчитывать на доверительные отношения с Парижем и Лондоном, где в равной мере рассматривали Филиппа II Габсбурга как более опасного врага, чем далекий «Великий Турок».

Во время османской морской экспедиции против Кипра в 1570 г. дож, а несколько позже — и папа обратились к Ивану IV с предложением вступить в антитурецкую лигу, но получили отказ, после чего решили переориентировать свои усилия на вовлечение в нее Ирана. В 1573 г. Пий V запросил Тахмаспа о его возможных действиях особым письмом, а в 1579 г. вновь вернулся к мысли об организации московитско-персидского союза против Турции и даже примирения Москвы с Польшей — впрочем, условия оказались неприемлемы для обеих сторон. Тем не менее Русь осталась главным посредником в сношениях Рима с Персией, которой папская курия обещала денежную помощь. В 1582 г. попытку вступить в переговоры с шахом через Индию сделал и Филипп II Испанский.

Именно между 1569 и 1585 гг. сформировались узловые для русско-иранских взаимоотношений проблемы, которые сохранят свою актуальность не только до конца столетия, но и до конца всей эпохи. Их можно классифицировать по трем базовым блокам: военный (вектор — Османская империя и Крымская орда), престижный (вектор — Грузия и Дагестан), торговый (вектор — Центральная и Южная Азия).

Обстановка в Иране второй половины 1570-х гг. отнюдь не благоприятствовала масштабным внешнеполитическим предприятиям. После смерти Тахмаспа в 1576 г., в разгоревшейся борьбе различных кланов кызылбашей за власть, его наследник Исмаил II был в следующем же году отравлен, а его брату и преемнику, Мухаммаду Худабанде, отказывали в повиновении правители крупнейших вилайетов — семь глав кызылбашских племен, которые, по слову, разделили между собой раздираемую мятежами и восстаниями страну⁵².

Такого шанса продвинуться на Восток не могли упустить в Стамбуле, где с 1576 г. усилились сторонники войны с кызылбашами, которыми верховодили «Завоеватель Йемена» (*Фатих-и Йемен*) Синан-паша и Мустафа-паша, недавно отбивший у венецианцев Кипр⁵³. В этих

⁵¹ В наивном, но емком изложении один из таких «сценариев» приводит в своих воспоминаниях немец-опричник Штаден: *Штаден Г. О Москве Ивана Грозного*/ Пер. с нем. И.И. Полосина. М., 1925. С. 77.

⁵² *Шараф-хан Бидлиси*. Шараф-наме/ Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 233–234.

⁵³ Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг.: по материалам османского летописца Ибрахима Рахимизаде/ Пер. с тур. Ф.А. Гусейна. Баку, 2005. С. 102–103.

условиях Речь Посполитая самой логикой развития событий втягивалась если не в союзные, то, по крайней мере, в дружественные отношения с османско-крымским блоком. Не случайно поэтому, что в конце XVI в. польский король направил в Иран с разведывательной целью армянина Шафера, которому поручил держать его в курсе дела о ходе русско-иранских переговоров.

В 1578 г. османские рати вторглись в сафавидские пределы с двух сторон: с запада — в Чухур-Са'д и Курдистан — и с севера — из Кафы вместе с татарами через степи Предкавказья⁵⁴. На Восточном Кавказе на их сторону встали шамхал и майсум Табасарана, на Южном — атабаги Самцхе Кваркваре и его наследник Манучар⁵⁵. Позднее власть султана, уступая силе оружия, признал и картлийский царь Свимон Багратиони, который, будучи изначально верен Сафавидам, но отчаявшись в поддержке беспомощного шаханшаха, не захотел подвергать свою страну разорению и пропустил османцев в Карабах⁵⁶.

С приближением единоверных сил в Ширване и Дагестане, под лозунгами освобождения суннитов от гнета кызылбашей, выступил потомок ширваншахов Абу-Бакр, который направил своего посла к Мураду III⁵⁷. Более того, беглербег Азербайджана Туркаман Амир-хан в этот решительный момент отказал наместникам Ширвана, Карабаха и Чухур-Са'да в военной поддержке, а затем поднял мятеж против шаха⁵⁸. В то же время освобожденный из заключения Хан-Ахмад-хан, из династии владетелей Бийе-пиш («ближней» половины Гиляна), еще в 1566 г. схваченный полководцами Тахмаспа, а теперь, после смерти своего тюремщика, вернувшийся на родину и отложившийся от Ирана⁵⁹.

⁵⁴ Печев Ибрахим Эфенди. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 31–32; Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг.: по материалам османского летописца Ибрахима Рахимизаде/ Пер. с тур. Ф.А. Гусейна. Баку, 2005. С. 104–105.

⁵⁵ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме/ Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 235–236; Вахушти Багратиони. История царства грузинского/ Пер. с груз. Н.Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976. С. 42–43.

⁵⁶ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме/ Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 237; Парижская хроника/ Пер. с груз. Г.Г. Аласания. Тбилиси, 1991. С. 31–32.

⁵⁷ Печев Ибрахим Эфенди. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 40–41. Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг.: по материалам османского летописца Ибрахима Рахимизаде/ Пер. с тур. Ф.А. Гусейна. Баку, 2005. С. 114–115.

⁵⁸ Печев Ибрахим Эфенди. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 36–37. Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг.: по материалам османского летописца Ибрахима Рахимизаде/ Пер. с тур. Ф.А. Гусейна. Баку, 2005. С. 110–111.

⁵⁹ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме/ Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 219–220.

Действия османцев только активизировались после того, как в 1579 г. при загадочных обстоятельствах умер Соколу Мехмед, последовательно выступавший против войны с аджемами⁶⁰. Тяжелая и безуспешная для Ирана война заняла все царствование Худабанды (1578—1587 гг.); временные успехи его войск под командованием престолонаследника Хамза-мирзы не смогли помешать османцам захватить все сафавидские владения на Кавказе и даже часть плато⁶¹. В 1580—1582 гг. происходили крупные восстания в горных областях Загроса и Эльбурса — от Кухгилуйе через Лурестан к Тальшу⁶².

Находясь формально в мире со Стамбулом, Москва, естественно, рассматривала передвижения османско-крымских войск в непосредственной близости от своих пределов как явление нежелательное и стремилась косвенно воспрепятствовать им. Так, в 1578—1579 гг. гарнизон Терского городка добывал отряды османцев и крымцев, разбитые Хамза-мирзой, при их обратной переправе через Терек, а в 1583 г. султанские силы там беспокоили своими налетами терские казаки и кабардинцы. Более того, после того как сына Мухаммед-Гирай-хана II (1577—1584 гг.), Саадет-Гирая, выбил из Бахчисарая ставленник Блистательной Порты, Ислам-Гирай (1584—1588 гг.), тот, чтобы вернуть себе отцовский престол, воззвал к помощи не только ногайцев, но и донских казаков, однако уже через два месяца вторично потерпел поражение от садразама Осман-паши и бежал с сыном Мурат-Гираем под защиту астраханских стен.

Все это давало Порте право обращаться к кызылбашам с позиции силы. Показательно, что посольство во главе с Ибрахим-ханом Туркаманом, наместником священного шиитского города Кум, отправившееся в начале войны в Стамбул, на месте прибытия ожидали арест и семилетнее заточение⁶³. В 1584/85 г. повторное посольство, которое с предложением мира правил к «румийцам» (так мусульманских наследников Византии именовали в Иране) другой Ибрахим-хан — Текелю, оказалось перед необходимостью, в качестве предварительного условия, признать все османские завое-

⁶⁰ *Печеви Ибрахим Эфенди*. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 29—30; *Шараф-хан Бидлиси*. Шараф-наме/ Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 237.

⁶¹ Парижская хроника/ Пер. с груз. Г.Г. Аласаниа. Тбилиси, 1991. С. 33—34.

⁶² Roemer H.R. The Safavid Period // The Cambridge History of Iran. Vol. VI — The Timurid and Safavid Periods. Cambridge, 1986. P. 189—350.

⁶³ *Шараф-хан Бидлиси*. Шараф-наме/ Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 238; *Печеви Ибрахим Эфенди*. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 50—51.

Карта России (т.н. «карта Федора Годунова»). XVII в.

вания. По настоянию кызылбашских эмиров в своем окружении, многие из которых бежали из захваченных областей, Худабанда отверг эти условия. Однако в следующем году в ответ на предложение о переговорах главнокомандующий Ферхад-паша потребовал прислать одного из шахзаде «на службу государеву», в награду за что османский падишах может передать ему Тебриз. Не более утешительна для кызылбашей была и обстановка в Хорасане⁶⁴.

Благодаря энергии Бориса Годунова — всесильного временщика при «кротком» сыне «грозного царя», Феодоре Иоанновиче (1584—1598 гг.), — Русь в 80-х гг. XVI в. встала твердой ногой на Северном Кавказе. По просьбе кабардинских князей и Александрэ II Кахетинского (1574—1601, 1602—1605 гг.) «московские люди» поставили здесь несколько крепостей, в том числе Терский городок в дельте Терека⁶⁵. Астрахань в это десятилетие также украсилась каменным кремлем, что

⁶⁴ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме / Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 260.

⁶⁵ Парижская хроника / Пер. с груз. Г.Г. Аласаниа. Тбилиси, 1991. С. 35—36.

должно было символизировать долговременный характер русского присутствия перед лицом османской угрозы. Тогда же отказ Годунова дать англичанам транзитный провоз товаров через территорию России и взятие османцами Баку в 1583 г. прервали функционирование английской фактории в Ширване⁶⁶.

Перед лицом жестоких поражений в очередной войне против османцев, когда потеряна оказалась даже бывшая столица державы — Тебриз, при сафавидском дворе задумались о поиске союзников по ту сторону Каспия. В 1586 г. шаханшах Мухаммад Худабанда направил к Феодору Иоанновичу посла Хади-бега (русские запомнили его как Андибека), с предложением совместно выступить против османцев в Азербайджане, дабы вырвать из их рук каспийское побережье с Ширваном, и обещанием территориальных уступок — Шемахи, Дербента и Баку с прибрежной полосой между ними⁶⁷. Хади-бег, длительное время ограничивавшийся устными заверениями (каких бы то ни было письменных наказов на сей счет он, скорее всего, не получал), под давлением царского правительства (в частности, самого Б. Годунова) в 1587 г. дал в Москве формальное письменное обязательство в обмен на посылку войск уступить Феодору Дербент и Баку с прилегающими районами⁶⁸. Это отразилось и на проекте dokonчальной грамоты о союзе и дружбе между двумя державами⁶⁹.

В 1588 г. Феодор Иоаннович отправил князя Г.Б. Васильчикова для продолжения начатых в Москве переговоров и сбора необходимых сведений об Иране⁷⁰. Когда Г.Б. Васильчиков с большими трудностями добрался до Казвина, Худабанду уже свергла и заточила в неприступный замок Аламут клика кызылбашских эмиров Хорасана, которая возвела на престол его сына 'Аббаса, ранее считавшегося наместником этой громадной области⁷¹.

⁶⁶ *Броневский С.М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича до ныне. СПб., 1887.

⁶⁷ *Бушев П.П.* О русском посольстве в Иран в конце XVI столетия // Народы Азии и Африки. 1968. № 2.

⁶⁸ *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 52—72.

⁶⁹ *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1—3. СПб., 1890—1898.

⁷⁰ *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государства в 1586—1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 73—120.

⁷¹ *Варкоч Н.* Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году / Пер. с лат. Л.П. Лаптевой // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 97—111.

Переворот, правда, никак не сказался на переговорных позициях, если не считать того, что русские послы пытались склонить юного шаха к уступке не только Дербента и Баку, но и Шемахи⁷². Вскоре Хади, на сей раз — вместе с еще одним бегом, Будаком, вторично выехал в Москву⁷³. Предполагалось, что Русь и Иран поддержат в антиосманской борьбе Картли и шамхал, на которого 'Аббас I предлагал действовать принуждением. Царское правительство, со своей стороны, в 1588—1590 гг. всячески, хотя и безуспешно, содействовало в притязаниях на престол Крыма Мурат-Гираю, а на Терек, между первым и вторым посольствами Хади-бега, посылало рати, наказывавшая кабардинским князьям не пропускать турок через свои уделы. Однако в 1590 г. Русь предпочла сосредоточить все усилия на севере, вступив в войну с Швецией, которая продолжалась до 1593 г.⁷⁴

В этих условиях 'Аббасу было не под силу продолжать боевые действия на западе, тем более что в Гиляне мятежный Хан-Ахмад-хан Бийе-пиш вступил в сношения со Стамбулом и чинил препятствия русским послам, проезжавшим в Иран через его владения, но в то же время стремился разузнать о возможности получения помощи и от московитов⁷⁵. В конце 1580-х гг. у него укрывались опальные кызылбашские эмиры. Наконец в 1590 г. решение было принято: в Стамбул отправилось большое посольство во главе с шахским племянником Хайдар-мирзой и правителем Ардебилля Махди-Кули-ханом, которое заключило мир на условиях уступки султану всех сафавидских наместничеств и зависимых царств Южного Кавказа, почти всего Азербайджана и Курдистана⁷⁶. Когда в Москве потребовали объяснений, сюда из Казвина направили в качестве эмиссара литовского ренегата Хаджи Хусрау (Ази Хозрева) с заверениями в том, что мир этот временный и необходим лишь для наведения порядка внутри страны и на ее восточных рубежах⁷⁷.

⁷² О том, насколько предметно представляли себе в Москве успехи турок, можно судить по довольно точной передаче сведений о том рубеже, на который они вышли к исходу 1580-х гг., у пребывавшего в русской столице английского авантюриста — непосредственного современника событий: *Горсей Дж.* Записки о России XVI — начала XVII в./ Пер. с англ. А.А. Севастьяновой. М., 1991. С. 105.

⁷³ *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 121—143.

⁷⁴ Там же. С. 178—201.

⁷⁵ Там же. С. 149—158.

⁷⁶ *Шараф-хан Бидлиси.* Шараф-наме/ Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 261; *Печеви Ибрахим Эфенди.* История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Бунятова. Баку, 1988. С. 76—77.

⁷⁷ *Гизен С., Гейс С.* Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора с 22 июля 1593 года/ Пер. с нем. А. Шемякина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1874. № 4. С. 139—166.

В том, что в конечном итоге московское правительство предпочло воздержаться от вмешательства в османско-иранское противостояние, сыграли свою роль несколько факторов. Во-первых, Русское государство только недавно вышло из изнурительной Ливонской войны против Швеции и Речи Посполитой (1558–1583 гг.) и не решалось вступать в борьбу с могучим «Турским салтаном». Во-вторых, сама посылка войска в Дербент представляла значительные трудности, когда один путь от Москвы до берегов Терека занимал более трех месяцев⁷⁸. В-третьих, Иран с трудом выходил из хаоса кызылбашских междоусобиц, и ему пришлось на первых порах мириться с тем, что османцы вели работы по укреплению Баку, Шемахи, Дербента, Гянджи, Ареша, Нахичевани и Тебриза, где расположились их гарнизоны⁷⁹. На берегах Каспийского моря они приступили к спешному строительству своего флота у Ниязабада, куда раньше приходили русские торговые корабли. Кроме того, это позволяло им поддерживать непосредственные сношения по морю с ханствами Туркестана, суннитское население которых получило прямой (а не через шиитский Иран) доступ к святыням ислама — цели устремлений хаджи.

Поэтому Московское государство ограничилось активизацией дипломатии, сляясь перетянуть на свою сторону горских князьков, присоединение которых к османскому лагерю было столь же возможно, сколь нежелательно и для русских, и для иранцев⁸⁰. В этих условиях оно предприняло недвусмысленные шаги, направленные на закрепление в низовьях Терека⁸¹. Шамхалы Тарковские — владельцы кумыкских земель, которых шаханшахи рассматривали как своих подданных («вали Дагестана») и сносились с ними через ширванских беглербегов, — к концу XVI в. перешли от лавирования между тремя соседними «сверхдержавами» к более выраженной проосманской ориентации⁸². Это, не в последнюю очередь, связано с тем, что непосредственной угрозы своим позициям со стороны Стамбула они не видели, более того, надеялись избежать прямого подчинения смежным Руси и Ирану с помощью султанских войск, которые

⁷⁸ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 144–148.

⁷⁹ Печев Ибрахим Эфенди. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 38–39, 69–70.

⁸⁰ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е гг. XVIII в.). М., 1963.

⁸¹ Бакыханов А.-К.-а. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 110.

⁸² Алкадари Г. Асари-Дагестан (Исторические сведения о Дагестане)/ Пер. с азерб. М. Гасанова. Махачкала, 1994.

вместе с крымскими вспомогательными ополчениями они в 1580-х гг. регулярно пропускали через свои земли⁸³. Тем не менее, когда в 1591 г. шамхал ограбил шахского гонца Кая, Москва под предлогом репрессалий направила в его владения отряд воеводы Хворостинина, который занял Тарки, где и разместил гарнизон⁸⁴.

Военно-стратегические интересы двух прикаспийских держав впервые пришли в прямое соприкосновение, и 'Аббас на сей раз показал, что не собирается оставаться безучастен к судьбе своеговали⁸⁵. Стамбульский мир предоставил ему достаточную свободу рук, чтобы укрепиться на побережье, и в 1592 г. его полководец Фархад-хан Караманлу вынудил Хан-Ахмад-хана бежать из Гиляна через Ширван в османские владения⁸⁶. В 1594 г. молодой шаханшах напомнил о своем формальном сюзеренитете над Тарками — его, помимо династических соображений (одна из его супруг происходила из тарковского правящего дома), тревожило усиление московского влияния на Кавказе, особенно в свете происходившего в Восточной Грузии⁸⁷.

Тем временем на Западе в очередной раз возродилась идея восстановления коалиции против «Турка»: с 1593 г. султанские рати вновь угрожали Священной Римской империи, и занимавшая ее трон германская ветвь Габсбургов вернулась к попыткам установить через Россию связь с Ираном. Со своей стороны, папа Климент VIII еще ранее в письме пригласил 'Аббаса присоединиться к католическому миру в борьбе с Турцией, а в 1596 г. официально обратился с аналогичными предложениями к Феодору Иоанновичу, но в обоих случаях получил отказ.

Дальнейшее развитие русско-иранских отношений показало, что вопрос о военном союзе не был снят с повестки дня. В годы, когда 'Аббас занимался подавлением своих внутренних противников, Москва успешно сбывала ему оружие и военное снаряжение (известно, например, свидетельство о закупке в 1595 г. шахским послом в Москве 120 панцирей, 15 пудов олова и 60 пудов свинца)⁸⁸. С большим почетом при-

⁸³ Бакиханов А.-К.-а. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 108–109.

⁸⁴ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 159–177.

⁸⁵ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I — От древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887.

⁸⁶ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме/ Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 262.

⁸⁷ Парижская хроника/ Пер. с груз. Г.Г. Аласаниа. Тбилиси. 1991. С. 39–40.

⁸⁸ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 202–208.

нимались и русские посольства в Иране (что подтверждает Искандар Мунши).

Взаимопонимание между Москвой и Казвином делало необходимым и их общее настороженное отношение к усилению Шейбанидов, которые в 1570—1590-х гг. выступали подлинными гегемонами всей мусульманской Центральной Азии. 'Абдаллах II (1560—1598 гг.), вместе со своим сыном 'Абд-ал-Му'мином — фактическим соправителем во второй половине его царствования (в персидском историописании их именуют, соответственно, *Хан-и калан* — «набольший хан» — и *Хан-и хурд* — «малый хан»), постепенно объединили под своей властью весь регион, приютив у себя низложенную русскими династию астраханских владетелей, получивших впоследствии известность как Аштарханиды. Контроль над Астраханью создавал особое измерение контактам Московской Руси и с другим узбекским государством — в Хорезме, со столицей в Хиве (откуда «Хивинское ханство»)⁸⁹.

Хорезм проявлял до 70-х гг. XVI в. враждебность Руси, но позднее углубившиеся распри с Шейбанидами Мавераннахра (столица — Бухара) подтолкнули его к сближению с ней и с Сафавидами: более того, один из хорезмских царевичей, Мухаммад-Кули, попал в Москву, служил там и участвовал, в частности, в походе 1588 г. на Крым⁹⁰. В том же 1588 году, играя на продолжающихся распрах кызылбашских группировок и пользуясь тем, что все силы Ирана отвлечены на запад, шейбанидские государи захватили почти весь Хорасан с Мешхедом, а в 1593 г. овладели Хорезмом, хан которого, Хаджим, отбыл с семьей ко двору 'Аббаса⁹¹.

Таким образом, Стамбульский мир пришелся Сафавиду весьма кстати, чтобы отразить нарастающий натиск с востока. К тому же в 1592 г. он завязал переговоры о союзе против Шейбанидов с Великим Моголом Акбаром. Следует отметить, что Русь в XVI в. уже вела с «Индеей» торговлю через «Персицкую», отчасти «Юргеньскую» и «Бухарскую» землю, и хотя об официальных пересылках речи пока не шло, русские посольские дела неплохо осведомлены о дружбе 'Аббаса с Акбаром против 'Абдаллаха⁹². Так, в наказе посольству В. В. Тюфякина (1595—1598 гг.) рекомендуется,

⁸⁹ Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

⁹⁰ Новосельцев А.П. Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII в. Сб. ст. М., 1961.

⁹¹ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме / Пер. с перс. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976. С. 263.

⁹² Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 209—228.

Абу-л-Хасан. Шах Аббас I с отроком-прислужником. Могольская школа миниатюристики, середина XVII в.

в случае если у шаха будут индийские послы, которые захотят видеть русских, не только принять их, но и «речи их записать» (о встречах как таковых дела умалчивают)⁹³.

Хотя Московское царство осталось в стороне и от этого противостояния, отношения с Бухарским ханством имели для его стратегических и экономических интересов куда большее значение, чем далекая Индия. Перед лицом продвижения «урусов» в завожских степях, ‘Абдаллах-хан II, направляя к Рюриковичам посольства с торговыми целями, не забывал и помогать беглому сибирскому хану Кучуму, которому даже прислал ярлык, а также пытался отколоть от «Белого царя» Большую Ногайскую орду и нащупывал почву для строительства собственной крепости на Яике. Однако между владениями ‘Абдаллаха и Кучума лежал Казахский улус, правителей которого эти маневры только подталкивали к сближению с Русью, а опосредованно — и с Ираном. С обострением к 1595 г. русско-бухарских отношений, когда Кремль дал согласие на включение в договор с ‘Аббасом пункта о союзе против шейбанидского хана, посол

⁹³ Зубашева-Корнилович О. Сношения Руси с Персией. Омск, 1912.

казахов в Москве также просил разрешения вести переговоры с представителем Сафавидов о взаимодействии против общего врага⁹⁴.

В 1596 г., добившись полного контроля над всей территорией Ирана, 'Аббас обратился на восток и направил находившихся при его дворе хорезмских царевичей через туркменские пустыни в Хиву, откуда они ненадолго изгнали шейбанидского наместника. Хотя 'Абдаллах-хан в том же году вернул себе власть над Хорезмом, это положило начало роковой череде провалов, которая привела к падению его династии. В следующем году, поссорившись со своим наследником 'Абд-ал-Му'мином, хан решил примириться с Ираном, куда отправил на переговоры наместника Герата Мир Кель-Бабу Кукельташа. В этом же году тарский воевода князь Елецкий получил приказ принять меры к укреплению своего городка от набегов Кучума и препятствовать его сношениям с Бухарой.

В 1598 г. назревавшая коллизия получила решительную развязку: пользуясь внутриузбекским разладом, казахские султаны выступили на Ташкент и разбили войска, посланные против них 'Абдаллахом. Тогда же, отступая из Сибири, погиб в сражении с русскими Кучум, а через несколько месяцев умер и сам «Набольший хан», и, после того как 'Абд-ал-Му'мин, безуспешно пытаясь подавить выступления узбекских вождей, пал от их рук, Шейбанидская держава распалась: ей бессильны были помочь османцы, а с юга ее рубежам угрожал союзник Сафавидов Акбар. Создалась оптимальная обстановка для триумфального вмешательства 'Аббаса, который, под предлогом помощи одной из групп претендентов на престол в Бухаре, за три-четыре года захватил весь Хорасан. В XVII в. узбекам уже было не под силу бросить вызов Ирану.

Обезопасив себя с востока, к началу 1600-х 'Аббас активизировал свою западную политику⁹⁵. К этому времени джелялийская смута подорвала военное могущество Османской империи, а в ее новообразованных кавказских вилайетах и в Азербайджане усилилась просафавидская ориентация среди как мусульманской, так и христианской элиты: шаханшаха и его войск ожидали и курды Сельмаса, и горожане Тебриза, и армянское духовенство⁹⁶. Гораздо более важные последствия имела для успеха его действий

⁹⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1 — Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1933.

⁹⁵ *Кятиб Челеби*. Фезлеке. Краткая история. Извлечения из раздела «Начало [возникновение] мятежа на границе Ирана» // *Папазян А.А.* «Джихан-ньюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.). Ереван, 1973. С. 107–153.

⁹⁶ *Печевы Ибрахим Эфенди*. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 78–79; *Даврэжацци А.* Книга историй/ Пер. с арм. Л.А. Ханларян. М., 1973. С. 46–47.

ситуация, сложившаяся в Грузии⁹⁷. Оба царя — картлайский и кахетинский — приняли активнейшее участие в военных действиях ‘Аббаса⁹⁸. Тем не менее взаимоотношения сафавидского двора с Багратиони, особенно с их кахетинской ветвью, развивались весьма драматически⁹⁹.

Активные пересылки между Москвой и Кахети¹⁰⁰, естественно, настораживали как шахский двор, так и шамхальство. Восточногрузинские царства, ранее признававшие свою зависимость от Ирана, после 1579 г. перешли в османскую сферу влияния, но это лишь обострило внутреннее противоборство между различными представителями рода Багратиони, державшимися противоположных ориентаций¹⁰¹. Оно ярчайшим образом проявилось в судьбе Александрэ II Кахетинского, который в 1586—1587 гг. принял русское подданство¹⁰². ‘Аббас вынужденно проигнорировал это, сохраняя, естественно, важный рычаг воздействия на грузинскую политику, который ему предоставляла традиционная система заложничества¹⁰³. Еще при вступлении на престол Александрэ II передал шахзадэ Хамза-мирзе своего сына Константинэ, который, воспитываясь при дворе Тахмаспа, принял ислам и стал известен как Кустандил-хан¹⁰⁴. Царь Кахети, опасаясь возможных происков ‘Аббаса, пытался через посредство русских вернуть своего отпрыска на родину, но ни шах, ни царевич на это не шли¹⁰⁵.

В 1602 г., уже после воцарения Годунова, иранское посольство в Москве тайно заключило договор о совместных военных действиях против османцев, по которому царские войска должны были двинуться через шамхальские владения на Дербент, где стоял османский гарнизон¹⁰⁶. Поскольку русские архивные документы этих лет не сохранились, а персидские хроники обо всех этих коллизиях умалчивают, упоминания о них базируются

⁹⁷ Парижская хроника/ Пер. с груз. Г.Г. Аласаниа. Тбилиси, 1991. С. 37—38.

⁹⁸ *Печевти Ибрахим Эфенди*. История. Баку/ Пер. с тур. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 80—81. Багратиони Д. История Грузии/ Пер. с груз. А.А. Рогава. Тбилиси, 1971. С. 145—146.

⁹⁹ *Даврэжацци А.* Книга историй/ Пер. с арм. Л.А. Ханларян. М., 1973. С. 100, 104—105; Багратиони Д. История Грузии/ Пер. с груз. А.А. Рогава. Тбилиси, 1971. С. 147—148.

¹⁰⁰ Багратиони Д. История Грузии/ Пер. с груз. А.А. Рогава. Тбилиси, 1971. С. 141—142.

¹⁰¹ Там же. С. 139—140.

¹⁰² Там же. С. 143—144.

¹⁰³ Иллюстрацию ее механизмов см., в частности: Парижская хроника/ Пер. с груз. Г.Г. Аласаниа. Тбилиси, 1991. С. 51—52, а также: *Горигджанидзе П.* История Грузии/ Пер. Р.К. Кикнадзе, В.С. Путуридзе. Тбилиси, 1990.

¹⁰⁴ *Даврэжацци А.* Книга историй/ Пер. с арм. Л.А. Ханларян. М., 1973. С. 102—103.

¹⁰⁵ Багратиони В. История царства грузинского/ Пер. с груз. Н.Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976. С. 139—140.

¹⁰⁶ *Сугорский И.* Сношения России с Персией при Годунове // Русский вестник. 1890. № 210. С. 105—124.

только на записях имперского посольства С. Какаша и Г. Тектандера, которые косвенно подтверждаются событиями, последовавшими в 1604 г., когда Годунов прислал к Таркам воеводу И.М. Бутурлина с большой ратью, который заложил в окрестностях шамхаловой ставки три крепости¹⁰⁷. Однако в следующем году тарковский владетель, призвав на помощь крымцев, вытеснил оттуда слабые гарнизоны и вырезал их, а еще через год прорвался давно назревавший конфликт русских и иранских интересов в Кахети¹⁰⁸. После захвата 'Аббасом Ширвана командовавший сафавидскими войсками Кустандил-хан вероломно умертвил отца и брата, лояльных Москве, за что, однако, сам был убит кахетинской знатью¹⁰⁹.

Таким образом, к исходу XVI в. тесный дипломатический контакт Руси и Ирана обуславливался общими интересами в противостоянии Османам и их союзникам, Шейбанидам, и «младшим партнерам» — шамхальству и Сибири, в котором, помимо Москвы и Исфахана, участвовали грузинские царства, казахские и хорезмийские ханы и держава Великого Могола. Более того, территория Московии рассматривалась и как один из коридоров для поездок католических миссионеров в персидские земли¹¹⁰. В конфликтных ситуациях Русь никак не могла угрожать позициям османцев и, остерегаясь удара в тыл со стороны Польши, Швеции и Крыма, ограничивалась маневрами местного значения, чтобы отрезать крымским татарам путь на юг от Главного Кавказского хребта. Дальнейшей ее активизации здесь помешало Смутное время, и лишь без малого через сто с лишним лет она вернется сюда с новыми силами¹¹¹.

Первые Романовы — последние Сафавиды (XVII в.). На третьем десятилетии своего царствования 'Аббас I Великий (1587–1629 гг.) — «Лев Ирана» (как прозвали его европейские ориенталисты XIX в.), — воссоздавая сафавидское великодержавие, раздвинул северные границы своих владений от дербентских «Железных ворот» через Баку и области Гиляна, Мазендерана и Астрабада вплоть до реки Атрек и далее — к туркменским кочевьям, которые, правда, лишь номинально подчинялись шаханшахам¹¹². Важнейший сектор внешней торговли Ирана — вывоз шелка — подвергся

¹⁰⁷ Подробнее см.: *Какаш и Тектандер*. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг./ Пер. с нем. А.И. Станкевича. М., 1896. С. 7–45.

¹⁰⁸ Парижская хроника/ Пер. с груз. Г.Г. Аласаниа. Тбилиси, 1991. С. 41–42.

¹⁰⁹ Там же. С. 43–44.

¹¹⁰ Дневник польских послов/ Пер. Н.Г. Устрялова // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. I. СПб., 1859.

¹¹¹ *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889.

¹¹² *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана/ Пер. с тур. Ф.М. Алиева, А.Д. Желтякова, М.К. Зулаяна, Г.В. Путуридзе. М., 1983.

Прием у шаха
 Аббаса I.
 Миниатюра
 конца XVII в.

реорганизации: централизованный контроль над ним перешел в руки компании Новой Джульфы, принадлежавшей армянскому купечеству, переселенному (вместе со своими соплеменниками и единоверцами) в пригороды 'Аббасовой столицы — Исфахана¹¹³. Тем временем в иранской дипломатии появились новые векторы и новые контрпартнеры¹¹⁴.

В 1623 г. Ост-Индская компания Соединенных провинций по договору получила право беспошлинного ввоза и вывоза из Ирана почти всех видов товаров (в том числе золота и серебра в монетах и слитках; лишь на экспорт некоторых требовалось особое дозволение шаха), экстерриториальность и неподсудность местному законодательству, свободу вероисповедания и строительства культовых зданий. Однако наследник 'Аббаса, Сафи (1629—1642 гг.), заключил соглашение с еще одной Ост-Индской компанией — английской, которая обязалась ежегодно вносить ему в виде подарка 1500 фунтов стерлингов и покупать шелка на 60 тысяч фунтов стерлингов, что нанесло первый удар по монополии армян Новой Джульфы.

¹¹³ Канакерци З. Хроника / Пер. с арм. М.О. Дарбинян. М., 1969. С. 136—137.

¹¹⁴ Sardari R. Un chapitre de l'histoire diplomatique de l'Iran. Paris, 1941.

В 1633 и 1637 гг. Иран посетил Отто Бругман, посол Гольштейна, мануфактуры которого перерабатывали персидский шелк¹¹⁵. В Москве, на обратном пути после своего первого визита, он представил царю Михаилу Феодоровичу план оккупации шелководческих районов приморского Дагестана, Ширвана и Гиляна и просил его предоставить гольштейнской компании привилегии по вывозу ценного сырья; предложение было отвергнуто как на тот момент неосуществимое. Это, однако, было не более чем эпизодом на фоне неуклонного укрепления позиций голландской Ост-Индской компании, которая при Сафи-шахе успешно соперничала с английской за первое место во внешней торговле Ирана, добываясь подтверждения своих привилегий (1631, 1638 и 1640-е гг. XVII в.)¹¹⁶. В 1645 г. голландские купцы получили от сына Сафи, 'Аббаса II (1642–1666 гг.), исключительные права, мотивируя свой конфликт с англичанами тем, что те свергли своего короля; после реставрации монархии (1660 г.) Англия смогла занять только второе место в торговле шелком. Тогда же, при 'Аббасе II, в Исфахане и Бендер-Аббасе появились и французские фактории. Все это, однако, никак не поколебало гегемонию голландцев, которые в 70-е гг. XVII в., уже в царствование следующего Сафавида — Сафи II (Сулаймана, 1666–1694 гг.) вывозили в Европу шелка-сырца на сумму 11–13 тысяч туманов в год, а позднее даже оккупировали остров Кешм в Персидском заливе.

Смутное время надолго отвлекло Москву от активного участия в «персидских делах», хотя и не прервало установившихся за предшествующие два десятилетия связей. В самый разгар внутригосударственных распрей, невзирая на подстерегавшие по пути опасности, прибавившиеся к непривычным и труднопроходимым путям сообщения, в царскую столицу продолжали направляться сафавидские посольства¹¹⁷. Окончательно утвердив собственное единодержавие, 'Аббас не остался в стороне от тех потрясений, которые постигли Русское государство, хотя, преимущественно, оставался ней-

¹¹⁵ Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах / Пер. с нем. П.П. Барсова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1869–1870. С. 7–8.

¹¹⁶ О позициях голландских негоциантов в Московии тех же лет см.: Кордт В.А. Донесения посланников республики соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана фан Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений Московского государства с республикой соединенных Нидерландов до 1631 г. СПб., 1902.

¹¹⁷ Напр.: Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века / Пер. с швед. С.А. Анненского, А.М. Александрова, А.Ф. Костиной. М., 2000. С. 458–459. Об участии в одном из них знаменитого Роберта Ширли — «храброго духа Англии» на службе у «Льва Ирана» — современное известие: Бреретон Г. Известия о нынешних бедах России / Пер. с англ. Е.Н. Козлова. СПб., 2002.

тральным наблюдателем: так, он дал формальные гарантии безопасности знаменитому донскому атаману Ивану Заруцкому и его спутнице Марине Мнишек, которыми они, однако, так и не смогли воспользоваться¹¹⁸. Персия манила своей удаленностью и полумифическим богатством не только казачью вольницу, но и некоторые другие группы участников Смуты — от боярских детей до польских дезертиров.

Возрождение царского единовластия при Михаиле Романове означало и частичное восстановление прежних внешнеполитических приоритетов. Русское государство по-прежнему стойко сопротивлялось поползновениям европейцев взять на себя хотя бы посреднические функции в торговой активности на Каспии¹¹⁹. Еще в начале века в портах Гиляна стали появляться «гости» — москвичи и казанцы¹²⁰. Первоначально те из них, кто на постоянной основе вел торг в Ширване, Исфахане, Казвине и т.д., останавливались в Шемахе на армянском постоялом дворе, но с 1620-х гг. получили в свое распоряжение «шахский» караван-сарай.

В целом можно заметить, что если в XVI в. в русском ввозе в Иран преобладали ремесленные изделия, то в следующем веке — уже продукция мануфактур¹²¹. Через новопостроенный астраханский порт провозились также меха, кожи и шерсть, воск, золото, топоры, деревянная посуда, а также — транзитом из Европы — медь и олово, а из Ирана, помимо шелка, хлопчатобумажные ткани, ковры и сухофрукты¹²².

Связи восстановились сравнительно быстро, и если путь из Москвы в Астрахань по-прежнему занимал не меньше 50 дней, то уже от Астрахани до Тарков или Ниязабада плавали в 5–10 дней, и столько же требовалось, чтобы отсюда достичь столицы Ширвана. Типичен маршрут «гостя» Федота Котова, который, отправляясь торговать от имени государя, выехал из Москвы 5 мая 1623 г., чтобы прибыть в Астрахань 8-го, а в Ниязабад — 14 августа, отсюда ехал до Шаберана три дня и столько же — от Шаберана до Шемахи¹²³. О налаженности торговых маршрутов свидетельствует достаточно уверенное описание в его развернутой записке «О ходу в Пер-

¹¹⁸ Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века/ Пер. с швед. С.А. Анненского, А.М. Александрова, А.Ф. Костиной. М., 2000. С. 330.

¹¹⁹ Мельгунов П.П. Очерк по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905.

¹²⁰ Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока. М., 1956.

¹²¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.

¹²² О технических деталях этой торговли см.: Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича/ Пер. с нем. Б.Г. Курца // Сборник студенческого историко-этнографического кружка при Императорском университете св. Владимира. Киев, 1915. Вып. VI. С. 112, 118, 148–152, 172–173.

¹²³ Хожение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 32–33.

сидское царство» хозяйственной и политической жизни Южного Кавказа и Северного Ирана, вместе с кратким обзорением маршрутов, пересекавших регион¹²⁴.

В свою очередь, шахские посольства и купеческие представительства из Ирана отныне становятся яркой и достаточно органичной частью московской повседневности. Об этом можно судить по той косвенной информации, которую дают сообщения европейских дипломатов, отражающие то, как воспринимались иранцы в Белокаменной сторонним наблюдателем, и воспроизводящие соответствующие реакции верхушки русского общества¹²⁵. Каждодневное общение с «персиянами» не могло остаться без воздействия на самые разные стороны московского быта, даже если учитывать «экзотизирующее» видение западных путешественников, подчеркивающих «ориентальные» черты городской жизни и нравов¹²⁶.

¹²⁴ *Andreeva E.* Russia. IV. Travellers in Persia to 1917 // *Encyclopaedia Iranica*. N.Y., 2005. <http://www.iranicaonline.org/articles/russia-iii-travelers-in-persia> (access 10.02.2015).

¹²⁵ Один из многочисленных примеров — приглашение Алексеем Михайловичем сватов, прибывших к царскому двору из Дании, посмотреть на представление ему персидских послов: Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве, графа Шлезвиг-Гольштейнского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михаила Федоровича, Ириною/ Пер. с нем. М. Шемякина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1867. № 4. С. 15, 29. Ближе по времени (1660-е гг.) и свидетельство Витсена, увидевшего около государева дворца, в ожидании приема, делегацию крупных купцов-персов, «которые приехали сюда с двумястами саней ценных товаров и, по обычаю страны, с подарками царю от имени их шаха»: *Витсен Н.* Путешествие в Московию/ Пер. с голл. В.Г. Трисмана. СПб., 1996. С. 94, 99 и особенно 109–113, 117, 151 (о личном знакомстве с членами представительства). См., кроме того, *Койэнтт Б.* Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу/ Пер. с голл. А. Ловягина. СПб., 1900. С. 458–459; *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне/ Пер. с англ. П. Киреевского и Н.В. Соловьевой // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1846. С. 36; Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу, в 1675 году/ Пер. с лат. И. Тарнавы-Боричевского. Статистическо-географическое описание Российского государства в начале XVII столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 11. С. 374–375.

¹²⁶ Еще в середине XVI в. отмечалась зависимость московских войск, с точки зрения характера вооружения, от персидских образцов: *Тьеполо Ф.* О делах московских/ Пер. с итал. С.А. Аннинского // Исторический архив. Т. III. М.–Л., 1940. С. 341; как и любовь москвитов к одежде и дорогим тканям, привозимым вверх по Волге: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в./ Пер. с лат. Л.Н. Годовиковой. М., 1983. С. 206. Влияние вестиментарных предписаний, исходящее из Персии, усматривалось на протяжении всей допетровской эпохи в дипломатическом протоколе, обстановке придворного церемониала, особенностях костюма зажиточных москвитов. См., в числе прочих, *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году/ Пер. И. Ивакина. М., 1891. С. 43–44, 102; Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу, в 1675 году/ Пер. с

В Москве присматривались к южным рубежам с учетом своих стратегических интересов: за первую половину XVII в. здесь побывали посольства из Картли, Кахети, Имерети и Гурии, которые запрашивали царский двор о возможной поддержке против турок и персов¹²⁷. В свою очередь, через Восточный Кавказ и Азербайджан проезжали, направляясь в другие страны Передней Азии, русские купцы, послы и путешественники, выполнявшие одновременно функции разведчиков¹²⁸. Первыми «государевыми людьми», правившими посольства в «Персицкую землю», были в 1614–1615 гг. Брехов и Тиханов, в 1615–1616 гг. — Шахматов, в 1618 г. — Барятинский, а с 1620 до 1670 г. Романовы отрядили сюда 10 посольств (в 1636–1638 гг. — Романчуков, в 1639 г. — Волконский и архимандрит Иосиф, а позднее — Ковалев, в 1642–1643 гг. — Мышецкий)¹²⁹. Среди тех, кто не относился к служилому сословию, следует, помимо Федота Котова, назвать прежде всего Василия Гагару (1634 г.). Отдельного упоминания заслуживает миссия монаха Арсения Суханова, описанная им самим в «Проскинитарии» («Путь в Святую землю»): в отличие от своих предшественников, он в 1652–1653 гг., на обратном пути из паломничества в Палестину, проехал Закавказье не с севера на юг, а с запада на восток¹³⁰.

лат. И. Тарнавы-Боричевского. — Статистическо-географическое описание Российского государства в начале XVII столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 11. С. 346–347, 364–365; Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году/ Пер. А. Шемякина. М., 1874. С. 58, 66, 188. Оно, судя по всему, бросалось в глаза европейцу до самого конца XVII в., о чем можно судить хотя бы по: *Де ла Невилль*. Записки о Московии/ Пер. А.С. Лаврова. М., 1996. С. 167–168. Такие наблюдения в значительной мере подтверждаются и внутренними источниками, как русскими, так и иранскими, хотя бы: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 8, 36, 73. Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята — Дон Жуана Персидского/ Пер. с исп. под ред. О. Эфендиева и А. Фарзалиева. СПб., 2007. С. 37.

¹²⁷ *Санин Г.А.* Внешняя политика России во 2-й половине XVII в. // История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.)/ Отв. ред. А.Н. Сахаров и др. Т. I — История внешней политики России. Конец XV—XVII в. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 277–342.

¹²⁸ *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987.

¹²⁹ *Моисеев М.В.* «Проваленная миссия». Посольство М.Н. Тиханова в Иран в 1613–1615 гг. // Мининские чтения. Сб. научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Н. Новгород, 2012. С. 351–360.

¹³⁰ Интенсивность пересылок между романовской и сафавидской столицами подтверждает уже для 2-й половины столетия сановный посланник из Германии, который называет посольства от царей персидских частыми гостями Москвы, наравне с имперскими, польскими, английскими, датскими и шведскими (не говоря уже о крымских и но-

Начиная с 40–50-х гг. XVII в. Московское царство медленно, но верно готовило почву для продвижения своих пределов в южном направлении. Военно-стратегическая конъюнктура, по сравнению с концом XVI в., заметно изменилась. Череда опустошительных османско-сафавидских войн завершилась Касри-Ширинским мирным договором 1638 г., который закрепил рубежи обеих мусульманских империй Передней Азии от Персидского залива до Армянского нагорья и разграничил сферы их влияния на Кавказе, положив начало политическому затишью, длившемуся до начала XVIII в. Пользуясь этой стабилизацией, Сафавиды вели себя на северных окраинах своей державы смелее, и это не могло не повышать риска столкновений с русскими в Прикаспии. Однако конфликтность так и не вышла за четко определенные рамки и проявлялась весьма умеренно¹³¹.

О прямой вооруженной экспансии царства первых Романовых, за исключением нескольких инцидентов на нижнем Тереке, речи не шло, но постепенное включение Прикаспия в его хозяйственную систему проходило достаточно динамично. В том, чтобы уравновесить формальную зависимость от Сафавидов дружественными отношениями с «урусами», были заинтересованы и шамхалы. Уже в 1640-х гг. Сурхай-мирза, не довольствуясь утверждением в своем достоинстве со стороны шаханшаха Сафи, обращался за соответствующей санкцией и к царю Михаилу¹³².

В 1650 г. ограбление ширванского каравана, в котором шах обвинил гребенских казаков, вызвало первое серьезное столкновение между Ираном и Русью, вылившееся в 1653 г. в поход ополчений беглербегов Закавказья на Сунженский городок и задержание находившихся в Иране русских купцов, на что Москва ответила аналогичными мерами. Примечательно, в то же время, что Суханов, прибывший в Шемаху в самый разгар этого военно-дипломатического кризиса, не только «сыскал русских торговых людей», но и, что особенно важно, встречался с беглербегом, который открыто проявлял заинтересованность в поддержании связей с русскими и даже отправлял послов в Астрахань и в Москву¹³³. Арсений во всех подроб-

---

гайских), и в отличие от османских: Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 г./ Пер. А. Шемякина. М., 1874. С. 175.

¹³¹ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 79.

¹³² Сотапов Н.А. Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991.

¹³³ Проскинитарий Арсения Суханова // Православный Палестинский сборник. СПб., 1889. Т. VII. Вып. 3 (21). С. 109.

ностях излагает жалобы ханских «дьяков», вызванные столкновениями астраханских воевод с тарковскими шамхалами. Особую роль тут сыграл кабардинский князь Муцал Черкасский, которому царские власти доверили управление нехристианской частью населения Терского городка¹³⁴. В то же время рассказ Арсения дает возможность заглянуть по другую сторону назревшей напряженности в русско-иранских отношениях, которая оказала свое воздействие и на положение ширванского наместника при дворе сафавидского властелина. Передаваемые им слухи хорошо воспроизводят политический климат в окружении шаханшахов и их представителей на Южном Кавказе. Конфликт был ликвидирован в 1662 г. через окончательное урегулирование пограничных недоразумений из-за порубежной черты по Тереку, которое сблизило две державы, что благотворно сказалось на двустороннем товарообмене¹³⁵. Уже на рубеже XVII—XVIII вв. московитов, по свидетельству иезуитских миссионеров, в Шемахе было так много, что они обзавелись собственным молитвенным домом (часовней), то есть, очевидно, подворьем с церковью¹³⁶.

Западные наблюдатели, побывавшие в обеих державах (немец Адам Олеарий¹³⁷, голландец Ян Стрейс¹³⁸, француз Жан Шарден¹³⁹), живописуя досуг «персов», оставили замечательное по достоверности и этнографической точности полотно их повседневной жизни, дополнив или исправив краткие справки англичан елизаветинской поры. Пристальное внимание

¹³⁴ «Формат» дипломатических отношений между Москвой и Исфаханом в изложении знатока технической стороны дела: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 43–44, 55, 63. Он же особо останавливается на статусе кавказских владетелей (от Грузии до Черкесии) в этой системе.

¹³⁵ Я. Рейтенфельс подчеркивает исключительную долговечность русско-иранских договоров по сравнению со всеми остальными международными соглашениями, заключенными московитами, и совершенно верно объясняет ее тем, что «одинаково нежелательное могущество соседей, татар и турок, теснейшим образом связывало стремления тех и других»: *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии/ Пер. с лат. А.И. Станкевича // Утверждение династии. М., 1997. С. 314–315.

¹³⁶ *Lettres edificantes et curieuses, ecrites des missions etrangeres. Vol. IV — Memoires du Levant.* Paris, 1780. P. 33–34.

¹³⁷ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах/ Пер. с нем. П.П. Барсова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1869–1870. Кн. IV (гл. XVII–XLVI), кн. V, кн. VI (гл. I–X). С. 510–969.

¹³⁸ *Стрейс Я.* Три путешествия/ Пер. с голл. Э. Бородиной. М., 1935. Третье путешествие (гл. XXV–XXXVI). С. 271–339.

¹³⁹ Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672–1678 гг. Часть последняя/ Пер. с фр. Д.П. Носовича // Кавказский вестник. 1901. № 9. С. 289–301.

равно европейцев и русских привлекали каменные караван-сарай иранских городов, с подземными водопроводами, доставлявшими влагу с гор, перемежающиеся с базарами и распределявшиеся по этнорегиональному принципу: армянские, индийские, бухарские и др., где, наряду с продукцией ткацкой и прядильной промышленности, в числе прочего, предлагался и живой товар¹⁴⁰.

Жертвами процветавшей здесь работоторговли становились захваченные в плен в ходе войн между османцами и кызылбашами или похищенные в столкновениях между различными этносами Северного Кавказа — прежде всего, адыгами и дагестанцами, либо, наконец, ясыри, угнанные крымскими татарами с малороссийского и великорусского пограничья Речи Посполитой и Московского государства¹⁴¹. Пленницами в изобилии пополнялись гаремы и домохозяйства сафавидской элиты¹⁴². Однако на больших невольничьих рынках Шемахи и Дербента торговали «живым товаром», главным образом, на вывоз — в другие области сафавидских владений и Османской империи вплоть до Египта. В самом Иране рабы, как правило, не оседали и тем более не играли мало-мальски заметной роли ни в сельскохозяйственном, ни в ремесленном производстве¹⁴³.

В середине XVII в. из Ширвана и Гиляна на север ежегодно отправлялось до 70 тысяч пудов шелка-сырца, а в 1670-е гг. один Гилян каждый год выпускал 1,2 тысячи тонн сырца. В 1667 г. Московское царство заключило с компанией Новой Джульфы соглашение о вывозе ширванского и гилянского шелка, которое сыграло важную роль не только в отношениях с Исфаханом, но и в эволюции русской мануфактурной промышленности на протяжении всей второй половины столетия. Задача облегчить транспортировку ценнейшего сырья была одной из главных в деле дальнейшего развития мореходства на Каспии. Для строительства в Астрахани торгового флота царское правительство пригласило из Соединенных провинций корабела Ван Сведена с большой группой голландских мастеров и знатоков морского дела (в их числе был и Я. Стрейсс)¹⁴⁴. Корабли, подведомственные астраханскому воеводе, имели, кроме того, цель доставлять коммерсантов и

¹⁴⁰ A Chronicle of the Carmelites in Persia. Vol. I. London, 1939.

¹⁴¹ Показателен пример того же посла Хаджи Хусрау — родом пленного «литвина»: *Гизен С., Гейс С.* Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора с 22 июля 1593 года/ Пер. с нем. А. Шемякина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1874. № 4. С. 154.

¹⁴² *Стрейс Я.* Три путешествия/ Пер. с голл. Э. Бородиной. М., 1935. Третье путешествие (гл. XXV—XXXVI). С. 273—274.

¹⁴³ Там же. С. 236—237.

¹⁴⁴ *Стрейс Я.* Три путешествия/ Пер. с голл. Э. Бородиной. М., 1935. С. 193—196.

Фрагмент карты Царства Персидского. 1636 г.

дипломатов из Ирана, Центральной и Южной Азии и защищать торговлю с приморскими городами, сопровождая караваны судов в Дербент и Баку и охраняя их от пиратов.

Продвижение русских на иранские рынки по окончании Смутного времени не было односторонним. С 1620-х гг. участились поездки в царские владения армянских и мусульманских купцов из Ирана, порой в сопровождении мастеров-ремесленников, многие из которых оставались на новом месте. О более или менее постоянном присутствии закавказских мусульман в городах Руси к концу столетия говорят данные учета иноземных коммерсантов, проведенного по царскому указу в декабре 1684 г. («кто в котором году приехал и сколь давно в Москве живет и какими товарами торгует»). Примечательно, что, отвечая на поставленный вопрос, некий Амин из Шемахи уже мог заявить, что со своим братом давно ведет торговлю по всей Руси. В своих торговых поездках иранцы (за которыми старомосковское общество закрепило наименование «кызылбаши») достигали крайних северных и западных пределов царских владений — от

Архангельска до Прибалтики¹⁴⁵. Есть множество свидетельств существования «на Москве» районов компактного проживания выходцев из «Персии», которое не укрылось и от западных наблюдателей¹⁴⁶. Особого упоминания заслуживает, разумеется, Персидский гостиный двор, считавшийся одним из трех главных в Китай-городе, где вели торг многоязычные подданные шаханшахов¹⁴⁷.

На русский рынок стремились проникнуть и индийские кастовые корпорации из разных регионов Южной Азии, известные под собирательным обозначением «племени мультанов» или «баниани». В Кандагаре, Ширазе, Исфахане, Баку, Шемахе в XVII в. существовали их многочисленные колонии, торговавшие шелковыми и хлопчатобумажными тканями, красителями, лекарственными травами и бумагой. Промежуточным звеном служил опять-таки Юго-Восточный Кавказ, где их присутствие отмечено знаменитым храмом огня (*атаигах*) под Баку уже в конце XVII в. Обходя Апшеронский полуостров, швед Энгельберт Кемпфер застал в селении Сураханы «капище огнепоклонников» («Срогани Атестава»), где, как и многие другие — до и после него, ошибочно принял местных индусских богомольцев за зороастрийцев. Примечательно, что сафавидская администрация, по всей видимости, никак не препятствовала индийским negociантам отправлять свой культ и соблюдать даже наиболее отталкивающие для мусульманской нравственности обряды (например, публичную кремацию покойников, свидетелем которой в Шемахе дважды становился Стрейс)¹⁴⁸. Через перевалочные пункты на Апшероне «мультаны» проезжали в Астрахань, где они устраивали свои ряды, а в 1620-х гг. отстроили для себя каменный гостиный двор.

Активизация торговли при поздних Сафавидах не могла не вызвать и побочного следствия — роста морского пиратства и сухопутного разбоя. Беглые землепашцы селились на окраинах Московского государства, пополняя ряды воинственного казачества, которое в равной мере досаждало царским боярам и «гостям», дагестанским владельцам и шахским по-

¹⁴⁵ *Де ла Невиль*. Записки о Московии/ Пер. А.С. Лаврова. М., 1996. С. 175.

¹⁴⁶ *Давид И.* Современное состояние Великой России или Московии/ Пер. с лат. Ю.Е. Копелевича // Вопросы истории. 1968. № 4 (с. 139 — наряду со знаменитым Кукуем, Турецкой и Армянской слободами упоминается также Персидская). См. также: *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г./ Пер. И. Ивакина. М., 1891. С. 61–62.

¹⁴⁷ *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии/ Пер. с лат. А.И. Станкевича // Утверждение династии. М., 1997. С. 306.

¹⁴⁸ *Стрейс Я.* Три путешествия/ Пер. с голл. Э. Бородиной. М., 1935. С. 255–256, 261.

граничным управителям¹⁴⁹. В 1636 году донские казаки разграбили Решт. При 'Аббасе II калмыки, только что заселившие степи на правом берегу Волги вплоть до Дагестана, совершили набег на Астрабад через Каспий. Их грабежи только усилились и охватили также другие берега Ирана в царствование Сафи-Сулаймана. Донцы, которые нередко выступали в союзе с ними, стали заметной угрозой к концу 60-х гг. XVII в. Около 1662 г. их возглавил 32-летний Степан Тимофеевич Разин, который после неудачной попытки прорваться к Азову перебрался на Волгу¹⁵⁰. В июне 1667 г. он достиг дельты реки и, минуя Астрахань, вышел в Каспийское море, а затем, с отрядом свыше две тысячи человек на 40 стругах, захватил богатую добычу в Реште и совершил налет на Дербент и Баку, хорошо поживившись и оставив о себе память в названии горы на Апшероне, близ Сабунчи, где в пещере якобы останавливались на привал его казаки¹⁵¹. Шахское правительство, приказавшее ханам прибрежных эйалетов от Астрабада до Дагестана привести все свои силы в состояние боевой готовности, на сей раз не стало связывать хищничество «казаков-кафиров» с официальной позицией Руси¹⁵². Более того, когда московские власти приложили все усилия к искоренению вольницы, Степан Тимофеевич не раз изъявлял готовность перейти в персидское подданство, но Сулайман, не желая сталкиваться с северным соседом, отказывал ему, тем более что еще свежа была и память об опустошении мятежными донцами шаханшахской резиденции Фарахабад в Мазендеране¹⁵³.

В августе 1668 г. астраханец, прибывший из Шемахи, сообщал воеводе, что, как он слышал, разинцы «были в Шахове области, в Низовой и в Баке и в Гиляни, и ясырю и живота поймали много», «а живут де.. в Куре реке

¹⁴⁹ Достаточно вспомнить пренебрежительные отзывы о воинских качествах «персидских людей», которые доносит до нас полуфольклорная Повесть (Сказание) об Азовском сидении, восходящая к середине XVII в.: Сказание об Азовском сидении, как Донские казаки сидели в осаде от Турок во граде Азове, пять тысяч человек против триста тысяч человек // Русский архив. М., 1898. № 8 (осажденные — осаждающим: «А мы люди не шаха царя Персидского, хоть вы людей его и называете бабами и побиваете их множество», с. 487); Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Воинские повести древней Руси. Л., 1985 (в том же контексте: «Их-то вы, что женок, засыпаете в городах их горами высокими», с. 455).

¹⁵⁰ *Koivtm B.* Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу/ Пер. с голл. А. Ловягина. СПб., 1900. С. 446–457.

¹⁵¹ *Perrie M.* Popular Revolts // *The Cambridge History of Russia. Vol. I — From Early Rus' to 1689.* Ed. by M. Perrie. Cambridge, 2006. P. 600–617.

¹⁵² *Стрейс Я.* Три путешествия/ Пер. с голл. Э. Бородиной. М., 1935. С. 197–209.

¹⁵³ Путешествие Шардена в Персию/ Пер. Дьяконенко // Киевские университетские известия. № 9. 1873. С. 20–21.

и по морю разъезжают врознь для добычи». Имеются сведения о том, что к Степану Разину приставали и «иноземцы скудные многие люди», то есть, очевидно, местная беднота. Сафавидские наместники южного Прикаспия объявили новый набор в ополчение, но атаман разбил в абордажном бою шахскую флотилию и захватил огромные трофеи, а в августе 1669 г. вернулся к волжским устьям¹⁵⁴. В следующем году он решительно выступил против царской администрации и овладел Астраханью¹⁵⁵. Именно отсюда ему предстояло возглавить эпохальное восстание, которое сотрясало московскую монархию до 1671 г. и закончилось его пленением и казнью на Лобном месте¹⁵⁶. Таким образом, «бунташный век» отозвался и на русско-иранских отношениях: его место в судьбах прикаспийских областей Сафавидской державы еще предстоит изучить.

После посольства Пазухина (1672 г.) Романовы предприняли несколько попыток снарядить через Иран и Центральную Азию дипломатические миссии ко двору Великих Моголов. Удачей увенчалась только четвертая: в 1697 г. царские посланцы во главе с С. Маленьким через Шемаху и Исфахан добрались до Индии, где провели успешные переговоры и задержались на четыре года. Однако в Москве уже сидел на царском троне Петр Алексеевич, а в Исфахане, на шахском престоле, — Султан-Хусайн, которым суждено было стать свидетелями и участниками коренного поворота в истории русско-иранского соседства.

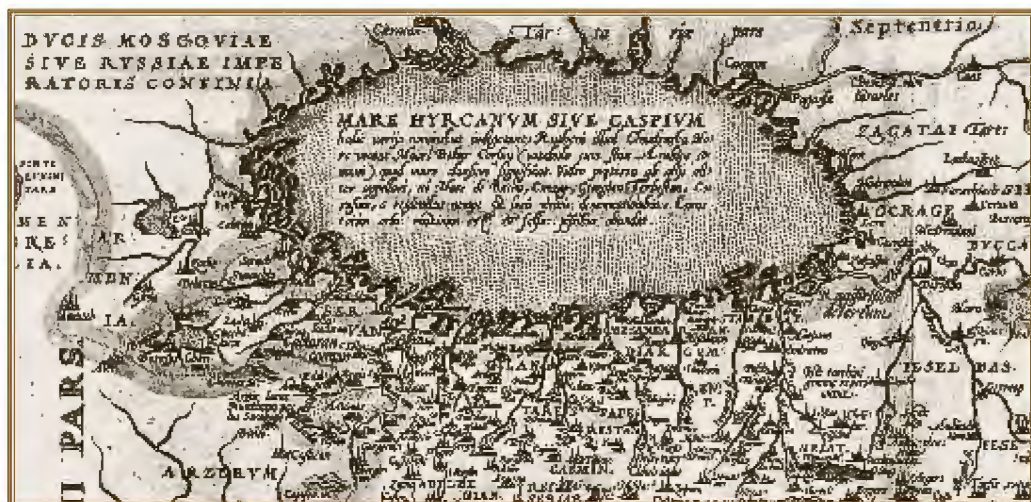
***

Рубеж XVII—XVIII вв. стал в равной мере судьбоносным для обеих каспийских держав. Внутренние ритмы, по которым функционировали общества мусульманской Передней Азии, христианская Россия и христиано-мусульманский Кавказ оставались до этого времени почти неизменными. Разрыв с европейским Средиземноморьем в уровне жизни и эффективности социальной организации не был очевиден еще в эпоху Возрождения и не поме-

¹⁵⁴ Судя по всему, именно этот налет получил отражение в ежедневнике армянского купца Закарии, ведшего свои дела как в сафавидских, так и в османских пределах, — Дневник Закария Акулисского/ Пер. с арм. Ереван, 1939. С. 67.

¹⁵⁵ *Фабрициус* А. Записки/ Пер. с нем. Г.И. Федоровой // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Т. 1. Л., 1968.

¹⁵⁶ *Фабрициус* А. Краткая реляция о трех совершенных мною путешествиях [1679–1682]/ Пер. с нем. Г.И. Федоровой // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Т. 1. Л., 1968.

Каспийское море. Фрагмент карты «Царства Персидского или Суфиев». Атлас Ортелиуса. Амстерден. 1570 г.

шал расцвету ни шиитской державы Сафавидов, ни православного царства последних Рюриковичей и первых Романовых. Тем не менее, макроэкономические импульсы, которые выразились, в частности, в изменении мировой системы коммуникаций, уже сказывались в начале XVI столетия. Основание португальцами факторий в Китае и на Зондском архипелаге, с последующим захватом командных позиций в Аравийском море, поставило под сомнение значимость старинных караванных магистралей через Кавказский перешеек, Иранское плато и Туранскую низменность, но вплоть до конца XVII в. они частично сохраняли былую важность. Вместе с тем развитие мануфактурной промышленности в Италии и Франции снизило спрос на ремесленную продукцию Ирана и входивших в его состав частей Восточного Кавказа.

Все это не могло не сказаться негативно на экономической конъюнктуре сафавидских владений, за одним исключением. Даже в этих условиях свою важность сохраняло северное направление иранской торговли. При первых Романовых Русское государство, оправившись от невзгод Смутного времени, централизуется и демонстрирует заметную (по сравнению с империями Османов и Сафавидов) динамику хозяйственного развития: увеличение производства сопровождается дальнейшим расширением товарообмена. Значимость Волго-Каспийского пути особо возросла после того, как в конце XVI в. царские власти запретили проезд по нему в Персию английским негодьянтам, тем самым, по сути, предоставив своему купечеству монополию на посредничество в транзите произведений иранского шелководства на Запад. Большое участие в торговле с Россией

принимали шахский двор и находившиеся у него под покровительством купеческие объединения, которые состояли прежде всего из армян и также выплачивали ему огромные суммы за монопольное право торговли шелком с Европой.

Если для Русского государства эпоха Петра I было временем трудного и болезненного перерождения, завершившегося складыванием мощной и европеизированной монархии, то для Ирана царствование Султан-Хусайна, при его внешнем блеске, обернулось скорым и катастрофическим крахом. Поразительна симметрия: воцарение последнего Сафавида, удерживавшего самолично бразды правления, совпадает с Азовскими походами молодого Романова, а через год после триумфального завершения Северной войны и провозглашения империи величественная столица шаханшахов оказывается осаждена и взята пуштунским ополчением племенного союза гильзаев, который никогда не воспринимался в Исфахане как реальная угроза. Следующее десятилетие станет свидетелем резкого изменения военно-политической ситуации вокруг Каспия и положит начало новой, в полном смысле слова, истории этого уникального культурно-географического пространства.

REFERENCES

1. *Andreeva E.* Russia. I. Russo-Iranian Relations up to the Bolshevik Revolution // Encyclopaedia Iranica. N.Y., 2014. <http://www.iranicaonline.org/articles/russia-i-relations> (access 10.02.2015).
2. *Andreeva E.* Russia. IV. Travellers in Persia to 1917 // Encyclopaedia Iranica. N.Y., 2005. <http://www.iranicaonline.org/articles/russia-iii-travelers-in-persia> (access 10.02.2015).
3. *Barthold W.W.* A History of Oriental Studies in Europe and Russia [Istoriya izucheniya Vostoka v Yevrope i Rossii] // Barthold W.W. Sochineniya. Vol. IX — Works on the History of Oriental Studies [Raboty po istorii vostokovedeniya]. Moscow, 1977. P. 199–483.
4. *Belokurov S.A.* Russia's Contacts with the Caucasus [Snosheniya Rossii s Kavkazom]. Moscow, 1889.
5. *Bronevskij S.M.* Historical Notes on Russia's Contacts with Persia, Georgia and the Mountain Peoples Generally Inhabiting the Caucasus, from the Times of Ivan the Terrible to the Present Day [Istoricheskiye vypiski o snosheniyah Rossii s Persiyeyu, Gruziyeyu i voobshhe s gorskimi narodami, na Kavkaze obitajushhimi so vremen Ivana Vasil'yevicha donyne]. Saint-Petersburg, 1996.
6. *Builard R.* Britain and the Middle East from the Earliest Times to 1950. London, 1951.
7. *Bushev P.P.* A History of Russo-Iranian Diplomacy and Missions in 1586–1612 (based on Russian archives) [Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnosheniy russkogo i iranskogo gosudarstv v 1586–1612 gg. (po russkim arhivam)]. Moscow, 1976.
8. *Bushev P.P.* A History of Russo-Iranian Diplomacy and Missions in 1613–1621 (based on Russian archives) [Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnosheniy russkogo i iranskogo gosudarstv v 1613–1621 gg. (po russkim arhivam)]. Moscow, 1987.
9. *Bushev P.P.* On a Russian Mission to Iran at the End of the XVIth Century [O russkom posol'stve v Iran v konce XVI stoletiya] // Narody Azii i Afriki. 1968. № 2.
10. *Fehner M.V.* The Russian State's Oriental Trade [Torgovlya Russkogo gosudarstva so stranami Vostoka]. Moscow, 1956.

11. *Ferrier R.* Trade from the mid-14th Century to the End of the Safavid Period // The Cambridge History of Iran. Vol. VI — The Timurid and Safavid Periods. Cambridge, 1986. P. 412–490.
12. *Flier M.S.* Political Ideas and Rituals // The Cambridge History of Russia. Vol. I — From Early Rus' to 1689. Ed. by M. Perrie. Cambridge, 2006. P. 387–408.
13. *Foster W.* England's Quest of Eastern Trade. London, 1933.
14. *Inalcik H.* Osmanli-Rus rekabetinin mensei ve Don-Volga Kanali tesebbusu // Belleten Turk Tarih Kurumu. 1948. № 48.
15. *Karamzin N.M.* The History of the State of Russia [Istoriya gosudarstva Rossiyskogo]. Part II (vol. 5–8) & III (vol. 9–12). Saint-Petersburg, 1843.
16. *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington — Indianapolis, 2004.
17. *Khodarkovsky M.* The Non-Christian Peoples on the Muscovite Frontiers // The Cambridge History of Russia. Vol. I — From Early Rus' to 1689. Ed. by M. Perrie. Cambridge, 2006. P. 317–338.
18. *Khodarkovsky M.* The Non-Russian Subjects // The Cambridge History of Russia. Vol. I — From Early Rus' to 1689. Ed. by M. Perrie. Cambridge, 2006. P. 520–538.
19. *Kobzareva E.I.* The Trouble. Foreign Interventions and Their Consequences (late XVIth — 1st half of XVIIth century) [Smuta. Inostrannyye intervencii i ih posledstviya (konec XVI — 1-ja polovina XVII v.)] // A History of Russia's Foreign Policy (late XVth century — 1917) [Istoriya vneshney politiki Rossii (konec XV v. — 1917 g.)]. Ed. by A.N.Saharov et al. Moscow, 1999. Vol. I — A History of Russia's Foreign Policy. Late XVth — XVIIth Century (from the Downbringing of the Horde's Yoke to the Great Northern War) [Istoriya vneshney politiki Rossii. Konec XV–XVII v. (Ot sverzheniya ordynskogo iga do Severnoy voyny)]. P. 195–246.
20. *Krause A.* Russia in Asia. London, 1900.
21. *Krishtopa A.E.* The Information Supplied by the XVth Century's Western European Travelers on Dagestan [Svedeniya zapadnoyevropeyskih puteshestvennikov XV veka o Dagestane] // Voprosy istorii i etnografii Dagestana. Sbornik nauchnyh soobshhenij. Vyp. I. Mahachkala, 1970.
22. *Kusheva E.N.* The Peoples of the North Caucasus and Their Relations with Russia (2nd half of the XVIth century — 1730s) [Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiyei (vtoraya polovina XVI — 30-ye gody XVIII veka)]. Moscow, 1963. P. 432–458.
23. *Lockhart L.* European Contacts with Persia, 1350–1736 // The Cambridge History of Iran. Vol. VI — The Timurid and Safavid Periods. Cambridge, 1986. P. 373–411.

24. *Mel'gunov P.P.* A History of Russian Trade, IXth–XVIIIth Centuries [Oчерk po istorii russkoy torgovli IX–XVIII vv.]. Moscow, 1905.
25. *Moisejev M.V.* «Misson Failed». M.N. Tikhanov's Embassy to Iran in 1613–1615 [«Provalennaya missiya». Posol'stvo M.N. Tihanova v Iran v 1613–1615 gg.] // *Mininskiye chteniya. Sbornik nauchnyh trudov po istorii Smutnogo vremeni v Rossii nachala XVII v. Nizhnij Novgorod*, 2012. P. 351–360.
26. *Moisejev M.V.* Ivan Grozny's Elephant [Slon Ivana Groznogo] // *Studia Historica Europae Orientalis / Issledovaniya po istorii Vostochnoy Yevropy*. Minsk, 2010. № 3. P. 209–221.
27. *Novosel'cev A.P.* Russo-Iranian Political Relations in the 2nd Half of the XVIth Century [Russko-iranskiye politicheskiye otnosheniya vo vtoroy polovine XVI v.] // *Russia's International Ties before the XVIIth Century. Miscellanea*. [Mezhdunarodnyye svyazi Rossii do XVII v. Sb. st.]. Moscow, 1961.
28. *Perrie M.* Popular Revolts // *The Cambridge History of Russia. Vol. I — From Early Rus' to 1689*. Ed. by M. Perrie. Cambridge, 2006. P. 600–617.
29. *Planhol X. de.* Boundaries II. With Russia // *Encyclopaedia Iranica. Vol. IV — Bayju — Carpets, fasc. 4*. London, 1990. P. 403–406.
30. *Platonov S.F.* Lectures on Russian History [Lekcii po russkoy istorii]. Moscow, 1993.
31. *Potto V.A.* The Caucasian War in Sketches, Episodes, Legends, and Biographies. V. I — From Ancient Times to Jermolov [Kavkazskaja vojna v otdel'nyh oчерkah, epizodah, legendah i biografiyah. T. I — Ot drevneyshih vremen do Yermolova]. Saint-Petersburg, 1887.
32. *Roemer H.R.* The Safavid Period // *The Cambridge History of Iran. Vol. VI — The Timurid and Safavid Periods*. Cambridge, 1986. P. 189–350.
33. *Sadikov P.A.* The 1569 Turko-Tatar Expedition against Astrakhan [Pohod tatar i turok na Astrahan' v 1569 g.] // *Istoricheskiye zapiski*. 1947. № 22. P. 132–146.
34. *Sanin G.A.* Russia's Foreign Policy in the 2nd Half of the XVIIth Century [Vneshnyaya politika Rossii vo 2-y polovine XVII v.] // *A History of Russia's Foreign Policy (late XVth century — 1917) [Istoriya vneshney politiki Rossii (konec XV v. — 1917 g.)]*. Ed. by A.N.Saharov et al. Moscow, 1999. Vol. I — *A History of Russia's Foreign Policy. Late XVth — XVIIth Century (from the Downbringing of the Horde's Yoke to the Great Northern War) [Istoriya vneshney politiki Rossii. Konec XV–XVII v. (Ot sverzheniya ordynskogo iga do Severnoy voyny)]*. P. 277–342.
35. *Savory R.M.* The Safavid Administrative System // *The Cambridge History of Iran. Vol. VI — The Timurid and Safavid Periods*. Cambridge, 1986. P. 351–372.

36. *Shpakovskij A.Ja.* Muscovite Russia's Persian Trade in the XVIth–XVIIth Centuries [Torgovla Moskovskoy Rusi s Persiyey v XVI–XVII stoletiyah]. Kiev, 1915.
37. *Smirnov N.A.* Russia and Turkey in the XVIth–XVIIth Centuries [Rossiya i Turciya v XVI–XVII vv.]. V. I. Moscow, 1946.
38. *Solov'yeu S.M.* A History of Russia from Most Ancient Times [Istoriya Rossii s drevneyshih vremen]. Vol. V–XIII // *Solov'yeu S.M.* Sochineniya v 18 knigah. Moscow, 1988–1995.
39. *Sotavov N.A.* The Caucasus in Russo-Iranian and Russo-Turkish Relations in the XVIIIth Century [Kavkaz v russko-iranskih i russko-tureckih otnosheniyah v XVIII v.]. Moscow, 1991.
40. *Sugorskij I.* Russia's Contacts with Persia under Godunov [Snosheniya Rossii s Persiyey pri Godunove] // *Russkiy vestnik*. 1890. № 210. P. 105–124.
41. *Sardari R.* Un chapitre de l'histoire diplomatique de l'Iran. Paris, 1941.
42. *Vinogradov A.V.* The Foreign Policy of Ivan IV the Terrible [Vneshnyaya politika Ivana IV Groznogo] // A History of Russia's Foreign Policy (late XVth century — 1917) [Istoriya vneshney politiki Rossii (konec XV v. — 1917 g.)]. Ed. by A.N. Saharov et al. Moscow, 1999. Vol. I — A History of Russia's Foreign Policy. Late XVth–XVIIth Century (from the Downbringing of the Horde's Yoke to the Great Northern War) [Istoriya vneshney politiki Rossii. Konec XV–XVII v. (Ot sverzheniya ordynskogo iga do Severnoy voyny)]. P.134–194.
43. *Zhukovskiy S.V.* Russia's Contacts with Bukhara and Khiva in Last Three Hundred Years [Snosheniya Rossii s Buharoy i Hivoy za posledneye trehsotletiyе]. Petrograd, 1915.
44. *Zubasheva-Kornilovich O.* Russia's Contacts with Persia [Snosheniya Rusi s Persiyey]. Omsk, 1912.

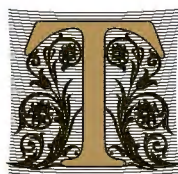
Ключевые слова:

Русь, Иран, Рюриковичи, Романовы, Сафавиды, Волга, Каспийское море, торговля, дипломатия.

Timur K. Koraev

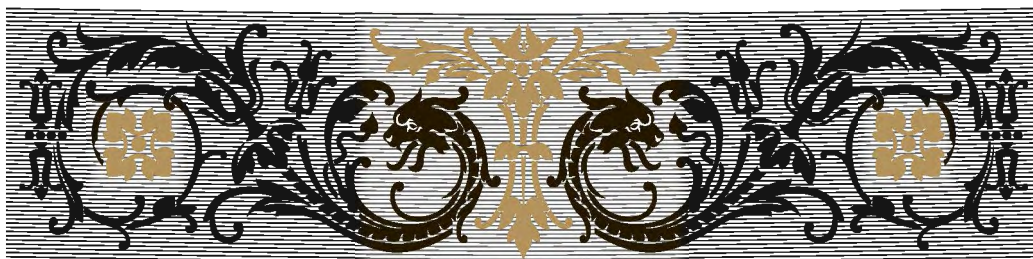
MUSCOVITE RUSSIA AND SAFAWID IRAN IN 16—17 cc.: COEXISTING BY THE CASPIAN

The article's goal is to give a general review of the two centuries' experience of Russo-Iranian relations in the perspective of Eurasian imperial history. The early 16th—late 17th cc. mark the period during which the context of Central Eurasia's sociopolitical and economic development was undergoing decisive changes. These changes did not, however, affect the general stability of elites and boundaries of both «Muscovy» and «Persia» (as the Riurikovich/Romanovs' and the Safawids' realms were styled in the West). A considerable degree of synchronism and symmetry can equally be discerned, notwithstanding evident differences in the structure of state and society typical for the two empires. These patterns included ascension of continental power in mid-16th c., a temporary setbacks in the late 16th — early 17th cc., leading to dynastic transition (Russia) or institutional reframing (Iran), a period of stability and relative openness to outside influences and foreign actors, fundamental crises on the brink of 18th century bringing about the series of groundbreaking reforms and sweeping (even in uneven and violent patterns) modernization or the breakdown of the political and economic framework with subsequent chaos and devastating anarchy. Observing the trends of military, commercial and cognitive interaction, the author seeks to understand the role of the period taken in collateral processes in the two countries' societal evolution.

 Кораев Тимур Казбекович

кандидат исторических наук, доцент кафедры Центральной Азии
и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

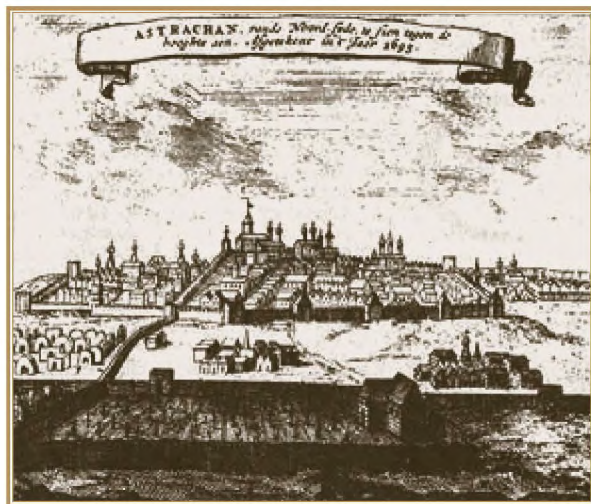
И.В. Курукин

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ «ПЕРСИДСКОГО ГОСТЯ»: ПОСОЛ ИЗМАИЛ-БЕК И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ДОГОВОРА С ИРАНОМ В 1723 г.

есантные корабли Каспийской флотилии под командованием Петра I вышли из Астрахани 18 июля 1722 г. Так начался последний поход императора. Его целями были присоединение северных провинций Ирана и получение контроля над торговыми путями в Индию. В устье Куры Петр планировал заложить город, «в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединялись и оттуда бы продолжались до Астрахани». Царь стремился установить протекторат над Восточной Грузией и Арменией, «повернуть» на Россию проходивший через Иран и Турцию караванный путь шелковой торговли.

Дождавшись двигавшейся по суше конницы, армия двинулась на юг и без боя заняла Дербент. Петр I рассчитывал в районе Шемахи соединиться с войском грузинского царя Вахтанга VI и армянским ополчением и вместе идти на Баку. Однако штормы разбили суда русской флотилии и армия лишилась провианта. Массовый падеж лошадей привел в расстройство конницу. Среди солдат росло число больных. Эти обстоятельства заставили русское командование отказаться от продолжения похода. Оставив гарнизоны в Дербенте и в основанной на реке Сулак крепости Святого Креста, основные силы русской армии осенью возвратились в Астрахань.

Астрахань. Гравюра конца XVII в.

В это время ослабленная междоусобицами и вторжением афганцев иранская династия Сефевидов доживала последние дни. 12 октября 1722 г. павший духом шах Султан-Хусейн выехал из осажденного Исфахана в лагерь противника, афганского вождя Мир Махмуда, и вручил ему корону со словами: «Отдаю тебе свой престол и царство». По устлавшей улицы драгоценной парче Махмуд вступил в город, и в Иране на несколько лет воцарилась афганская династия.

Бывший государь и его семья оказались в заточении. Только третий сын шаха Тахмасп в июне 1722 г. сумел выбраться из Исфахана и обосновался в Казвине. Здесь его и застал русский консул Семен Аврамов, выбившийся в дипломаты из крепостных¹. Еще в июле он получил от императора инструкцию: объяснить шаху, что русское войско идет «не для войны с Персиею, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали». Петр предлагал соседу помощь в изгнании «всех их неприятелей... ежели они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции, понеже ведаем, что ежели в сей слабости останутца и сего предложения не примут, то турки не оставят всю Персиею завладеть, что нам противно»².

7 сентября 1722 г. Аврамов доложил, что добился аудиенции у наследника и передал предложение о союзе. Но просить об уступке провинций

¹ О судьбе С. Аврамова см.: Курукин И. В. Маленький человек империи: Жизнь и приключения крепостного резидента // Родина. 2011. № 5. С. 84–87.

² Цит. по: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 9. Отд. I. № 30. Л. 151–152. См. также: Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее — АВПРИ). Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 4. Л. 1–3 об.

он не рискнул, доложив, что восемнадцатилетний Тахмасп «ни х каким делам не заобыкновенен», а его окружение исполнено «замерзлой спеси и гордости». На второй аудиенции принц согласился отправить в Россию мехмандара (в его обязанности входило сопровождение и размещение шахских гостей) Измаил-бека. Так состоялось знакомство российского дипломата с человеком, которому было суждено заключить русско-иранский союзный договор. О его визите в Петербург и дальнейшей судьбе повествуют документы, обнаруженные нами в Российском государственном архиве древних актов и Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ.

Получив известие о переговорах, Петр 31 октября 1722 г. повелел Аврамову доставить посла в Решт, а оттуда морем в Дербент, пусть даже в «малой свите» — лишь бы тот поскорее оказался в России³. Консул не указал возраста Измаил-бека, но можно предполагать, что это был уже зрелый человек, по должности общавшийся с иностранцами и обладавший более широким кругозором по сравнению с окружением своего повелителя. При встрече он со слезами на глазах говорил Аврамову: «Уже де вера наша и закон вконец пропадает, а у наших де господ лжи и спеси не умаляетца».

Тахмасп провозгласил себя шахом, но у него не было ни денег, ни армии. Да и подчиняться «шаховичу» были готовы не все. «Начальники областей после падения ее обширной монархии, восставая друг на друга, находились в тревоге и всю страну ударами меча и пленениями приводили в полное запустение» — так описал тогдашнюю ситуацию в Иране армянский летописец⁴. Наспех собранный трехтысячный отряд нового шаха был в декабре разгромлен афганцами; завоеватели вошли в Казвин, а Тахмасп, бросив «пожитки», бежал в Тебриз, а потом в Ардебиль.

Консул же поехал выполнять поручение на север Ирана, в Гилян — там в декабре 1722 г. высадился десантный отряд полковника Шипова в тысячу с лишним человек. Местный везир Мамед Али-бек не разрешил русским без шахского указа занимать столицу провинции Решт. Подоспевший Аврамов уговорил везира решить дело миром — отряд вступил в город «при игрании музыки». Однако уже в феврале 1723 г. Мамед Али-бек и соседние ханы объявили Шипову, что «не могут терпеть более пребывания его с войском в их земле». Боевой командир заявил, что не двинется с места «без именного его императорского величества указу». К тому времени в Решт прибыл Из-

³ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1722. № 1. Л. 11–12.

⁴ *Ереванци* А. История войн 1721–1736 гг. Ереван, 1939. С. 11.

Ардебиль. Гравюра 1727 г.

маил-бек с традиционным персидским подарком царю — живым слонем. Пока посол со свитой и слонем размещались на судах и ожидали отплытия в Астрахань, к ним был прислан указ шаха, отменявший и посольство, и обращение за помощью к русским. Другое распоряжение предписывало рештскому везиру, а также кескерскому и астаринскому ханам собрать войска и принудить русских покинуть Гилян.

Положение вновь спас Аврамов. Он перехватил шахского курьера в одной из деревень на пути в Решт, узнал о полученных указаниях и утешал его, пока Шипов распорядился как можно «скоряе вывезть» посла и ни в коем случае не подпускать к кораблям персидские лодки. Измаил-бек как будто и не подозревал о связанной с его миссией интриге, но, надо полагать, был доволен, поскольку успел погрузить на суда собственные товары для продажи в России. 18 марта 1723 г. он отправился выполнять свою миссию под надзором Аврамова.

В Астрахани посла встретил губернатор Артемий Вольнский. Он доложил в Петербург, что гость надеется на защиту его страны русскими войсками и готов подписать трактат, «на каких кондициях ваше величество изволит». В это время в Реште шли бои — засевший в каменном караван-сараяе русский гарнизон отражал нападения ополчения везира. 20 апреля в Гилян были срочно отправлены из Астрахани еще 2080 солдат и офицеров с «полною амунициею» и артиллерией во главе с бригадиром Василием Яковлевичем Левашовым.

Измаил-бек написал обращение к жителям Баку с призывом впустить в город российские войска. Вольнский советовал царю оставить Аврамова при себе, ибо тот его «зело слушает и все ево советы за истинные при-

емлет»⁵. Губернатор предоставил Измаил-беку 70 подвод, к которым пришлось добавить еще 30 под товары и прочий багаж; слона же должны были сплавать по Волге до Твери. Измаил-бека сопровождали его племянник Абдул Хусейн-бек, дворецкий Хасан Али-бек, секретарь Мирза Тагиф, церемониймейстер Мегмет Шефи-бек, казначей Мегмет Кярим, охрана и служители — всего 34 человека⁶.

Посольский «поезд» двигался на север. Петр I приказал задержать посла в Новгороде, пока сам он не возвратится из плавания по Балтике (император лично выбирал место для закладки нового порта Рогервика), и доставить в Петербург непременно по воде на «удобнейших судах». Семен Аврамов прибыл в столицу раньше; в мае он доложил царю о положении дел в Иране и привез образцы персидских товаров — «анкарек гилянско-ва чесноку в уксусе» и «горшечик мазандронского сахару». Консул описал основные доходные статьи гилянского экспорта: рис, шелк и ткани — парча, «кановаты», «объяри», «бохчи»; по его данным, пошлины от гилянского торга составляли 130–140 тысяч рублей в год. Петр же, не будучи еще уверен в успехе переговоров, 17 мая указал находившемуся в Гиляне В. Я. Левашову тайно установить контакты с завоевателем Махмудом⁷.

Прибывший в Петербург император 20 августа лично дал инструкцию приставу посольства стольнику Федору Протасьеву по встрече персидского гостя. Она состоялась через два дня у Александро-Невского монастыря. На «государевой яхте» Измаил-бека доставили в столицу в сопровождении управлявшегося сенаторами и министрами «буерного флота», чему посол «зело удивлялся». Пристав же отметил в «журнале», что его подопечный вел себя с должным почтением и даже целовал кресло, «где сидел его императорское величество»⁸. Под грохот салюта Измаил-бек сошел на пристань у Троицкой площади и расположился в недавно конфискованном доме опального подканцлера П.П. Шафирова.

25 августа посла перевезли на барже чуть выше по реке на «Сенатскую пристань», и в «камор аудиенции» Сената его принял Петр I. Император стоял «на театруме под балдахинном в обыкновенном платье с ковалерскою лентою». Посол «пришед на коленах, поцеловал государя в полу, а государь

⁵ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 62. Л. 656 (донесение Волынского от 30 марта 1723 г.); Ф. 9. Оп. 5. № 7а. Л. 86–86 об.

⁶ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 12 (Дело о пребывании в России посла Измаил-бека). Л. 63 об. Даты и места пребывания посла в Петербурге см.: Походный журнал 1723 г. СПб., 1855. С. 21–23, 38.

⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 16. Л. 38 об.–39.

⁸ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 12. Л. 2.

А.П. Вольтерский.
Гравюра XIX в.

пожаловал ево к руке». На традиционный вопрос о здоровье шаха Измаил-бек ответил, что хотя его государь и достиг престола, но «в несчастии ныне пребывает». Далее посол вынул из парчового мешка и вручил шахскую грамоту, произнеся речь, текст которой заранее передал в Коллегию иностранных дел: «Всевышний Бог сотворил ваше величество подобием солнца, которое сияет и светит всю вселенную. Яко от звезд пользуются все твари, так и вашего величества все на сем свете пребывающие получают милосердия. Данное вашему величеству от Бога щастие не допускает, чтобы кто мог вашему величеству противиться». Измаил-бек сравнил русского императора с легендарными древними царями Феридуном и Джемшидом (судя по приписке на тексте, эти персонажи были признаны коллегией достойными для сравнения, поскольку «во времена генеральной монархии государствовали и были славны») и добавил, что прибыл «для укрепления приязни и вечной дружбы»⁹. По окончании аудиенции посол, почтительно пятясь, покинул зал и на той же барже был доставлен обратно в резиденцию, где по-русски «трактован» дарами с царского стола до состояния «шумства».

Первая конференция состоялась 28 августа: прозвучал перевод грамоты шаха, и персидский посол официально попросил представителей России «о помощи и обороне от неприятеля». Ответ был ожидаемо благоприятным. Но сначала российская сторона захотела выслушать предложения шаха. Тогда Измаил-бек объявил: если царь «пожелает себе какие места» в Иране, то «что угодно его величеству будет, то б он, посол, все делал и поступал во

⁹ Текст речи см.: РГАДА. Ф. 169. Оп. 1. № 84. Л. 1–1 об.

всем по воле его величества и для того он, посол, от шаха уполномочен и может все делать»¹⁰.

На следующий день Петр и его советники еще раз обсудили вопрос «о персицком вспоможении»: сколько солдат нужно на юге и «чем содержать» корпус. Собравшиеся опасались возможной войны с турками, но от приобретения провинций отказываться не думали. Царь повелел требовать уступки «Мизандрона и Астрабата и протчих» владений, где уже находились русские войска, а также Шемахи — «если сами у турок не возьмут, то б оную нам уступили»¹¹.

На второй конференции, 2 сентября, речь о Шемахе, однако, не заходила — обсуждалась передача России Дербента, Баку и прикаспийских провинций Гиляна, Астрабада и Мазандерана. «Много просят, — пытался возражать Измаил-бек, — негде б было шаху и жить». Но ему сообщили, что предназначенные для оказания помощи войска уже находятся в Иране и стоят «великих иждивений». Тогда дипломат напомнил, что на исходе Смуты шах Аббас I помог Михаилу Романову, ничего взамен не прося. Оппоненты ответили, что такого не было, и формально были правы: шах прислал первому Романову деньги, а не войска. Посол попросил хотя бы вернуть афганский Кандагар и выразил опасение, что провинции отдадут, а помощи не получат. Его заверили, что будет заключен формальный договор, и «не водитца... чтоб того не содержать», после чего он согласился с условиями, и главный вопрос переговоров был принципиально решен¹².

Третья конференция, состоявшаяся 7 сентября после затянувшегося празднования (о нем речь пойдет ниже), была посвящена обсуждению представленного русской стороной проекта договора. Ключевая вторая статья о территориальных уступках в пользу России не дискутировалась; споры возникли лишь по третьей статье, которая определяла размер содержания русского корпуса в Иране¹³. На четвертой встрече 10 сентября обсуждался только «транспортный» вопрос: русская сторона настаивала на поставке десяти тысяч лошадей, а посол говорил о вдвое меньшем количестве, предлагая брать остальных лошадей, как и провиант, в самих уступленных провинциях. Видимо, в этой связи Измаил-бек позднее «своею рукой» на-

¹⁰ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 12. Л. 92 об. Посол предъявил данный ему наказ: «Что по твоему разсуждению достойно изображено будет, того тебе и чинить» (Там же. Л. 79).

¹¹ См.: Бумаги императора Петра Великого: Изданы академиком А. Бычковым. СПб., 1873. С. 519; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 12. Л. 108.

¹² См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 12. Л. 110–115.

¹³ См.: Там же. Л. 137–149.

Аббас I Великий.
Гравюра XVIII в.

писал «реестр доходам тех провинций и городов, которые уступлены быть имеют его императорскому величеству»; согласно этому документу, общий доход казны с Ширвана, Гиляна, Мазандерана и Астрабада оценивался в 2 миллиона 250 тысяч рублей, то есть равнялся почти трети доходной части дефицитного российского бюджета¹⁴.

Последняя конференция была уже формальностью. 12 сентября 1723 г. Измаил-бек подписал договор, состоявший из пяти статей. В преамбуле повторялась изложенная в распространенном перед походом манифесте версия о начавшихся в Иране «великих замешаниях» и мятежниках, «учинивших убийство» и разграбивших имущество российских подданных. Не желая допустить повстанцев до «приближения к российским границам» и «Персидского государства последней гибели», русский император предпринял поход и «некоторые города и места, на берегах Каспийского моря лежащие, которые от тех бунтовщиков в крайнее утеснение приведены были, от них оружием своим освободил и для обороны верных его шахова величества подданных войсками своими засел». После низложения шаха его сын и законный наследник Тахмасп прислал в Россию своего «великого полномочного посла из ближних и верных слуг» с прошением о помощи. «Почтенный и пречестнейший» Измаил-бек заключил с российским импе-

¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 94. Л. 306–307. «Реестр» составлен послом Измаил-беком 2 октября 1723 г. для канцлера Г. И. Головкина и переведен переводчиком Маметом Тевкелевым. В деле о приезде посла имеется еще один недатированный «реестр», по которому сборы с Гиляна, Мазандерана, Астрабада, Ленкорани и Кескера составляют 88 тысяч туманов (туман равен десяти рублям); с Баку — шесть тысяч туманов (см.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 12. Л. 108).

ратором «ненарушимый трактат», в котором последний обещал Тахмаспу «добрую и постоянную свою дружбу», обязался отправить против бунтовщиков «потребное число войск конницы и пехоты» и восстановить его «на персидском престоле».

За эту помощь «его шахово величество уступает его императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилян, Мазондран и Астрабат; и имеют оные от сего времени вечно в стороне его императорского величества остаться». Эти земли отходили к России, «дабы оными содержать войско», направленное для оказания помощи шаху. Территория приморского Дагестана к северу от Дербента в договоре не упоминалась — к тому времени Петр и его министры уже считали его жителей во главе с принявшими присягу владетелями не персидскими, а своими подданными¹⁵.

Вопрос о лошадях был решен без упоминания точной численности — российские «командиры» должны были «сыскать» их в новых владениях, а «ежели ж чего невозможно будет сыскать, то с стороны его шахово величества потребное число дано будет по оценке ценовщиков, а именно: чтоб свыше 12 рублей не было». Верблюды предоставлялись даром, но за провиант Россия должна была платить по «уговоренной цене». В заключительных 4-й и 5-й статьях провозглашались между государствами «вечно добрая дружба» и союз против «неприятелей», а их подданным разрешалось свободно «купечество свое отправлять»¹⁶. Российская сторона, юридически закрепившая за собой каспийское побережье, сочла непризнанного шаха Тахмаспа более удобным партнером, чем завоевателя Махмуда; 3 сентября царь указал Левашову больше не искать контактов с афганцами¹⁷.

Скорость заключения трактата показывает, что Петр и его дипломаты добились поставленных целей без особых усилий — согласование позиций сторон могло занимать месяцы. «Пречестнейший» Измаил-бек оказался сговорчивым партнером. По-видимому, здесь сыграли роль и тяжелое положение Ирана с никем не признанным и бессильным шахом, и убе-

¹⁵ См.: Гаджиев В. Г. Петербургский договор 1723 г. (история заключения и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI — начале XX в. Махачкала, 1988. С. 81.

¹⁶ Текст договора см.: ПСЗРИ. Т. 7. № 4298; Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 175–180; переиздание: Договоры России с Востоком политические и торговые. М., 2005. С. 191–194. Текст был напечатан в 252 экземплярах, часть из них была отправлена русским дипломатическим представителям за границей (см.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 15. Л. 32).

¹⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. № 16. Л. 69 об.–70.

В.Я. Левашов.
Портрет XVIII в.

жденность самого посла в необходимости помощи со стороны северного соседа, пусть и на нелегких условиях. К тому же Измаил-бек, похоже, был искренне восхищен личностью простого в общении, сильного и энергичного российского государя и размахом его начинаний. Он, в отличие от других восточных вельмож, сумел оценить военное могущество России и проявил интерес к техническим и культурным новациям. Камер-юнкер голштинского герцога Фридрих Берхгольц отмечал, что персидский дипломат — «человек необыкновенно любознательный и ничего достопримечательного не оставляет здесь без внимания, за что император его очень любит». Другой голштинец, министр герцога Геннинг Бассевич, обратил внимание на ловкость и светскую обходительность посла, сумевшего завоевать расположение Петра и Екатерины¹⁸.

Петр, в свою очередь, оказал гостю максимально теплый прием в своем любимом «парадизе». Уже 27 августа тот был приглашен на гулянье в «государевом саду», а затем — на «ангел государыни цесаревны» Анны. В саду Измаил-бек политично восхищался тем, как «в такие малые лета такое строение учинено». Государь повел его в грот, где били вызолоченные «фонтаны тритоновы». Зеркала в нишах отражали струи фонтанов и аллегорические статуи: Правду с весами; Смирение в виде младенца и летящего орла; Добродетель, прогоняющую Ненависть; Вулкана с пучком стрел; четьрех Гениев, олицетворявших времена года... В «галарее» у другого фонтана посол был представлен императрице, упал перед ней на колени и был допущен к руке. Гулянье затянулось до двух часов ночи.

30 августа началось празднование годовщины заключения Ништадтского мира. «Машкарат» состоялся в «кофейном доме» на Троицкой площади,

¹⁸ См.: Юность державы / Фридрих Берхгольц, Геннинг Бассевич. М., 2000. С. 152, 413.

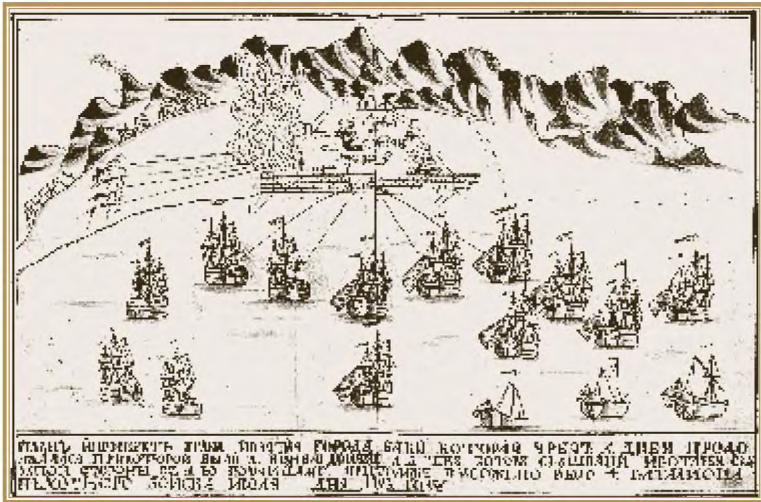
и Измаил-бек «пред Сенатом на галарей» наблюдал веселящегося императора; продолжение последовало на следующий день в «государевом саду». 3 сентября царь и его гость «веселились довольно» на ассамблее у А. Д. Меншикова. «Его величество был одет совершенно как католический кардинал, но вечером в саду снял этот костюм и явился опять в своем матросском... Около 9 часов вечера император получил с курьером радостное известие из Персии, что находящиеся там войска его заняли важный укрепленный порт на Каспийском море, город Баку¹⁹, которым его величество уже давно желал овладеть, потому что он очень хорош и особенно замечателен по вывозу из него нефти. С этим известием он отправился тотчас к императрице и показал ей не только полученные им письма, но и приложенный к ним план крепости. Радость его была тем более велика, что, по его собственному уверению, он ничего больше и не желал приобрести от Персии. Ее величество в честь этого события поднесла ему стакан вина, и тут только началась настоящая попойка. В 10 часов (по уверению самого князя Меншикова) было выпито уже более тысячи бутылок вина, так что в саду даже и из караульных солдат почти ни один не остался трезвым», — описал это торжество камер-юнкер Берхгольц²⁰.

5 сентября отмечали спуск новой яхты в Адмиралтействе, где юная дочь Петра Елизавета поднесла гостю кубок венгерского вина. Затем начались торжества с катанием по Неве и фейерверком, «состоявшим из ракет, швермеров, огненных колес, водяных шаров и большого девиза из белого и голубого огня с изображением покоренного города Баку и его бомбардирования и с надписью, показывавшею, когда он был взят... Персидский посол смотрел вместе с другими на этот фейерверк и показывал вид, что очень восхищается им. По окончании его он имел с императором продолжительный разговор наедине, которым, по-видимому, также остался весьма доволен» — по крайней мере, так показалось Берхгольцу²¹.

¹⁹ Русская эскадра вошла в Бакинскую бухту 17 июля 1723 г. Командующий, майор гвардии М. А. Матюшкин, отправил в крепость офицера с письмом Измаил-бека и предложением открыть ворота. Бакинский султан Мухаммед-Гуссейн отказался. Вышедшая из ворот конница утром 21 июля попыталась атаковать высадившийся десант, но не выдержала артиллерийского огня и спешно отступила в город. Орудия выстроенных на суше русских батарей и семи гекботов открыли огонь. Бомбы двухпудовых мортир вызвали пожары в городе, а двенадцатифунтовые пушки разрушали крепостную стену со стороны моря. До штурма дело не дошло — 27 июля горожане открыли ворота; войска вступили в Баку, где их встретили музыкой и пляской «по персидски». Донесение М. А. Матюшкина от 30 июля 1723 г. см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 63. Л. 739–742.

²⁰ Юность державы. С. 140–141.

²¹ Цит. по: Юность державы. С. 143.

План атаки на г. Баку. Гравюра 1723 г.

На следующий день маскарад с участием Измаил-бека двинулся пешком по будущему Невскому проспекту в усадьбу президента Юстиц-коллегии П. М. Апраксина, а затем к князю-кесарю И. Ф. Ромодановскому, где его участники принуждены были отведать «адски крепкой дистиллированной дикой перцовки» и «веселились» до трех часов ночи.

11 сентября, накануне заключения договора, император повелел объявить Измаил-беку, что весьма им доволен. Сразу после подписания Петр повез гостя в Адмиралтейство и сам водил его по верфи, показывая строящиеся корабли и флотские «припасы». Обзор завершился устроенным в «большой сале» угощением с «фруктами и питьями». На следующий день экскурсия продолжилась на другой, «ординарной» верфи для строительства «малых судов». В тот же день царь распорядился одарить посла отрезом золотой парчи на кафтан в 100 рублей, «сороком соболей» в 300 рублей, десятью аршинами лучшего сукна, пятифунтовым серебряным кубком, 1500 золотыми червонцами и еще пятью тысячами рублей; кроме того, выдать людям посла 500 рублей и мехов на 200 рублей, а также отпустить им «корм с прибавкою»²².

В эти сентябрьские дни на юг понеслись гонимые с царскими указами. Командующему Низовым корпусом Матюшкину предписывалось закрепиться в Баку — отобрать у жителей «ружье», оставив для полицейской службе не более сотни «конных»; выслать всех виновных в сопротивлении, оказанном русским войскам; описать все «нефтяные колодези». Бригадир В. Я. Левашов назначался «верховным нашим управителем в Гиляне... как

²² См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 936, 944, 950–950 об.

прежние от шахова величества тамо бывшие управители управляли». Посланная ему 16 сентября инструкция указывала: «...власть и правление визирское взять на себя... визирю объявить, что ему и его служителям уже делать нечего, того ради чтоб он ехал куда похочет и с добрым манером его отправить; буде же скажет, что он не смеет ехать без указа шахова, то его силою не высылать, только б ни во что не вступался и ничего не делал; также и квартиру свою визирскую уступил вам, а ежели что станет противное делать, тогда его выслать»²³.

Царь требовал назначить новых «управителей» («где возможно русских, а где не возможно без их народа, выбери из туточных жителей, добрых людей»), наладить сбор налогов и собрать информацию о природных ресурсах Гиляна — «где что родится», в том числе селитра, медь, свинец, фрукты, «понеже немалой торг может от сего быть, не точию дома, но и в Польшу». В отношении других уступленных, но еще не занятых русскими войсками территорий Петр был более осторожен — распорядился «к весне тебе обстоятельно к нам отписать, какие места и провинции своими людьми содержать и управлять можешь»²⁴.

14 сентября 1723 г. состоялась отпускная аудиенция: Измаил-бек «с великими слезами лобызал ноги императорского величества»; в честь почетного гостя палили пушки Петропавловской крепости. Прием по старому посольскому обычаю завершился угощением посла на дому придворным обер-шенком.

Но отдохнуть не пришлось — «культурная программа» продолжалась: 15 сентября Измаил-бек осматривал в Кунсткамере «анатомические и протчие куриозные вещи», которым «зело удивлялся»; затем наблюдал экзерциции двух батальонов гвардии со стрельбой и метанием гранат. Под конец император повез посла на барже на Галерный двор.

На следующий день Измаил-бек дал хозяевам ответную «ассамблею» (поиздержавшийся гость занял у Аврамова 3500 рублей, которые консулу позднее вернули из казны); журнал пребывания посла зафиксировал, что напитки были «от двора». Кушанья же, по свидетельству Берхгольца, «готовили повара его величества на здешний манер; но потом один из персиян (по всем признакам, кухмистер) устави́л весь стол персидскими кушанья-

²³ Письма и указы государей: императора Петра Великого, императрицы Екатерины Первой, императора Петра Второго, императрицы Анны Иоанновны, императрицы Елизаветы Петровны и персидского шаха Тахмасиба к генерал-аншефу, сенатору и орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского кавалеру Василью Яковлевичу Левашову. М., 1808. С. 20, 25.

²⁴ ПСЗРИ. Т. 7. № 4301; Письма и указы государей. С. 19–25.

Землянка Петра Великого в Дербенте. Литография XIX в.

ми, состоявшими большею частью из яиц, круп, гороху, рису и изюма, иногда обложенных мясом и колбасами». Посол не только знакомил высоких гостей с блюдами персидской кухни; но «все время обеда прислуживал и постоянно стоял за стулом императора». «Пить вино персиянам хотя и запрещено, — отмечал Берхгольд, — однако ж он брал его и сам начинал провозглашать все тосты. Незадолго перед тем, когда ему у великого канцлера в первый раз поднесли вина, он сказал, что по закону своему не может пить его, но что из благоговения перед императором забывает этот закон и выпьет за здоровье его императорского величества, что и сделал. Первый тост, впрочем, государь провозгласил сам, и это был тост за здоровье персидского шаха, сопровождавшийся 13 выстрелами из пушек, нарочно поставленных в числе 14 перед домом для пальбы во время питья за здоровье. Всех тостов в этот раз было провозглашено девятнадцать, и все они сопровождались пальбою»²⁵.

Но и на этом «трактования» не закончились. 19 сентября посла доставили на яхте в Петергоф для двухдневного обозрения дворцов и парков пешком и «на линейях». Следующая неделя была посвящена Кронштадту: Измаил-бек вместе с Петром на ботике осматривал крепостные сооружения; 22 сентября ему показали действия «в бою» галер, а 26-го — «морской бой» двух ботов. Боевые «потехи» сменялись пиршествами у фельдмаршала А. Д. Меншикова и генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, «гулянием» под залпы орудий на борту 88-пушечного линейного корабля «Северный Орел» и в Ораниенбауме; последнего почетный гость не

²⁵ Юность державы. С. 147.

выдержал: сделался «зело шумен» и отбыть на предоставленную ему яхту уже не смог.

27 сентября он вернулся в Петербург, где на следующий день его ожидали празднество в честь битвы при Лесной и спуск шнявы «Фаворитка» в Адмиралтействе. Император лично ставил мачту и укладывал балласт нового корабля, после чего на палубе началось пиршество, которое продолжилось в Летнем дворце с участием придворных дам и синодальных архиереев. И те и другие в итоге оказались «шумны» — по традиции гвардия беспощадно потчевала всех гостей простым солдатским вином. Измаил-бек перед испытанием не дрогнул: «Великий адмирал, сидевший рядом с персидским послом, не хотел допустить, чтоб и его заставили пить простое, и майоры гвардии уже дали было убедить себя, но тот никак не соглашался на такое исключение и убедительно просил, чтоб ему дали водку. Получив ее, он встал и сказал во всеуслышание, что из уважения и любви к императору готов пить все, что только можно пить; потом, пожелав еще его величеству всевозможного счастья и благополучия, осушил чашу»²⁶. У него даже хватило сил предстать перед царицей Екатериной и вручить ей драгоценные парчи и «яхонт червчатой» — рубин²⁷.

Такая приверженность европеизации явно была симпатична царю, и он не торопился отпускать гостя. 29 сентября в Коллегии иностранных дел Измаил-бек получил подарки: восемь тысяч рублей червонными, девять аршин парчи, два «портища» сукна и деньги на дорогу; кубок и соболя должны были догнать его по дороге из Москвы. 1 октября Петр показывал послу свою самую большую восемнадцатипушечную яхту «Принцесса Анна» и находившийся в Летнем саду Готторпский глобус (диаметром 3 метра 36 сантиметров) — подарок герцога Голштинского: внешняя поверхность глобуса изображала земную сферу, а внутри размещалась карта небесной сферы. За столом внутри глобуса могли разместиться 10–12 человек и, сидя в темноте, видели Землю в окружении звезд.

2 октября император показал послу Янтарную комнату; затем отвел его в свою токарню в Зимнем дворце, подарил собственноручно сделанную табакерку из слоновой кости и «две трубки зрительные» и только после этого стал прощаться; гость же вновь «с великими слезами целовал его величества ноги»²⁸. Но после этого были еще преподнесение подаренных Екатериной золотых часов, «вечерины» у Остермана и у секретаря Василия

²⁶ Юность державы. С. 151–152.

²⁷ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1723. № 12. Л. 14–14 об.

²⁸ Там же. Л. 15 об.

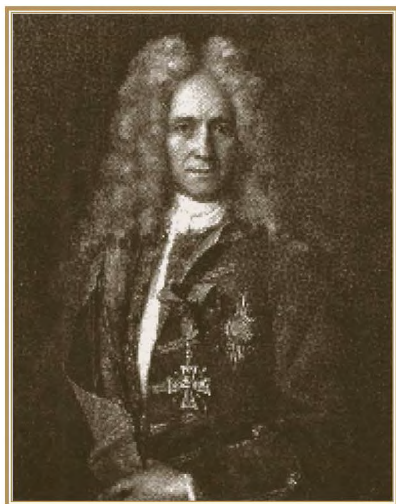
Старая мечеть в Реште. Рисунок 80-х гг. XIX в.

Степанова. Только 8 октября Измаил-бек покинул гостеприимный Петербург. Перед самым отъездом секретарь императора А. В. Макаров вручил гостю портрет Петра I с «великими алмазы» и... кровать, на которой посол спал во время пребывания в Петербурге. Его ожидал путь до Твери на подводах, а далее — плавание по Волге под охраной конвоя подполковника Лукьяна Девицияка.

Кажется, император был доволен: сбывалась его мечта об открытии пути к богатствам Востока. В отличие от прошлого 1722 г., когда сорокатысячная армия после изнурительного марша смогла удержать только Дербент, теперь небольшими отрядами без потерь были заняты стратегически важные пункты на западном и южном берегах Каспийского моря. Петр рассчитывал, что шаху ничего не останется, как согласиться на все его условия и даже просить убежища в России, хоть Волынский и объяснил, что на последнее «надежды нет»²⁹.

Вслед за послом на юг отбыли получивший в награду чин секретаря (из «подлых мужиков» в X класс Табели о рангах!) Семен Аврамов и унтерлейтенант флота князь Борис Мещерский — добиваться ратификации договора Тахмаспом. Добравшись из Решта в Ардебиль, они в течение месяца вели переговоры. Шах принял царский подарок — золотой кальян, называл Петра I «дядей», однако его министры категорически «отrekliсь» от ратификации. Главный советник («эхтима-девлет») заявил, что Измаил-бек

²⁹ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 62. Л. 681.

Г.И. Головкин.
 Портрет работы
 И.Н. Никитина.
 1720-е гг.

не имел полномочий на заключение подобного договора, а в Петербурге царские слуги его «напоя пьянова, и учинили трактат». К самому же Тахмаспу, которого «на всяк день поят», пробиться не удалось даже ловкому Аврамову, о чем он написал императору 16 июля 1724 г. «На предложения наши такие дают ответы аки люди умалишенные», — докладывал Мещерский Левашову³⁰.

Не добившись прощальной аудиенции, посланцы в июне отправились в обратный путь. Едва они отъехали от города, как их нагнали шахские «приставы» и стали пугать окрестными разбойниками; и «по отъезде их несколько минут спустя, человек с 40 или больше ширванцов конных наскочили и кричали, чтоб они без мучения головы дали себе отсечь». Четыре часа дипломаты и их охрана отстреливались от нападавших и в конце концов пробились; но и дальше в нескольких «узких местах» на дороге в них не только стреляли, но и «с гор камня великие пушали»³¹.

В один из весенних базарных дней 1724 г. командующий повелел Левашову публично огласить в Гиляне царскую «грамоту» о заключенном договоре и «объявил тем провинциям, что они уступлены». Реакция оказалась неутешительной: бригадир сообщал, что «военные собрания» вокруг Решта умножились, «дороги заступили и на реках крепости построили и всякими мерами народ развращают и стращают». Левашов признал, что, несмотря на успешные действия армейских «партий», «разширение» российских владений на южном берегу Каспия невозможно. Сил для дальних экспеди-

³⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 66. Л. 54–59 об.; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 206.

³¹ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 4. Л. 197, 206–207. Выписку из путевого журнала по слов см.: Там же. № 12а. Л. 1–10.

П.А. Толстой.
Портрет XVII в.

ций не было, а жаркое лето и «нездоровый воздух» подрывали состояние армии гораздо сильнее, чем мизерные боевые потери. 16 июля 1724 г. 1270 из 4706 солдат и офицеров Левашова были больны, а согласно рапорту от 16 сентября на 1603 здоровых приходилось 2264 больных. За два месяца от болезни умерли 853 человека³².

Измаил-бек 21 июня того же года прибыл в Решт с почетом и закупленными в России товарами, но в изменившихся обстоятельствах пал духом: «...в разномыслии и не без страху являюща», — докладывал Петру Левашов. Шахские приближенные в письмах обвиняли посла, что он «уподобился к измене и приложился к непостоянному народу русскому нечестивому и от двора своего монарха отложился». Левашов небезосновательно предположил: «Не надеюся, чтоб он от здешних долго жив был»³³. Ехать к своему государю посол отказался и решил остаться в Реште, благо бригадир распорядился обеспечить его солью, дровами и нефтью «для света» и велел местным купцам-армянам купить привезенные им товары.

Узнав о трудном положении персидского «гостя», Петр I 21 сентября указал Левашову: «Посол Измаил бек, человек zelo умной и верной своему отечеству, очень много со мною говаривал, о чем ведает Аврамов. Также просил, ежели ему от двора шахова за уступку какая беда будет, то хотел у нас быть под протекциею, и когда он того пожелает, тое ему учините»³⁴.

Ситуация в «новозавоеванных провинциях» и вокруг них стала предметом «тайного совета» в Петербурге. Как свидетельствуют бумаги Кол-

³² См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 67. Л. 454, 470.

³³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 67. Л. 471.

³⁴ Письма и указы государей. С. 26.

легии иностранных дел, Петр совещался с министрами Г. И. Головкиным и П. А. Толстым 11 октября в Шлиссельбурге. «Господа министры» считали, что Измаил-бек через свои «каналы» должен склонить шаха к принятию договора. Император в уговоры не верил, а посему повелел: войск на Кавказе «прибавить», а к шаху не обращаться, чтобы он не потребовал от России помощь против турок и завоевателей-афганцев. Впрочем, Петр мыслил пригласить Тахмаспа на подконтрольную территорию в Гилян или захватить его с помощью находящихся в шахском окружении грузин при содействии царя Вахтанга. Послу же Петр приказал выдать две тысячи рублей³⁵.

Император верил, что сможет удержать и освоить занятые территории. В 1723–1724 гг. он приказал двинуть в Дагестан семь тысяч донских, яицких, «бунчуковых» и слободских казаков; отправить на строительство крепостей и гаваней работных «из подлых самых татар» и «служилых мордвы и чувашши»; «приставливать» в Гиляне русских учеников к местным мастерам-шелководам. Царь торопил генералов с завершением постройки главной военной базы на Кавказе — крепости Святого Креста, чертеж которой выполнил сам. В инструкции Матюшкину рекомендовалось «тщиться всяким образом, чтоб армян призывать и иных христиан, ежели есть, в Гилян и Мазендаран и оживать, а бусурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавливать, а именно турецкого закона»³⁶.

По царскому указу командующий корпусом М. А. Матюшкин вручил Измаил-беку деньги. В донесении от 19 января 1725 г. он сообщил: «А о шахе слышно, что в Ардебиле, токмо пишут сардар или командир над войски Магамет Кулия сагдинской да кутумской хан и протчия, выманивая ево (Измаил-бека. — И. К.) отсюда, а особливо чтоб он пожитки свои прежде себя отправил, по которым видит он, посол, что хотят обмануть... И оной посол, опасаяс[ь], ко двору своему уехат[ь] не намерен, а просит протекции вашего величества». Измаил-бек уже в успех не верил; он писал царю, что шах «обретаецца беспомочно между таких изменников», и просил позволения остаться в Гиляне или в любом «в вашем государстве в котором городе»³⁷.

Известие о смерти Петра I стала для посла «всесветной великой печалью, от которой по уведомлении, души наши, как от огня, згорели, а из

³⁵ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1724. № 12. Л. 5 об.—6; 16 об.

³⁶ См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1894. Т. 2. Ч. 1. С. 5; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. № 708. Л. 11 об.—12, 14; Ф. 9. Оп. 1. № 17. Л. 59, 71, 83–84 об., 88 об.—89.

³⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 72. Л. 652–657, 659–660.

Дербент. Гравюра XVIII в.

ока нашего слезы с кровию изходяще», сообщил он в Петербург 20 апреля 1725 г. Одновременно он по-восточному цветисто приветствовал вступившую на престол Екатерину I, «пречистую и непорочную персону сияющую яко солнце подобием райской и святой деве Февронии и имеющей благо-разумие яко Былкыз³⁸, высокопресветлейшей и подобней ангелской красоте и сияющую красотою весь свет, что же Господь Бог монаршеской престол славою и честью возвысил», и предлагал императрице «голову и душу свою». Ответа из Петербурга не последовало, а командующий докладывал, что посол вполне благонадежен, но «в здешних делех в нем после нужды не имеетца и в бытности ево здесь плода в нем не будет, к тому ж и он, посол, желает быть и жить под протекциею ея величества государыни императрицы в Санкт Питербурхе или в Москве»³⁹.

Однако в 1725–1726 гг. в Петербурге еще надеялись склонить шаха под российскую «протекцию»; к тому же Измаил-бек имел письменные полномочия на заключение договора, что являлось свидетельством его правомочности. Не случайно окружение Тахмаспа стремилось вызвать посла ко двору со всеми документами. Матюшкин и Левашов весной 1726 г. докладывали, что «никакой от него, шаха, склонности нет, только хотят выманить посла и, указы у него отобрав, ото всего отпереться, а его, посла, умертвить». Последний и сам категорически не желал прибыть «к целованию стоп» своего повелителя («...ибо живу быть мне не можно»), объяснял,

³⁸ *Былкыз* — царица Савская, восточный эталон женской мудрости (за комментарий автор приносит благодарность Д. Жантиеву).

³⁹ Цит. по: *Шереметев П. С.* Владимир Петрович Шереметев. М., 1913. Т. 1. С. 306–308.

что все его поступки были в интересах иранского государства, и настаивал: пусть сначала шах ратифицирует привезенный им договор — «тогда умереть уже не отрекуся»⁴⁰. Императрица милостиво повелела Измаил-беку оставаться под российской защитой.

Переговоры с шахом так ничем и не завершились. В глазах безвольного Тахмаспа, проводившего время в пьянстве и «блудных разговорах», посол выглядел изменником. «...от тебя де да от Измаил-бека мое государство пропало, от чего я пришол в великой ужас», — пенял он на снова направленного к нему Аврамова. Российские дипломаты долго пытались «из персицких дел выйти... на таком основании... ежели какое надежное правительство в Персии восстановлено быть может, чтоб турки не могли при Каспийском море и в соседстве от Российской империи в тех странах утвердиться», пока таким правителем не стал полководец Тахмаспа, будущий шах Надир. Все эти годы бывший дипломат провел в Реште на «пенсии» в 3600 рублей в год, выплачиваемой из получаемых российской администрацией доходов. Посла охранял почетный караул, его въезд и выезд отмечался пушечной пальбой.

Вступившая на престол в 1730 г. Анна Иоанновна повелела Левашову за «волности в торговле» отдать Гилян иранцам и отступить до Куры⁴¹. Следующий год прошел в переговорах, завершившихся заключением в Реште договора о возвращении Гиляна и Астары ради «вечной соседственной дружбы». Перед ратификацией Измаил-бек покинул Иран — он не доверял статье договора, предусматривавшей прощение всех, кто «в услугах и управлении чинов и в подданстве их императорского величества всероссийского были». Доставленный в октябре 1731 г. на российском корабле в Дербент, Измаил-бек просил перевести его в Астрахань «для перемены воздуха, поскольку он слаб здоровьем». В. Я. Левашов просьбу уважил — написал астраханскому губернатору содержать бывшего посла по-прежнему: «...надлежит ему кормовых денег давать на месяц по 300 рублей и по три батмана табаку кальянного, да на 2 месяца соли по рогоже, дров в неделю 24 коромысла». Только почетный караул был уже не нужен, поскольку «его та честь преминовала, а в Гиляне той чести надобность требовала для интересов ея императорского величества»⁴².

⁴⁰ Сборник РИО. Т. 55. С. 465; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. № 4. Л. 332–332 об., 390 об.–391 об.

⁴¹ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. № 12. Л. 192 об., 203 об.–204 об.

⁴² См.: Кулаков В. О. Персидский посол Исмаил-бек и Астрахань в 20-е гг. XVIII в. // Вопросы исторической науки: Материалы международной научной конференции. Москва, январь 2012 г. М., 2012. С. 21–23.

Летом 1732 г. Измаил-бек прибыл в Астрахань. Она стала последним прибежищем придворного и дипломата, который пережил свой звездный час в качестве гостя и партнера Петра Великого. Возможно, что шаха можно было склонить к союзу, и русские полки помогли бы утвердить его власть. Но смогла бы даже в этом случае молодая империя развернуть успешное экономическое «наступление» на Восток? Планы Петра опередили время. Казаки и солдаты не могли заменить дельцов, моряков, торговцев, судовладельцев, которых не хватало и в самой России. Не было еще располагавших крупными капиталами торговых компаний, кадров мастеров и приказчиков; отсутствовала инфраструктура: перевалочные базы, дороги, суда, верфи, удобные порты... Миссия Измаил-бека оказалась невыполнимой.

Последние годы он жил как частное лицо, но в ранге посла с содержанием в 3779 рублей в год⁴³. На родину Измаил-бек не вернулся и решил связать судьбу своего потомства с Россией. В 1742 г. он просил губернатора В. Н. Татищева «принять на руки» его сына Фет Али-бека для обучения «европейским наукам» и «вступления в подданство ее императорского величества». Губернатор зачислил отпрыска Измаил-бека в капралы местного гарнизона и доложил императрице Елизавете Петровне о желании персиянина, чтобы его сын по «высочайшей вашего императорского величества милости произведен был обер-офицером»⁴⁴.

⁴³ См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 6. Л. 106, 290 об.

⁴⁴ См.: *Астраханский В. С.* «Всемиловнейшей государыни всеподданнейший раб...»: Донесение В. Н. Татищева о просьбе бывшего посла Персии в России Измаил-бека 1742 г. // Исторический архив. 2003. № 6. С. 207–210.

REFERENCES

1. *Astrahanskiy V.S.* «Gracious Empress's Imperial slave»: The report of V.N. Tatishchev on the request of the former Ambassador of Persia in Russia Izmail-bek in 1742 [«Vsemilostiveyshey gosudaryni vsepoddaneyshey rab...»]: Donesenie V.N. Tatishheva o pros'be byvshego posla v Persii v Rossii Izmail-beka 1742 g.] // *Istoricheskiy arhiv.* 2003. № 6. P. 207—210.
2. *Gadzhiev V.G.* The St. Petersburg Treaty of 1723 (history of its conclusion and value) [Peterburgskiy dogovor 1723 g. (istoriya zaklyucheniya i znachenie)] // *Russian-Dagestan relations in the XVI — early XX century [Russko-dagestanskije vzaimootnosheniya v XVI — nachale XX v.].* Makhachkala, 1988. P. 66–83.
3. *Kulakov V.O.* Persian Ambassador Ismail-bek and Astrakhan in 1720-s [Persidskiy posol Ismail-bek i Astrahan' v 20-e gg. XVIII v.] // *Voprosy istoricheskoy nauki: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii.* Moskva, janvar' 2012 g. M., 2012. P. 21–23.
4. *Kurukin I.V.* A small man of the Empire: the Life and Adventures of the serf resident [Malen'kiy chelovek imperii: Zhizn' i priklyuchenija krepostnogo rezidenta] // *Rodina.* 2011. № 5. P. 84–87.
5. *Sheremetev P.S.* Vladimir Petrovich Sheremetev. M., 1913. T. 1.

Ключевые слова:

Петр I, внешняя политика в первой четверти XVIII в.,
Петербургский договор 1723 г. с Ираном.

Igor V. Kurukin

THE SAD STORY OF «THE PERSIAN GUEST»: AMBASSADOR ISMAIL BEY AND THE TREATY OF SAINT PETERSBURG (1723)

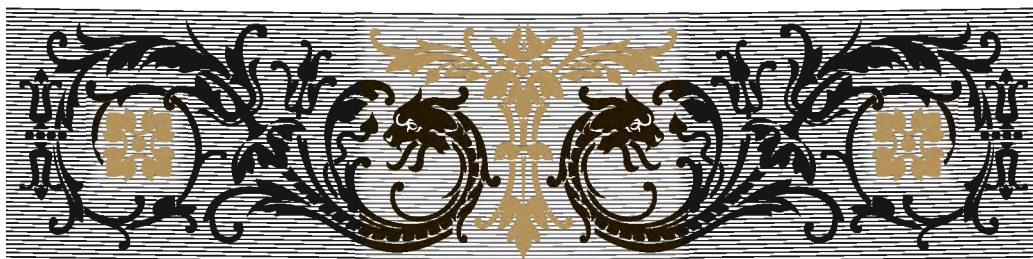

ased on archival documents the article analyzes the mission of the Iranian envoy — Ismail Bey in Petersburg and the context associated with the Treaty of Saint Petersburg which in return for military aid, Iran ceded their northern Caspian provinces to Russia.

Ismail Bey failed in his mission: the Shah did not ratify the Treaty, the Russian troops were not able to establish control over the newly-annexed territories, and the Ambassador was forced to seek asylum in Russia.

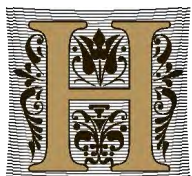
 Курукин Игорь Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
средневековья и раннего нового времени
Историко-архивного института РГГУ

А.Д. Васильев

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И «БОЛЬШАЯ ИГРА» В КАШГАРЕ (1865—1878)

Несмотря на то, что обстоятельства не всегда позволяли руководству Османского государства вести активную политику в среднеазиатском регионе, оно было готово в удобном случае оказать посильную помощь местным лидерам¹.

Одним из наиболее примечательных свидетельств такой позиции явилась поддержка Османской империей государства Якуббека, созданного в Восточном Туркестане (Синьцзяне) со столицей в Кашгаре. В Османском архиве сохранился значительный объем документов, способных пролить свет на историю взаимоотношений Османской империи с государством Якуббека в Кашгаре в 70-х гг. XIX в.

В 1864 г. в Восточном Туркестане, находившемся под контролем китайцев, вспыхнуло мусульманское восстание. Причиной стали произвол китайской администрации и репрессии против местных мусульман. Единого руководства восстанием не было, поэтому каждый город, изгнав китайцев и маньчжуров, объявлял о своей независимости. В результате победы на территории

¹ Вследствие различных причин, таких, как большие расстояния, недостаток сведений о внутривнутриполитическом положении в Средней Азии, неудачно складывавшаяся международная обстановка, экономическая слабость и внутренние противоречия, Османское государство зачастую вынуждено было отклонить просьбы о помощи.

Синьцзяна возникло пять самостоятельных государственных образований: Кучарское, Хотанское и Кашгарское — в Восточном Туркестане, Урумчинское и Кульджинское — в Джунгарии². Власть в Кашгаре захватил вождь местных кочевых киргизов Садык-бек³. Однако местное уйгурское и дунганское население не признавало его власть, владетели городов Куча(р) и Хотан оспаривали его лидерство. В этой ситуации он попытался привлечь на свою сторону одного из членов династии восточнотуркестанских ходжей⁴, сына предводителя антикитайского восстания уйгуров Джахангира⁵ — Бузург-хана, который в это время проживал в Коканде. Послы Садык-бека в конце 1864 г. прибыли в Ташкент, где их принял мулла Алимкул, бывший регентом при малолетнем кокандском хане Султан Саиде. Алимкулу были вручены подарки и пленные китайцы. Послы просили, чтобы Алимкул дал им в качестве правителя одного из членов династии ходжей. Алимкул направил в Кашгар Бузург-хана, а Батыр-басы⁶ к нему был назначен Якуб-бек⁷. Остается до конца не выясненным, почему был назначен именно Якуб-бек. Так, В.П. Наливкин полагал, что таким образом Алимкул хотел избавиться от опасного конкурента, за которым среди населения закрепилась репутация борца против русских⁸. В.В. Веселовский полагал, что Якуб-бек случайно оказался во главе миссии, так как все лучшие военачальники Коканда были заняты борьбой с Россией⁹. Однако есть и другая версия, согласно которой Алимкул считал Бузурга слабохарактерной персоной, которой можно было легко манипулировать, поэтому Якуб-бек одновременно являлся доверенным лицом Алимкула и фактическим руководителем миссии¹⁰. Внимание кокандской элиты к Кашгару сохранялось

² Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: ИВРАН, 1998. С. 91–92.

³ Хотя цитадель города до прихода Якуб-бека все еще контролировалась китайцами.

⁴ Х о д ж и — наместники Чагатаидов в Восточном Туркестане. См.: Schwarz H.G. The Khwajas of Eastern Turkistan // Central Asiatic Journal. Vol. XX. № 3–4. P. 266–296.

⁵ Имеются в виду антикитайское восстание и поход Джахангира на Кашгар в 1826 г. Между тем еще Джахангир во время восстания в Кашгаре, по легенде, отправил в Стамбул письмо, извещавшее султана о его победе над китайцами и приглашавшее принять участие в газавате. См.: Бабаханов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио—Ташкент, 2010. С. 186.

⁶ Б а т ы р - б а с ы — начальник охраны.

⁷ Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык. Алма-Ата: Жалын, 1992. С. 99.

⁸ Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства // История Средней Азии. М.: «Евролинц-Русская панорама», 2003. С. 450–451.

⁹ Веселовский В.В. Бадаулет Якуб-бек, Аталык Кашгарский // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. X. Вып. I–IV. СПб., 1897–1898. С. 87–90.

¹⁰ Kim Hodong. Holy War in China: the Muslim Rebellion and the State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford University Press, Stanford, California, 2004. P. 83.

на протяжении всего существования ханства, а интересы кокандских ханов в Кашгаре признавались и китайским правительством, которое в обмен на торговые привилегии кокандским купцам требовало не выпускать из пределов Кокандского ханства потомков восточнотуркестанских ходжей, провоцировавших антицинские народные восстания в Синьцзяне¹¹.

Именно Якуб-беку из всех центральноазиатских правителей XIX в. удалось получить от Османской империи наиболее существенную материальную помощь. О личности Якуб-бека достаточно подробно писали русские и английские путешественники — его современники¹².

Бузург-хан в начале 1865 г. с немногочисленной охраной из 40 человек под командой Якуб-бека прибыл в Кашгар и был объявлен правителем Кашгарского ханства. Одновременно местное население, среди которого Бузург пользовался уважением, начало борьбу против киргизов Садык-бека, притеснявших и грабивших мирное население. Опираясь на население Кашгара и прибывших андижанцев, Якуб-бек начал борьбу с Садык-беком и правителями Кучи и Хотана. Несмотря на малочисленное войско, Якуб-беку удалось одержать победу и захватить также город Янгихисар 11 апреля 1865 г. Сразу же после этого Якуб-бек отправил к Алимкулу посланника Мир Баба с богатыми подарками и сообщением о ситуации в Синьцзяне. Однако к этому моменту Алимкул был занят борьбой с русскими войсками, осаждавшими Ташкент, а вскоре погиб, что и стало известно посланнику Якуб-бека¹³. Узнав об этом, Якуб-бек забрал фактическую власть в Кашгаре в свои руки и начал управлять от имени Бузург-хана¹⁴.

Якуб-бек в течение пяти лет — с 1865 по 1870 г. сумел объединить под своей властью значительную часть территории Восточного Туркестана. Его победам способствовал и поток кокандских эмигрантов, зачастую обладавших значительным военным и административным опытом, бежавших от русских войск и не одобрявших мирного договора, подписанного коканд-

¹¹ См., например: *Newby L.J. The Empire and the Khanate: a political history of Qing relations with Khoqand c. 1760–1860.* Leiden, Boston: Brill, 2005.

¹² См., например: *Ша Роберт.* Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара (прежней Китайской Татарии). Сочинения Роберта Ша, великобританского комиссара в Ладаке / Пер. с англ. СПб., 1872; *Boulger D.C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar.* London, 1878; *Веселовский В.В.* Бадаулет Якуб-бек, Аталык Кашгарский // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. X. Вып. I–IV. СПб., 1897–1898; *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы; промышленность и торговля. СПб., 1879.

¹³ *Kim Hodong.* Ibid. P. 85.

¹⁴ *Петров В.И.* Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003. С. 169–170.

Якуб-бек.
Английская
гравюра XIX в.

ским ханом с Россией в 1868 г. Бузург-хан был недоволен возвышением Якуб-бека и попытался составить заговор против него. Якуб-бек, узнав об этом, отстранил Бузург-хана от власти, схватил его, а затем отправил в хадж в Мекку¹⁵. Он объявил себя правителем, принял титул бадаулет и аталык-гази¹⁶. Его государство получило название Йеттишар (Семиградье).

Ни китайское, ни русское, ни британское правительства не смогли сразу определить свое отношение к новообразованному государству¹⁷. Это обстоятельство способствовало тому, что Якуб-бек попытался использовать в своих целях противоречия великих держав и заручиться помощью Османской империи. Его дальнему родственнику (вероятно, кузену) Сеид Якуб-хану Торе довелось сыграть решающую роль в установлении дипломатических связей между Османской империей и государством Якуб-бека¹⁸.

¹⁵ *Saray M. Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1994. P.105.*

¹⁶ Б а д а у л е т — счастливейший; а т а л ы к — высший должностной ранг в Бухарском эмирате, принадлежавший обычно эмиру; г а з и — борец за веру.

¹⁷ О дебатах по этому поводу см.: *Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китая «Новой границы» в конце XIX в. М.: ИВРАН, 1998; Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003; Hence P.V. The Great Game in Kashgaria. British and Russian Missions to Yakub Beg // Central Asian Survey. Vol. 8. № 2. 1989. P. 75.*

¹⁸ Сеид Якуб-хан Торе родился в Ташкенте около 1823 г. Сын наместника Ташкента, Нур Магомет-хана и его второй жены, которая была сестрой Якуб-бека, он занимал высокие посты в Коканде, сначала был наставником ташкентского медресе, затем казием. Кроме того, в Кашгаре он обладал большим влиянием на местное население, которое почитало его за религиозность, благочестие и справедливость // *Boulger D.C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London, 1878. P. 169.*

В 1858 г. он, в качестве секретаря в составе кокандского посольства Мирзы Джана Эфенди¹⁹, по-видимому, впервые побывал в Стамбуле. В 1865 г. он снова прибыл в Стамбул в качестве официального кокандского посланника, где сначала просил помощи в борьбе с Россией²⁰, а затем, после захвата в Коканде власти Худояр-ханом, остался вместе с семьей в османской столице. Благодаря своему благочестию и обаянию он сумел завоевать дружеское расположение султана Абдулазиза, который оказал ему радушный прием²¹. Впервые известия о Якуб-беке приходят в Стамбул в 1865 г., когда Сеид Якуб-хан Торе рассказал при дворе султана об успехах своего родственника в Кашгаре и просил пожаловать ему и кокандскому хану орден «Османие»²².

В 1869 г. Сеид Якуб-хан Торе получил аудиенцию у великого визиря и рассказал ему о том, что Якуб-бек основал независимое мусульманское государство. Великий визирь Мехмед Рюшдю — паша, который к тому же интересовался генеалогиями известных мусульманских семей, был очень обрадован этим и попросил его доставить ему, кроме политических сведений, более подробную информацию на эту тему²³. В том же году бывший посол Коканда в Стамбуле, Мирза Якуб²⁴, получив на дорогу 60 тысяч пиастров, тайно через Египет и Индию выехал в Коканд и Кашгар. На него была возложена миссия установить связи между Османским государством и Каш-

¹⁹ В начале правления в Коканде Малла-хана в Стамбул было направлено посольство, целью которого было сообщить о его восшествии на кокандский престол. Во главе этого посольства стоял Мирза Джан, который в турецких источниках известен как Хаджи Мирза Джан. В конце 1859-го — начале 1860 г. он привез подарки и послание султану от Малла-хана. Мирза Джан находился в Стамбуле с конца 1859-го по 1862 г. По времени его пребывания почти полностью совпало с правлением Малла-хана (конец 1858-го — начало 1862 г.). Известно, что Худояр-хан в своей борьбе с Малла-ханом за Коканд использовал для морального давления на противника поздравительные письма от султана из Стамбула. Но Малла-хан отказался признать религиозное верховенство султана. *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства. С. 56, 288.

²⁰ *Saray M.* Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1994. P. 72.

²¹ *Boulger D.C.* The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London, 1878. P. 169.

²² ВOA, İrade Hariciye, 13785.

²³ *Saray M.* The Russian, British, Chinese and Ottoman Rivalry in Turkestan. Ankara: Turkish Historical Society Printing House, 2003. P. 230.

²⁴ Интересен тот факт, что данный посланник в российских донесениях упоминается и как Мирза Якуб, и как Сеид Якуб. В английских донесениях он известен под именем Саид Якуб-хан Торах. Однако, сопоставив эти данные с информацией из турецких архивов, мы пришли к выводу, что это одно и то же лицо. По материалам турецких архивов, это бывший посланник кокандского хана в Стамбуле Сеид Якуб-хан Торе.

Султан Абдулазиз.
Фотография XIX в.

гаром и Кокандским ханством²⁵. Русский посол в Стамбуле Н.П. Игнатъев в своем донесении в Министерство иностранных дел характеризовал его как человека «набожного и литературно образованного»²⁶.

Мирза Якуб по прибытии в Кашгар сообщил Якуб-беку об интересе, который проявили османские власти, и передал предложение присягнуть на верность султану. Однако поначалу Якуб-бек не стремился к выполнению такого шага. Тем не менее Сеид Якуб-хан (он же — Мирза Якуб) настаивал на своем, объясняя, зачем он столько времени находился в Стамбуле и с кем там встречался. Пространное описание этих переговоров передает в своей рукописи кашгарский историк Сайрами. После захвата Ташкента русскими войсками улемы а сейиды объявили, что «теперь эта земля стала запретной», отказались присягать России и решили поступить в соответствии с заветами пророка Мухаммеда и, повторяя его опыт, покинуть эту территорию. Сеид Якуб-хан также был в числе эмигрантов и вскоре отправился к двум священным городам — Мекке и Медине. После этого он остался проживать в «Руме», то есть в Константинополе. Сеид Якуб-хан ссылался на дискуссии с «занимающими высокое положение и благородными людьми». В этих беседах его турецкие собеседники говорили, что несмотря на «захват русскими Ферганы», мусульмане восстали в «стране китайского императора, одержали победу и освободили Ислам». По словам собеседников кашгарца, султан, узнав об этом, издал указ о том, чтобы верующие в мечетях

²⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1327. Л. 12; письмо Н. Игнатъева А. Горчакову от 4/16 февраля 1869 г.

²⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6810. Л. 61; донесение Н.П. Игнатъева Министерству иностранных дел от 16 сентября 1869 г.

молились за успех мусульман на востоке. Далее следовала ремарка о том, что с самого момента основания Османской империи, то есть «Халифата Рума» и защитницы мусульман, где бы в мире ни поднимали голову мусульмане, Халиф радовался их успехам и молился за них. Какие бы новости об успехах восставших мусульман ни приходили в Стамбул, султан приказывал опубликовать и широко распространять их. И поэтому теперь Якуб-беку, взявшему власть, «необходимо обязательно сообщить об этом Халифу»²⁷.

Вероятно, этот рассказ нельзя рассматривать как точную передачу содержания беседы с Якуб-беком. Однако он отражает те взгляды на объединяющую роль ислама, существовавшие в Османской империи. Именно их воздействием и был очарован Сеид Якуб-хан.

Однако Якуб-бек, вероятно, придерживался более реалистичного взгляда на ситуацию в регионе, и неслучайно он прежде всего решил установить дипломатические отношения с Россией и Великобританией. Весь опыт его деятельности в Кокандском ханстве и борьба в Кашгаре не дают оснований считать его человеком, способным слепо и фанатично посвятить себя идее единения мусульман всего мира во главе с султаном в Стамбуле. Более того, действия Якуб-бека демонстрировали его отход от политики панисламизма. Например, во время восстания в Коканде в начале 70-х гг. он фактически отказался оказать помощь восставшим в борьбе с Россией и закрыл границу с Кокандом²⁸.

Британские же дипломаты также подозревали, что он мог занять сторону России в противостоянии держав в Центральной Азии²⁹. Учитывая аналогичные обвинения в адрес Якуб-бека со стороны российских дипломатов, можно утверждать, что Якуб-бек вел самостоятельную политическую игру, пытаясь использовать противоречия великих держав. В качестве средства политического маневра он использовал свое формальное подчинение решениям своего чисто номинального сюзерена — турецкого султана, который фактически не имел реальных рычагов влияния на Кашгар.

Можно предположить, что Якуб-бек знал о дипломатических контактах Османской империи и Коканда в XIX в. Однако такой прагматик, как он, шел на контакт с Османской империей в расчете на существенную выгоду, которую могли принести ему эти отношения. Якуб-бек ожидал междуна-

²⁷ *Mulla Mirza Sayrami. Tarikh-i hamidi. Gunnar Jarring Collection. Lund: Prov. no. 163.* Вторая версия этой рукописи была переведена на современный уйгурский язык и опубликована: *Tarikh-I hamidi. Uyghur transl. by Enver Baytur. Peking, Millätlär Näshriyati, 1986.* Цит. по: *Kim Hodong. Ibid. P. 147–148.*

²⁸ *Kim Hodong. Ibid. P. 148.*

²⁹ Там же.

Русско-Кашгарская граница. Передовые укрепления. Гравюра XIX в.

родного признания созданного им государства. При этом важно было не только добиться признания ведущих держав — Великобритании и Российской империи. Необходимо было укрепить авторитет власти и среди местных мусульман. Восточный Туркестан, даже несмотря на создание государства Йеттишар, по-прежнему воспринимался как часть Цинской империи. Якуб-бек же не обладал непререкаемым политическим авторитетом среди местной мусульманской элиты и опирался, прежде всего, на военную силу и опыт прибывших в Кашгар кокандцев. Поэтому политическое признание со стороны османского султана, который, пусть номинально, являлся и Халифом, укрепляло внутривосточное положение Якуб-бека.

Помимо дипломатической поддержки, Якуб-бек мог рассчитывать и на материальную помощь. Якуб-бек остро нуждался в современной, хорошо оснащенной и обученной армии. И до контактов с Турцией он пытался укрепить ее, пытаясь закупить современные ружья и пушки. Однако широкомасштабной военной помощи со стороны Великобритании, которая опасалась противодействия России, не поступало. Российские власти вначале расценивали Якуб-бека как потенциального противника и не желали, чтобы к нему в руки через Россию попало современное вооружение. Правитель Йеттишара пробовал закупать оружие в Индии через Афганистан и частных индийских торговцев, однако они не смогли обеспечить необходимого количества вооружений³⁰.

Важным фактором стала и смена приоритетов в верхах Османской империи. Ранее Порты вынуждена была отвечать отказом на призывы о

³⁰ Kim Hodong. Ibid. P. 149.

помощи правителей Центральной Азии. Существовали опасения дипломатических осложнений с Россией, а быстрые военно-политические успехи российских войск и политическая нестабильность в самих ханствах затрудняли процесс принятия решений в Стамбуле³¹. Однако ситуация начала меняться после смерти Фуад-паши и Али-паши, занимавших пост великого визиря и являвшихся идеологами вестернизации в эпоху Танзимата. К середине 70-х гг. турецкая внешняя политика постепенно смещалась в сторону противостояния европейским попыткам раздела Османской империи. Уже султан Абдулазиз в конце своего правления благосклонно относился к мысли о том, что султан может быть не только правителем суверенного государства, но и формальным главой мусульман мира³². А возвращение представителей «Новых Османов» из ссылки и их пропаганда идей мусульманского единства в газетах увеличивали в турецком обществе интерес к происходящему в других мусульманских государствах³³.

Хотя зачастую информация о происходящем в других мусульманских регионах носила преувеличенный и недостоверный характер, они широко распространялись в турецкой прессе. Видный идеолог панисламизма в Турции Намык Кемаль писал в 1872 г.: «Двадцать лет назад был неизвестен тот факт, что в Кашгаре есть мусульмане. Теперь общественное мнение пытается установить связь с ними. Эта тенденция [усиления контактов с мусульманами мира. — А.В.] имеет сходство с неодолимым потоком, который не способен остановить ни одно препятствие»³⁴.

Вероятно, все эти факторы способствовали установлению двусторонних отношений. В 1872 г. Якуб-бек, который планировал получить османскую поддержку, отправил Сеид Якуб-хана Торе обратно в Стамбул. Целью миссии было объявить султану «о создании в Центральной Азии могущественного мусульманского государства, желающего поддерживать с ним дружеские отношения»³⁵. Он привез письмо, в котором говорилось о признании сюзеренитета султана Абдулазиза. Кроме того, он просил о военной помощи и о посылке инструкторов, чтобы обучить и усилить свою армию. После дли-

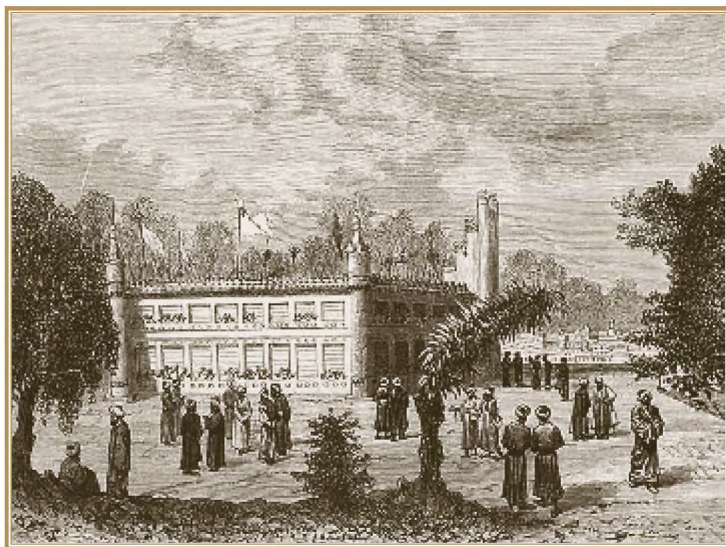
³¹ *Saray, M.* Rus İsgali Devrinde. S. 28–29.

³² *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 123–124.

³³ *Keddie N.R.* Sayyid Jamal ad-Din al Afgani. A Political Biography. Berkeley: University of California Press, 1972. P.137.

³⁴ *Mardin, Ş.* The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962. P. 60.

³⁵ АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия». Оп. 1873. Д. 25. Л. 239 об. 3/15 мая, Н.П. Игнатъев — А.М. Горчакову; 10/22 мая, Н.П. Игнатъев — В.И. Вестману; 2/14 июня, Н.П. Игнатъев — царю Александру II.

Мавзолей Хазрат-Афака (Аппак-хаджи) близ Кашгара. Гравюра 70-х гг. XIX в.

тельных дискуссий правительство Османской империи решило частично удовлетворить просьбы Якуб-бека. Впервые Османское государство решило оказать правителю государства в Центральной Азии серьезную военную помощь. Это было связано, на наш взгляд, с неопределенной позицией России по вопросу о новом государстве Йеттишар, созданном Якуб-беком, и с тем, что в данной обстановке появлялась возможность военного захвата Кокандского ханства или его части³⁶. Активную роль сыграла также Англия. Учитывая, что на деле Британская Индия была фактическим соседом Кашгара, Сеид Якуб-хан, ведя переговоры с султаном, намеревался побудить английское правительство в тот момент к более активным действиям в Кашгаре. Для этого он провел в Стамбуле переговоры с британским посланником, заручившись его поддержкой. Хотя фактическим поставщиком оружия, снаряжения и инструкторов в Кашгар являлся султан, доставка современного оружия без разрешения Англии и администрации Британской Индии была бы невозможна. Эта ситуация была выгодна англичанам, которые таким образом могли избежать дипломатических протестов и противодействия со стороны России. Для Якуб-бека же формальное подчинение Османской империи создавало дополнительную возможность лавирования между великими державами. Намереваясь в случае возникновения спорных вопросов

³⁶ *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства // История Средней Азии, М.: Еврочиц-Русская панорама, 2003. С. 450–451. По словам известного русского востоковеда и знатока Средней Азии В.П. Наливкина, Якуб-бек пользовался большим влиянием в Коканде среди «сипаев» и среди простого народа. При этом, если бы захват удался, Якуб-бек формально был бы вассалом Османской империи.

с Россией или Англией обратиться к султану за разрешением, Якуб-бек и Сеид Якуб-хан рассчитывали сохранить реальную независимость Кашгара и одновременно обеспечить его современным вооружением.

В 1872 г. султан пожаловал кашгарскому правителю 500 экземпляров Корана. В Восточный Туркестан вместе с Сеидом Якуб-ханом были отправлены военные и гражданские чиновники и мастера-оружейники, ружья и пушки³⁷. Погрузка и доставка посольства и всего имущества к месту назначения производилась через Египет до Бомбея и оттуда по суше в Кашгар. Контроль за перевозкой был поручен наместнику Египта³⁸. Посланнику был присвоен орден «Османие» 2-й степени и выдано 10 тысяч курушей. Султан приказал выделить Якуб-беку еще 20 тысяч курушей и направил к нему наделенного особыми полномочиями посла, Мурата-эфенди, со специальным фирманом, подтверждавшим статус туркестанского правителя как независимого государя под защитой османского двора. Этим же фирманом Якуб-беку присваивался почетный титул Амир уль-Муминин («Повелевающий верующими») и давалось право чеканки монет с именем халифа³⁹.

Ответное османское посольство прибыло в Кашгар в 1873 г. и было встречено с большими почестями. В честь прибытия посольства был произведен салют из ста пушек. Вместе с посольством Якуб-беку было передано 6 пушек производства Круппа, 1000 ружей «старого образца», 200 ружей «нового образца»⁴⁰, а также все необходимое снаряжение и боеприпасы, средства производства пороха. Прибыли и мастера — оружейники⁴¹. Кроме того, была направлена миссия военных инструкторов, состоявшая из четырех человек: начальника миссии капитана Али Казымбея, офицера пехоты Мехмеда Юсуф-бея, офицера кавалериста Черкеса Юсуф-бея и офицера артиллерии Исмаила Хаккы-бея и еще четырех оставшихся офицеров⁴². Был направлен также и гражданский чиновник Заман-бей⁴³. О присутствии турецких инструкторов докладывал английский

³⁷ ВОА, А. МКТ. МНМ, 463/67.

³⁸ ВОА, А. МКТ. МНМ, 463/96.

³⁹ *Веселовский В.В.* Бадаулет Якуб-бек, Аталык Кашгарский // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. X. Вып. I–IV. СПб., 1897–1898; АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия». 1873. Д. 26. Л. 353–355 об. 12/24 июля, Н.П. Игнатьев — В.И. Вестману.

⁴⁰ Вероятно, имеются в виду различные модификации казнозарядных старых игольчатых и новых патронных ружей. — *Прим. авт.*

⁴¹ ВОА, İrade Dahiliye, 49054.

⁴² ВОА, İrade Dahiliye, 49426.

⁴³ Заман-бей встретился с Куропаткиным во время его поездки в Кашгар в 1876 г. По сведениям Куропаткина, он был родом «из кавказских татар».

Русская торговая фактория в Кашгаре. Рисунок 1861 г.

офицер Белью⁴⁴, участвовавший в английской военной миссии в Кашгар в 1873 г. Миссия прибыла в Кашгар одновременно с турецким посольством. По сообщению ее руководителя Т.Д. Форсайта, Якуб-бек был доволен тем, как развивались его связи с Турцией⁴⁵. После возвращения Сеида Якуб-хана из Стамбула Якуб-бек начал именовать себя Якуб-ханом, чеканить собственную монету, ввел на контролируемых им территориях хутбу на имя султана Абдулазиза и вывесил османский флаг перед своим собственным. Османские офицеры приступили к обучению кашгарских войск⁴⁶. Однако Якуб-бек полностью не доверял туркам. Об этом сообщал в Азиатский департамент МИДа чиновник по дипломатической части при Туркестанском генерал-губернаторе А.К. Вейнберг. По его данным, турецких офицеров содержали в укреплении Янгисар в восьми верстах от Кашгара, долгое время стесняли их свободу и не позволяли им посещать базары и выходить за пределы укрепления. Только после вмешательства Сеида Якуб-хана им разрешили сначала выходить за пределы крепости, а затем и более свободно перемещаться по окрестной территории⁴⁷. Сообщалось

⁴⁴ *Bellew H.W.* Kashmir and Kashgar, a Narrative of the Journey of the Embassy to Kashgar in 1873—74, London, 1875. P. 188.

⁴⁵ *Forsyth T.D.* Report of a Mission to Yarkand in 1873 under Command of Sir T.D. Forsyth, Calcutta, 1875. P. 20.

⁴⁶ Али Казым-бей, возглавлявший турецкую военную миссию, оставил рапорт, в котором он подробно изложил все события, произошедшие с членами миссии — ВOA, Y.EE, 91/28.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1—9. 1875—1878. Оп. 8. Д. 13. Л. 5.—5 об.

Н.П. Игнатъев.
 Портрет XIX в.

также, что эти офицеры получали жалованье одновременно от Якуб-бека и из одного из Ост-индских банков, причем золотом⁴⁸.

В 1875 г. Сеид Якуб-хан вновь прибыл в Стамбул. В подарок от султана он получил знамя и плащ, расшитый золотом, орден «Меджидие» 2-й степени для старшего сына правителя Кашгара и «Меджидие» 3-й степени — для младшего сына. По сообщению Н.П. Игнатъева, прощальная аудиенция у султана была краткой. После протокольных комплиментов Абдулазиз дал посланнику совет жить в добром согласии со всеми соседями. Сеид Якуб-хан был разочарован, усмотрел в этом приеме доказательство безразличия к единоверцам и сожалел, что ехал за этим в такую даль. К тому же он был раздосадован высокомерием великого визиря Ахмед Эсат-паши, а также медлительностью Порты, которая удерживала его в Стамбуле пять месяцев «с чисто куртуазной миссией»⁴⁹. Вместе с послом Абдулазиз направил Якуб-беку официальное послание, в котором сообщал, что был рад услышать о дружественном расположении Якуб-бека, чеканке его имени на монетах и упоминании его в хутбе. Далее Абдулазиз давал формальное разрешение на то, чтобы старший сын Якуб-бека наследовал владения своего отца. В знак уважения и покровительства султан отправлял ему флаг. Султан рекомендовал Якуб-беку обеспечить благосостояние своих подданных «с помощью справедливости и хорошего управления, что является святой обязанностью правителя». Султан рекомендовал провести реформы, развивать науки и

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия». Оп. 1875. Д. 26. Л. 353–355 об. 12/24 июля, Н.П. Игнатъев — В.И. Вестману.

Д.А. Милютин.
Портрет XIX в.

ремесла, промышленность и сельское хозяйство, пути сообщения в Кашгаре. В заключение письма содержалась рекомендация установить мирные отношения со всеми соседями⁵⁰.

Недовольный приемом в Стамбуле, Сеид Якуб-хан решил на этот раз возвращаться в Кашгар не через Британскую Индию, а через Санкт-Петербург. Прибытие Сеида Якуб-хана и сходство его имени с именем правителя Кашгара породили ряд известий в российской прессе о том, будто из Стамбула в Петербург через Одессу прибыл бывший владелец Кашгара со своим гаремом и нукерами. В связи с этим газета «Голос» была вынуждена опровергнуть данное утверждение⁵¹. В Петербурге посланник провел ряд важных дипломатических переговоров с императором Александром II, военным министром Д.А. Милютиным и директором Азиатского департамента МИДа П.Н. Стремоуховым. В частности, Д.А. Милютин подробно информировал туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана о деталях своего разговора с Сеидом Якубом. Милютин заверил кашгарского посланника, что «соседям России нечего опасаться каких-либо неприязненных действий с ее стороны», если только сами соседи не будут подталкивать ее к этому. Милютин пытался убедить его, «как человека дальновидного, имевшего случай лично удостовериться в искренности российских намерений, воспользоваться своим личным влиянием на своего повелителя, чтобы направить его ... на путь прямодушных и вполне добрых отношений к России». Сеид Якуб отвечал, что он именно так и будет действовать и что

⁵⁰ ВOA, İrade Dahiliye, 49343.

⁵¹ Например, «Голос» от 22 августа 1875 г.

прежде он был совершенно иного мнения о России. По его словам, пребывание его в 1873 и 1875 гг. в Константинополе и общение там с генералом Н.П. Игнатьевым убедили его, что только поддержка русского императора станет залогом спокойствия и благоденствия в Кашгаре. Милютин считал, что подобные беседы с Сеидом Якуб-ханом, который считался у Якуб-бека «в качестве не только родственника, но и умного человека, пользующегося большим авторитетом в делах внешней политики», будут способствовать развитию мирных отношений России с Кашгаром⁵².

Во время встречи с П.Н. Стремоуховым Сеид Якуб-хан просил о посредничестве России в мирных переговорах с Китаем. Он всячески подчеркивал, что Якуб-бек не захватывал китайских территорий, а прибыл в Кашгар, когда китайцы уже были изгнаны оттуда. По его словам, с такими же просьбами он обращался к Порте и к английскому посланнику в Константинополе. Однако султан не дал никакого положительного ответа, а англичане сослались на необходимость консультаций с правительством в Лондоне. На вопрос о том, намеревается ли султан провести консультации с китайским правительством, Сеид Якуб-хан ответил, что это ему неизвестно. Вместе с тем Стремоухов указал ему, что все переговоры кашгарский правитель должен вести с туркестанским губернатором К.П. фон Кауфманом, уполномоченным для этого императором⁵³. Тот факт, что Якуб-бек не поддержал восстание против российского вассала, кокандского хана Худояра в 1875–1876 гг., свидетельствует, что переговоры в Петербурге оказали необходимое влияние на политику Якуб-бека, не желавшего вступать в противостояние с Россией.

Русская же администрация в Туркестане давала диаметрально противоположные оценки ситуации. Так, по мнению дипломатического чиновника при туркестанском губернаторе А.К. Вейнберга, Якуб-бек слишком увлекался «мнимым» покровительством султана Абдулазиза и влиянием Порты на дела Кашгара по отношению к России. Вейнберг сообщал, что находившиеся в Ташкенте посланцы Якуб-бека Мухаммед-бай и Мир Касым-бай имели секретную инструкцию. В случае непредвиденных затруднений в связи с ограничением русской торговли в Кашгаре им было приказано телеграфировать турецкому послу в Петербург и просить его «заступничества». Вейнберг считал, что хотя «нравственное обаяние» Порты в Средней Азии велико, Кашгар не может рассчитывать на действительную поддерж-

⁵² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 416. Л. 8, 23, 38–40. Цит. по: Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в. Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2008. С. 130–132.

⁵³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 416. Л. 92–93.

К.П. фон Кауфман.
Портрет XIX в.

ку Турции и опирается скорее на влияние Англии⁵⁴. Однако военные и разведка отличались более алармистскими сообщениями: «Летом 1875 г. из Константинополя и Индии приехали в Кашгар люди в числе двухсот человек. Часть из них — посланники, часть — торговцы, мастера и солдаты, которые обучали конное и пешее войско. Посланники привезли 2000 ружей и 10 пушек, а самому Якуб-беку — царскую корону и костюм, вышитый жемчугом. Мастера сломали старые орудия для переделки. Солдаты набрали из кишлаков людей и приучают их к военной службе»⁵⁵.

Русские офицеры, побывавшие в различное время в Кашгаре, оставили свои оценки деятельности турецких военных инструкторов и результатов обучения местных войск. А.Н. Куропаткин написал, что турки изменили структуру кашгарских войск, а также принесли новый для местных войск турецкий устав: «В последние годы (1872—1877. — А.В.) явились турецкие инструкторы, которые забрали обучение в свои руки... Новые инструкторы принесли с собой новые формы, в которых видели суть дела. Сущность нового обучения составляли в пехоте ружейные приемы, возможно хитрая ломка фронта, маршировка, в кавалерии — построение фронта, заезды, движение шагом, рысью, колоннами по три, по шести и спешива-

⁵⁴ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1—9. 1875—1878. Оп. 8. Д. 13. Л. 5 об. — 6 об.

⁵⁵ Халфин Н.А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50—80 гг. XIX в.) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. Ленина. Новая серия. Вып. 94. Исторические науки. Кн. 14. Ташкент, 1957. С. 37; Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы; промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 170—171. А.Н. Куропаткин также отмечает, что это оружие было передано султаном Абдулазизом Якуб-беку за признание османского протектората.

ние. Рассыпной строй в пехоте, атаки и аванпостная служба в кавалерии не входили в курс обучения. Об учениях с применением к местности или совокупных эволюциях нечего было и упоминать. Для них надо было бы ждать других инструкторов, более сведущих и развитых, чем присланные турки»⁵⁶. Вместе с тем Куропаткин и другие русские офицеры, побывавшие в Восточном Туркестане в тот период, отмечают, что из Турции через территорию Индии в Кашгар направлялось большое количество современного оружия — ружей, пушек и боеприпасов к ним. Впрочем, большая часть оружия и орудийных механизмов содержалась «неисправно» и быстро приходила в негодность⁵⁷. Куропаткин писал, что, по сравнению с бухарской армией, армия Кашгара лучше обучена и подготовлена. Но вместе с тем по уровню подготовки она уступает европейским войскам. Попытки турецких мастеров создать завод по производству орудий закончились неудачей. Одному из турецких инструкторов, Мамаду-эфенди, была поручена отливка нарезных пушек, но две первые отлитые пушки разорвало при первом же выстреле⁵⁸. Однако турецкие мастера соорудили завод по производству капсюлей для курковых ружей. Небольшая часть кашгарских солдат была одета в форму турецкого образца. Отмечалось и наличие особой гвардии — «красных сарбазов», которые обучались афганцами и не подчинялись турецким инструкторам.

После смерти султана Абдулазиза 4 июня 1876 г. Якуб-бек вновь направил в Стамбул к султану Абдулхамиду II (1876–1909) Сеида Якуб-хана. Тот привез новому султану письмо, в котором содержались поздравления по поводу восшествия нового султана на престол, благодарность за подарки и признание верховенства нового султана как духовного главы всех мусульман⁵⁹. В этом письме Якуб-бек сообщал о том, что «будучи послушным последователем и скромным слугой халифа, счастлив услышать хорошие новости о восшествии Вашего Величества на престол». Он указывал, что мусульмане Кашгара также отмечают это радостное событие⁶⁰.

Османское правительство из-за экономической и военно-политической слабости не смогло в это время оказать сколько-нибудь серьезного влия-

⁵⁶ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ея военные силы; промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 180.

⁵⁷ Там же. С. 161, 170–171, 173. Ранее войска обучались по английским, афганским и русским уставам.

⁵⁸ Там же. Впоследствии пушки отливал выходец из Коканда Абдрашид.

⁵⁹ Письмо было адресовано султану Мураду V. Он правил всего три месяца и не успел что-либо сделать. — *Прим. авт.*

⁶⁰ ВОА, У.ЕЕ, 42/79.

А.Н. Куропаткин.
Фотография начала XX в.

ния на ситуацию в государственных образованиях Средней Азии. Внутри высших кругов Османской империи шла борьба за власть между сторонниками партий «старых турок» и «молодых турок». Представители партии «старых турок» без энтузиазма отнеслись к идее панисламизма, поскольку она находилась в определенном противоречии с идеологией османизма — объединением на единой основе всех османских подданных, как мусульман, так и не мусульман⁶¹. Кроме того, внимание Порты было поглощено Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Российские власти знали об очередном посольстве кашгарского правителя. В преддверии конфликта на Балканах и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. они оценивали и роль турецкого фактора в Центральной Азии. По мнению туркестанских чиновников, «несмотря на возбуждаемые турецкими эмиссарами симпатии в Кашгаре к находящейся в трудном положении Османской империи и несмотря на то, что Якуб-бек весьма дорожит духовной связью между Кашгаром и Турцией, чему доказательством служит отправка кашгарского посольства для поздравления Мурада с вступлением на престол, нам ... нечего теперь опасаться открытых враждебных действий Бадаулета, так как в настоящее время ему самому угрожает со стороны Китая серьезная опасность»⁶².

Наряду с официальной дипломатической миссией Якуб-бек тайно отправил и еще двух посланников — Адиль-ходжу Насырханова и Мулла-

⁶¹ Фадеева И.А. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (Османизм-пантюркизм). М., 1985. С. 105–110.

⁶² АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1–9. Оп. 8. 1875–1878. Д. 13. Л. 79–80.

бая с неким «особым поручением» в Стамбул в конце 1876 г.⁶³ Учитывая предвоенную ситуацию на Балканах, туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман решил выяснить реальное состояние отношений между государством Якуб-бека и Османской империей. На вопрос о причине отправления этой тайной миссии через Россию «Якуб-бек всячески старался доказать, что он с нынешним правительством Турции даже не входил в сношения». Указанных лиц Якуб-бек не считал своими посланниками и отрицал факт отправки миссии к султану Абдулахмиду. К тому же, по данным А.К. Вейнберга, Сеид Якуб-хан, бывший инициатором союза с Турцией, впал весной 1876 г. в немилость Якуб-бека. Ему было запрещено возвращаться в Кашгар и он с семьей оставался в Турции. По мнению Вейнберга, таким образом Якуб-бек в трудное для него время стремился оправдать свои связи с Турцией⁶⁴.

После внезапной смерти Якуб-бека весной 1877 г. в Восточном Туркестане началась междоусобица между его сыновьями и наместниками. Используя это обстоятельство, китайская армия смогла быстро вернуть себе Восточный Туркестан.

В 1879 г. находившийся в тот момент в Стамбуле Сеид Якуб-хан добился аудиенции у султана и представил ему доклад о событиях в Кашгаре: «Я не хотел бы расстраивать Ваше Величество, рассказывая печальную историю о трагическом конце Кашгарии, особенно в свете последних трудностей, с которыми столкнулось Османское государство. Тем не менее, я посчитал необходимым представить эту информацию Вашему Величеству. Мухаммед Хан, бывший командующим пехотой в кашгарской армии, который приехал сюда через Бухару, принес неизвестные ранее подробности китайского вторжения в Кашгар».

Сеид Якуб-хан сообщил, что после смерти Якуб-бека его старший сын, Бек-Кулы, должен был наследовать ему. Но наместник Хотана, Нияз Хаким, восстал против него, увидев в сложившейся ситуации шанс стать независимым правителем. За этим последовало восстание Хаким-хана Торе, наместника Турфана. Пока Бек-Кулы пытался подавить эти выступления, китайская армия численностью в 80 тысяч человек внезапно напала на Урумчи. После того как Бек-Кулы расправился с мятежными беками, он выступил из Хотана навстречу китайской армии. Но передовые отряды китайской армии без сопротивления захватили Кашгар, оставшийся без охраны. Позднее китайцы повесили Нияза Хакима, который бежал к ним после того,

⁶³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 489. Л. 1–2.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1–9. Оп. 8. 1877. Д. 21. Л. 248–259.

Султан Абдулхамид II.
Фотография
2-й половины XIX в.

как проиграл сражение Бек-Кулы. Бек-Кулы, не имея никакой возможности одолеть китайцев, отступил к границе с Кокандом, а оттуда бежал в Ташкент, оставив, таким образом, всю Кашгарию китайцам. Далее Сеид Якуб-хан сообщал, что из китайских источников узнал о том, что китайская армия преследовала преступников, которые выкрали из погребения и сожгли останки китайского императора. Китайцы полагают, что эти люди находятся в Кашгарии. Сеид Якуб-хан, однако, считал, что это был всего лишь предлог для вторжения на территорию Кашгара.

По словам посланника, принятие османского сюзеренитета было знаменательным событием в жизни жителей Кашгара. После того как китайцы вновь оккупировали Кашгар, они проявили жестокость и принуждение по отношению к местному населению. Хотя они позволяют мусульманам вести привычный образ жизни, но часто чинят им препятствия. Посланник заявил, что мусульмане Кашгара обращаются к султану с просьбой о спасении, поскольку он — их единственная надежда.

Далее Сеид Якуб-хан описывал административное деление Кашгари и природные богатства, которые, по его мнению, должны были заинтересовать османское правительство и побудить его к более активным действиям.

Так, по его словам, в Кашгарии существовало 24 провинции и проживало более пяти миллионов мусульман. Каждая провинция должна была самостоятельно заботиться о собственной обороне. Население столицы, Кашгара, — приблизительно 80 тысяч семей. В окрестностях Кашгара много лет назад были открыты месторождения золота, серебра и других ценных минералов. Посланник утверждал, что природные ресурсы делают Кашгар самодостаточным.

В Хотане существовал избыток сельскохозяйственной продукции, а также добывалось 33 различных минерала, которые доставлялись в различные страны. В окрестностях «большого города» Яркенда имеется множество различных минералов, включая богатые золотые прииски. Также и другие провинции страны богаты различными минералами.

Посланник заявил, что китайцам трудно держать под контролем пять миллионов человек при помощи 80-тысячной армии. Если мусульмане Кашгара и дальше будут так же храбро бороться против китайцев, как они это делали в прошлом, то рано или поздно китайцам придется покинуть страну.

В конце своего письма Сеид Якуб-хан подчеркивал, что эмиры Кашгарии признали суверенитет султана как их верховного правителя. Они читали хутбу с именем султана и чеканили его имя на своих монетах. Сеид Якуб-хан делал вывод, что поскольку Кашгария признала сюзеренитет Османской империи, то она после этого являлась частью Османского государства. Поэтому посланник просил султана направить специального посланника к китайскому императору, чтобы объяснить ему ситуацию и посоветовать отозвать свои войска. Завершает посланник свой доклад такими словами: «Поскольку Османская империя обладает суверенитетом над Кашгаром, было бы позором дать китайцам возможность взять под контроль такую богатую страну без сопротивления, особенно если Османская империя нуждается в финансовых ресурсах, в том положении, в котором она оказалась теперь»⁶⁵.

Сеид Якуб-хан всерьез рассчитывал на то, что османские власти будут заинтересованы в приобретении и удержании таких стратегически важных территорий, как Кашгар. Поддержка Османской империи не смогла остановить вторжение китайцев. К тому же и внутренняя политика Якуб-бека, рекрутская повинность, многочисленные казни, назначение на все высшие государственные должности пришлых «андижанцев», ташкентцев и афганцев, тяжелое налоговое бремя не способствовали его популярности среди местного населения⁶⁶.

⁶⁵ ВОА, У.ЕЕ, 91/41.

⁶⁶ Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ея военные силы; промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 41—47. А.Н. Куропаткин, который побывал в Кашгаре в 1876 г., рапортовал о том, что на все высшие государственные гражданские и военные посты были назначены доверенные лица Якуб-бека — выходцы из Коканда (которых местное население называло «андижанцами»), Ташкента, а также афганцы. Этот факт, а также рекрутские наборы и налоговый гнет сделали Якуб-бека непопулярным в глазах местного населения.

Вид Кашгара. Гравюра XIX в.

Протекторат Османского государства оказался чисто номинальным. Стамбул был не в состоянии контролировать своего вассала и покровительствовать ему. Османская империя не смогла также и оказать существенного влияния на положение в Восточном Туркестане, поскольку внимание ее высшей администрации в этот период было сосредоточено на войне с Россией 1877–1878 гг. и переговорах во время Берлинского мирного конгресса 1878 г. В дальнейшем, вплоть до кануна Первой мировой войны, контакты между Портой и правителями Туркестана практически прервались, хотя и поддерживались на уровне частных лиц нерегулярной перепиской⁶⁷.

⁶⁷ Официальная же была запрещена российской администрацией по положению о недопустимости самостоятельных отношений с представителями великих держав // Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 175–183.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

ВУА — Военный ученый архив.

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.

ИВ АН УзССР — Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР.

ИРГО — Императорское русское географическое общество.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

ЦГА РУз. — Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

А. МКТ. МНМ — Sadaret Mektubi Kalemi Mühimme Evrakı (Фонд заведующего отделением срочных и особо важных дел при делопроизводстве заведующего канцелярией великого визиря).

ВОА — Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Османский архив Кабинета премьер-министра).

САЖ — Central Asiatic Journal (Центрально-азиатский журнал).

d. — dosya (досье).

g. — gömlek (файл, папка).

Ү.ЕЕ — Yıldız Esas Evrakı (Фонд «Основное делопроизводство дворца «Йилдыз»»).

İ.DH. (İrade Dahiliye) — Фонд «Распоряжения и указы Министерства внутренних дел Османского государства».

İ.HR. (İrade Hariciye) — Фонд «Распоряжения и указы Министерства иностранных дел Османского государства».

REFERENCES

1. Babahanov B.M. Kokand khanate: power, politics, religion [Kokandskoe hanstvo: vlast', politika, religiya]. Tokyo–Tashkent, 2010.
2. Dubrovskaya D.V. The fate of Xinjiang. Discovering China «New Frontier» at the End of XIX Century [Sud'ba Sin'czyana. Obretenie Kitaem «Novoy granicy» v konce XIX v.]. M., 1998.
3. Fadeeva I.L. Official doctrines in the ideology and policy of the Ottoman Empire (Osmanism-panturkism) [Oficial'nye doktriny v ideologii i politike Osmanskoy imperii. (Osmanizm-pantyurkizm)]. M., 1985.
4. Halfin N.A. Sultan of Turkey and British expansion in Central Asia (50–80 years of XIX century) [Sultanskaya Turcija i angliyskaya ekspansiya v Sredney Azii (50–80 gg. XIX v.)] // Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta im. Lenina. Novaya seriya. Vyp. 94. Istoricheskie nauki, kn.14. Tashkent, 1957. P. 29–45.
5. Kenesarin A. Sultans Kenesary and Syzdyk [Sultany Kenesary i Syzdyk]. Alma-Ata, 1992.
6. Kuropatkin A.N. Kashgar. Historical and geographical overview of the country, it's military forces; industry and trade [Kashgariya. Istoriko-geograficheskiy ocherk strany, eya voennye sily; promyshlennost' i trgovlya] SPb., 1879.
7. Moiseev V.A. Russia and China in Central Asia. [Rossiya i Kitay v Central'noy Azii] Barnaul, 2003.
8. Nabiev R.N. From the history of the Kokand Khanate [Iz istorii Kokandskogo hanstva]. Tashkent, 1973.
9. Nalivkin V.P. A brief history of the Kokand Khanate [Kratkaya istoriya Kokandskogo hanstva] // Istoriya Sredney Azii. M., 2003. P. 250–461.
10. Petrov V.I. Rebellious «heart» of Asia. Xinjiang: A brief history of people's movements and memories [Myatezhnoe «serdce» Azii. Sin'czyan: kratkaya istoriya narodnyh dvizheniy i vospominaniya]. M., 2003.
11. Veselovsky V.V. Badaulet Yakub Beg, atalyk of Kashgar [Badaulet Yakub-bek, Atalyk Kashgarskiy] // Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo Obshhestva. T. X. Vyp. I–IV, SPb., 1897–1898.
12. Zhukovsky S.V. Russia's relations with Bukhara and Khiva in recent tercentenary [Snosheniya Rossii s Buharoy i Hivoy za poslednee trehsotletie]. Pg., 1915.

13. *Boulger D.C.* The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London, 1878.
14. *Hence P.B.* The Great Game in Kashgaria. British and Russian Missions to Yakub Beg // *Central Asian Survey*. Vol. 8. № 2. 1989. P. 61–95.
15. *Keddie N.R.* Sayyid Jamal ad-Din al Afgani. A Political Biography. Berkeley: University of California Press, 1972.
16. *Kim Hodong.* Holy War in China: the Muslim Rebellion and the State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford University Press, Stanford, California, 2004.
17. *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. Oxford: Oxford University Press, 1979.
18. *Mardin Ş.* The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962.
19. *Newby L.J.* The empire and the khanate: a political history of Qing relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden, Boston: Brill, 2005.
20. *Saray M.* Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1994.
21. *Schwarz H.G.* The Khwajas of Eastern Turkistan // *Central Asiatic Journal*. Vol. XX. № 3–4. P. 266–296.

Ключевые слова:

Восточный Туркестан, Кашгар, Йеттишар, Османская империя, Россия, Якуб-бек, Бек-Кулы.

Alexander D. Vasilev

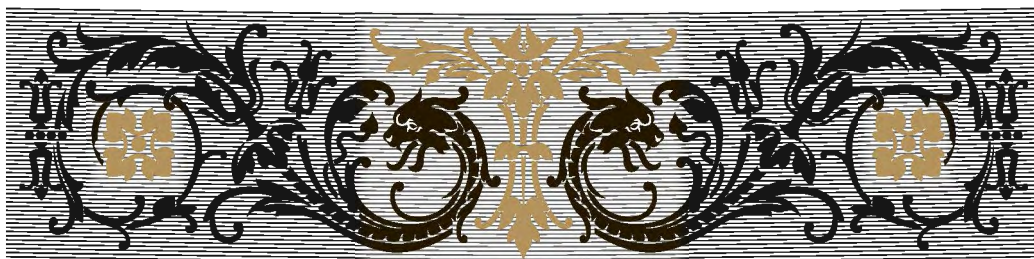
THE OTTOMAN EMPIRE AND THE GREAT GAME IN KASHGAR (1865–1878)

The article examines military, political and diplomatic relations between the Ottoman Empire and Yakub Beg, the head of the kingdom of Kashgaria (centered at Kashgar), in the 60–70s of the 19th c. Yakub Beg who initially was a trusted commander-in-chief of the army of Kokand in the late 1860s took advantage of the anti-Chinese uprisings of Kashgar Muslim inhabitants and created his own independent state. The Great Powers and China weren't able to act accordingly and immediately develop a consistent policy for the region adequate to the new conditions. Under these circumstances the Ottoman Empire became an important political partner of Kashgar in terms of international recognition and strengthening the authority of its ruler. Kashgar's appearance in the Great Game and involvement of the Ottoman Empire allowed the British, who sought to influence Yakub Beg through the Sultan, to maintain the visibility of non-interference in regional affairs. At the same time Yaqub Bek sought to use the third force, represented by the Ottoman Empire, to preserve maximum independence. The Ottoman Empire was able to provide Kashgar with significant military and technical support despite its' remote location from the Central Asian Region. The independent Kashgaria kingdom, Yettishaar, founded by Yaqub Bek, was the only state on the territory of Central Asia, which managed to receive a substantial Ottoman assistance in the 19th c.

 Васильев Александр Дмитриевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья
Института востоковедения РАН

А.Д. Васильев

ТУРЕЦКИЙ СУЛТАН И ПЛЕННЫЕ АНГЛИЧАНЕ В БУХАРЕ

Османский документ из переписки
об освобождении арестованных в Бухаре
британских агентов Чарльза Стоддарта и Артура Конолли

В конце 30-х гг. XIX в. активизировались попытки Великобритании проникнуть в Центральную Азию. В 1838–1839 гг. в разведывательные экспедиции по странам региона были отправлены Джеймс Аббот, Чарльз Стоддарт, Артур Конолли и Ричмонд Шекспир¹. В их задачи входило детальное изучение экономического, политического, военного состояния Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств и укрепление британских позиций в регионе. Им также поручалось любой ценой добиваться того, чтобы английских агентов принимали в качестве посредников в отношениях между ханствами и Россией, что, с точки зрения Лондона, давало возможность приобретать влияние в регионе². Возросшая активность британских агентов в Центральной Азии весьма беспокоила российские власти, которые вынуждены были разрабатывать ответные меры. Деятельность англичан

¹ Более подробно про деятельность английских эмиссаров см.: Хопкирк П. Большая игра: битва империй за Центральную Азию. Алматы: VOX POPULI, 2010. Также см.: Халфин Н.А. Британская экспансия в Средней Азии в 30–40 гг. XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР. № 2. 1958. С. 103–112.

² Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974. С. 273–274.

Докладная записка великого визиря Ходжа Хюсрев Мехмед-паши на имя султана Абдулмеджида. 31 июля 1840 г.

(особенно в Хиве) беспокоила и бухарского эмира Насруллу (1827–1860), который через своих посланников просил русских дипломатов защитить ханство от английского завоевания. Он также просил жестоко наказать хивинцев, грабивших направлявшиеся в Россию бухарские торговые караваны и действовавших, по его мнению, по наущению англичан³.

В этой ситуации в 1839 г. в Бухаре был арестован британский разведчик — агент Ост-Индской компании Ч. Стодарт. Хотя благодаря вмешательству султана его первоначально выпустили из тюрьмы, за ним был установлен постоянный надзор, и эмир отказался выпускать его из Бухары. В 1841 г. в Бухару был направлен другой агент Ост-Индской компании —

³ Там же. С. 279.

А. Конолли, который должен был создать антироссийский альянс Бухары, Хивы и Коканда, а также освободить Ч. Стоддарта. Однако его усилия были тщетными, а он сам также был арестован бухарским эмиром⁴.

Чтобы освободить своих офицеров, англичане попытались использовать авторитет турецкого султана как наиболее могущественного мусульманского правителя. Англичане неоднократно обращались к султану Абдулмеджиду (1839–1861) с просьбой написать письмо бухарскому эмиру, в котором бы содержались требование освобождения пленных и объяснение целей их приезда в Бухару. Авторитета султана должно было бы быть достаточно, чтобы Насрулла освободил британцев. Об этом свидетельствует обширная переписка по данному вопросу, проходившая на протяжении 1839–1843 гг. и сохранившаяся в Османском архиве в Стамбуле⁵.

Читателю предлагается один из данных документов — докладная записка великого визиря Ходжа Хюсрев Мехмед-паши на имя султана Абдулмеджида, в которой излагаются суть проблемы и проект подготовки письма бухарскому эмиру. Документ хранится в Османском архиве кабинета премьер-министра в Стамбуле, в фонде *gade Hariciye* (фонд «Распоряжения и указы по Министерству иностранных дел Османской империи»), дело 17, папка 847⁶. Документ датирован 1 Джемazi'уль Ахыра 1256 г.Х. (31 июля 1840 г.). Несмотря на целый ряд «высочайших посланий», эмир не прислушался к мнению султана и англичане были казнены в июне 1842 г.

«Его Величеству высокородному, высокодостойному, владетельному, милостивому моему господину;

Как было указано Вашим Величеством, в связи с вопросом о спасении задержанного в Бухаре полтора года тому назад (то есть в 1838 г. — А. В.) английского официального лица (то есть Ч. Стоддарта), предпринятым по протекции его превосходительства Лорда Понсонби⁷, со стороны Вашего славного владетельного Величества было поручено подготовить особое письмо [бухарскому правителю]. По доставке указанного высочайшего письма в Бухару⁸ указанное официальное лицо хотя и было освобождено, однако не

⁴ *Армичий Вамбери*. Путешествие по Средней Азии. М.: ИВ РАН, 2003. С. 299.

⁵ В частности см.: ВOA, I.NR. dosya 8, gömlek 388, 391, 399; ВOA, I.NR. dosya 17, gömlek 849, 850; ВOA, I.NR. dosya 23, gömlek 1097; ВOA, I.NR. dosya 24, gömlek 1104.

⁶ ВOA, I.NR., d. 17, g. 847. Документ ранее не издавался и на русском языке публикуется впервые.

⁷ *Джон Понсонби* (1770 — 21.2.1855) — 1-й виконт Понсонби Аймокильский (20.4.1839), 2-й барон Понсонби, британский дипломат. В 1832–1841 гг. посол в Константинополе.

⁸ Предположительно, доставлено в Бухару во второй половине 1839 г.

могло покинуть Бухару. Посланный впоследствии Индийским правительством⁹ для связи с вышеупомянутым правителем (эмиром Бухары. — А. В.) официальный представитель по имени Каноли (А. Конолли. — А. В.) также был схвачен, а вместе с ним и другой (Ч. Стоддарт. — А. В.), поскольку сопровождал его¹⁰. Поскольку Месье Конолли умоляет и нижайше просит Ваше Высокое и владетельное величество повелеть предпринять высокие, могущие оказать влияние, усилия для освобождения вышеупомянутых, то на днях состоялось заседание особого высокого собрания, прежде всего, для рассмотрения произошедшего и принятия необходимых мер. Было принято решение подготовить августейшее письмо, в котором бы от упомянутого правителя (Бухарского эмира) требовался бы соответствующий образ действий и подчинение для того, чтобы были приложены усилия и [проявлена] расторопность по освобождению из заточения указанного прибывшего позднее официального лица, а также сопровождавшего его официального лица. Так как прибывшее от Индийского правительства лицо было задержано, то от имени Его славного Величества необходимо объявить, что указанные лица находятся под его покровительством. В этом отношении в связи с высказанной просьбой снова требуется подготовить особое августейшее письмо, да будет оно одобрено и согласовано с Обладающим славой и высокими титулами венценосцем, тщательно обдуманно и верно выправлено, и если указанное дело Его Величество владыка халифата и мира соизволит благоволить, и даст свое высочайшее распоряжение и священный приказ, решение по данному делу будет изложено письменно. С благими пожеланиями и со всей возможной скоростью было подготовлено данное тезкире».

Далее следует вертикальная надпись под углом примерно 45 градусов к тексту, начинающаяся внизу страницы и продолжающаяся вверх: «Да будет известно всем, что являющееся продолжением всех добрых дел данное безупречное послание визиря было велено выполнить падишахом и поскольку подготовка и выпуск специального письма в связи с этим являются делом угодным Его Величеству владыке носителю высоких титулов, высочайше приказывается считать за честь написать и подготовить данное письмо. И в этой связи приказ и фирман падишаха».

⁹ Имеется в виду администрация Британской Индии.

¹⁰ Конолли был отправлен со спасательной миссией в Бухару в 1841 г. и намеревался вывезти оттуда Стоддарта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

İ.HR. (İrade Hariciye) — Фонд «Распоряжения и указы по Министерству иностранных дел Османской империи».

d. — dosya (досье).

g. — gömlek (файл, папка).

ВОА — *Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi* (Османский архив кабинета премьер-министра).

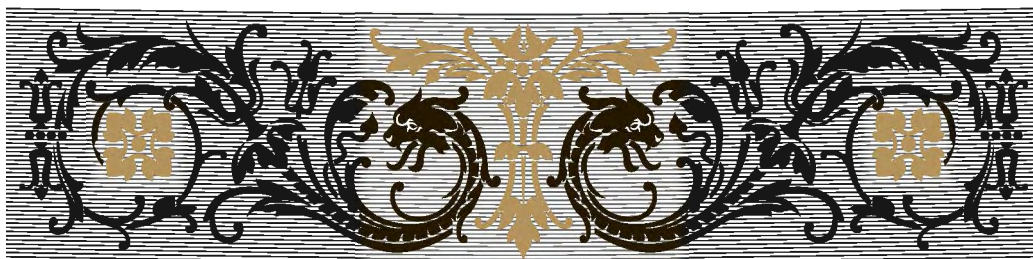
REFERENCES

1. *Arminius Vamberi*. Journey through Central Asia. [Puteshestvie po Sredney Azii.] Moscow, Institute of Oriental Studies, 2003.
2. *Khal'fin N.A.* Russia and the Central Asian Khanates (First Half of the XIX cent.). [Rossiya i hanstva Sredney Azii (Pervaya polovina XIX v.).] Moscow, Nauka, 1974.
3. *Khal'fin N.A.* British Expansion into Central Asia in 30–40's of XIX cent. and the Mission of Richmond Shakespeare. [Britanskaya ekspansiya v Sredney Azii v 30–40 gg. NIИ v. i missiya Richmonda Shekspira] // Istoriya SSSR. № 2. 1958. P. 103–112.
4. *Hopkirk P.* Great Game: the battle of empires for Central Asia. [Bol'shaya igra: bitva imperiy za Central'nuyu Aziyu.] Almaty: VOX POPULI, 2010.

 Васильев Александр Дмитриевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН

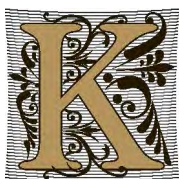

С.А. Кириллина, М.С. Мейер

СВЯЩЕННАЯ КНИГА МУСУЛЬМАН: КОРАН В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСЛАМОВЕДОВ¹

*Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.*

(А.С. Пушкин. Подражания Корану)²

Коран предстает перед нами как эпохальное явление в истории человечества и ислама, как выдающегося феномена мировой культуры. Изучение этого единственного в своем роде памятника арабской и мировой словесности имеет в России давнюю историю. При этом освоение богатейшего духовного наследия мира ислама и «сердцевины» исламской идеологической системы — Священной книги мусульман — велось и продолжа-

¹ В основу статьи легли предшествующие публикации на данную тему: Мейер М.С., Кириллина С.А. Коран в фокусе российского исламоведения: традиции и современность // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2007. № 4; Kirillina S.A., Meyer M.S. Qur'anic Studies in Russia: Traditions and Accomplishments // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 4.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1937. С. 467.

ет осуществляться в русле исламской и неисламской традиций. Именно внеисламская традиция находится в фокусе данной статьи, посвященной в основной своей части анализу исследовательских подходов к Корану в «светской» науке и современному состоянию отечественного корановедения как части классического академического и университетского востоковедения.

Геополитические интересы и духовно-культурные устремления России на различных этапах ее развития предопределяли необходимость всестороннего знакомства россиян с ближневосточным регионом, его религией и культурой. Однако длительное время представления россиян об исламе и его Священной книге детерминировались православно-церковным взглядом на мир. Широкое развертывание христианского паломнического движения привело к появлению трудов, выполненных в жанре «хождений», в которых традиционный экспрессивно-негативный христианоцентристский подход к исламу соседствовал со спонтанной оптимистической реакцией на культуру мусульманства, задававшей координаты будущего с ней диалога³.

С конца XV столетия с развитием дипломатических отношений Московского государства с Османской империей и интенсификацией неофициальных контактов, осуществлявшихся богомольцами, духовными лицами, путешественниками, купцами и т.д., начинает постепенно, но неуклонно нарастать число трактатов об исламе. Первыми попытками перевода Корана на славянский, а именно на белорусский, язык стали относящиеся к XV–XVII вв. подстрочники, выполненные в арабской графике обосновавшимися в Литве татарами. Первое специальное сочинение о Коране появилось в России в 1683 г. Оно было посвящено царевичам Петру, будущему российскому самодержцу, и его брату Иоанну⁴.

Новый импульс освоение мусульманского Востока получило в эпоху правления выдающегося монарха-реформатора Петра I (1682–1725 гг., с 1721 г. — первый император России), положившего начало становлению научного востоковедения в России, в том числе изучению религий и языков Ближнего Востока. Петровские дипломатические, культурные и

³ Об образе ислама и его носителей в российских паломнических описаниях см.: Kirilina S.A. Islam and its Adherents as they are represented in Russian Pilgrims' Reports of the Eighteenth Century // Society and Economy in Egypt and the Eastern Mediterranean 1600–1900. Essays in Honor of André Raymond. Cairo; New York, 2005; главу «Мир ислама» в монографии: Кириллина С.А. «Очарованные странники»: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010. С. 407–466.

⁴ Грязневич П.А. Коран в России (изучение, переводы и издания) // Ислам: религия, общество, государство. М., 1984. С. 76–77.

Начальная страница перевода Корана, выполненного П.В. Постниковым. XVIII в.

просветительские начинания включали инициативы русского царя по отправке в Иран и Стамбул молодых людей для обучения восточным языкам⁵ и организации первой типографии с арабским шрифтом (1722 г.). По указу Петра I, что наиболее важно в контексте рассматриваемой темы, Петром Постниковым был сделан первый перевод текста Корана на русский язык с франкоязычной версии дипломата и ориенталиста Андре дю Риё⁶, увидевший свет в 1716 г.⁷, а в 1722 г. составлено подробное изложение содержания Священной книги ислама и биографии пророка Мухаммада. Именно с Петровской эпохи начинается история переводов Корана на русский язык, которая «не ограничивается пределами истории востоковедения в России», поскольку «ей принадлежит особая страница в анналах русской культуры»⁸.

⁵ Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Соч. в 9 т. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 29; Даница Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973. С. 55.

⁶ Du Ryer A. L'Alcoran de Mahomet. Paris, 1647.

⁷ Подробнее см.: Густерин П.В. Петр Постников и его перевод Корана // URL: <http://islam-info.ru/koran/1582-petr-postnikov-i-ego-perevod-korana.html>; он же. Несколько замечаний по вопросу о первенстве в переводе Корана на русский язык // URL: <http://islam-info.ru/koran/page,1,1616-neskolko-zamechanij-po-voprosu-o-pervenstve-v.html>. Обращаем внимание читателя на книгу П.В. Густерина «Коран как объект изучения» (Саарбрюккен, ФРГ, 2014), в которую помимо прочих вошли ранее опубликованные статьи, посвященные изучению Корана в России.

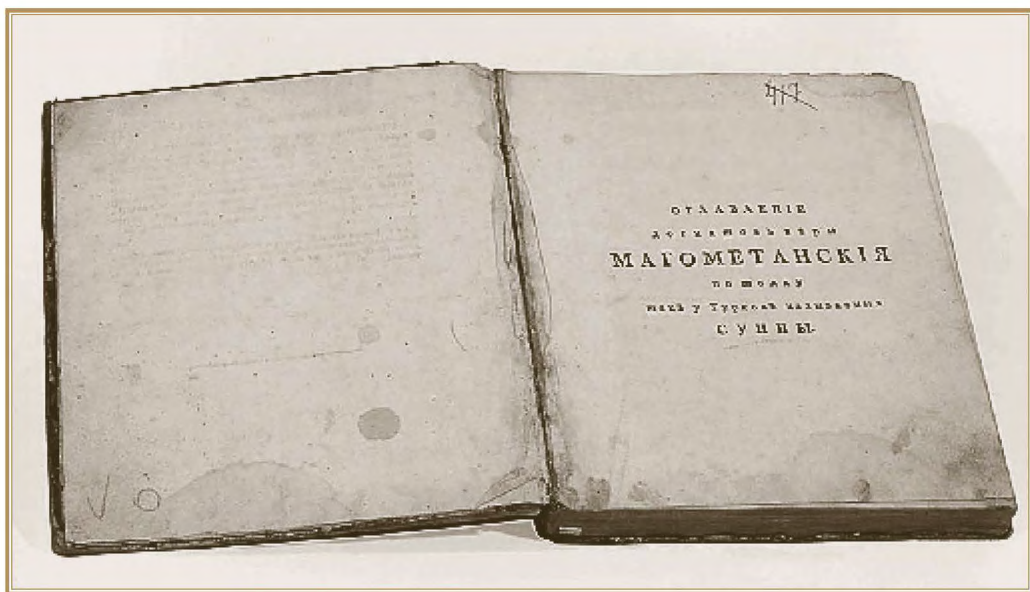
⁸ Грязневич П.А., Беляев В.А. Предисловие // Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1963. С. 3.

Сильвестр
де Саси.
Портрет XIX в.

Екатерина II (1762–1796 гг.), будучи поклонницей Просвещения, декларировала свою толерантность в отношении российских мусульман и демонстрировала явную заинтересованность в том, чтобы привлечь их на свою сторону. Тем самым она стремилась уменьшить идейное влияние Османской империи и обеспечить себе надежный тыл во время русско-турецких войн. В 1787 г. в России впервые был отпечатан полный арабский текст Корана, предназначенный для бесплатной раздачи среди мусульман России. Петербургское издание Корана наряду с распоряжением императрицы о строительстве мечетей за государственный счет представляли собой две составляющие откровенно колониального проекта, который осуществлялся, по словам самой Екатерины, «не для введения магометанства, но для приманки на уд»⁹. Однако он приобрел важное культурное значение. Так называемый «петербургский» Коран выдержал ряд переизданий и получил широкое хождение на Западе, где получил самую высокую оценку маститых европейских востоковедов, в том числе мэтра французской ориенталистики Сильвестра де Саси (1758–1838). На Востоке его жаловали за «мусульманский характер», поскольку текст к печати был подготовлен муллой Усманом Исмаилом. С начала XIX в. многочисленные копии этого текста воспроизводились в казанской типографии. В истории печатного текста Корана «петербургскому» и «казанскому» Коранам принадлежит

⁹ Резван Е.А. Коран в России // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. М., 1998. С. 50.

Коран в переводе М. Веревкина. Конец XVIII в.

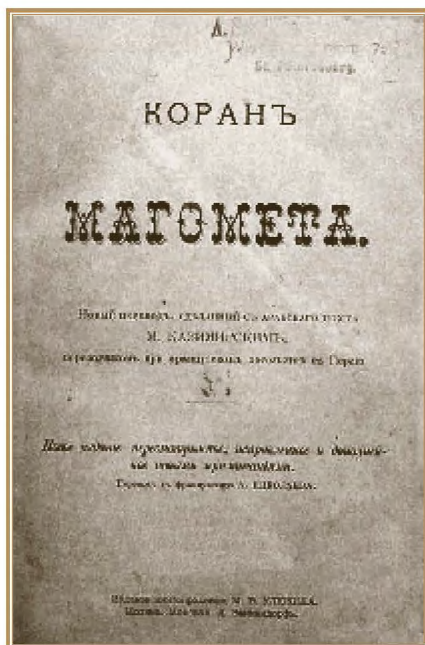
почетное место: они служили своего рода «эталонам» в отношении фиксирования единообразия коранического текста до тех пор, пока в 1834 г. немецкий исламовед Густав Флюгель не опубликовал заново выверенный текст Корана.

Начиная с эпохи Петра I и вплоть до начала 60-х гг. XIX в. все переводы Корана на русский осуществлялись не с оригинала. В основе перевода Михаила Веревкина (1790 г.) лежала вышеупомянутая франкоязычная версия Андре дю Риё, Алексея Колмакова (1792 г.) — англоязычная версия британского ориенталиста Джорджа Сейла (1697–1376)¹⁰, К. Николаева (1864 г.) — франкоязычная версия известного французского востоковеда и дипломата Альбина де Биберштейна Казимирского (1808–1887)¹¹. По авторитетному мнению П.А. Грязневича и В.А. Беляева, эти переводы «сыграли свою положительную роль, дав возможность русскому читателю непосредственно познакомиться с главной религиозной книгой мусульман и способствуя устранению бытовавших подчас нелепых представлений об этом памятнике и тем самым — лучшему пониманию особенностей быта и культуры народов мусульманского Востока»¹².

¹⁰ Sale G. The Koran: Commonly Called the Alcoran of Mohammed. London, 1734.

¹¹ Biberstein-Kazimirski Albert de. Le Koran: traduction nouvelle faite sur le text arabe. Paris, 1840.

¹² Грязневич П.А., Беляев В.А. Предисловие. С. 4.

Издание перевода
Корана, выполненного
К. Николаевым. XIX в.

Особого внимания заслуживает перевод М.И. Веревкина (1732–1795), отличающийся высокими литературными достоинствами. Его автор, талантливый и плодовитый ученый и литератор, член Российской и Императорской академий наук, внес в свой перевод церковнославянский элемент, что привело к торжественности стиля, которую и ожидал читатель Священной книги. Этот перевод оказал существенное влияние на русскую литературу XIX столетия. Именно он послужил источником вдохновения для А.С. Пушкина, который в 1824 г. переложил в стихотворной форме фрагменты тридцати трех коранических сур, составивших «Подражания Корану», жемчужину творчества поэта, которая входит во все издания его сочинений. Нельзя не согласиться с мнением выдающегося отечественного корановеда Д.В. Фролова, который считает, что гениальность А.С. Пушкина проявилась помимо прочего и в том, что он в своих «Подражаниях Корану» намного ближе, чем профессиональный переводчик, подошел к пониманию сущности коранического текста как в плане его лексического и стилистического богатства, так и в отношении его теолого-философского содержания. «Подражания Корану» подстегнули читательский интерес к Священной книге мусульман, и ряд видных российских деятелей культуры восприняли пушкинскую «свободную» трактовку коранических постулатов¹³. В этой

¹³ См., например, вышедшую в свет в 2006 г. антологию произведений русских поэтов XIX–XX вв. «Взаимопроникновение культур. Коран в русской поэзии» (сост.: Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко).

А.К. Казем-Бек.
Портрет XIX в.

связи нелишне вспомнить о том, что Ф.М. Достоевский, выступая в 1880 г. со своей знаменитой речью о Пушкине на публичном заседании Общества любителей российской словесности, приуроченном к открытию памятника поэту, после упоминания о «Подражаниях Корану» задался риторическим вопросом: «Разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана ...?»¹⁴

Качественно новый этап аккумуляции достоверных знаний об истории, политике, религии и культуре мира ислама и их освоения российской ориенталистикой связан со второй половиной XIX столетия. Эти процессы нашли отражение как в переводах, так и в исследованиях Корана. В конце 60-х гг. XIX в. в Санкт-Петербурге был издан «Полный конкорданс Корана»¹⁵ ученого персидского происхождения Мирзы Мухаммада Али (Александра Касимовича) Казем-Бека (1802–1870)¹⁶, наставника плеяды казанских и петербургских ориенталистов, который, по словам академика В.В. Бартольда, создал «своими лекциями ... русское востоковедение»¹⁷. Казем-Бек, ученый, умело сочетавший традицион-

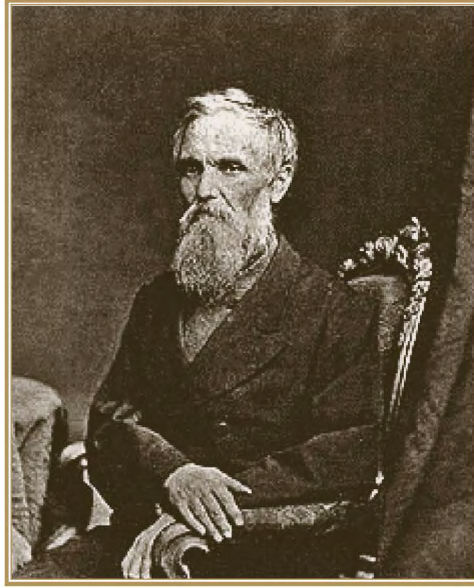
¹⁴ *Достоевский Ф.М.* Пушкин (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Дневник писателя. 1880 год // URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0520.shtml

¹⁵ *Казем-Бек М.А.* Полный конкорданс Корана, или ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги. СПб., 1859.

¹⁶ О нем см.: *Рзаев А.К.* Мухаммед Али М. Казем-бек. М., 1989.

¹⁷ *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Соч. в 9 т. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 467.

Г.С. Саблуков.
Портрет XIX в.

ный исламский подход к Корану с опытом, накопленным в этой области европейской востоковедной наукой, трудился над «Конкордансом» более четверти века, и его публикация свидетельствовала о продвижении российского исламоведения к передовым рубежам западноевропейской ориенталистики.

Важным явлением в истории российского востоковедения второй половины XIX в. явились переводы Корана с арабского оригинала. В 1877 г. был опубликован перевод Священной книги ислама, выполненный крупнейшим представителем казанской школы исламоведения, тюркологом и арабистом Г.С. Саблуковым (1804–1880). Казань в то время, когда там трудился Г.С. Саблуков, являлась официальным имперским центром, где формировалась идеология православного миссионерства и где с 40-х гг. XIX в. до 1920 г. на «противомусульманском» миссионерском отделении Казанской духовной академии усиленно изучалась история ислама¹⁸. Хотя миссионерский пафос не миновал коранических штудий Г.С. Саблукова, его работы, посвященные истории ислама, по оценке знатока его научного наследия Р.М. Валеева, намного превзошли «“изыскания” ряда других исламоведов-миссионеров с их основным принципом подбора сомнительных исторических “фактов” и грубо-тенденциозных толкований»¹⁹.

¹⁸ О казанском миссионерском исламоведении см.: Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.). Казань, 1998. С. 198–215.

¹⁹ Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины — второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков — тюрколог и исламовед. Казань, 1993. С. 60.

В богатом исламоведческом наследии Г.С. Саблукова выделяются его обзорный труд о Коране²⁰, который А.Е. Крымский называл «эрудитной книгой»²¹, и «Приложения к переводу Корана»²² — указатель к Корану, не имевший аналогов в Европе конца XIX в. Однако известность Г.С. Саблукову принес именно перевод Корана. В начале 40-х гг. XX в. академик И.Ю. Крачковский констатировал, что перевод Г.С. Саблукова «испытание временем ... уже выдержал»²³. Действительно, судьба уготовила его переводу долгую жизнь. До публикации перевода Корана И.Ю. Крачковского в 1963 г. перевод Г.С. Саблукова удовлетворял «нужды науки и разнообразные запросы русского общества»²⁴, а в последние десятилетия, так же как и перевод И.Ю. Крачковского, он неоднократно переиздавался массовым тиражом. Перевод Г.С. Саблукова несомненно способствовал углублению научных основ корановедения. С момента его опубликования главными ракурсами при освещении российскими исламоведами Корана стали различные аспекты анализа коранического текста как основополагающего источника мусульманского вероучения, как религиозно-законодательного памятника, как памятника арабской литературы и культуры и как исторического источника.

Одновременно с Г.С. Саблуковым над русской версией коранического текста работал генерал Д.Н. Богуславский (1826–1893), драгоман русского посольства в Стамбуле. В предисловии к рукописи он писал: «Перевод этот не предназначался к печатанию. Живя долгое время на Востоке и занимаясь в свободное от службы время мусульманской литературой, ... я незаметно перевел почти весь Коран»²⁵. Весьма позитивно отзывались о рукописных материалах из архива Д.Н. Богуславского корифеи российской арабистики И.Ю. Крачковский и В.Р. Розен, отдавая дань точности перевода и его литературным достоинствам. Однако этот перевод обрел своего издателя только на исходе XX столетия²⁶.

²⁰ Саблуков Г.С. Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения. Казань, 1884.

²¹ Крымский А.Е. История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фыкха, сунны и пр.). Ч. 1. М., 1911. С. 160.

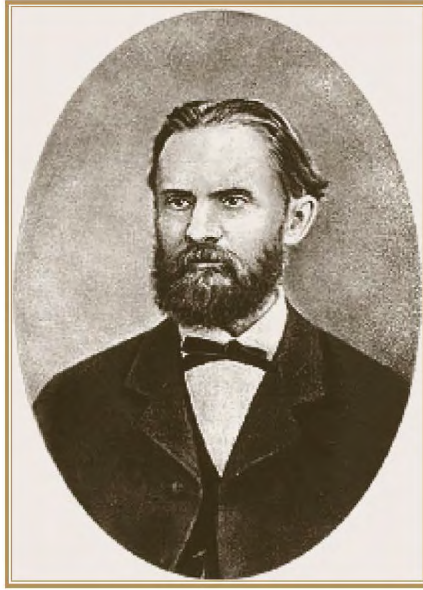
²² Саблуков Г.С. Приложение к переводу Корана Гордия Саблукова. Вып. 1 (приложение первое). Казань, 1879.

²³ Крачковский И.Ю. Чернышевский и ориенталист Г.С. Саблуков // Избр. соч. В 6 т. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 223.

²⁴ Грязневич П.А. Коран в России. С. 80.

²⁵ Коран / Пер. с араб., коммент. и прим. Д.Н. Богуславского. İstanbul, 2000. С. XIII.

²⁶ Коран / Пер. и коммент. Д.Н. Богуславского, публ. Е.А. Резвана при участии А.Н. Вейрауха. СПб., 1995. Это коллекционное издание, выполненное в ручном переплете из те-

В.Ф. Гиргас

В конце XIX — начале XX в. существенный вклад в изучение коранической тематики внесли видные российские ученые, имена которых весомы в мировой ориенталистике. В 1881 г. один из зачинателей новой школы российской арабистики В.Ф. Гиргас (1835—1887) издал «Арабско-русский словарь к Корану и хадисам», востребованный не одним поколением исламоведов. Этот словарь быстро стал библиографической редкостью, и, наконец, в 2006 г. вышло его долгожданное переиздание²⁷, повторенное в 2010 г.

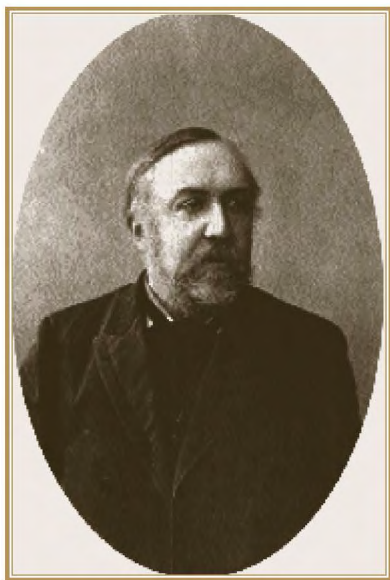
Активно работал с коллекциями рукописей Корана прославленный ученый, педагог и организатор науки В.Р. Розен (1849—1908), отношение которого «к различным отраслям русского ориентализма определялось, по словам В.В. Бартольда, ... его взглядом на русское востоковедение как один из важнейших факторов русской культуры»²⁸. В.Р. Розен по праву считается основателем петербургского академического востоковедения, поскольку его учениками были «звезды» российской ориенталистики и в том числе ученые, внесшие весомую лепту в корановедение. Из «творческой мастерской» В.Р. Розена вышли А.Э. Шмидт (1871—1939), автор капитального труда «Очерки ислама как религии» (СПб., 1912), а также эксперт по арабской палеографии А.Ф. Шебунин

лячьей кожи с тиснением золотом и серебром, в футляре телячьей кожи с аналогичным тиснением в стиле изданий XIX в., вышло тиражом 100 номерных экземпляров. «Коран» в переводе Д.Н. Богуславского стал доступен для читателя после появления, начиная с 2001 г., его дешевых изданий, отпечатанных в Стамбуле.

²⁷ Гиргас В.Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. М.; СПб., 2006.

²⁸ Бартольд В.В. Барон В.Р. Розен и русский провинциальный ориентализм // Соч. в 9 т. Т. 9. М., 1977. С. 589.

В.Р. Розен

(1867–1937), высказавший идею о необходимости планомерного исследования и описания ранних списков Корана²⁹. Воспитанниками В.Р. Розена были классики российского востоковедения И.Ю. Крачковский и В.В. Бартольд.

Пристальное внимание Корану уделял А.Е. Крымский (1871–1942), уникальный специалист, одинаково ярко проявивший себя в области арабистики, иранистики и тюркологии. Он посвятил Корану два специальных выпуска вузовских лекций, энциклопедические статьи и фрагменты своих работ по истории ислама, а также опубликовал комментированный перевод ряда сур³⁰. А.Е. Крымский подчеркивал, что Коран для востоковедов «есть первый и надежнейший источник для изучения неподдельных идей ислама»³¹, и понять величие этого выдающегося памятника арабо-мусуль-

²⁹ Шebuнин А.Ф. Куфический Коран Имп. СПб. Публичной библиотеки // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (ЗВОРАО). Т. VI, СПб., 1891; *он же*. Куфический Коран Хедивской библиотеки в Каире // ЗВОРАО. Т. XIV. СПб., 1901.

³⁰ См., например: *Крымский А.Е.* Мусульманство и его будущее. Прошлое ислама, современное состояние мусульманских народов, их умственные способности, их отношения к европейской цивилизации. М., 1899; *он же*. Лекции по Корану. Вып. I. Суры старейшего периода. Перевод с объяснениями. М., 1902; *он же*. История мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополненные переводы из Дози и Гольдциера. Ч. 1–2. 2-е изд. М., 1904; *он же*. Суры старейшего периода (перевод с объяснениями). Лекции по Корану, читанные в 1905 г. Прилож. к «Истории мусульманства». М., 1905. Подробнее об исламоведческих работах А.Е. Крымского см.: *Гурницкий К.И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980. С. 81–83, 118–122.

³¹ *Крымский А.Е.* История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фyxха, сунны и пр.). Ч. 2. История от древнейших времен. М., 1912. С. 164.

А.Е. Крымский

манской и мировой культуры можно, лишь проникнувшись духом эпохи, в которую он был создан. Взгляды А.Е. Крымского на Коран во многом соответствовали широко распространенному в то время европоцентристскому подходу, а некоторые оценки звучали излишне категорично³², что, однако, не умаляет ценности его коранических штудий³³.

Представители поколения ученых-востоковедов, чья творческая зрелость пришла на годы крушения в России царской власти и установления советского строя, ощущали постепенную смену свободной творческой атмосферы идеологическим давлением. В конце 1920-х гг. новые власти развернули мощную антирелигиозную кампанию, нацеленную на превращение российских мусульман в покладистых атеистов. Позднее, в 1930-е гг. в научных кругах и на страницах периодической печати была развернута непродуктивная академическая дискуссия о происхождении и классовой сущности ислама, за которой последовало резкое обострение борьбы за «идейную чистоту» исламоведения и достижение «принципиального теоретического единства» ученых, работавших над исламоведческой пробле-

³² В частности, А.Е. Крымский был весьма невысокого мнения о языке Корана. Суть коранической рифмованной прозы, по его суждению, сводилась к тому, что мысль выражалась «группой коротких фразок, снабженных одинаковой рифмой». Эта литературная форма казалась А.Е. Крымскому схожей с речью великорусских раешников или — в случае большей близости к стихам — с малорусскими думами кобзарей (Крымский А.Е. История арабов и арабской литературы, светской и духовной. Ч. 1. М., 1911. С. 180).

³³ Постреволюционная академическая карьера А.Е. Крымского была столь же продуктивной, как и в предшествующий период, но к кораническим исследованиям он больше не возвращался.

В.В. Бартольд

матикой. «Идеологически неверно» мыслящие исламоведы подвергались уничтожающей критике за «порочность теоретических представлений» и «исповедание чуждых политических взглядов», за то, что они идут на поводу у «огнедышащего дракона, чудовища мирового империализма» и «подражают мусульманскому богословию и западноевропейскому миссионерству»³⁴. Идеологически ангажированные подходы и методы решения узловых проблем исламоведения определялись реалиями атеистического бытия и общей идеологической установкой о реакционности любой религии с момента ее зарождения. Многие публикации тех лет, написанные авторами, не обладавшими необходимыми профессиональными востоковедными навыками и лингвистической подготовкой, были отмечены незнанием первоисточников и произвольным толкованием материала, что усугубляло методологические просчеты. Именно в это время была выдвинута гипотеза о коллективном авторстве Корана, а также сделано абсурдное предположение о появлении Корана в X–XI вв. и его письменной фиксации в XIV столетии, при османском султানে Османе I (1281–1324 или 1326 гг.). В то же время на общем фоне посредственных работ резко выделялись серьезные исследования исламоведческого и корановедческого круга.

Историк мирового масштаба В.В. Бартольд (1869–1930) к исламоведческой проблематике обращался неоднократно, «проявляя при этом са-

³⁴ Почта Ю.М. Революционная Россия и мусульманский мир (советское исламоведение в 20–30-е годы) // Восток. 1993. № 4. С. 88, 84, 89.

И.Н. Винников

мую высокую и редкую по тем временам степень толерантности и объективности»³⁵. Хотя статья «Коран и море» (1925 г.) так и осталась единственной работой исследователя, специально посвященной анализу текста Священной книги ислама, кораническая проблематика в той или иной мере представлена в его ставших классическими трудах «Ислам» (1918 г.), «Культура мусульманства» (1918 г.), «Мусульманский мир» (1922 г.), ««О Мухаммеде»» (1939 г.).

Этнографическими аспектами коранического текста занимался лингвист-семитолог И.Н. Винников³⁶. Коран как исторический источник стал объектом исследований талантливого историка К.С. Кашталевой (1897–1938), которая, по свидетельству ее наставника И.Ю. Крачковского, «применила оригинальный терминологический подход к его изучению и на ряде этюдов показала значение нового подхода для внутренней истории памятника и фиксации хронологического порядка его частей»³⁷. В конце 1930-х гг. она опубликовала ряд мастерски выполненных исследований о терминологии, языке и стиле Корана, основываясь на контекстовом ана-

³⁵ Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004. С. 21.

³⁶ Винников И.Н. Коранические заметки: Коран 96:12 // Исследования по истории культуры Востока. М.; Л., 1960; *он же*. Легенда о призвании Мухаммада в свете этнографии // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности: 1882–1932. М., 1934.

³⁷ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 241.

лизе коранической лексики³⁸. Однако ее планам написать диссертацию о терминологии Коране не суждено было сбыться. Ее блестящая статья о «Подражаниях Корану» Пушкина и их первоисточнике³⁹ вскоре после ее опубликования была подвергнута уничтожающей критике как «идеологически не выдержанная», что стало причиной исключения К.С. Кашталевой из аспирантуры. Плоды ее последующих изысканий в области коранистики так и не стали достоянием читателя⁴⁰.

Основные достижения корановедения в советский период связаны с именем одного из патриархов российской арабистики и исламоведения И.Ю. Крачковского (1883–1951), чье объемное научное творчество вошло в золотой фонд российской науки. Работая над переводом Корана, И.Ю. Крачковский подходил к кораническому тексту «как к литературному памятнику, созданному в определенную эпоху и в определенной социальной среде, отразившему политическую и идеологическую обстановку своего времени и вобравшему в себя весь предшествующий эстетический опыт арабской культуры»⁴¹. Вот что пишет о долгой и трудной истории этого перевода петербургский арабист А.А. Долинина, автор прекрасной монографии о И.Ю. Крачковском, названной ей «Невольник долга»: «“Антирелигиозный пресс” задел, естественно, и работу в области мусульманской литературы: перевод Корана, начатый еще в 1921 году, был закончен летом 1928-го и ... лег в стол мертвым грузом, не получив окончательной отделки. Опубликованный 35 лет спустя, этот перевод и в таком виде явился крупным событием в исламоведении»⁴². Последующая работа над комментариями к кораническому тексту, которую И.Ю. Крачковский не оставлял до конца жизни, неизменно осложнялась нападками на ученого, которого обвиняли во всех мыслимых идеологических отклонениях, в том числе в смертном грехе «космополитизма», в раболепии перед Западом и сознательном игнорировании учения основоположников марксизма-ленинизма.

³⁸ См.: Кашталева К.С. О термине «ата'а» в Коране // Доклады Академии наук СССР. Востоковедение (ДАН-В), 1926; она же. О терминах «Ансаба» и «Аслама» в Коране // ДАН-В, 1926; она же. К переводу 77 и 78 стиха 22 суры Корана // ДАН-В, 1927; она же. К вопросу о хронологии 8, 24, 47 сур Корана // ДАН-В, 1927; она же. О термине «шахида» в Коране // ДАН-В, 1927; она же. Терминология Корана в новом освещении // ДАН-В, 1928; она же. О термине «ханиф» в Коране // ДАН-В, 1928.

³⁹ Кашталева К.С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки кабинета Востока. 1930. № 5.

⁴⁰ О К.С. Кашталевой см.: Долинина А.А. Невольник долга. СПб., 1994. С. 281–282; Резван Е.А. Коран и его мир. СПб., 2001. С. 58–59.

⁴¹ Долинина А.А. Невольник долга. С. 235.

⁴² Там же.

И.Ю. Крачковский

Попутно заметим, что инициатор кампании против И.Ю. Крачковского, воинствующий атеист Л.И. Климович (известный в студенческо-преподавательской среде под прозвищем «Клеймович»⁴³) стяжал лавры «эксперта-корановеда», а его рассчитанные на «пропагандистов ... и всех, интересующихся проблемами атеизма» одиозные опусы были призваны, по замыслу автора, доказать то, что «догматы и учения Корана исторически ограничены, а выраженные в них положения несовместимы с наукой и прогрессом»⁴⁴. Весьма печально то, что именно труды Л.И. Климовича и подобных ему разоблачителей «реакционной сущности» ислама были продолжительное время наиболее доступны широкой читательской аудитории.

Вернемся к размышлениям А.А. Долининой о переводе Корана, выполненном И.Ю. Крачковским. Сокрушаясь по поводу того, что после его публикации «обширный комментарий к нему так и остался нераскрытым, “свернутым”», она задается риторическими вопросами: «А если бы — тогда? И в тщательной авторской обработке, с развернутым комментарием?»⁴⁵ Действительно, вариант перевода, впервые изданный в 1963 г., через 12 лет после кончины ученого, представляет собой, по сути, публикацию архивных материалов, в ряде случаев сохраняет форму под-

⁴³ Там же. С. 383.

⁴⁴ Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М., 1986. С. 271; *он же*. Коран, его догматы и учения // Ислам. Очерки. М., 1962. С. 108. См. также: *он же*. Коран и его догматы. Алма-Ата, 1958.

⁴⁵ Долинина А.А. Невольник долга. С. 235.

строчника и не свободен от ошибок. Однако даже в незавершенном виде, по мнению авторитетных специалистов-востоковедов, осуществленный И.Ю. Крачковским перевод Корана по характеру подхода к тексту и филологической точности превосходит не только русские, но и многие европейские переводы⁴⁶.

Перевод И.Ю. Крачковского получил высокую оценку со стороны не только российских академических кругов⁴⁷, но и со стороны отечественного мусульманского сообщества. «Сегодня, спустя более столетия, — читаем во всероссийской газете «Ислам минбаре» («Трибуна ислама»), официальном печатном органе Духовного управления мусульман Европейской части России, — все более очевидным становится эпохальное значение научного творчества Игнатия Крачковского, по сути дела первым открывшего современному русскоязычному читателю, в том числе и мусульманскому, текст Корана»⁴⁸.

В постперестроечной России появились новые переводы Корана, осуществленные как специалистами высокой квалификации, так и некомпетентными дилетантами. Наибольших нареканий со стороны востоковедного сообщества заслужил буквально заповоливший полки книжных магазинов стихотворный перевод Корана Валерии (Иман) Пороховой⁴⁹. Ажиотаж, вызванный этим переводом, приобрел нездоровый оттенок, когда в прессе появились сообщения о его якобы «канонизации»⁵⁰. Поток хвалебных рецензий не прекратился даже после того, как сформированная в 1997 г. Министерством вакфов (*Дар аль-аукаф*) Дубая международная комиссия по анализу этого перевода публично призвала к его запрету. Тот факт, что Валерия Порохова не владеет арабским языком и не обладает необходимыми профессиональными навыками, никак не повлиял на коммерческий успех ее перевода. Как совершенно справедливо заметил Е.А. Резван, перевод Пороховой «являет собой синтез в высшей степени удачного менеджмента и крайне безграмотной реализации сложнейшей научной задачи»⁵¹.

⁴⁶ Грязневич П.А. Коран в России. С. 82; Резван Е.А. Коран и его мир. С. 443.

⁴⁷ Несмотря на наличие в сегодняшней России широкой палитры переводов Священной книги мусульман, для большинства российских ученых-востоковедов рабочим переводом Корана остается перевод И.Ю. Крачковского.

⁴⁸ Емельянов Исмаил-Валерий. 125-летие со дня рождения переводчика Корана // Ислам минбаре. № 2. 2008.

⁴⁹ Коран / Пер. смыслов и коммент. Валерии Пороховой. М., 1993.

⁵⁰ Подробности см.: Ушаков В.А. Какой нужен перевод Корана: «канонический» или научный? // Коран в России (по материалам «круглого стола» «Священный Коран в России: духовное наследие и исторические судьбы»). М., 1997.

⁵¹ Резван Е.А. Коран и его мир. С. 449.

Корана М.-Н.О. Османова. В 1996 г. вышла в свет монография В.Д. Ушакова о фразеологии Корана⁶⁰, в которой анализируются коранические фразеоречения — *амсал* — с привлечением компаративного материала, почерпнутого из арабского средневекового фольклора, в том числе из поэтического наследия доисламского и раннеисламского периода, а также сборников пословиц, поговорок и мудрых изречений классической эпохи, в частности из «Амсал ал-араб» ал-Майдани (первая половина XII в.). С тех пор В.Д. Ушаковым опубликованы выполненные в рифмованной прозе переводы отдельных сур⁶¹ в сопровождении комментариев, в основе которых лежат помимо отечественной научной литературы по мусульманской экзегетике два широко известных тафсира — «Джами' ал-байан 'ан та'вил ай ал-Кур'ан» («Собрание разъяснений к толкованию аятов Корана») прославленного экзегета и историка Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (839–923) и «Тафсир ал-Джалалайн» («Тафсир двух Джалалей»), принадлежавший перу двух египетских теологов — Джалал ад-Дина ал-Махалли (ум. в 1459 г.) и Джалал ад-Дина ас-Суйути (ок. 1445–1505). Обсуждая основополагающие принципы этого перевода, ряд российских исламоведов выступают против авторского решения передавать фигурирующие в Коране библейские имена в иудо-христианской традиции, а не в транслитерации, максимально приближенной к тексту оригинала (например, Авраам вместо Ибрахим, Моисей вместо Муса и т.п.). Такой подход, по их мнению, и по сути и по форме не адекватен кораническому тексту.

1990-е гг. и начало нынешнего столетия оказались наиболее «плодоносными» в плане ознакомления широкой читательской аудитории с новыми переводами Корана. Незадолго до ухода из жизни на исходе XX в. завершила перевод Корана видный филолог-арабист Б.Я. Шидфар (1928–1993)⁶², специалист по истории мусульманской культуры и классическим памятникам арабской словесности. Ее перевод заслуживает внимания уже тем, что это единственный перевод конца XX — начала XXI в., сделанный профессиональным переводчиком с арабского языка, для которого перевод Корана не оказался первым или единственным опытом в арабистике. Характеризуя этот перевод, А.А. Долинина подчер-

⁶⁰ Ушаков В.Д. Фразеология Корана (опыт сопоставления фразеоречений Корана и арабского классического языка). М., 1996.

⁶¹ Коран. Суры 1, 16–19, 35, 36 / Пер., вступ. ст. и коммент. В.Д. Ушакова. М., 1998. Перевод ряда сур и комментарии к ним В.Д. Ушаков опубликовал в журнале «Восток»: Сура 20. Та Ха // Восток (Oriens). 2000. № 4; Сура 21. Пророки // Восток (Oriens). 2002. № 1; Сура 22. Аль-Хаджж // Восток (Oriens). 2002. № 5.

⁶² Коран. Перевод смыслов и комментарии / Пер. Б. Шидфар. М., 2003.

Б.Я. Шидфар

кивает: «[Б.Я. Шидфар] попыталась дать перевод, отражающий художественную форму Корана, ритм, рифму, и у нее это получилось ... достаточно деликатно, тактично»⁶³.

В последние годы новые переводы Корана стали достоянием читателя, что свидетельствует об интенсификации работы над кораническим текстом и проявляемом в нашей стране живейшем интересе к богатейшему духовному наследию мусульманского мира. Перевод азербайджанского ученого Э.Р. Кулиева⁶⁴ получил благожелательный отклик мусульманской общественности на постсоветском пространстве и привлек внимание ученых, отмечающих его высокое качество и бережное отношение автора к трудам предшественников. Как пишет сам Эльмир Кулиев во «Вступительном слове» к своему переводу: «Переводы Д.Н. Богуславского, И.Ю. Крачковского, М.-Н.О. Османова — это шедевры мирового востоковедения, представляющие собой бесценный вклад российских и советских ученых в развитие исламоведения в России и прилегающих к ней странах. И хотя каждый из переводов Корана несет на себе отпечаток определенного этапа, все они характеризуются преимуществом и высоким мастерством авторов. Работая над своим переводом, я стремился учесть положительные

⁶³ Долинина А.А. Современный перевод Корана для широкого читателя должен учитывать тафсиры // URL: <http://www.islamrf.ru/news/culture/history/12655/>

⁶⁴ Первое издание: Смысловой перевод священного Корана на русский язык / Пер. с араб. Э.Р. Кулиева. Медина, Саудовская Аравия, 2002; второе издание: Коран / Смысловой пер. и коммент. Э.Р. Кулиева. М., 2003 и последующие переиздания. См. также: Кулиев Э.Р. На пути к Корану. М., 2003.

достижения своих предшественников и сделать перевод достоверным, научным и в то же время понятным и доступным для самого широкого круга читателей»⁶⁵.

Ч.Г. Гусейнов перевел Коран в версии средневекового ученого Ибн Гасана (этот перевод выполнен не с арабского, а с родного Ибн Гасану огузского наречия)⁶⁶. В 2000 г. вышел в свет перевод Корана А.Г. Гафурова⁶⁷. Оба эти перевода, в отличие от перевода Эльмира Кулиева, подверглись резкой критике со стороны специалистов.

К числу позднейших переводов Священной книги мусульман⁶⁸ относится перевод Корана, осуществленный двумя московскими востоковедами У.З. Шариповым и Р.М. Шариповой⁶⁹. Он отражает желание авторов донести смысл Корана до широкой читательской аудитории. «... вероятно, он уступает в чем-то тем изданиям, — отмечают авторы перевода, — которые мы использовали для своего сравнительного анализа. Однако придерживаемся того мнения, что процесс углубления и совершенствования перевода Корана должен и будет продолжаться. ... мы понимаем, что решение такой емкой и многотрудной задачи потребует аналитической и переводческой работы многих исследователей, и может быть, не одного поколения»⁷⁰. Действительно, замысел И.Ю. Крачковского о подготовке филологически точного, литературно адекватного академического перевода Корана с комплексным многоаспектным комментарием и справочным аппаратом продолжает сохранять свою ярко выраженную актуальность.

Перейдем от переводов Корана к связанным с ним исследованиям. С конца 1970-х гг. изучение исламской проблематики быстро превратилось в одно из приоритетных направлений востоковедной науки в связи с усилением «исламского фактора» в мировой политике. В 80–90-х гг. XX в. на волне либерализации и демократизации и с открытием новых перспек-

⁶⁵ Кулиев Э.Р. Вступительное слово автора перевода // Коран / Перевод смыслов и коммент. Э.Р. Кулиева. 9-е изд., стереотипное. М., 2012. С. 7–8.

⁶⁶ *Ибн Гасан*. Коранические суры, расставленные по мере ниспослания Пророку и переведенные с огузского наречия Чингизом Гусейновым. М., 2002.

⁶⁷ Коран / Пер. с араб. А.Г. Гафурова. М., 2000.

⁶⁸ Последний из известных нам полных переводов Корана на русский язык осуществлен богословом, имам-хатыбом (проповедником) Московской Мемориальной мечети на Поклонной горе Шамилем Аляутдиновым (Священный Коран. Смыслы. В 5 т. СПб., 2009–2013).

⁶⁹ Коран / Пер. на русский язык научных сотрудников ИВ РАН д.п.н. У.З. Шарипова, к.и.н. Р.М. Шариповой. М., 2009.

⁷⁰ Шарипов У.З., Шарипова Р.М. Предисловие // Там же. С. 16.

тив для развития российской востоковедной науки исламоведение сделало значительный рывок. Это, в частности, выразилось в появлении характеризующихся высоким научным уровнем исследований классического цикла, в том числе работ, посвященных Корану или затрагивающих кораническую проблематику.

Важная страница в истории российской коранистики связана с заслуженным петербургским арабистом и исламоведом П.А. Грязневичем (1929–1997). Благодаря его кропотливой работе по сведению воедино разрозненных записей, унификации транслитерации и «расшифровке» примечаний был подготовлен к печати перевод Корана И.Ю. Крачковского. В начале 1980-х гг. академическое сообщество исламоведов поддержало призыв П.А. Грязневича развивать исследование Корана в направлении сравнительного контекстового и диахронного анализа его лексики с тем, чтобы обеспечить продвижение в изучении всего комплекса проблем начальной истории ислама⁷¹. Именно этот метод, предусматривающий сопоставление языка Корана с языковым материалом раннеисламской эпохи и общесемитским лексическим фондом, стал одним из наиболее перспективных подходов к Корану как к историческому источнику⁷².

Коран стал одной из главных составляющих обширной источниковой базы, на которую опирался выдающийся петербургский историк-арабист О.Г. Большаков при написании первого тома широкомасштабного исследования истории халифата, посвященного «золотому веку» раннего ислама⁷³. Исследованием Корана и содержащихся в Священном писании ис-

⁷¹ В предисловии ко второму изданию перевода Корана И.Ю. Крачковского П.А. Грязневич настойчиво проводил мысль о необходимости избегать недооценки «первостепенного значения сравнительно-семантического анализа понятийного аппарата и идеологической лексики доисламской словесности и Корана для адекватного понимания отраженных в Коране сдвигов в религиозном сознании и социальной психологии, в семантике доисламской религиозной лексики, для определения путей и мотивов появления в нем новых терминов» (Грязневич П.А. Предисловие ко второму изданию // Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986. С. 14).

⁷² Резван Е.А. Коран и его мир. С. 60. Продуктивность этого метода демонстрирует исследовательское эссе С.Х. Кямилева, посвященное кораническим терминам *кыст* и *адль* и их производным как фундаментальной понятийной основы мусульманских представлений об идее «справедливости» (Кямилев С.Х. К интерпретации коранических терминов *кыст* и *адль* // Социально-политические представления в исламе: история и современность. М., 1987). Коранические мифологемы и установления и их преемственность по отношению к общесемитскому наследию послужили предметом анализа в статьях И.Ш. Шифмана (Шифман И.Ш. О некоторых установлениях раннего ислама // Ислам: религия, общество, государство; он же. Исторические корни коранического образа Аллаха // Проблемы арабской культуры. М., 1987).

⁷³ Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1. Ислам в Аравии 570–633. М., 1989.

лама «исторических» преданий продолжительное время занимался академик М.Б. Пиотровский⁷⁴. В основу своей книги «Коранические сказания» (М., 1991), суммировавшей результаты авторских научных изысканий в этой области, М.Б. Пиотровский положил инновационный подход ко всему комплексу коранических преданий, предполагающий их рассмотрение в первую очередь с точки зрения их места в коранической проповеди и их связи с аравийской культурной средой. Особое место ученый уделит кораническим преданиям из аравийской истории, которые сохранили наиболее древний, достоверный пласт исторической информации и представляют собой уникальный источник, проливающий свет на историческую действительность Аравии доисламской эпохи.

Многие высказанные П.А. Грязневичем идеи развил в своих исследованиях его ученик Е.А. Резван, который продуктивно работает в области корановедения. Им написана серия статей по терминологии Корана и его своеобразии как историко-культурного памятника и исторического источника⁷⁵. В 1991 г. Е.А. Резван опубликовал компактный историографический очерк «Коран и коранистика»⁷⁶, составивший базу появившегося через десять лет объемного монографического исследования «Коран и его мир» (2001 г.), в котором помимо многих других аспектов детально анализируются роль и место Корана в мире ислама и главные этапы его изучения на Востоке и в Европе. В 2004 г. Е.А. Резваном была осуществлена публикация рукописи Корана VIII столетия⁷⁷, имеющей первостепенное значение для воссоздания ранней истории Священного писания ислама⁷⁸.

⁷⁴ См., например: *Пиотровский М.Б.* «Поход слона» на Мекку (Коран и историческая действительность) // *Ислам: религия, общество, государство.*

⁷⁵ *Резван Е.А.* Адам и бану Адам в Коране (к истории понятий «первочеловек» и «человечество») // *Ислам: религия, общество, государство; он же.* Термин *дараджа* в Коране (к проблеме социальной стратификации общества оседлых центров Внутренней Аравии на рубеже VI–VII вв.) // *Социально-политические представления в исламе: история и современность.* М., 1984; *он же.* Коран и доисламская культура (проблема методики изучения) // *Ислам: религия, общество, государство; он же.* Исследования по терминологии Корана: сура; ‘абд (‘абид, ‘ибад) [Аллах]; умма — 16:121/12 // *Проблемы арабской культуры.* М., 1987; *он же.* Этические представления и этикет в Коране // *Этикет у народов Передней Азии.* М., 1988.

⁷⁶ *Резван Е.А.* Коран и коранистика // *Ислам. Историографические очерки.* М., 1991.

⁷⁷ Коран «Усмана». СПб., 2004. К книге приложены DVD-диск, который содержит русскую и английскую версии видеофильма «В поисках Корана Усмана», посвященного истории изучения рукописи, а также цветное факсимиле рукописи, предназначенное для просмотра на персональном компьютере.

⁷⁸ Продолжается работа ученого над проектом «Мир Корана: Предварительное описание рукописей Корана из собрания СПб ИВ РАН (проблема методики создания иллюстрированной базы данных на CD-ROM)».

Кораническая проблематика занимает одно из основных мест в исследовательских штудиях авторитетного московского исламоведа Тауфика К. Ибрагима. Им в соавторстве с Н.В. Ефремовой составлен «Путеводитель по Корану»⁷⁹, а в 2007 г. опубликована книга «На пути к коранической толерантности»⁸⁰, вобравшая в себя серию переработанных статей, ранее вышедших в журнале «Восток (Oriens)» под общей рубрикой «Вперед к кораническому исламу (опыт аутентичного прочтения Корана)».

Расширение преподавания в российских вузах дисциплин, связанных с исламоведческой проблематикой, обусловило необходимость подготовки соответствующих учебных пособий и вспомогательных материалов. В начале 2000-х гг. в составе серии хрестоматий, посвященных культуре и идеологии мусульманского Востока, вышли работы Е.А. Резвана о Коране и его толкованиях и Ф.И. Абдуллаевой о персидской коранической экзегетике⁸¹, отразившие понимание Корана в разные эпохи и в различной этнокультурной среде. В 2010 г. увидел свет учебник по корановедению, составленный Э.Р. Кулиевым и М.Ф. Муртазиным⁸².

Весомый вклад в создание учебной базы, аккумулирующей знания о Коране и обеспечивающей освоение основ корановедения, вносят преподаватели головного востоковедного высшего учебного заведения России — Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Существенным шагом вперед в развитии преподавания арабского языка для тех, кто стремится освоить Священную книгу ислама на языке оригинала, стал методически выверенный и аналитически продуманный учебник языка Корана В.В. Лебедева⁸³. Этот учебник, по словам автора, представляет собой

⁷⁹ *Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В.* Путеводитель по Корану: вера // *Резван Е.А.* Коран и его мир. СПб., 2001. В нем систематизируется и сопровождается детальными отсылками к кораническому тексту пласт представлений, сформировавшихся в классической коранической экзегетике вокруг коранических предписаний, связанных с верой в Бога, в ангелов, в ниспосланные Писания, в пророков, в Судный день. См. также: *Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В.* Мусульманская Священная история. От Адама до Иисуса. Рассказы Корана о посланниках Божьих. М., 1996.

⁸⁰ *Ибрагим Т.* На пути к коранической толерантности. Н. Новгород, 2007.

⁸¹ *Резван Е.А.* Коран и его толкования (тексты, переводы, комментарии). СПб., 2002; *Абдуллаева Ф.И.* Персидская кораническая экзегетика (тексты, переводы, комментарии). СПб., 2000. Из работ подобного типа см. также: Хрестоматия по исламу / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1994. Ее второй раздел посвящен Корану и его толкованиям.

⁸² *Кулиев Э.Р., Муртазин М.Ф.* Корановедение. М., 2010.

⁸³ *Лебедев В.В.* Учись читать Коран по-арабски. Ч. 1–3. М., 2002. Первый том учебника вышел в 1996 г. См. также: *он же.* Учебник арабского языка Корана (его цели, задачи и методические принципы) // Коран в России. М., 1997.

«отвечающую современным требованиям лингводидактическую обработку одного из величайших памятников словесности, выполненную с учетом фундаментальных основ традиционного гуманитарного знания арабов»⁸⁴. Логическим продолжением этого актуального учебника, выдержавшего неоднократные переиздания, стало учебное пособие «Читаем хадисы по-арабски»⁸⁵, которое В.В. Лебедев адресовал всем тем, «кто подходит к арабскому языку как средству культурной, средству религиозной коммуникации, как к одному из немногих ... “пророческих” или “посланнических” языков»⁸⁶.

В 2012 г. вышел в свет «Сборник пособий по исламоведению и корановедению», подготовленный преподавателями ИСАА МГУ⁸⁷. Из четырех пособий этого сборника два непосредственно посвящены корановедению. Пособие Д.В. Фролова «История мусульманского корановедения» повествует об истории науки о Коране на протяжении классического периода арабо-мусульманской цивилизации, начиная со времени возникновения ислама и кончая рубежом XV–XVI вв., когда мусульманское корановедение обрело законченную форму. Пособие Г.Р. Аганиной «Лингвистические основы орфоэпии чтения Корана» дает лингвистическую интерпретацию положений науки о рецитации Корана (*‘илм ат-таджвид*) как базы для усвоения произносительной нормы коранического чтения. Кораническая проблематика представлена также в третьем пособии — «Истории пророков ислама» А.Р. Гайнутдиновой, которое дает представление о содержащихся в Коране и получивших дальнейшее развитие в Священном мусульманском предании и мусульманской экзегетике основных концепциях учения о пророках и пророчестве.

Традиция филологического изучения Корана в России восстановила и упрочила свои позиции во многом благодаря усилиям как на исследовательской, так и на преподавательской стезе заведующего кафедрой арабской филологии ИСАА МГУ Д.В. Фролова, эксперта мирового уровня в области корановедения, автора глубоких исследований о Коране и коранической экзегетике⁸⁸. Среди его позднейших публикаций выделяется «Комментарий к Корану», содержащий разбор первых двадцати

⁸⁴ Лебедев В.В. Учись читать Коран по-арабски. Ч. 1. М., 2002. С. 5.

⁸⁵ Лебедев В.В. Читаем хадисы по-арабски. М., 1999.

⁸⁶ Там же. С. 4.

⁸⁷ Аганина Г.Р., Гайнутдинова А.Р., Мейер М.С., Фролов Д.М. Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М., 2012.

⁸⁸ См. избранные статьи по корановедческой тематике: Фролов Д.В. Арабская филология. Грамматика. Стихосложение. Корановедение. Статьи разных лет. М., 2006.

сур тридцатого джуз’а⁸⁹ Корана⁹⁰, известного как *джуз’Амма*, на основе широкого круга средневековых тафсиров, включая классические образцы мусульманской экзегетической традиции — труды Мухаммада ат-Табари, Исмаила ибн Касира (1301–1373), Абу-л-Касима Махмуда аз-Замахшари (1074–1143), Джалал ад-Дина ал-Махалли и Джалал ад-Дина ас-Суйути.

Здесь следует также особо отметить инициативу Д.В. Фролова по созданию комментированного перевода трактата «ал-Иткан фи’улум ал-Кур’ан» («Совершенство в коранических науках») Джалал ад-Дина ас-Суйути, подводящего итог восьми векам развития науки о Коране в культуре ислама. Первый этап этого масштабного проекта был реализован группой преподавателей кафедры арабской филологии во главе с Д.В. Фроловым в 2000 г. С тех пор вышло 6 выпусков⁹¹, покрывающих более половины труда ас-Суйути.

Неиссякаемый интерес к Корану Д.В. Фролов передает студентам⁹² и ученикам, которые под его руководством успешно защищают магистерские и кандидатские диссертации, посвященные прежде всего Корану и Священному мусульманскому преданию. Назовем работы, принадлежащие перу только двух учеников наставника: монографии А.Р. Гайнутдиновой «Образы пророков в Коране» (М., 2002) и «Истории пророков в Коране» (М., 2009), посвященные малоизученной в исламоведении профетологии Священной книги мусульман, и книгу Т.С. Налич «Ангелы и другие сверхъестественные существа в исламе» (М., 2009) — исследование англо-

⁸⁹ Дж у з’ — одна из тридцати равнодлинных частей Корана. Это деление имеет значение во многих аспектах, в том числе в ритуальной практике. В мусульманской системе образования изучение Корана начинается с тридцатого джуз’а, включающего в себя суры 78–114.

⁹⁰ Фролов Д.В. Комментарий к Корану. Тридцатый джуз’. Т. 1. Суры 78–87. М., 2011; *он же*. Т. 2. Суры 88–97. М., 2013.

⁹¹ *Ас-Суйути Джалал ад-Дин. Совершенство в коранических науках* / Под общ. ред. Д.В. Фролова. Вып. 1. Учение о толковании Корана. М., 2000; Вып. 2. Учение о ниспослании Корана. М., 2001; Вып. 3. Учение о своде Корана. М., 2003; Вып. 4. Учение о понимании смыслов Корана. М., 2005; Вып. 5. Учение о неподражаемости и достоинствах Корана. М., 2006; Вып. 6. Учение о стилистике Корана (1). М., 2011.

⁹² Вехой в университетской практике стала постановка Д.М. Фроловым лекционного курса «Корановедение». Кораническая проблематика занимает достойное место в курсе «Исламоведение», который с момента внесения его в учебную программу Института в 1986 г. читал В.В. Наумкин, а затем продолжила читать С.А. Кирилина. Отметим также, что координации религиозоведческих исследований в области «классического» и современного исламоведения способствовало создание в ИСАА МГУ в 1989/90 учебном году Центра по изучению проблем религиоведения, который возглавляет арабист-историк профессор Ф.М. Ацамба.

логии и демонологии ислама, основанное на солидном корпусе источников и прежде всего на Священном писании ислама.

Завершая разговор о Коране в трудах отечественных исламоведов, еще раз вернемся к мысли о непреходящем значении этого величайшего памятника арабо-мусульманской и мировой духовной культуры и о многогранности исследовательской призмы, сквозь которую ученые смотрят на Священную книгу. Питающее человечество «духовное молоко Корана» (пользуясь выражением русского философа В.С. Соловьева⁹³) также питает поколение за поколением российских исламоведов. Для современной России, историческое развитие которой базируется на синтезе восточных и западных традиций, исламоведение является одним из общественно-значимых культурных элементов. Успехи российских исследователей в области изучения ислама и Корана, одной из наиболее почитаемых на земле книг, создают лингвистические, культурные, исторические и научно-познавательные основы для взаимопонимания, взаимодействия и диалога культур России и стран Востока.

---

⁹³ Соловьев В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение. СПб., 1896 // URL: <http://www.vehi.net/soloviev/magomet/002.html>

REFERENCES

1. *Aganina G.R., Gaynutdinova A.R., Meyer M.S., Frolov D.M.* The Collection of Teaching Aids on Islamic and Qur'anic Studies [Sbornik posobiy po islamo-vedeniyu i koranovedeniyu]. Moscow, 2012.
2. *Arapov D.J.* The System of the State Regulation of Islam in the Russian Empire (the Last Three Decades of the 18th Century — the Beginning of the 20th Century) [Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII — nachalo XX v.)]. Moscow, 2004.
3. *Bartold V.V.* About Muhammad [O Muhammade] // Sochineniya v 9 tomah, Vol. 6. Moscow, 1966.
4. *Bartold V.V.* Islam // Sochineniya v 9 tomah. Vol. 6. Moscow, 1966.
5. *Bartold V.V.* «Islamic Culture» [«Kul'tura musul'manstva»] // Sochineniya v 9 tomah. Vol. 6. Moscow, 1966.
6. *Bartold V.V.* Muslim world [Musul'manskiy mir] // Sochineniya v 9 tomah]. Vol. 6. Moscow, 1966.
7. *Bartold V.V.* The Qur'an and the Sea [Koran i more] // Sochineniya v 9 tomah. Vol. 6. Moscow, 1966.
8. *Bartold V.V.* Baron V.R. Rosen and the Russian Provincial Orientalism [Baron V.R. Rozen i russkiy provincialniy orientalizm] // Sochineniya v 9 tomah. Vol. 9. Moscow, 1977.
9. *Bartold V.V.* History of Studying of the East in Europe and Russia [Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii] // Sochineniya v 9 tomah. Vol. 9. Moscow, 1977.
10. *Bartold V.V.* Review of the Activities of the Faculty of Oriental Languages [Obzor deyatelnosti fakul'teta vostochnyh yazykov] // Sochineniya v 9 tomah. Vol. 9. Moscow, 1977.
11. *Bolshakov O.G.* History of the Caliphate. Islam in Arabia, 570–633 [Istoriya Halifata. Islam v Aravii 570–633]. Vol. 1. Moscow, 1989.
12. *Danzig B.M.* Middle East in the Russian Science and Literature (the Pre-October period) [Blizhniy Vostok v russkoy nauke i literature (dooktyabr'skiy period)]. Moscow, 1973.
13. *Dolinina A.A.* A Slave of the Duty [Nevol'nik dolga]. St. Petersburg, 1994.

14. *Dolinina A.A.* The Present-day Translation of the Qur'an Made for General Audience Should Take into Account Tafsirs [Sovremenniy perevod Korana dlya shirokogo chitatelya dolzhen uchityvat' tafsiry], URL: <http://www.islam-rf.ru/news/culture/history/12655/>
15. *Frolov D.V.* Arabic Philology, Grammar, Metrics, Qur'anic Studies. Articles from Various Years [Arabskaja filologija. Grammatika. Stihoslozhenie. Koranovedenie. Stat'i raznyh let], Moscow, 2006.
16. *Frolov D.V.* Commentary on the Qur'an. 30th Juz'. Vol. 1. Suras 78–87 [Kommentarij k Koranu. Tridcatij dzhuz'. Tom 1. Sury 78–87]. Moscow, 2011.
17. *Frolov D.V.* Commentary on the Qur'an. 30th Juz'. Vol. 2. Suras 88–97 [Kommentarij k Koranu. Tridcatyj dzhuz'. Tom 2. Sury 88–97]. Moscow, 2013.
18. *Gaynutdinova A.R.* Images of the Prophets in the Qur'an [Obrazy prorokov v Korane]. Moscow, 2002.
19. *Gaynutdinova A.R.* Stories of the Prophets in the Qur'an [Istorii prorokov v Korane]. Moscow, 2009.
20. *Gryaznevich P.A.* The Qur'an in Russia (Studies, Translations and Publications) [Koran v Rossii (izuchenie, perevody i izdaniya)] // Islam: religiya, obshchestvo, gosudarstvo. Moscow, 1984.
21. *Gryaznevich P.A.* Introduction to the Second Edition [Predisloviye ko vtorom izdaniyu] // The Qur'an. Transl. by I.Y. Krachkovsky [Koran. Perevod I.Y. Krachkovskogo]. Moscow, 1986.
22. *Gryaznevich P.A., Belyaev V.A.* «Introduction» [Predislovie] // The Qur'an. Transl. by I.Y. Krachkovsky [Koran. Perevod I.Y. Krachkovskogo]. Moscow, 1963.
23. *Gurnitsky K.I.* Agafangel Efimovich Krymsky [Agafangel Efimovich Krymskiy]. Moscow, 1980.
24. *Gusterin P.V.* The Qur'an as an Object for Study [Koran kak ob'ekt izucheniya]. Saarbrücken, Germany, 2014.
25. *Gusterin P.V.* Pyotr Postnikov and His Translation of the Qur'an [«Petr Postnikov i ego perevod Korana»], <http://islam-info.ru/koran/1582-petr-postnikov-i-ego-perevod-korana.html>
26. *Gusterin P.V.* Several Remarks on the Question of the Priority in the Translation of the Qur'an into Russian [Neskol'ko zamechanij po voprosu o pervenstve v perevode Korana na russkij jazyk], URL: <http://islam-info.ru/koran/page,1,1616-neskolko-zamechanij-po-voprosu-o-pervenstve-v.html>
27. *Ibrahim T.* On the Way to the Qur'anic Tolerance [Na puti k koranicheskoj tolerantnosti]. Nizhny Novgorod, 2007.

28. *Ibrahim T.K., Efremova N.V.* Muslim Sacred History. From Adam to Jesus. Stories of the Qur'an about the God's Messengers [Musul'manskaya Svyashhennaya istoriya. Ot Adama do Iisusa. Rasskazy Korana o poslannikah Bozh'ih.]. Moscow, 1996.
29. *Ibrahim T.K., Efremova N.V.* Companion to the Qur'an: the Faith [Putevoditel' po Koranu: vera] // *Rezvan E.A.* The Qur'an and Its World [Koran i ego mir]. St. Petersburg, 2001.
30. *Kashtaleva K.S.* About Terms of *Ansaba* and *Aslama* in the Qur'an [O terminah «Ansaba» i «Aslama» v Korane] // Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Oriental studies [Doklady Akademii nauk SSSR. Vostokovedenie]. 1926.
31. *Kashtaleva K.S.* About the term *ata'a* in the Qur'an" [O termine «ata'a» v Korane] // Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Oriental studies [Doklady Akademii nauk SSSR. Vostokovedenie]. 1926.
32. *Kashtaleva K.S.* About the term *shahida* in the Qur'an [O termine «shahida» v Korane] // Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Oriental studies [Doklady Akademii nauk SSSR. Vostokovedenie]. 1927.
33. *Kashtaleva K.S.* About the Translation of the 77th and 78th verse of the 22nd Sura of the Qur'an" [K perevodu 77 i 78 stiha 22 sury Korana] // Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Oriental studies [Doklady Akademii nauk SSSR. Vostokovedenie]. 1927.
34. *Kashtaleva K.S.* On the Question of the Chronology of the 8th, 24th, 47th Suras of the Qur'an" [K voprosu o hronologii 8, 24, 47 sur Korana] // Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Oriental studies [Doklady Akademii nauk SSSR. Vostokovedenie]. 1927.
35. *Kashtaleva K.S.* About the term *khanif* in the Qur'an [O termine «hanif» v Korane] // Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Oriental studies [Doklady Akademii nauk SSSR. Vostokovedenie]. 1928.
36. *Kashtaleva K.S.* The Terminology of the Qur'an in the New Light [Terminologiya Korana v novom osveshhenii] // Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Oriental studies [Doklady Akademii nauk SSSR. Vostokovedenie]. 1928.
37. *Kashtaleva K.S.* Pushkin's *Imitations of the Koran* and Their Source [«Podrazhaniya Koranu» Pushkina i ih pervoistochnik] // Proceedings of the Cabinet of the Orient [Zapiski kabineta Vostoka]. № 5. 1930.
38. *Kazem-Bek M.A.* The Full Concordance to the Qur'an [Polniy konkordans Korana]. St. Petersburg, 1859.
39. *Kirillina S.A.* Islam and its Adherents as they are represented in Russian Pilgrims' Reports of the Eighteenth Century // Society and Economy in Egypt and the Eastern Mediterranean 1600–1900. Essays in Honor of André Raymond. Cairo. New York, 2005.

40. Kirillina S.A. «Charmed Travelers»: the Arab-Ottoman World in the Eyes of Russian Pilgrims of the Sixteenth to Eighteenth Centuries [«Ocharovannye stranniki»: arabo-osmanskii mir glazami rossiyskikh palomnikov XVI–XVIII stoletiy]. Moscow, 2010.
41. Kirillina S.A., Meyer M.S. The Qur'an in the Focus of the Islamic Studies in Russia: Traditions and the Present State of Art [Koran v fokuse rossijskogo islamovedeniya: tradicii i sovremennost'] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. № 4. 2007.
42. Kirillina S.A., Meyer M.S. Qur'anic Studies in Russia: Traditions and Accomplishments // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. № 4. 2013.
43. Klimovich L.I. Koran and its Doctrines [Koran i ego dogmaty]. Alma-Ata, 1958.
44. Klimovich L.I. The Qur'an, Its Doctrines and Teachings [Koran, ego dogmaty i ucheniya] // Islam. Essays [Islam. Ocherki]. Moscow, 1962.
45. Klimovich L.I. The Book about the Qur'an, Its Origins and Mythology [Kniga o Korane, ego proishozhdenii i mifologii]. Moscow, 1986.
46. Krachkovsky I.Y. Essays on the History of the Arabic Studies in Russia [Ocherki po istorii russkoy arabistiki]. Moscow; Leningrad, 1950.
47. Krachkovsky I.Y. Chernyshevsky and the Orientalist G.S. Sablukov [Chernyshevskiy i orientalist G.S. Sablukov] // Selected Works in 6 Volumes [Izbrannye sochineniya v 6-ti tomah]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1955.
48. Krymsky A.E. Islam and Its Future. The Past of Islam, Current State of Muslim Peoples, Their Intelligence and Their Attitude towards European Civilization [Musul'manstvo i ego budushhnost'. Proshloe islama, sovremennoe sostoyanie musul'manskikh narodov, ih umstvennye sposobnosti, ih otnosheniya k evropeyskoy civilizacii]. Moscow, 1899.
49. Krymsky A.E. Lectures on the Qur'an. Issue I. Suras of the Earliest Period. Translation with Explanations [Lekcii po Koranu. Vypusk I. Sury stareyshego perioda. Perevod s ob'yasneniyami]. Moscow, 1902.
50. Krymsky A.E. Islamic History. Various Essays, Reworked Materials and Extended Translations from Dozy and Goldziher [Istoriya musul'manstva. Samostoyatel'nye ocherki, obrabotki i dopolnennye perevody iz Dozi i Gol'dciera], Pt. 1–2. Moscow, 1904.
51. Krymsky A.E. Suras of the Earliest Period (Translation with Explanations). Lectures on the Qur'an Presented in 1905. Supplement to the «History of Islam» [Sury stareyshego perioda (perevod s obyasnieniyami). Lekcii po Koranu, chitannye v 1905 g. Prilozhenie k «Istorii musul'manstva»]. Moscow, 1905.

52. Krymsky A.E. The History of Arabs and the Arabic Secular and Religious Literature (the Qur'an, fiqh, Sunna, etc.) [Istoriya arabov i arabskoy literatury, svetskoy i duhovnoy (Korana, fykha, sunny i pr.)]. Part 1. Moscow, 1911.
53. Krymsky A.E. The History of Arabs and the Arabic Secular and Religious Literature (the Qur'an, fiqh, Sunna, etc.). History from the Most Ancient Times [Istoriya arabov i arabskoy literatury, svetskoy i duhovnoy (Korana, fykha, sunny i pr.)]. Istoriya ot drevnejshih vremen]. Part 2. Moscow, 1912.
54. Kuliyevev E.R. On the Way to the Qur'an [Na puti k Koranu]. Moscow, 2003.
55. Kuliyevev E.R. Opening Address of the Translator [Vstupitel'noe slovo avtora perevoda] // The Qur'an. Translation of Meanings and Commentaries by E.R. Kuliyevev. [Koran. Perevod smyslov i kommentarii E.R. Kuliyeveva]. Moscow, 2012.
56. Kuliyevev E.R., Murtazin M.F. Qur'anic Studies [Koranovedenie]. Moscow, 2010.
57. Kyamilev S.H. About the Interpretation of the Qur'anic Terms *Qist* and *'Adl* [K interpretacii koranicheskikh terminov *kyst* i *'adl*] // Socio-Political Conceptions in Islam: History and the Present Time [Social'no-politicheskie predstavleniya v islame: istoriya i sovremennost']. Moscow, 1987.
58. Kyamilev S.H. Internationalization of the Work on the Russian Versions of the Qur'anic Texts — an Objective Task in the Conditions of the Russian Federation [Internacionalizaciya raboty nad russkimi versiyami koranicheskikh tekstov — obektivnaya zadacha v usloviyah Rossiyskoj Federacii] // The Qur'an in Russia (Based on the Materials of the Round Table «The Holy Qur'an in Russia: Spiritual Legacy and Historical Fate», Moscow, 1997) [Koran v Rossii (po materialam «kruglogo stola» «Svyashhenniy Koran v Rossii: duhovnoe nasledie i istoricheskie sud'by». Moskva, 1997 god)]. Moscow, 1997.
59. Lebedev V.V. The Textbook of the Arabic Language of the Qur'an (Its Goals, Objectives and Methodical Foundations) [Uchebnik arabskogo jazyka Korana (ego celi, zadachi i metodicheskie principy)] // The Koran in Russia. [Koran v Rossii]. Moscow, 1997.
60. Lebedev V.V. Reading Hadiths in Arabic [Chitaem hadisy po-arabski]. Moscow, 1999.
61. Lebedev V.V. Learn to Read the Qur'an in Arabic [Uchis' chitat' Koran po-arabski]. Pt. 1–3. Moscow, 2002.
62. Nalich T.S. Angels and Other Supernatural Creatures in Islam [Angely i drugie sverhestestvennye sushhestva v islame]. Moscow, 2009.
63. Piotrovsky M. B. The «Expedition of the Elephant» against Mecca (the Qur'an and Historical Reality) [«Pohod slona» na Mekku (Koran i istoricheskaya deystvitel'nost')] // Islam: religion, society, state. [Islam: religiya, obshchestvo, gosudarstvo]. Moscow, 1984.

64. *Piotrovsky M. B.* The Historical Legends of the Qur'an [Koranicheskie skazaniya]. Moscow, 1991.
65. *Pochta J.M.* Revolutionary Russia and Muslim World (Islamic Studies in the Soviet Union in the 1920-s — 1930-s) [Revolucionnaya Rossiya i musul'manskiy mir (sovetskoe islamovedenie v 20–30-e gody)] // Vostok. № 4. 1993.
66. *Rezvan E.A.* Adam and Banu Adam in the Qur'an (on the History of the Definitions «First Human Being» and «Humanity») [Adam i banu Adam v Korane (k istorii ponyatiy «pervochelovek» i «chelovechestvo»)] // Islam: Religion, Society and State [Islam: religiya, obshhestvo, gosudarstvo]. Moscow, 1984.
67. *Rezvan E.A.* The Qur'an and Pre-Islamic Culture (Problem of the Research Methods) [Koran i doislamskaja kul'tura (problema metodiki izuchenija)] // Islam: Religion, Society and State [Islam: religija, obshhestvo, gosudarstvo]. Moscow, 1984.
68. *Rezvan E.A.* The term *Daraja* in the Qur'an (on the Problem of Social Stratification of the Settled Population in the Inner Arabia on the Verge of the 6th and 7th Century) [Termin *daradzha* v Korane (k probleme social'noy stratifikacii obshhestva osedlyh centrov Vnutrenney Aravii na rubezhe VI — VII vv.)] // Socio-Political Ideas in Islam: History and Current State [Social'no-politicheskie predstavleniya v islame: istoriya i sovremennost]. Moscow, 1984.
69. *Rezvan E.A.* Studies on the Terminology of the Qur'an: *Sura*; 'Abd ('Abid, 'Ibad) [Allah]; *Umma* — 16:121/12 [Issledovaniya po terminologii Korana: *sura*; 'abd ('abid, 'ibad) [Allah]; *umma* — 16:121/12] // Problems of the Arab Culture. [Problemy arabskoy kul'tury]. Moscow, 1987.
70. *Rezvan E.A.* Ethical Conceptions and Etiquette in the Qur'an [Eticheskie predstavleniya i etiket v Korane] // Etiquette of Peoples of Western Asia. [Etiket u narodov Peredney Azii]. Moscow, 1988.
71. *Rezvan E.A.* The Qur'an and Qur'anic Studies [Koran i koranistika] // Islam. Historiographical Essays [Islam. Istoriograficheskie ocherki]. Moscow, 1991.
72. *Rezvan E.A.* The Qur'an in Russia [Koran v Rossii] // Islam on the Territory of the Former Russian Empire. Dictionary [Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii. Enciklopedicheskiy slovar]. Iss. 1. Moscow, 1998.
73. *Rezvan E.A.* The Qur'an and Its World [Koran i ego mir]. St. Petersburg, 2001.
74. *Rzaev A.K.* Muhammad Ali M. Kazem-bek [Muhammed Ali M. Kazem-Bek]. Moscow, 1989.
75. *Sablukov G.S.* Annex to the Translation of the Qur'an by of Gordiy Sablukov. Issue 1 (Appendix One) [Prilozhenie k perevodu Korana Gordiya Sablukova. Vyp. 1 (prilozhenie pervoe)]. Kazan, 1879.

76. *Sablukov G.S.* Information on the Qur'an, the Book of the Legal Provisions of the Islamic Doctrine [Svedeniya o Korane, zakonopolozhitel'noy knige mohammedanskogo veroucheniya]. Kazan, 1884.
77. *Sharipov U.Z., Sharipova R.M.* «Introduction» [«Predislovie»] // The Qur'an. Translation into Russian by Sharipov U.Z., Sharipova R.M. [Koran. Perevod na russkiy jazyk Sharipova U.Z., Sharipovoy R.M.]. Moscow, 2009.
78. *Shebunin A.N.* Copy of the Qur'an in Kufic Script from the St. Petersburg Imperial Public Library [Kuficheskiy Koran Imp. SPb. Publichnoy biblioteki] // Proceedings of the Oriental Department of the Russian Archeological Society [Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshhestva]. Vol. VI. St. Petersburg, 1891.
79. *Shebunin A.N.* Copy of the Qur'an in Kufic Script from the Khedive Library in Cairo [Kuficheskiy Koran Hedivskoy biblioteki v Kaire] // Proceedings of the Oriental Department of the Russian Archeological Society [Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshhestva]. Vol. XIV. St. Petersburg, 1901.
80. *Shifman I.Sh.* About the Certain Regulations of the Early Islam [O nekotorykh ustanovleniyah rannego islama] // Islam: Religion, Society and State [Islam: religiya, obshhestvo, gosudarstvo]. Moscow, 1984.
81. *Shifman I.Sh.* Historical Roots of the Qur'anic Image of Allah [Istoricheskie korni koranicheskogo obraza Allaha] // Problems of the Arab Culture [Problemy arabskoy kul'tury]. Moscow, 1987.
82. *Schmidt A.E.* Essays on Islam as Religion [Ocherki islama kak religii]. St. Petersburg, 1912.
83. *Shumovsky T.A.* Speaking about the Qur'an [Slovo o Korane] // The Holy Qur'an. Pages of Eternal Thoughts. Poetic translation by Theodor Shumovsky [Svyashhenniy Koran. Stranicy vechnykh mysley. Poeticheskiy perevod s arabskogo Teodora Shumovskogo]. St. Petersburg, 2000.
84. *Solovyov V.S.* Muhammad, His Life and Religious Doctrine [Magomet, ego zhizn' i religioznoe uchenie]. St. Petersburg, 1896.
85. *Ushakov V.D.* Qur'anic Phraseology (an Attempt of Comparison of the Phrases from the Qur'an and Arabic Classical Language) [Frazeologiya Korana (opyt sopostavleniya frazeorecheniy Korana i arabskogo klassicheskogo yazyka)]. Moscow, 1996.
86. *Ushakov V.D.* Which Translation of the Qur'an Do We Need — «Canonical» or Scientific? [Kakoy nuzhen perevod Korana: «kanonicheskiy» ili nauchniy?] // The Qur'an in Russia (Based on the Materials of the Round Table «The Holy Qur'an in Russia: Spiritual Legacy and Historical Fate»). Moscow,

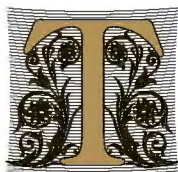
- 1997) [Koran v Rossii (po materialam «kruglogo stola» «Svyashhenniy Koran v Rossii: duhovnoe nasledie i istoricheskie sud'by»). Moskva, 1997 god]. Moscow, 1997.
87. *Valeev R.M.* From the History of the Oriental Studies in Kazan (the Second Half of the 19th Century): Gordy Semenovich Sablukov as an Expert on Turkology and Islam [Iz istorii kazanskogo vostokovedeniya serediny — vtoroy poloviny XIX v.: Gordiy Semenovich Sablukov — tyurkolog i islamoved]. Kazan, 1993.
88. *Valeev R.M.* Oriental Studies in Kazan: Roots and Development (the 19th Century — 1920s) [Kazanskoe vostokovedenie: istoki i razvitie (XIX v. — 20-e gg. XX v.)]. Kazan, 1998.
89. *Vinnikov I.N.* Legend of the Calling of Muhammad in the Light of Ethnography [Legenda o prizvanii Muhammada v svete etnografii] // To Sergey Fedorovich Oldenburg on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of His Academic and Public Activities: 1882–1932 [Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu k pyatidesyatiletiiyu nauchno-obshhestvennoy deyatelnosti: 1882–1932]. Moscow, 1934.
90. *Vinnikov I.N.* Qur'anic Notes: Qur'an 96:12 [Koranicheskie zametki: Koran 96:12] // Studies on the History of the Culture of the Orient [Issledovaniya po istorii kul'tury Vostoka]. Moscow; Leningrad, 1960.
91. *Yemelyanov, Ismail-Valery.* 125th Anniversary of the Translator of the Qur'an [125-letie so dnya rozhdeniya perevodchika Korana] // Islam Minbare. № 2. 2008.

Ключевые слова:

Коран, исламоведение, корановедение, Россия.

Svetlana A. Kirillina, Michail S. Meyer

MUSLIMS' SACRED BOOK: THE QURANIC STUDIES BY RUSSIAN ISLAMIC SCHOLARS

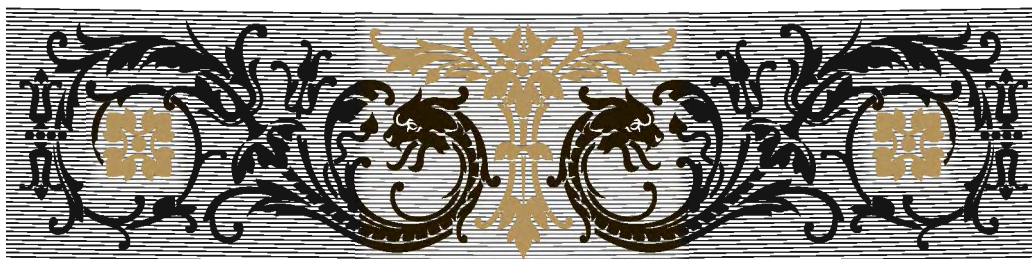
The Quran is an epoch making text in the history of human kind and a basis for the outstanding cultural phenomenon of Islam. In Russia, studies of that unique monument of Arabic narrative have a long history. The article examines different research methods and paradigms particularly used in Soviet academic tradition. The state of modern Quranic studies in Russia is highlighted as well. Traced are the key stages of Quranic translation into Russian. An overview of Russian Quranic studies as an integral part of Arabic and Islamic studies is given.

 Кириллина Светлана Алексеевна

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

 Мейер Михаил Серафимович

доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

Д.Р. Жантиев

Рецензия на книгу:
Большой Кавказ двадцать лет спустя:
ресурсы и стратегии политики идентичности /
Сборник статей; предисл., сост., подг. текста и коммент.
Г.Ч. Гусейнов. М.: Новое литературное обозрение, 2014

анный тематический сборник исследовательских статей дает читателю представление о ряде важных социально-политических, конфессиональных и культурных процессов на пространстве постсоветского Большого Кавказа — включая как российский Северный Кавказ, так и государства Южного Кавказа. Спектр исследований достаточно широк, но все они так или иначе затрагивают проблематику влияния «исторической памяти» и исторического опыта на современность. При всем многообразии рассматриваемых тем — от различных подходов к «анатомии» карабахского конфликта до сравнительного исследования опыта работы российских спецслужб на Северном Кавказе в начале XX и в начале XXI в. — исследования объединяет нечто общее. Эту общность достаточно объективно и верно выразил Гасан Гусейнов во вводной статье «Кавказ — постсоветский регион, утративший единство». Согласно его тезису, Кавказ после распада СССР представляется для исследователя как особый регион, который «утратил все признаки политического единства, но пока не стал частью конфликтного макрорегиона — так называемого Большого Ближнего Востока, хотя и граничит с ним» (с. 7). Автор обозначает основные типы и примеры культурно-политических вызовов, с которыми в настоящее время сталкиваются народы Кавказа: территориальные споры и тщетные попытки послевоенного урегулирования (карабахский конфликт), переосмысление исторических травм (сталинская депортация ряда северокавказских народов), «реисламизация» и попытки выве-

дения на первый план религиозной идентичности вместо этнической и национально-территориальной (Дагестан), «разрыв поколений» в результате миграционных процессов (на примере азербайджанской диаспоры в Москве).

Обозначенный круг проблем последовательно раскрывается в ряде статей, сгруппированных по тематическим разделам, которые предваряются статьей Марилизы Лоруссо «Формирование наций и государств в Закавказье и в Средней Азии, 1991–2011». На основе сравнения социально-политических процессов в постсоветских государствах Средней Азии и Закавказья автор делает попытку найти ответ на вопрос об исторических факторах, препятствующих формированию атомизированного гражданского общества западного типа. Ключевым социальным феноменом в рассматриваемых регионах Лоруссо считает фрагментированность, при которой общества больше опираются на скрытые традиционные связи, чем на легальные государственные (с. 43), а неверие в государственные институты ставит под вопрос сами перспективы развития (с. 44).

В статьях Сергея Минасяна («Карабахский конфликт: ресурсы и стратегии политического поведения конфликтующих сторон») и Рауфа Карагезова («О роли коллективной памяти и исторических нарративов в карабахском конфликте: социокультурный анализ») карабахский конфликт рассматривается в качестве «стержневого», наиболее длительного и важного среди типологически сходных территориальных проблем постсоветского Кавказа. Столкновение двух принципиально различных социокультурных моделей коллективной памяти по обе стороны линии противостояния, подробно анализируемых Р. Карагезовым, становится основным конфликтным ресурсом, на котором базируются «стратегии политического поведения и имеющиеся для их реализации политические, экономические, военные и иные ресурсы сторон карабахского конфликта», находящиеся в весьма сложном и комплексном взаимодействии (С. Минасян. Карабахский конфликт... С. 82–83).

Среди статей сборника особое место занимает исследование Владимира Хутарева-Гарнишевского «Российские спецслужбы, политический исламизм и сепаратизм на Северном Кавказе в начале XX и XXI вв. Историческая компаративистика. Общественно-политический фон». Используя компаративный исторический подход, исследователь выявляет закономерности возникновения и сохранения некоторых стереотипов и мифов, «спекулирование которыми плодотворно для политических деятелей и опасно для страны» (с. 180). И хотя можно поспорить с утверждением автора о том, что общественно-политический фон в России начала XXI в. схож с тем, который был в начале XX в. (с. 180), привлечение архивных материалов и вдумчивый систематический анализ дали ему возможность сделать ряд ценных выводов. Наиболее важным из них представляется вывод об ошибочности чрезмерного сосредоточения на тематике «исламского радикализма» как корне всех проблем на Северном Кавказе, в то время как решение многоуровневых социально-политических проблем региона требует высокопрофессионального комплексного подхода.

Конфессиональная проблематика проходит в качестве важной тематической линии через целый ряд статей сборника. Однако, как показывают исследования, роль и степень влияния религиозного сознания на контекст той или иной проблемы в кавказских обществах могут быть весьма различными и никоим образом не сводятся к одному «общему знаменателю». Исследования Р. Карагезова и С. Минасяна подтверждают, что в карабахском конфликте религиозный фактор практически не играет значимой роли, уступая территориальному и национально-культурному. В статье Джамала Рахаева «Осознавая травму: реабилитация депортированных народов Северного Кавказа в общественно-политических дискуссиях конца XX — начала XXI века» показано, что ключевым событием в «коллективной памяти» народа на протяжении десятилетий может выступать не пережитая до сих пор трагедия депортации, однако данный опыт сам по себе не становится основой для укрепления конфессиональной идентичности. В то же время процессы роста религиозного самосознания и качественного повышения роли конфессиональной идентичности в общественно-политической жизни в постсоветский период могут проходить вне зависимости от этнической принадлежности и опыта взаимодействия между конкретными этносами. Такой вывод напрашивается из статьи Ахмета Ярлыкапова «Ислам и конфликт на Кавказе». В ней, преимущественно на материале Дагестана, обстоятельно исследуются современные тенденции развития религиозного сознания мусульман на Кавказе. Особое внимание автор уделяет взаимодействию «традиционных» и «нетрадиционных» концепций в исламе на Северном Кавказе, а также попыткам разработок подходов к «реисламизации» повседневной и даже политической жизни. Важным представляется вывод о том, что «исламское поле Кавказа» невозможно свести к упрощенной черно-белой картине противостояния «официального» и «неофициального» (или, соответственно, «умеренного» и «радикального») ислама, и оно все более напоминает пеструю мозаику различных интерпретаций и течений (с. 215). Важным достоинством исследования А. Ярлыкапова является вдумчивый и научно-беспристрастный подход к таким сложным и дискуссионным темам, как «радикальные интерпретации ислама», «фундаментализм», «процессы политизации религии». Для более глубокого понимания закономерностей рассматриваемых процессов представляется важным сопоставить проблематику современной религиозной жизни Дагестана (и, шире — Северного Кавказа) с ситуацией в XIX — первой половине XX в.¹, а также с аналогичными современными процессами в исламском мире за пределами границ бывшего СССР². Тем более что сам автор отмечает важность феномена так называемой «исламской глобализации», стремящейся размыть или даже стереть (по крайней мере в информационном пространстве) этнические и государственные границы (с. 185).

¹ См.: Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычаи, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

² См.: Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. М., 2008.

Сложная ситуация, описанная в статье Ярлыкапова, несколько контрастирует с полем другого исследования, помещенного в тематический раздел «Религиозный опыт и конфликт» — статьи Гранта Микаэляна «Армянская апостольская церковь и общество в современной Армении». Автор делает вполне обоснованный вывод о том, что ААЦ «в результате целого ряда исторических процессов обособилась и замкнулась на духовном окормлении этнических армян» и при этом не стремится к вовлечению в политику (с. 252). Как видно, на фоне драматических событий последних десятилетий в регионе такой традиционный консервативный институт, как церковь, может сохранять и даже (как показано в исследовании) усиливать свои позиции, выступая фактором этнической и национальной консолидации.

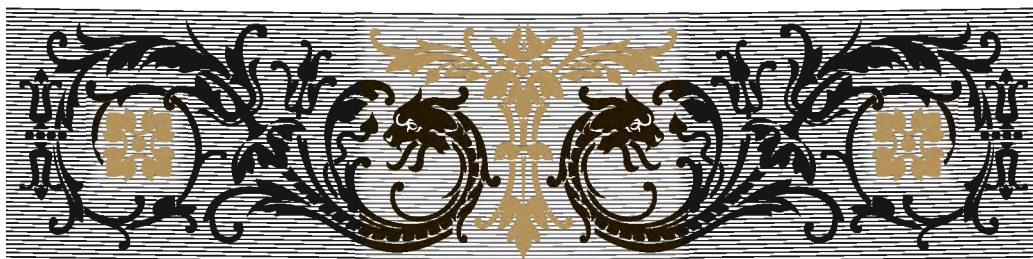
Завершается сборник статьями Левона Абрамяна «Танец вокруг горы: тоталитаристский праздник национальной идентичности в постсоветской Армении» и Ксении Кортуновой «Разрыв поколений в процессе интеграции трудовых мигрантов по направлениям Алжир — Париж и Азербайджан — Москва». Объединение двух столь различных по тематике исследований в один раздел под заголовком «Идентичность в движении» на первый взгляд кажется чисто условным. Однако при ближайшем рассмотрении прямая логическая взаимосвязь здесь прослеживается. Статья Абрамяна посвящена такой интересной теме, как укрепление национальной идентичности путем создания новой традиции или, по оценке Г. Гусейнова, «вторичной ритуализации». Как видно из текста статьи, конструируя новые традиции, представители элиты фактически стремятся активизировать идею национального единения поколений на родной земле. В компаративном исследовании Кортуновой показаны, скорее, противоположные тенденции: попытки диаспоры интегрироваться вдали от исторической родины в новое общество, разрыв между поколениями, ослабление взаимодействия между политическими элитами страны происхождения и эмигрантами.

Как видно, тематика исследований, представленных в рецензируемом сборнике, достаточно широка, а методологии исследований включают как исторический, так и политологический, культурологический и социально-психологический подходы. Авторами и составителем предпринята удачная попытка серьезного научного осмысления и анализа целого спектра актуальных общественно-политических проблем в обществах региона Большого Кавказа с учетом исторических предпосылок и феномена «исторической памяти».

 Жантиев Дмитрий Рустемович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

Г.Н. Ланской

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.Н. ПОКРОВСКОГО И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЕГО «ШКОЛЫ»

аспштабная и оставившая значительный след в истории отечественной исторической науки деятельность Михаила Николаевича Покровского, несомненно, стала своеобразным историографическим фактом и давно является объектом дискуссий с участием как профессионально подготовленных ученых, так и политических деятелей.

В период, начавшийся с середины 1930-х гг. и связанный с началом реализации государственной политики в области «восстановления» профессиональной и общеобразовательной подготовки историков¹, деятельность М.Н. Покровского рассматривалась в качестве препятствующей распространению научных знаний о прошлом. Кульминационной точкой этой административно организованной критики стало опубликование двух сборников, осуждавших представления и идеи данного автора по всем возможным вопросам отечественной истории², даже если эти вопросы рассматривались им весьма поверхностно. В результате у читателя

¹ Материалы, относившиеся к официальной подготовке деятельности в этом направлении, см. в сборнике: К изучению истории. М., 1937.

² Против антиисторической концепции М.Н. Покровского. М., 1939; Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М., 1940.

создававшихся в контексте данной разоблачительной кампании историографических источников различного вида и жанра от рецензий до общественно-политических статей складывалось впечатление о том, что творчество М.Н. Покровского относится к «искривленной», обособленной сфере развития советской науки и должно быть в связи с этим быть противопоставлено официально признанному и поддерживаемому направлению исторических исследований. При этом данное направление не случайно назвали впоследствии «сталинско-академическим» и противостоящим условно называемому «покровскому» направлению, что во многом отражало его специфику.

Некоторые изменения в сфере оценки творческой деятельности М.Н. Покровского произошли в первой половине 1960-х гг. Это, с одной стороны, было связано с десталинизацией, коснувшейся пусть и в небольшой степени общественных наук, и с другой — было обусловлено работой по подготовке четвертого тома «Очерков истории исторической науки в СССР»³. Исследователи стремились выработать свое отношение к опыту развития советской исторической науки и сформировать обобщенное представление о том, при каких обстоятельствах происходило ее формирование. Естественно, что при решении данных исследовательских проблем ученые не могли пройти мимо оценки деятельности М.Н. Покровского, что проявилось, в частности, практически во всех статьях, опубликованных в журнале «История СССР» в рамках дискуссии о периодизации истории советской исторической науки⁴.

В отдельных работах даже отмечалось, что ставший основанием для перестройки организационной и содержательной сфер развития исторической науки отход от практики создания самостоятельных теоретических концепций не принес в полной мере положительных результатов и даже привел к обеднению концептуальной базы научных исследований. В этом смысле симптоматичной была статья А.Л. Шапиро, открывавшая опубликованный в 1967 г. в двух частях сборник «Советская историография классово-борьбы и революционного движения в России». В ней он, в частности, писал: «Для многих исторических работ второй половины 1930-х гг. и следующих полутора десятилетий характерна фактографичность, теоретическая робость, отход от методологических проблем. Начиная с этого вре-

³ См.: Черепнин А.В. Советская историческая наука в 1920-е годы // Очерки истории исторической науки в СССР: В 5 т. Т. 4. М., 1966. С. 138–199.

⁴ См.: Найденев М.Е. Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. № 1. С. 81–96; Луцкий Е.А. Основные принципы периодизации развития советской исторической науки // Там же. № 2. С. 102–113 и другие статьи дискуссии.

мени, замечается временное оскудение социологической и философской исторической литературы. Это объясняется неблагоприятной обстановкой, которая сложилась тогда в исторической и в других общественных науках. Отход от ленинских норм партийной и научной жизни привел к прекращению дискуссий по важным теоретическим вопросам и к печальной практике навешивания ярлыков. Получили распространение работы, не содержащие никаких новых заключений и сводившиеся к иллюстрированию известных выводов. Работы по истории партии и по истории советского общества и даже работы по отдаленным историческим периодам нередко отражали только выводы, которые были заранее известны и целиком заимствовались из сочинений И.В. Сталина»⁵.

Применительно к оценке творчества М.Н. Покровского критика сложившихся во второй половине 1930-х гг. и существовавших, по мнению большинства исследователей, до середины 1950-х гг. тенденций формирования исторических знаний выразилась в подготовке четырехтомного издания его избранных произведений. На состоявшемся 2 ноября 1964 г. заседании ученого совета Института истории РАН, где в рамках данного научно-организационного вопроса обсуждался доклад будущего редактора издания О.Д. Соколова «О развитии исторических взглядов М.Н. Покровского», заместитель директора А.С. Гапоненко, в частности, отметил: «Я думаю, что наша советская историческая наука настолько продвинулась вперед, настолько твердо стоит на марксистско-ленинском фундаменте в методологическом отношении, что мы вправе переиздать сочинения Покровского, но так, чтобы они были даны нашему читателю с марксистско-ленинской позиции»⁶.

Результатом проделанной историками работы по переоценке творчества М.Н. Покровского стало не только издание четырехтомного сборника его работ⁷ и затем специальной монографии О.Д. Соколова⁸, но и выработка новой концептуальной линии в восприятии его исследовательского пути. Эта линия была вначале намечена и затем в период характерного для периода 1970-х и начала 1980-х гг. «цементирования» историографических представлений зафиксирована в обобщающих по своей направленности исследованиях. В одном из таких исследований, посвященном научному и научно-публицистическому наследию по истории первой российской ре-

⁵ Шати́ро А.А. Введение // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России: В 2 ч. Ч. 1. Л., 1967. С. 12–13.

⁶ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 30. Л. 73.

⁷ Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4 т. М., 1967. Т. 1–4.

⁸ Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

волюции, О.В. Волобуев и В.А. Муравьев, в частности, писали: «Работы Покровского о революции 1905–1907 гг. создавались в два этапа его научной деятельности послеоктябрьских лет. В начале 20-х гг. в фокусе исторической концепции Покровского оказалась теория торгового капитализма, приведшая его к немалым заблуждениям в оценке социально-экономического и политического развития России XVI — начала XX в. С конца 20-х гг. Покровский в общем русле роста советской исторической науки, под влиянием дискуссий по основным проблемам методологии истории и критики его построений двигался по пути освоения ленинских оценок, ленинской методологии»⁹.

Таким образом, к середине 1980-х гг., когда в сфере восприятия отечественного историографического наследия первой половины XX в. и особенно в его рамках периода 1920–1930-х гг. началась новая интеллектуальная трансформация, творчество М.Н. Покровского было вписано в контекст развития советской исторической науки и ему в связи с этим было найдено определенное место в данном контексте. Результатом данной трансформации, совпавшей по времени с постепенным распадом Советского государства со всеми его политическими и идеологическими атрибутами, стало создание нового подхода к восприятию происходивших в общественных науках процессов.

По существу суть данного подхода, основанного на критическом отношении к организационным, теоретико-методологическим и многим практическим явлениям советской исторической науки, заключалась в том, что большинство происходивших в ее развитии процессов не имело существенного значения с точки зрения развития полноценной историографической традиции, по существу прервавшейся к началу 1920-х гг. В частности, оценивая и сами происходившие в советской исторической науке дискуссии, и итоги обобщений их значимости, А.Н. Сахаров писал: «Наследие основоположников марксизма в ходе бесконечной борьбы за него было, наконец, освоено так, как это понимал устоявшийся в 60 — начале 80-х гг. режим. Возникла стройная социальная система исторических представлений. Она стала канонической. Роль дискуссий прошлого в ее становлении была неопределимой. Растрчивая талант, знания, научный порыв в поисках марксистских дефиниций, в изучении только отдельных, причем искусственно гипертрофированных, сторон отечественной истории, историческая наука создала довольно странное для всего мира, но вполне законо-

⁹ Волобуев О.В., Муравьев В.А. Ленинская концепция революции 1905–1907 гг. в России и советская историография. М., 1985. С. 159.

мерное для своей страны видение исторического пути, весьма далекое от реальности»¹⁰.

В рамках сложившегося на рубеже 1980–1990-х гг. нового восприятия происходивших в советской исторической науке процессов сформировалось и обновленное видение историографического наследия М.Н. Покровского. Прежде всего, он стал рассматриваться и оцениваться как разрушитель подлинно научной историографической традиции, представленной С.Ф. Платоновым и рядом других историков¹¹. При этом его собственные творческие взгляды признавались малосущественными с научно-профессиональной точки зрения.

Таким образом, на всем протяжении периода, начавшегося еще при жизни М.Н. Покровского и длившегося до конца 2000-х гг., историографическое наследие данного ученого оценивалось в четко очерченном идеологическом контексте. Данная особенность свидетельствовала о том, что по существу среди его непосредственных учеников в Институте красной профессуры и других учебных заведениях не было ни одного автора, который обратился бы собственно к научной оценке его творчества, его конкретных трудов. Практические изыскания в этой предметной области, достигнув высшей точки во второй половине 1960-х гг., привели в результате к типологическим выводам о его медленной, но в результате состоявшейся, по мнению большинства ученых, интеграции в сферу советской исторической науки.

В связи с этим возникает вопрос не столько о наличии, сколько о самом становлении «школы Покровского» с точки зрения сущностного понимания научно-педагогической школы как сообщества учеников, последователей и продолжателей определенных направлений исследовательской деятельности.

Первой тенденцией, позволяющей дать ответ на этот вопрос, является прослеживающаяся трансформация наблюдений и выводов М.Н. Покровского, начавшаяся в 1922 г. с появления его работы «Русская революция с точки зрения исторического материализма»¹² и завершившаяся написанием находящейся в Архиве Российской академии наук работы «О русском фео-

¹⁰ Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии. Убитая душа науки // Советская историография. М., 1996. С. 152–153.

¹¹ См., напр.: Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992; Брачев В.С. «Дело историков», 1929–1931. СПб, 1997.

¹² Покровский М.Н. Русская революция с точки зрения исторического материализма. М., 1922.

дализме, происхождении и характере абсолютизма в России»¹³. В рамках данного процесса, приведшего к дополнению начавшего складываться еще в конце 1890-х гг.¹⁴ историографического наследия М.Н. Покровского «советской» частью, сочетались определенные устойчивые черты и некоторые модификации ранее сложившихся у данного автора исторических взглядов.

Устойчивость проявлялась, в частности, в последовательной критике представлений всех российских историков, не базировавшихся на революционно-демократических ценностях и не соответствовавших марксистскому учению в его ленинской интерпретации. Также М.Н. Покровский вел дискуссии с Л.Д. Троцким, основываясь на позициях социально-экономического детерминизма в оценке исторического процесса. Обвиняя своего оппонента в стремлении подчеркнуть экономическую и внешнеполитическую зависимость Российского государства в начале XX в. от западноевропейских стран, он тем самым солидаризировался с выводом В.И. Ленина о наличии в данный период в рамках отечественной экономической системы значительного рывка в сторону развития капитализма. Обосновывая свою точку зрения в своем очерке «Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма», он, в частности, писал: «Это совершенно верно, что под влиянием географических, главным образом, условий рост прибавочного продукта и в связи с ним рост первоначального накопления шел в России с большой медленностью. Но, однажды образовавшись, русский капитализм, опираясь на все достигнутые к этому времени западным капитализмом технические и организационные успехи, шел в семимильных сапогах, с изумительной быстротой творя новые формы экономической жизни и создавая новые идеологии, хотя, к началу XX века, Россия не догнала Европы в этом отношении»¹⁵.

В целом, можно сделать вывод о том, что устойчивая сторона «советской» части историографического наследия М.Н. Покровского основывалась на сочетании его личных убеждений и соблюдения рамок, предписывавшихся идеологической конъюнктурой.

Объектом модификации становились взгляды М.Н. Покровского на проблему закономерностей исторического развития России. Безусловно придерживаясь теории общественно-экономических формаций и не отрицая в соответствии с данной теорией значимости борьбы между представителями различных социальных слоев («классов»), он по-своему решал

¹³ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 325.

¹⁴ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен: В 2 ч. М., 1896–1899.

¹⁵ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

вопрос о специфике отношений между представителями правящей политической элиты и успешными в своей деятельности предпринимателями. М.Н. Покровский полагал, что для сохранения своей устойчивости и обеспечения собственного благосостояния российские правители формировали личные экономические интересы и в соответствии с ними использовали складывавшийся в сфере бизнеса финансовый и организационный потенциал. В результате у данного исследователя сложилось известное определение российского самодержавия как формы организации «торгового капитала в шапке Мономаха», относившееся к характеристике периода от эпохи позднего Средневековья по существу до наступления революционных событий 1917 г.

В своей статье «О пользе критики, об абсолютизме, империализме, мужицком капитализме и прочем», опубликованной в 1924 г., М.Н. Покровский представил на основании разнообразных исторических фактов оригинальную с историографической точки характеристику существовавшей, по его мнению, особой модели российского капитализма. Ее своеобразие он видел в стремлении всех существовавших участников хозяйственных отношений, к числу которых он относил государство, промышленников, представителей финансовых предприятий и крестьян, добиваться без качественного улучшения производственного процесса и с сохранением экстенсивных технологий развития получения максимально большей прибыли. Описывая специфику этой модели и характеризуя процесс ее развития, М.Н. Покровский, в частности, писал: «В самом конце XIX в. в своей внешней политике империя “Романовых” оставалась колониальной державой наиболее примитивного типа — аппаратом торгово-капиталистической эксплуатации малокультурных (или казавшихся полукультурными) стран. Промышленный капитал и во внешней политике и внутри России не шел по пути торгового. Торговому капиталу были нужны железные дороги, и промышленность их строила: но лишь там и постольку, где и поскольку это нужно было и торговому капиталу. При этом методы действия этого торгового капитала менялись так же туго, как и действия русского самодержавия внутри страны. При первой заминке или просто при первом удобном случае банковские операции сменялись лихим ударом кулака... Но цель операций обоих типов была одна и та же: создание новых колоний, новых жертв эксплуатации русского торгового капитала»¹⁶.

Находясь под прессингом критиков, М.Н. Покровский во второй половине 1920-х и особенно в последние два года жизни корректировал в смяг-

¹⁶ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 117. Л. 43.

чающем направлении свою историческую концепцию, продолжая тем не менее использовать в своих типологических представлениях дефиницию «торговый капитал» и доказывать приоритетную значимость именно торгово-экономических интересов в развитии внутренней и внешней политики Российского государства в период правления представителей династии Романовых. Конечной точкой «отступления» была, как уже отмечалось выше, работа о русском феодализме и абсолютизме, в которой он, в частности, писал: «Ничего не производящий торговый капитал не может определять собою характера политической надстройки данного общества: вот отчего совершенно неправильной является формулировка самодержавия, как “торгового капитала в шапке Мономаха”. Как бы велико ни было в ту или другую эпоху влияние торгового капитала (громкость этого влияния в известные эпохи признают и Маркс с Энгельсом, и Ленин), все же характер политической надстройки определяется производственными отношениями, а не обменом: мономахова шапка есть феодальное украшение, а не капиталистическое... Самый факт усиления феодальной (или рабовладельческой) эксплуатации под влиянием не торгового, но ростовщического капитала давно дан, в виде общей схемы, Марксом»¹⁷.

Примечательно, что, борясь со своей концепцией и уточняя ее, прежде всего, под влиянием внешних обстоятельств, М.Н. Покровский по существу не мог донести до своей читательской и ученической аудитории никакого конечного, твердо устоявшегося видения российского исторического процесса за исключением констатации того, что он не отклоняется от марксистской теории и основных теоретических взглядов В.И. Ленина. Вероятно, именно по этой причине он не называл практически ни одного современного ему ученого (в том числе из среды собственных слушателей) своим последователем.

Помимо рассмотренной тенденции, связанной с формированием и развитием собственных взглядов М.Н. Покровского, решению вопроса о факте становления его «школы» способствует изучение тенденции отношения формально принадлежавших ему учеников к его теоретическим представлениям. Отправной точкой для складывания данной тенденции (если не считать отдельных допускавшихся критических замечаний в период жизни М.Н. Покровского) стала публикация 27 января 1936 г. совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В этом постановлении отмечалось, что «задача преодоления вредных взглядов Покровского и его “школы” является необходимой предпосылкой как для составления учебников

¹⁷ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 325. Л. 37–38.

по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР, имеющего важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения»¹⁸.

Следуя содержанию данного постановления, практически все советские историки, не подвергшиеся политическим репрессиям, внесли свой вклад в выявление, обсуждение с существенными элементами гиперболизации и критику взглядов М.Н. Покровского. В рамках этой целенаправленной деятельности совпали усилия его формальных учеников и его формальных жертв из числа фигурантов «академического дела», доживших до освобождения и выпущенных из мест заключения ко второй половине 1930-х гг. Подводя итог данной тенденции в развитии советской исторической науки в связи с двадцатилетней годовщиной революционных событий октября 1917 г., директор Института истории Академии наук СССР Б.Д. Греков, в частности, писал: «Ряд причин задерживал наше движение вперед, но в настоящее время благодаря вмешательству партии и правительства расчищен путь для дальнейшего развития исторической науки в нашей стране. В результате преодоления наследия школы Покровского мог появиться учебник истории для младших классов средней школы»¹⁹.

По существу вплоть до начала подготовки четырехтомного издания избранных произведений М.Н. Покровского от «учительства» с его стороны с разной степенью энергичности дистанцировались практически все его бывшие воспитанники. Только в ноябре 1964 г., при обсуждении проекта вступительной статьи к этому изданию, один из непосредственных учеников и впоследствии самых энергичных критиков М.Н. Покровского А.А. Сидоров отметил в своем выступлении в качестве положительного качества данной статьи то, что в ней «оценка М.Н. Покровского дается с точки зрения марксизма, освобожденного от всяких наслоений культа личности... Можно быть уверенным, что будет оценено то положительное, что советская историческая наука получила от Покровского... Общая направленность — реабилитировать Покровского-ученого, Покровского — коммуниста. Действительно, дело заключается в том, что Покровский не только крупнейший ученый, но крупнейший историк — марксист, один из крупнейших представителей марксизма в нашей науке»²⁰.

¹⁸ Там же. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 169. Л. 29.

¹⁹ Греков Б.Д. Итоги изучения истории СССР за 20 лет // Греков Б.Д. Избранные труды: В 4 т. Т. 3. М., 1959. С. 393.

²⁰ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 30. Л. 39.

Параллельно с процессом «реабилитации» М.Н. Покровского его формальными учениками представители реально сложившейся «школы» А.А. Сидорова писали о том, что по крайней мере применительно к изучению последних двух десятилетий существования монархической формы правления в России у М.Н. Покровского так и не сформировалось научных последователей. В частности, К.Н. Тарновский в своей монографии писал о том, что «применительно к разработке истории России периода империализма следовало бы отказаться от понятия “школа Покровского”. Ее просто не существовало. В свое время в рамках рассматриваемой нами проблематики этим понятием были объединены все ошибочные суждения по вопросам экономической истории империалистической России вне зависимости от того, разделялись или не разделялись они самим Покровским. Пора освободить его от этих наслоений»²¹.

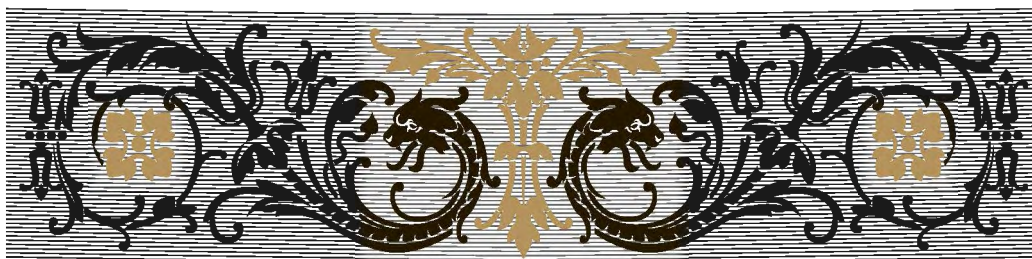
Рассмотренная история обсуждения творчества М.Н. Покровского как его формальными учениками, так и многими другими исследователями, так же как и анализ развития его собственных взглядов показывают, что в связи с особенностями историографического наследия данного ученого его «школа» только начала складываться, но не приобрела законченных и сохранившихся форм. При этом сам процесс ее складывания по существу остался только в институциональных рамках, не перейдя вследствие определенной эклектичности и неустойчивости взглядов самого М.Н. Покровского и реалий общественно-политической жизни сталинского и последующих периодов отечественной истории в содержательную плоскость. Таким образом, понятие «школа Покровского», неоднократно использовавшееся и в постсоветский период, нуждается в дальнейшем переосмыслении, которое позволит еще более отчетливо и объективно понять содержание значимых страниц истории российской исторической науки XX в.

²¹ Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 31–32.

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, профессор РГГУ

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листа (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует также представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций с указанием после выходных данных, которые даются в цифровом формате.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

*Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009), The system of peer review in scientific information provision *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*], Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.*

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1000–1500 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке